М. А. БАКУНИНЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Подъ редакціей **А. И. БАКУНИНА**.

Цѣна **70** коп.

Изданіе *И. БАЛАШОВА*.

Библиотека "Руниверс"

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХІЯ.

Борьба двухъ партій въ Интернаціональномъ Обществѣ Рабочихъ.

Интернаціональное общество рабочихъ, едва зародившееся тому назадъ девять лѣтъ, уже успѣло достигнуть такого вліянія на практическое развитіе вопросовъ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ въ цѣлой Европѣ, что ни одинъ публицистъ и ни одинъ государственный человѣкъ не могутъ отнынѣ отказать ему въ самомъ серьезномъ и нерѣдко тревожномъ вниманіи. Офиціальный, офиціозный и вообще буржуазный міръ, міръ счастливыхъ эксплуататоровъ черноработаго труда смотритъ на него съ тѣмъ внутреннимъ трепетомъ, который ощущается при приближеніи, еще невѣдомой и мало опредѣленной, но уже сильно грозящей опасности; какъ на чудовище, которое непремѣнно поглотитъ весь общественный, государственно-экономическій строй, если только рядомъ энергическихъ мѣръ, приведенныхъ въ исполненіе одновременно во всѣхъ странахъ Европы, не будетъ положенъ конецъ его быстрымъ успѣхамъ.

Извѣстно, что по окончаніи послѣдней войны, сломившей историческое преобладаніе государственной Франціи въ Европѣ и замѣстившей его еще болѣе ненавистнымъ и гибельнымъ преобладаніемъ государственнаго пангерманизма, мѣропріятія противъ Интернаціонала сдѣлались любимою темою междуправительственныхъ переговоровъ. Явленіе чрезвычайно естественное. Государства, по существу своему другъ другу противныя и до конца непримиримыя, не могли и не могутъ найти другой почвы для соединенія, какъ только въ

Библиотека "Руниверс"

дружномъ порабощеніи народныхъ массъ, составляющихъ общую основу и цѣль ихъ существованія. Князь Бисмаркъ, разумѣется, былъ и останется главнымъ возбудителемъ и двигателемъ этого новаго священнаго союза. Но не онъ первый выступилъ съ своими предложеніями на сцену. Онъ предоставилъ сомнительную честь подобной инціативы униженному правительству, только что разгромленнаго имъ французскаго государства.

Министръ иностранныхъ дѣлъ псевдо-народнаго правленія, этотъ измѣнникъ республики, но зато вѣрный другъ и защитникъ ордена іезуитовъ, вѣрующій въ Бога, но презирающій человѣчество и презираемый въ свою очередь всѣми честными поборниками народнаго дѣла, пресловутый риторъ Жюль Фавръ, уступающій развѣ только одному г. Гамбетта честь быть прототипомъ всѣхъ адвокатовъ, съ радостью принялъ на себя роль злостнаго клеветника и доносчика. Между членами такъ называемаго правительства „Національной Защиты“ онъ, безъ сомнѣнія, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе способствовали обезоруженію народной обороны и явно измѣнической сдачѣ Парижа въ руки надменнаго, дерзкаго и безпощаднаго побѣдителя. Князь Бисмаркъ одурачилъ его и надругался надъ нимъ въ виду цѣлаго свѣта. И вотъ, какъ бы возгордившись двойнымъ позоромъ, и своимъ собственнымъ, и позоромъ преданной, а можетъ быть и проданной имъ Франціи, побуждаемый въ одно и тоже время желаніемъ угодить осрамившему его великому канцлеру побѣдоносной германской имперіи, а также и глубокою ненавистью своею къ пролетаріату вообще, а въ особенности къ парижскому рабочему міру, г. Жюль Фавръ выступилъ съ формальнымъ доносомъ противъ Интернаціонала, члены котораго, стоя во Франціи во главѣ рабочихъ массъ, пытались возбудить всенародное возстаніе и противъ нѣмецкихъ завоевателей, и противъ домашнихъ эксплуататоровъ, правителей и предателей. Преступленіе ужасное, за которое Франція офиціальная или буржуазная должна была наказать съ примѣрною строгостью Францію народную!

Такимъ образомъ случилось, что первымъ словомъ, произнесеннымъ французскимъ государствомъ на дру-

Библиотека "Руниверс"

гой день страшнаго и постыднаго пораженія, было слово гнуснѣйшей реакціи.

Кто не читалъ достопамятнаго циркуляра Жюля Фавра, въ которомъ грубая ложь и еще грубѣйшее невѣжество уступаютъ лишь безсильной и яростной злости республиканца-ренегата? Это отчаянный вопль не одного человѣка, а цѣлой буржуазной цивилизаціи, истощившей все на свѣтѣ и осужденной на смерть своимъ окончательнымъ изнеможеніемъ. Чувствуя приближеніе неминуемаго конца, она съ злобнымъ отчаяніемъ хватается за все, лишь бы продлить свое зловредное существованіе, призывая на помощь всѣхъ идоловъ прошедшаго, низвергнутыхъ нѣкогда ею же самою—и бога, и церковь, и папу, и патріархальное право, а пуще всего, какъ вѣрнѣйшее средство спасенія, полицейское покровительство и военную диктатуру, хотя бы даже прусскую, лишь бы она охраняла „честныхъ людей“ отъ ужасной грозы соціальной революціи.

Циркуляръ г. Жюля Фавра нашелъ отголосокъ и гдѣ бы вы думали—въ Испаніи! Г. Сагаста, минутный министръ минутнаго испанскаго короля Амедея, захотѣлъ въ свою очередь угодить князю Бисмарку и обезсмертить свое имя. Онъ также поднялъ крестовый походъ противъ Интернаціонала и, не довольствуясь безсильными и безплодными мѣропріятіями, вызвавшими только весьма обидный смѣхъ испанскаго пролетаріата, также написалъ фразистый дипломатическій циркуляръ, за который однако, съ несомнѣннымъ одобреніемъ князя Бисмарка и его адъюнкта Жюля Фавра, получилъ заслуженную нахлобучку отъ болѣе осмотрительнаго и менѣе свободнаго правительства Великобританіи, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ и свалился.

Кажется, впрочемъ, что циркуляръ г. Сагасты, хотя и говорившій во имя Испаніи, былъ задуманъ, если не сочиненъ, въ Италіи, подъ непосредственнымъ руководствомъ многоопытнаго короля Виктора Эмануила, счастливаго отца несчастнаго Амедея.

Въ Италіи гоненіе противъ Интернаціонала было поднято съ трехъ разныхъ сторонъ: во первыхъ, проклялъ его, какъ и слѣдовало ожидать, самъ папа. Сдѣлалъ онъ это самымъ оригинальнымъ образомъ, смѣ-

Библиотека "Руниверс"

шавъ въ одномъ общемъ проклятіи всѣхъ членовъ Интернаціонала съ франъ-массонами, съ якобинцами, съ раціоналистами, деистами и либеральными католиками. По опредѣленію св. отца, къ этому отверженному обществу принадлежитъ всякій, кто не покоряется слѣпо его боговдохновеннымъ словоизверженіямъ. Такъ точно, 26 лѣтъ тому назадъ, одинъ прусскій генералъ опредѣлялъ коммунизмъ: „знаете ли вы, говорилъ онъ своимъ солдатамъ, что значитъ быть коммунистомъ? Это значитъ мыслить и дѣйствовать наперекоръ высочайшей мысли и воли его величества короля.“

Но не одинъ римско-католическій папа проклялъ интернаціональное общество рабочихъ. Знаменитый революціонеръ Джузеппе Маццини, извѣстный гораздо болѣе въ Россіи какъ итальянскій патріотъ, заговорщикъ и агитаторъ, чѣмъ какъ метафизикъ-деистъ и основатель новой церкви въ Италіи; да, самъ Маццини въ 1871 г., на другой день послѣ пораженія Парижской Коммуны, въ то самое время, какъ звѣрскіе исполнители звѣрскихъ версальскихъ декретовъ, разстрѣливали тысячами обезоруженныхъ коммунаровъ, нашелъ полезнымъ и нужнымъ присоединить къ римско-католической анаѳемѣ и къ полицейско-государственному гоненію, также и свое, якобы патріотическое и революціонное, въ сущности же совершенно буржуазное и вмѣстѣ съ тѣмъ богословское проклятіе. Онъ надѣялся, что его слова будетъ достаточно, чтобы убить въ Италіи всѣ симпатіи къ Парижской Коммунѣ и задушить въ зародышѣ только что возникавшія интернаціональныя секціи. Вышло совсѣмъ напротивъ: ничто не способствововала такъ усиленію этихъ симпатій и умноженію интернаціональныхъ секцій, какъ его громкое и торжественное проклятіе.

Итальянское правительство, враждебное папѣ, но еще болѣе враждебное Маццини, въ свою очередь не дремало. Сначала оно не поняло опасности, грозящей ему со стороны Интернаціонала, быстро распространяющагося не только въ городахъ, но даже въ селахъ Италіи. Оно думало, что новое общество будетъ лишь служить противодѣйствіемъ успѣхамъ буржуазно-республиканской пропаганды Маццини, и въ этомъ оношеніи оно не ошиблось; но оно скоро убѣдилось, что пропаганда

Библиотека "Руниверс"

принциповъ соціальной революціи въ средѣ страстнаго населенія, доведеннаго имъ же самимъ до крайней степени нищеты и утѣсненія, является для него опаснѣе всѣхъ политическихъ агитацій и предпріятій Маццини. Смерть великаго итальянскаго патріота, воспослѣдовавшая скоро послѣ его гнѣвнаго выступленія противъ Парижской Коммуны и противъ Интернаціонала, вполнѣ успокоило съ этой стороны итальянское правительство. Обезглавленная партія маццинистовъ не грозила ему отнынѣ ни малѣйшею опасностью. Въ ней начался уже видимый процессъ разложенія и такъ какъ ея начала и цѣль, а также и весь составъ—чисто буржуазные, то она являетъ несомнѣнные признаки той немощи, которою поражены, въ наше время, всѣ буржуазныя начинанія.

Другое дѣло пропаганда и организація Интернаціонала въ Италіи. Онѣ обращаются прямо и исключительно къ чернорабочей средѣ, которая въ Италіи, равно какъ и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, сосредоточиваетъ въ себѣ всю жизнь, силу и будущность современнаго общества. Изъ буржуазнаго міра примыкаютъ къ ней только тѣ немногіе люди, которые отъ души возненавидѣли настоящій порядокъ, порядокъ политическій, экономическій и соціальный, повернулись спиною къ классу ихъ народившему и всецѣло отдались народному дѣлу. Такихъ людей немного, но зато они драгоцѣнны, разумѣется только тогда, когда, возненавидѣвъ общебуржуазное стремленіе къ господству, задушили въ себѣ послѣдніе остатки личнаго честолюбія; въ такомъ случаѣ, повторю я, они дѣйствительно драгоцѣнны. Народъ даетъ имъ жизнь, элементарную силу и почву, но взамѣнъ они приносятъ ему положительныя знанія, привычку отвлеченія и разобщенія и умѣніе организовываться и создавать союзы, которые въ свою очередь создаютъ ту сознательную боевую силу, безъ которой немыслима побѣда.

Въ Италіи, какъ въ Россіи, нашлось довольно значительное количество такихъ молодыхъ людей, несравненно болѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. Но, что несравненно важнѣе, въ Италіи существуетъ огромный, отъ природы чрезвычайно умный, но большею частью безграмотный и поголовно нищенскій пролета-

Библиотека "Руниверс"

ріатъ, состоящій изъ двухъ—трехъ милліоновъ городскихъ и фабричныхъ рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ и около двадцати милліоновъ крестьянъ несобственниковъ. Какъ ужъ сказано выше, вся эта безчисленная масса людей доведена притѣснительнымъ и воровскимъ управленіемъ высшихъ классовъ, подъ либеральнымъ скипетромъ короля—освободителя и собирателя итальянскихъ земель, до такого отчаяннаго положенія, что самые поборники и заинтересованные участники настоящаго управленія, начинаютъ признаваться и говорить громко, какъ въ парламентѣ, такъ и въ офиціальныхъ журналахъ, что далѣе идти по этому пути невозможно и что необходимо сдѣлать что нибудь для народа во избѣжніе всеразрушающаго народнаго погрома.

Да, можетъ быть, нигдѣ такъ не близка соціальная революція, какъ въ Италіи, нигдѣ, не исключая даже самой Испаніи, не смотря на то, что въ Испаніи уже существуетъ офиціальная революція, а въ Италіи повидимому все тихо. Въ Италіи весь народъ ожидаетъ соціальнаго переворота и сознательно стремится къ нему. Можно себѣ представить, какъ широко, какъ искренно и какъ страстно была принята и принимается понынѣ итальянскимъ пролетаріатомъ программа Интернаціонала. Въ Италіи не существуетъ, какъ во многихъ другихъ странахъ Европы, особаго рабочаго слоя, уже отчасти привиллегированнаго, благодаря значительному заработку, хвастающагося даже въ нѣкоторой степени литературнымъ образованіемъ и до того проникнутаго буржуазными началами, стремленіями и тщеславіемъ, что принадлежащій къ нему рабочій людъ отличается отъ буржуазнаго люда только положеніемъ, отнюдь же не направленіемъ. Особенно въ Германіи и въ Швейцаріи такихъ работниковъ много; въ Италіи же, напротивъ, очень мало, такъ мало, что они теряются въ массѣ безъ малѣйшаго слѣда и вліянія. Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ гг. Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа соціальныхъ демократовъ Германіи отзываются съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и совершенно напрасно, потому что въ немъ, и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочей мас-

Библиотека "Руниверс"

сы, заключается и весь умъ, и вся сила будущей соціальной революціи.

Объ этомъ мы поговоримъ ниже пространнѣе, теперь же ограничимся выводомъ слѣдующаго заключенія: именно, вслѣдствіе этого рѣшительнаго преобладанія нищенскаго пролетаріата въ Италіи, пропаганда и организація интернаціональнаго общества рабочихъ въ этой странѣ приняли характеръ самый страстный и истинно-народный; и именно вслѣдствіе этого, не ограничиваясь городами, они немедленно охватили сельское населеніе.

Итальянское правительство вполнѣ понимаетъ нынѣ опасность этого движенія и всѣми силами, но тщетно, старается задушить его. Оно не издаетъ громкихъ, фразистыхъ циркуляровъ, но дѣйствуетъ, какъ подобаетъ полицейской власти, втихомолку, душитъ безъ объясненій, безъ крика. Закрываетъ наперекоръ всѣмъ законамъ, одно за другимъ, всѣ рабочія общества, исключая только тѣ, почетными членами которыхъ считаются принцы крови, министры, префекты и вообще люди знатные и почтенные. Всѣ же другія рабочія общества оно гонитъ немилосердно, захватываетъ ихъ бумаги, ихъ деньги, а членовъ ихъ держитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ суда и даже безъ слѣдствія въ своихъ грязныхъ тюрьмахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствуя такимъ образомъ, итальянское правительство руководствуется не только своею собственною мудростью, но также совѣтами и указаніями великаго канцлера Германіи, точно также какъ прежде слѣдовала послушно приказаніямъ Наполеона III. Итальянское государство находится въ томъ странномъ положеніи, что по количеству жителей и по объему своихъ земель, оно должно бы быть причислено къ великимъ державамъ, по своей же дѣйствительной силѣ, разоренное, гнило-организованное и, несмотря на всѣ усилія, весьма плохо дисциплинированное, къ тому же ненавидимое народными массами и даже мелкой буржуазіей, оно еле-еле можетъ быть признано державой второй величины. Поэтому ему необходимъ покровитель, т. е. повелитель внѣ Италіи, и всякій найдетъ естественнымъ, что послѣ паденія Наполеона III князь Бисмаркъ заступилъ мѣсто необходимаго со-

Библиотека "Руниверс"

юзника этой монархіи, созданной пьемонтскою интригою на почвѣ уготованной патріотическими усиліями и подвигами Маццини и Гарибальди.

Впрочемъ рука великаго канцлера пангерманской имперіи чувствуется теперь въ цѣлой Европѣ, исключая развѣ только Англіи, которая однако не безъ безпокойства смотритъ на это возникающее могущество, да еще Испаніи, обезпеченной противъ реакціоннаго вліянія Германіи, покрайней мѣрѣ на первое время, своею революціею, равно какъ и своимъ географическимъ положеніемъ. Вліяніе новой имперіи объясняется изумительнымъ торжествомъ, одержаннымъ ею надъ Франціей; всякій признаетъ, что она по своему положенію, по громаднымъ средствамъ завоеваннымъ ею, и по своей внутренней организаціи, занимаетъ нынѣ рѣшительно первое мѣсто между европейскими великими державами и въ состояніи дать почувствовать каждой изъ нихъ свое преобладаніе; а что вліяніе ея непремѣнно должно быть реакціоннымъ, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія.

Германія, въ настоящемъ своемъ видѣ, объединенная геніальнымъ и патріотическимъ мошенничествомъ *) князя Бисмарка и опирающаяся съ одной стороны на примѣрную организацію и дисциплину своего войска, готоваго задушить и зарѣзать все на свѣтѣ и совершить всевозможныя внутреннія и внѣшнія преступленія по одному мановенію своего короля-императора; а съ другой—на вѣрноподданническій патріотизмъ, на національное безграничное честолюбіе и на то древнее историческое, столь же безграничное послушаніе и богопочитаніе власти, которыми отличаются понынѣ нѣмецкое дворянство, нѣмецкая бюрократія, нѣмецкая церковь, весь цѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ и, подъ ихъ соединеннымъ вліяніемъ, не рѣдко, увы! и самъ нѣмецкій народъ—Германія, говорю я, гордая деспотически-конституціоннымъ могуществомъ своего единодержавца и властителя, представляетъ и совмѣщаетъ къ себѣ всецѣло одинъ изъ двухъ полюсовъ современнаго соціально-политическаго движенія, а

*) Въ политикѣ, равно какъ и въ высшихъ финансовыхъ сферахъ мошенничество считается доблестью.

Библиотека "Руниверс"

именно: полюсъ государственности, государства, реакціи.

Германія—государство по преимуществу, какъ имъ была Франція при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ I, какъ имъ не переставала быть Пруссія по настоящее время. Со времени окончательнаго созданія прусскаго государства Фридрихомъ II, былъ поднятъ вопросъ: кто кого поглотитъ, Германія ли Пруссію, или Пруссія Германію? Оказывается, что Пруссія съѣла Германію. Значитъ, доколѣ Германія останется государствомъ, не смотря ни на какія мнимо-либеральныя, конституціонныя, демократическія и даже соціально-демократическія формы, она будетъ по необходимости первостепенною и главною представительницею и постояннымъ источникомъ всѣхъ возможныхъ деспотизмовъ въ Европѣ.

Да, со времени образованія новой государственности въ исторіи, съ самой полозины шестнадцатаго вѣка, Германія, причисляя къ ней австрійскую имперію, поскольку она нѣмецкая, никогда не переставала быть въ сущности главнымъ центромъ всѣхъ реакціонныхъ движеній въ Европѣ, даже не исключая того времени, когда великій коронованный вольнодумецъ Фридрихъ II переписывался съ Вольтеромъ. Какъ умный государственный человѣкъ, ученикъ Макіавелли и учитель Бисмарка, онъ ругался надо всѣмъ: надъ Богомъ и надъ людьми, не исключая разумѣется своихъ кореспондентовъ-философовъ, и вѣрилъ только въ свой „государственный разумъ,“ опиравшійся при томъ, какъ всегда, на „божественную силу многочисленныхъ баталіоновъ“ (Богъ всегда на сторонѣ сильныхъ баталіоновъ, говорилъ онъ), да еще на экономію и возможное совершенство внутренняго управленія, разумѣется механическаго и деспотическаго. Въ этомъ, по его, да также и по нашему мнѣнію, заключается дѣйствительно вся суть государства. Все же остальное, лишь невинная фіоритура, имѣющая цѣлью обмануть нѣжныя чувства людей, неспособныхъ вынести сознанія суровой истины.

Фридрихъ II усовершенствовалъ и окончилъ государственную машину, построенную его отцемъ и дѣдомъ и подготовленную его предками; и эта машина сдѣлалась, въ рукахъ достойнаго преемника его, князя

Библиотека "Руниверс"

Бисмарка, орудіемъ для завоеванія и для возможнаго пруссогерманизированья Европы.

Германія, сказали мы, со времени реформы не переставала быть главнымъ источникомъ всѣхъ реакціонныхъ движеній въ Европѣ; отъ половины XVI вѣка до 1815 года иниціатива этаго движенія принадлежала Австріи. Отъ 1815 до 1866 года она раздѣлилась между Австріею и Пруссіею, однако съ преобладаніемъ первой, покуда управлялъ ею старый князь Меттернихъ, т. е. до 1848 года. Съ 1815 года приступилъ къ этому святому союзу чисто германской реакціи, гораздо болѣе въ видѣ охотника, чѣмъ дѣльца нашъ татаро-нѣмецкій, всероссійско-императорскій кнутъ.

Побуждаемые естественнымъ желаніемъ снять съ себя тяжкую отвѣтственность за всѣ мерзости, учиненныя священнымъ союзомъ, нѣмцы стараются увѣрить себя и другихъ, что главнымъ ихъ зачинщикомъ была Россія. Не мы станемъ защищать императорскую Россію, потому что именно вслѣдствіе нашей глубокой любви къ русскому народу, именно потому что мы страстно желаемъ ему полнѣйшаго преуспѣянія и свободы, мы ненавидимъ эту поганую всероссійскую имперію такъ, какъ ни одинъ нѣмецъ ее ненавидѣть не можетъ. Въ противность нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ, программа которыхъ ставитъ первою цѣлью основаніе пангерманскаго государства, русскіе соціальные революціонеры стремятся прежде всего къ совершенному разрушенію нашего государства, убѣжденные въ томъ, что пока государственность, въ какомъ бы то видѣ ни было, будетъ тяготѣть надъ нашимъ народомъ, народъ этотъ будетъ нищимъ рабомъ. Итакъ, не изъ желанія защищать политику петербургскаго кабинета, а ради истины, которая всегда и вездѣ полезна, мы отвѣтимъ нѣмцамъ слѣдующее:

Въ самомъ дѣлѣ, императорская Россія, въ лицѣ двухъ своихъ вѣнценосцевъ, Александра I и Николая, казалось весьма дѣятельно вмѣшивалась во внутреннія дѣла Европы: Александръ рыскалъ изъ конца въ конецъ и много хлопоталъ и шумѣлъ; Николай хмурился и грозилъ. Но тѣмъ все и кончилось. Они ничего не сдѣлали, не потому, что не хотѣли, а потому, что не могли, оттого что имъ не позволили ихъ же друзья,

Библиотека "Руниверс"

австрійскіе и прусскіе нѣмцы; имъ предоставлена была лишь почетная роль пугалъ, дѣйствовали же только Австрія, Пруссія и, наконецъ, подъ руководствомъ и съ позволенія той и другой—французскіе Бурбоны (противъ Испаніи).

Имперія всероссійская только одинъ разъ выступила изъ своихъ границъ, въ 1849 г. и то только для спасенія австрійской имперіи, обуреваемой венгерскимъ бунтомъ. Въ продолженіе нынѣшняго вѣка Россія два раза душила польскую революцію, и оба раза съ помощью Пруссіи, столько же заинтересованной въ сохраненіи польскаго рабства, какъ и она сама. Я говорю разумѣется объ императорской Россіи. Россія народная немыслима безъ польской независимости и свободы.

Что русская имперія, по существу своему, не можетъ хотѣть другого вліянія на Европу, кромѣ самаго зловреднаго и противусвободнаго, что всякій новый фактъ государственной жестокости и торжествующаго притѣсненія, всякое новое потопленіе народнаго бунта въ народной крови, въ какой бы то странѣ не было, всегда встрѣтятъ въ ней самыя горячія симпатія, кто можетъ въ этомъ сомнѣваться? Но не въ этомъ дѣло. Вопросъ въ томъ, какъ велико ея дѣйствительное вліяніе и занимаетъ ли она по своему уму, могуществу и богатству такое преобладающее положеніе въ Европѣ, чтобы голосъ ея былъ въ состояніи рѣшать вопросы?

Достаточно вникнуть въ исторію послѣдняго шестидесятилѣтія, а также и въ самую суть нашей татаро-нѣмецкой имперіи, чтобы отвѣтить отрицательно. Россія далеко не такая сильная держава, какою любитъ рисовать ее себѣ хвастливое воображеніе нашихъ квасныхъ патріотовъ, ребяческое воображеніе западныхъ панславистовъ, а также обезумѣвшее отъ старости и отъ испуга воображеніе рабствующихъ либераловъ Европы, готовыхъ преклоняться передъ всякою военною диктатурою, домашнею и чужою, лишь бы она ихъ только избавила отъ ужасной опасности, грозящей имъ со стороны собственнаго пролетаріата. Кто, не руководствуясь ни надеждою, ни страхомъ, смотритъ трезво на настоящее положеніе петербургской импе-

Библиотека "Руниверс"

ріи, тотъ знаетъ, что на западѣ и противъ запада, она собственною иниціативою, не будучи вызвана къ тому какою либо великою западною державою, и не иначе, какъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ нею, никогда ничего не предпринимала и предпринять не можетъ. Вся ея политика состояла искони только въ томъ, чтобы примазаться какъ нибудь къ чужому начинанію; и со времени хищническаго раздѣленія Польши, задуманнаго, какъ извѣстно, Фридрихомъ II, предлагавшимъ было Екатеринѣ II раздѣлить между собою точно также и Швецію, Пруссія была именно тою западною державою, которая не переставала оказывать эту услугу всероссійской имперіи.

Въ отношеніи къ революціонному движенію въ Европѣ Россія, въ рукахъ прусскихъ государственныхъ людей, играла роль пугала, а нерѣдко и ширмъ, за которыми они очень искусно скрывали свои собственные завоевательныя и реакціонныя предпріятія. Послѣ же удивительнаго ряда побѣдъ, одержанныхъ прусско-германскими войсками во Франціи, послѣ окончательнаго низложенія французской гегемоніи въ Европѣ и замѣщенія ея гегемоніей пангерманскою, ширмъ этихъ стало не нужно, и новая имперія, осуществившая заповѣднѣйшія мечты нѣмецкаго патріотизма, выступила откровенно во всемъ блескѣ своего завоевательнаго могущества и своей систематически реакціонной иниціативы.

Да, Берлинъ сталъ теперь видимою главою и столицею всей живой и дѣйствительной реакціи въ Европѣ, князь Бисмаркъ—ея главнымъ руководителемъ и первымъ министромъ. Я говорю, реакціи живой и дѣйствительной, а не отжившей. Отжившая или изъ ума выжившая реакція, по преимуществу римско-католическая, бродитъ еще какъ зловѣщая, но уже безсильная тѣнь въ Римѣ, въ Версалѣ, отчасти въ Вѣнѣ и въ Брюсселѣ; другая, кнуто-петербургская, положимъ, хоть и не тѣнь, но тѣмъ не менѣе, лишенная смысла и будущности, продолжаетъ еще безчинствовать въ предѣлахъ всероссійской имперіи. Но живая, умная, дѣйствительно сильная реакція сосредоточена отнынѣ въ Берлинѣ и распространяется на всѣ страны Европы изъ новой германской имперіи, управляемой государ-

Библиотека "Руниверс"

ственнымъ, а поэтому самому въ высшей степени, противународнымъ геніемъ князя Бисмарка.

Эта реакція ничто иное, какъ окончательное осуществленіе противународной идеи новѣйшаго государства, имѣющаго единою цѣлью устройство самой широкой эксплуатаціи народнаго труда въ пользу капитала, сосредоточеннаго въ весьма немногихъ рукахъ: значитъ, торжество жидовскаго царства, банкократіи, подъ могущественнымъ покровительствомъ фискально-бюрократической и полицейской власти, главнымъ образомъ опирающейся на военную силу, а слѣдовательно, по существу своему деспотической, по прикрывающейся вмѣстѣ съ тѣмъ парламентскою игрою мнимаго конституціонализма.

Новѣйшее капитальное производство и банковыя спекуляціи, для дальнѣйшаго и полнѣйшаго развитія своего, требуютъ тѣхъ огромныхъ государственныхъ централизацій, которыя только однѣ способны подчинить многомилліонныя массы чернорабочаго народа ихъ эксплуатаціи. Федеральная организація снизу вверхъ рбочихъ ассоціацій, группъ, общинъ, волостей и наконецъ областей и народовъ, это единственное условіе настоящей, а не фиктивной свободы, столь же противна ихъ существу, какъ не совмѣстима съ ними никакая экономическая автономія. Зато онѣ уживаются отлично съ такъ называемою представительною демократіею; такъ какъ эта новѣйшая государственная форма, основанная на мнимомъ господствѣ мнимой народной воли, будто бы выражаемой мнимыми представителями народа въ мнимо-народныхъ собраніяхъ, соединяетъ въ себѣ два главныя условія, необходимыя для ихъ преуспѣянія, а именно: государственную централизацію и дѣйствительное подчиненіе государя—народа интеллектуальному управляющему имъ, будто-бы представляющему его и непремѣнно эксплуатирующему его меньшинству.

Когда мы будемъ говорить о соціально-политической программѣ марксистовъ, лассальянцевъ и вообще нѣмецкихъ соціальныхъ демократовъ, мы будемъ имѣть случай ближе разсмотрѣть и уяснить эту фактическую истину. Теперь обратимъ вниманіе на другую сторону вопроса.

Библиотека "Руниверс"

Всякая эксплуатація народнаго труда, какими бы политическими формами мнимаго народнаго господства и мнимой народной свободы она позолочена ни была, горька для народа. Значитъ никакой народъ, какъ бы отъ природы смиренъ ни былъ и какъ бы послушаніе властямъ ни обратилось въ привычку, охотно ей подчиниться не захочетъ; для этого необходимо постоянное принужденіе, насиліе, значитъ, необходимы полицейскій надзоръ и военная сила.

Новѣйшее государство, по своему существу и цѣли, есть необходимо военное государство, а военное государство съ тою же необходимостью становится государствомъ завоевательнымъ; если же оно не завоевываетъ само, то оно будетъ завоевано, по той простой причинѣ, что, гдѣ есть сила, тамъ непремѣнно должно быть и обнаруженіе или дѣйствіе ея. Изъ этого опять таки слѣдуетъ, что новѣйшее государство непремѣнно должно быть огромнымъ и могучимъ государствомъ; это есть непремѣнное условіе сохраненія его.

И точно также, какъ капитальное производство и банковая спекуляція, поглощающая въ себѣ подъ конецъ даже это самое производство, точно также, какъ онѣ, подъ страхомъ банкротства, должны безпрестанно расширять предѣлы свои, въ ущербъ поѣдаемымъ ими небольшимъ спекуляціямъ и производствамъ, должны стремиться стать единственными универсальными, всемірными: точно также новѣйшее государство, по небходимости военное, носитъ въ себѣ неотвратимое стремленіе стать государствомъ всемірнымъ; но всемірное государство, разумѣется неосуществимое, могло бы быть во всякомъ случаѣ только одно; два такія государства, одно подлѣ другаго, рѣшительно невозможны.

Гегемонія есть только скромное, возможное обнаруженіе этого неосуществимаго стремленія, присущаго всякому государству; а первое условіе гегемоніи—это относительное безсиліе и подчиненіе по крайней мѣрѣ всѣхъ окружающихъ государствъ. Такъ, пока существовала гегемонія Франціи, она была обусловлена государственнымъ безсиліемъ Испаніи, Италіи и Германіи, и до сихъ поръ не могутъ простить французскіе государственные люди—и между ними г. Тьеръ разумѣется

Библиотека "Руниверс"

первый—Наполеону III-му, что онъ позволилъ Италіи и Германіи объединиться и сплотиться.

Теперь Франція очистила мѣсто, и его заняло Германское государство, по нашему убѣжденію, нынѣ единственное настоящее государство въ Европѣ.

Французскому народу несомнѣнно предстоитъ еще великая роль въ исторіи, но государственная карьера Франціи покончена. Кто сколько нибудь знаетъ характеръ французовъ, тотъ скажетъ вмѣстѣ съ нами, что если Франція долго могла быть первенствующею державою, то для нея быть государствомъ второстепеннымъ, даже только равносильнымъ съ другими—рѣшительно невозможно. Какъ государство, и пока она будетъ управляема людьми государственными, все равно г-номъ ли Тьеромъ, или г-номъ Гамбеттою, или даже Орлеанскими герцогами, она съ своимъ униженіемъ не примирится; она будетъ готовиться къ новой войнѣ и будетъ стремиться къ мести и къ возстановленію утраченнаго первенства.

Можетъ ли она достигнуть его? Рѣшительно нѣтъ. На это много причинъ; упомянемъ двѣ главныя. Послѣднія событія доказали, что патріотизмъ, это высшая государственная добродѣтель, эта душа государственной силы, совсѣмъ болѣе не существуетъ во Франціи. Въ высшихъ сословіяхъ онъ проявляется развѣ только еще въ видѣ національнаго тщеславія; но и это тщеславіе уже такъ слабо, уже такъ подрѣзано въ корнѣ буржуазною необходимостью и привычкою жертвовать интересамъ реальнымъ всѣми идеальными интересами, что во время послѣдней войны оно не могло даже, какъ прежде, превратить хоть на время въ самоотверженныхъ героевъ и патріотовъ лавочниковъ, дѣльцовъ, биржевыхъ спекуляторовъ, офицеровъ, генераловъ, бюрократовъ, капиталистовъ собственниковъ и іезуитами воспитанныхъ дворянъ. Всѣ струсили, всѣ измѣнили, всѣ бросились только спасать свое имущество, всѣ пользовались несчастіемъ Франціи; всѣ старались пахальнѣйшимъ образомъ опередить другъ друга въ милости безпощаднаго и надменнаго побѣдителя, ставшаго распорядителемъ французскихъ судебъ; всѣ, единодушно и во что бы то ни стало, проповѣдывали покореніе, смиреніе и молили о мірѣ . . . . . .

Библиотека "Руниверс"

Теперь всѣ эти развратные болтуны опять занаціональничали, захвастали, но этотъ смѣшной и отвратительный крикъ дешевыхъ героевъ не въ состояніи заглушить черезъ чуръ громкаго свидѣтельства ихъ вчерашней подлости.

Несравненно важнѣе этого то, что ни одной капли патріотизма не оказалось даже въ сельскомъ населеніи Франціи. Да, въ противность общему ожиданію, французскій мужикъ, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ собственникомъ, пересталъ быть патріотомъ. Во время Жанны д'Аркъ онъ на плечахъ своихъ одинъ вынесъ Францію. Въ 1792году и потомъ онъ отстоялъ ее противъ военной коалиціи всей Европы. Ну, тогда было другое дѣло: благодаря дешевой продажѣ церковныхъ и дворянскихъ имѣній, онъ становился собственникомъ земли, которую обрабатывалъ прежде какъ рабъ, и справедливо опасался, что въ случаѣ пораженія, дворянская эмиграція, шедшая вслѣдъ за нѣмецкимъ войскомъ, отберетъ у него назадъ только что пріобрѣтенную собственность; теперь же у него этого страха не было, и онъ совершенно равнодушно отнесся къ постыдному пораженію своего милаго отечества. За исключеніемъ Эльзаса и Лотарингіи, гдѣ, страннымъ образомъ, какъ бы на смѣхъ нѣмцамъ, упорствующимъ видѣть въ нихъ чисто нѣмецкія провинціи, проявились несомнѣнные признаки патріотизма, во всей средней Франціи крестьяне гнали французскихъ и иностранныхъ волонтеровъ, вооружившихся на спасеніе Франціи, отказывая имъ во всемъ, нерѣдко даже выдавая ихъ пруссакамъ и, напротивъ, самымъ гостепріимнымъ образомъ встрѣчали нѣмцевъ.

Можно сказать съ полною истиною, что патріотизмъ сохранился только въ городскомъ пролетаріатѣ.

Въ Парижѣ, равно какъ и во всѣхъ другихъ провинціяхъ и городахъ Франціи, только онъ одинъ хотѣлъ и требовалъ всенароднаго вооруженія и войны на смерть. И странное явленіе: за это именно на него обрушилась вся ненависть имущихъ классовъ, точно какъ будто бы имъ стало обидно, что „младшіе братья" (выраженіе г. Гамбетты) выказываютъ болѣе добродѣтели и патріотической преданности, чѣмъ старшіе.

Впрочемъ имущіе классы были отчасти правы. То, что двигало пролетаріатъ городской, не было чистымъ

Библиотека "Руниверс"

патріотизмомъ въ древнемъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова. Настоящій патріотизмъ, чувство, разумѣется, весьма почтенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ узкое, исключительное, противучеловѣческое, нерѣдко просто звѣрское. Послѣдовательный патріотъ только тотъ, кто, любя страстно свое отечество и все свое, также страстно ненавидитъ все иностранное, ни дать, ни взять, какъ наши славянофилы. Во французскомъ же городскомъ пролетаріатѣ не осталось даже и слѣда такой ненависти. Напротивъ, въ послѣднія десятилѣтія, можно сказать съ 1848 года и даже гораздо раньше, подъ вліяніемъ соціалистической пропаганды, въ немъ развилось положительно братское отношеніе къ пролетаріямъ всѣхъ странъ, рядомъ со столь-же рѣшительнымъ равнодушіемъ къ такъ называемому величію и къ славѣ Франціи. Французскіе работники были противниками войны, затѣянной послѣднимъ Наполеономъ и, наканунѣ этой войны, они манифестомъ, подписаннымъ парижскими членами Интернаціонала, громко заявили свое искреннее братское отношеніе къ работникамъ Германіи; и когда нѣмецкія войска вступили во Францію, они стали вооружаться не противъ народа германскаго, а противъ германскаго военнаго деспотизма.

Война эта началась ровно шесть лѣтъ послѣ перваго основанія интернаціональнаго общества рабочихъ, только четыре года спустя послѣ его перваго конгреса въ Женевѣ. И въ такое короткое время интернаціональная пропаганда успѣла возбудить не только въ пролетаріатѣ французскомъ, но также и между рабочими многихъ другихъ странъ, особливо латинскаго племени, міръ представленій, воззрѣній и чувствъ совершенно новыхъ и чрезвычайно широкихъ, породила одну общую интернаціональную страсть, поглотившую почти всѣ предубѣжденія и узкости страстей патріотическихъ или мѣстныхъ.

Это новое міросозерцаніе высказалось торжественно уже въ 1868 году на народномъ митингѣ и—гдѣ бы вы думали, въ какой странѣ? въ Австріи, въ Вѣнѣ, въ отвѣтъ на цѣлый рядъ политическихъ и патріотическихъ предложеній, сдѣланныхъ вѣнскимъ работникамъ сообща г-ми бюргерами-демократами южно-германскими и австрійскими и клонившихся къ торжественному при-

Библиотека "Руниверс"

знанію и провозглашенію пангерманскаго, единаго и нераздѣльнаго отечества. Къ ужасу своему они услышали слѣдующій отвѣтъ: „Что вы толкуете намъ о нѣмецкомъ отечествѣ? Мы работники, эксплуатируемые, вѣчно обманутые и утѣсненные вами, и всѣ работники, къ какой бы странѣ они не принадлежали, эксплуатируемые и утѣсненные пролетаріи цѣлаго міра—намъ братья; всѣ же буржуа, притѣснители, правители, опекуны, эксплуататоры—намъ враги. Интернаціональный лагерь рабочихъ—вотъ наше единственное отечество; интернаціональный міръ эксплуататоровъ, вотъ чуждая и враждебная намъ страна.“

И въ доказательство искренности своихъ словъ вѣнскіе рабочіе тутъ же послали поздравительную телеграмму „къ парижскимъ братьямъ, какъ піонерамъ всемірно-рабочаго освобожденія.“

Такой отвѣтъ вѣнскихъ рабочихъ, вытекшій, помимо всѣхъ политическихъ разсужденій, прямо изъ глубины народнаго инстинкта, надѣлалъ въ свое время много шума въ Германіи, перепугалъ всѣхъ бюргеровъ-демократовъ, не исключая почтеннаго ветерана и предводителя этой партіи, доктора Іоганна Якоби, и оскорбилъ не только ихъ патріотическія чувства, но и государственную вѣру школы Лассаля и Маркса. Вѣроятно по совѣту послѣдняго, г. Либкнехтъ, въ настоящее время считающійся однимъ изъ главъ соціалъ-демократовъ Германіи, но тогда бывшій еще самъ членомъ бюргерско-демократической партіи (покойной народной партіи), тотчасъ отправился изъ Лейпцига въ Вѣну для переговоровъ съ вѣнскими работниками, „политическая безтактность“ которыхъ дала поводъ къ такому скандалу. Должно отдать ему справедливость, онъ дѣйствовалъ такъ успѣшно, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно, въ августѣ 1868 года, на нюренбергскомъ конгрессѣ германскихъ работниковъ, всѣ представители австрійскаго пролетаріата безъ всякаго протеста подписали узкую патріотическую программу соціально-демократической партіи.

Но это самое обнаружило только глубокое различіе, существующее между политическимъ направленіемъ предводителей, болѣе или менѣе ученыхъ и буржуазныхъ, этой партіи и собственнымъ революціоннымъ

Библиотека "Руниверс"

инстинктомъ германскаго или покрайней мѣрѣ австрійскаго пролетаріата. Правда, въ Германіи и въ Австріи этотъ народный инстинктъ, подавляемый и безпрестанно отклоняемый отъ своей настоящей цѣли пропагандою партіи болѣе политической, чѣмъ революціонно-соціальной, съ 1868 года мало развился впередъ и не могъ перейти въ сознаніе народное; за то въ странахъ латинскаго племени: въ Бельгіи, въ Испаніи, въ Италіи и особенно во Франціи, свободный отъ этого гнета и отъ этаго систематическаго развращенія, онъ развился широко, на полной свободѣ и обратился дѣйствительно въ революціонное сознаніе городового и фабричнаго пролетаріата.*)

Какъ мы замѣтили выше, это сознаніе универсальнаго характера соціальной революціи и солидарности пролетаріата всѣхъ странъ, такъ мало еще существующее между рабочими Англіи, уже давно образовалось въ средѣ французскаго пролетаріата. Онъ зналъ уже въ девятидесятыхъ годахъ, что, борясь за свое равенство и за свою свободу, онъ освобождаетъ все человѣчество.

Эти великія слова, употребляемыя нынѣ нерѣдко какъ фразы, но тогда искренно и глубоко прочувствованныя—свобода, равенство и братство всего человѣческаго рода—встрѣчаются во всѣхъ революціонныхъ пѣсняхъ того времени. Они легли въ основаніе новой соціальной вѣры и соціально-революціонной страсти французскихъ работниковъ, стали, такъ сказать, ихъ природою и опредѣлили, даже помимо ихъ сознаванія и воли, направленіе ихъ мыслей, ихъ стремленій и ихъ предпріятій. Всякій французскій работникъ, когда дѣлаетъ революцію, вполнѣ убѣжденъ, что дѣлаетъ ее не только для себя, но для цѣлаго міра, и несравненно больше для міра, чѣмъ для себя. Напрасно политическіе позитивисты и радикалы-республиканцы, въ родѣ

*) Нѣтъ сомнѣнія, что усилія англійскихъ работниковъ, стремящихся лишь только къ собственному освобожденію или къ улучшенію своей собственной участи, непремѣннымъ образомъ обращаются въ пользу всего человѣчества; но англичане этого не знаютъ и не ищутъ; французы же, напротивъ, знаютъ и ищутъ, что по нашему составляетъ огромную разницу въ пользу французовъ и даетъ дѣйствительно всемірный смыслъ и характеръ всѣмъ ихъ революціоннымъ движеніямъ.

Библиотека "Руниверс"

г. Гамбетты, старались и стараются отклонить французскій пролетаріатъ отъ этого космополитическаго направленія и увѣрить его, что онъ долженъ подумать объ устройствѣ своихъ собственныхъ, исключительно національныхъ дѣлъ, связанныхъ съ патріотическою идеею величія, славы и политическаго преобладанія французскаго государства, обезпечить въ немъ свою собственную свободу и свое собственное благосостояніе, прежде чѣмъ мечтать объ освобожденіи всего человѣчества, цѣлаго міра. Усилія ихъ, повидимому, весьма благоразумны, но тщетны—природы не передѣлаешь, а эта мечта стала природою французскаго пролетаріата, и она выгнала изъ его воображенія и сердца послѣдніе остатки государственнаго патріотизма.

Происшествія 1870—71 годовъ доказали это вполнѣ. Да, во всѣхъ городахъ Франціи пролетаріатъ требовалъ поголовнаго вооруженія и ополченія противъ нѣмцевъ; и нѣтъ сомнѣнія, что онъ осуществилъ бы это намѣреніе, если бы не парализовалъ его съ одной стороны подлый страхъ и повсемѣстная измѣна большинства буржуазнаго класса, предпочитавшаго тысячу разъ покориться пруссакамъ, чѣмъ дать оружіе въ руки пролетаріата; а съ другой стороны, систематически реакціонное противодѣйствіе „правительства народной защиты“ въ Парижѣ и въ провинціи, оппозиція столь же противонароднаго диктатора, патріота Гамбетты.

Но вооружаясь, насколько при такихъ обстоятельствахъ это было возможно, противъ нѣмецкихъ завоевателей, французскіе работники были твердо убѣждены, что будутъ бороться столько-же за свободу и права нѣмецкаго пролетарія, сколько и за свои собственныя. Они заботились не о величіи и чести французскаго государства, а о побѣдѣ пролетаріата надъ ненавистною военною силою, служащею противъ нихъ въ рукахъ буржуазіи орудіемъ порабощенія. Они ненавидѣли нѣмецкія войска не потому, что они нѣмецкія, а потому, что они войска. Войска, употребленныя г. Тьеромъ противъ Парижской Коммуны, были чисто французскія; однако они совершили въ нѣсколько дней болѣе злодѣяній и преступленій, чѣмъ нѣмецкія войска, во все время войны. Для пролетаріата отнынѣ всякое войско, свое или чу-

Библиотека "Руниверс"

жое, равно враждебно, и французскіе работники это знаютъ; поэтому ихъ ополченіе отнюдь не было ополченіемъ патріотическимъ.

Возстаніе Парижской Коммуны противъ версальскаго народнаго собранія и противъ спасителя отечества— Тьера, совершенное парижскими работниками въ виду нѣмецкихъ войскъ, еще окружавшихъ Парижъ, обнаруживаетъ и объясняетъ вполнѣ ту единственную страсть, которая нынѣ двигаетъ французскій пролетаріатъ, для котораго отнынѣ нѣтъ и не можетъ быть другого дѣла, другой цѣли и другой войны, кромѣ революціонно-соціальныхъ.

Это съ другой стороны вполнѣ объясняетъ неистовое изступленіе, овладѣвшее сердцами версальскихъ правителей и представителей, а также и неслыханныя злодѣянія, совершенныя подъ ихъ прямымъ руководствомъ и благословеніемъ надъ побѣжденными коммунарами. И, въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія государственнаго патріотизма, парижскіе работники совершили ужасное преступленіе: въ виду нѣмецкихъ войскъ, еще окружавшихъ Парижъ и только что разгромившихъ отечество, разбившихъ въ прахъ его національное могущество и величіе, поразившихъ въ самое сердце національную честь, они, обуреваемые дикою, космополитическою, соціально-революціонною страстью, провозгласили окончательное разрушеніе французскаго государства, расторженіе государственнаго единства Франціи, несовмѣстнаго съ автономіею французскихъ коммунъ. Нѣмцы только уменьшили границы и силу ихъ политическаго отечества, а они захотѣли совсѣмъ убить его, и какъ бы для обнаруженія этой измѣннической цѣли, свалили въ прахъ Вандомскую колонну, величественную свидѣтельницу прошедшей французской славы!

Съ политически-патріотической точки зрѣнія какое преступленіе могло сравниться съ такимъ неслыханнымъ святотатствомъ! И вспомните, что парижскій пролетаріатъ совершилъ его не случайно, не подъ вліяніемъ какихъ нибудь демагоговъ и не въ одну изъ тѣхъ минутъ безумнаго увлеченія, которыя нерѣдко встрѣчаются въ исторіи каждаго народа, и особенно французскаго. Нѣтъ, въ этотъ разъ парижскіе работ-

Библиотека "Руниверс"

ники дѣйствовали спокойно, сознательно. Это фактическое отрицаніе государственнаго патріотизма было разумѣется выраженіемъ сильной народной страсти, но страсти не мимолетной, а глубокой, можно сказать, обдуманной и уже обратившейся въ народное сознаніе, страсти раскрывшейся вдругъ передъ испуганнымъ міромъ, какъ бездонная пропасть, готовая поглотить весь настоящій строй общества со всѣми его учрежденіями, удобствами, привиллегіями и со всею цивилизаціею...

Тутъ оказалось, съ ясностью столь же ужасною, сколько и несомнѣнною, что отнынѣ между дикимъ, голоднымъ пролетаріатомъ, обуреваемымъ соціально-революціонными страстями и стремящимся неотступно къ созданію иного міра, на основаніи началъ человѣческой истины, справедливости, свободы, равенства и братства—началъ, терпимыхъ въ порядочномъ обществѣ развѣ только, какъ невинный предметъ риторическихъ упражненій—и между пресыщеннымъ и образованнымъ міромъ привиллегированныхъ классовъ, отстаивающихъ съ отчаянною энергіею порядокъ государственный, юридическій, метафизическій, богословскій и военно-полицейскій, какъ послѣднюю крѣпость, охраняющую въ настоящее время драгоцѣнную привиллегію экономической эксплуатаціи,—что между этими двумя мірами, говорю я, между чернорабочимъ людомъ и образованнымъ обществомъ, соединяющимъ въ себѣ, какъ извѣстно, всевозможныя достоинства, красоты и добродѣтели, всякое примиреніе невозможно.

Война на жизнь и на смерть! И не въ одной только Франціи, а въ цѣлой Европѣ, и война эта можетъ кончиться только рѣшительною побѣдою одной изъ сторонъ, рѣшительнымъ низложеніемъ другой.

Или буржуазно-образованный міръ долженъ укротить и поработить бунтующую народную стихію, дабы силою штыковъ, кнута или палки, благословенныхъ, разумѣется, какимъ нибудь Богомъ и объясненныхъ разумно наукою, заставить чернорабочія массы работать попрежнему, что ведетъ прямо къ полнѣйшему возстановленію государства, въ его искреннѣйшей формѣ, которая одна возможна въ настоящее время, т. е. въ формѣ военной диктатуры или императорства; или же рабочія массы сбросятъ съ себя окончательно ненавист-

Библиотека "Руниверс"

ное, многовѣковое иго, разрушатъ въ корнѣ буржуазную эксплуатацію и основанную на ней буржуазную цивилизацію,—а это значитъ торжество соціальной революціи, сокрушеніе всего, что называется государствомъ.

Итакъ, государство съ одной стороны, соціальная революція съ другой—вотъ два полюса, антагонизмъ который составляетъ самую суть настоящей общественной жизни въ цѣлой Европѣ, но во Франціи осязательнѣе, въ какой либо другой странѣ. Государственный міръ, обнимающій всю буржуазію, включая, разумѣется, и обмѣщанившееся дворянство, нашелъ свое средоточіе, послѣднее убѣжище и послѣднюю защиту въ Версалѣ. Соціальная революція, потерпѣвшая страшное пораженіе въ Парижѣ, но отнюдь не уничтоженная и даже не побѣжденная, обнимая теперь, какъ и всегда, весь городской и фабричный пролетаріатъ, начинаетъ уже захватывать своею неустанною пропагандою и сельское населеніе, по крайней мѣрѣ, въ Южной Франціи, гдѣ эта пропаганда ведется и распространяется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. И вотъ это враждебное противоположеніе двухъ, отнынѣ непримиримыхъ міровъ составляетъ вторую причину, по которой для Франціи стало рѣшительно невозможно сдѣлаться вновь первостепеннымъ, преобладающимъ государствомъ.

Всѣ привиллегированные слои французскаго общества, безъ сомнѣнія, желали бы поставить свое отечество вновь въ это блестящее и внушительное положеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ они до такой степени пропитаны страстью любостяжанія, обогащенія, во что бы то ни стало, антипатріотическимъ эгоизмомъ, что для осуществленія патріотической цѣли они готовы, правда, принести въ жертву имущество, жизнь, свободу пролетаріата, но не откажутся ни отъ одной изъ своихъ выгодныхъ привиллегій и скорѣе подвергнутся чужеземному игу, чѣмъ поступятся своею собственностью или согласятся на уравненіе состояній и правъ.

То, что дѣлается теперь на нашихъ глазахъ, вполнѣ подтверждаетъ это. Когда правительство г. Тьера офиціально объявило версальскому собранію о заключеніи окончательнаго договора съ берлинскимъ кабинетомъ, въ силу чего нѣмецкія войска должны будутъ очистить въ сентябрѣ еще занимаемыя ими провинціи Фран-

Библиотека "Руниверс"

ціи, большинство собранія, представляющее коалицію привиллегированныхъ классовъ во Франціи, опустило головы; французскіе фонды, представляющіе ихъ интересы еще дѣйствительнѣе, живѣе,—пали, какъ будто послѣ государственной катастрофы... Оказалось, что ненавистное, насильственное и позорное для Франціи присутствіе побѣдоноснаго нѣмецкаго воинства для привиллегированныхъ французскихъ патріотовъ, представителей буржуазной доблести и буржуазной цивилизаціи, было утѣшеніемъ, опорой, спасеніемъ, и что его предстоящее удаленіе однозначуще для нихъ съ осужденіемъ на смерть.

Значитъ, странный патріотизмъ французской буржуазіи ищетъ своего спасенія въ позорномъ покореніи отечества. Тѣмъ же, кто еще можетъ сомнѣваться въ этомъ, укажемъ на любой консервативный французскій журналъ. Извѣстно, до какой степени всѣ оттѣнки реакціонной партіи, бонапартисты, легитимисты, орлеанисты испуганы, взволнованы, взбѣшены избраніемъ г. Бароде депутатомъ въ Парижѣ. Но кто такой этотъ Бароде? Одинъ изъ многочисленныхъ пошляковъ партіи г. Гамбетты, консерваторъ по положенію, по инстинкту и по направленію, только съ демократическими и республиканскими фразами, отнюдь не мѣшающими, а напротивъ, чрезвычайно помогающими нынѣ исполненію самыхъ реакціонныхъ мѣръ, человѣкъ, однимъ словомъ, между которымъ и революціей нѣтъ и никогда не было ничего общаго и который въ 1870 и 1871 годахъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ буржуазнаго порядка въ Ліонѣ. Но онъ, въ настоящее время, какъ и много другихъ буржуазныхъ патріотовъ, находитъ для себя выгоднымъ подвизаться подъ знаменемъ, отнюдь не революціоннымъ, г. Гамбетты. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ избранъ Парижемъ въ пику президенту республики Тьеру и монархическому псевдонародному собранію, царствующему въ Версалѣ. И выбора этого ничтожнаго лица было достаточно, чтобы взбудоражить всю консервативную партію! И знаете ли какой ихъ главный аргументъ? Нѣмцы!

Раскройте любой журналъ, и вы увидите, какъ они грозятъ французскому пролетаріату законнымъ гнѣвомъ князя Бисмарка и его императора,—каковъ па-

Библиотека "Руниверс"

тріотизмъ! Да, они просто зовутъ нѣмцевъ на помощь противъ грозящей имъ французской соціальной революціи. Въ своемъ дурацкомъ испугѣ, они приняли даже невиннаго Бароде за революціоннаго соціалиста.

Такое настроеніе французской буржуазіи подаетъ мало надежды на возстановленіе государственнаго могущества и преобладанія Франціи посредствомъ патріотизма привиллегированныхъ классовъ.

Патріотизмъ французскаго пролетаріата также не представляетъ много надежды. Границы его отечества расширились до того, что обнимаютъ нынѣ пролетаріатъ цѣлаго міра, въ противоположность всей буржуазіи, не исключая разумѣется и французской. Заявленія парижской коммуны въ этомъ смыслѣ рѣшительны, а симпатіи, высказываемыя нынѣ такъ ясно французскими работниками къ испанской революціи, особено въ южной Франціи, гдѣ обнаруживается явное стремленіе пролетаріата къ братскому соединенію съ испанскимъ пролетаріатомъ и даже къ образованію съ нимъ народной федераціи, основанной на освобожденномъ трудѣ и на коллективной собственности, наперекоръ всѣмъ національнымъ различіямъ и государственнымъ границамъ—эти симпатіи и стремленія,говорю я, доказываютъ, что собственно для французскаго пролетаріата, также какъ и для привиллегированныхъ классовъ, время государственнаго патріотизма прошло.

А при такомъ отсутствіи патріотизма во всѣхъ слояхъ французскаго общества и при открытой нынѣ непримиримой войнѣ, существующей между ними, какъ возстановить сильное государство? Тутъ все государственнное умѣнье престарѣлаго президента республики пропадетъ даромъ, и всѣ ужасныя жертвы, принесенныя имъ на алтарь политическаго отечества, какъ напр., безчеловѣчное избіеніе многихъ десятковъ тысячъ парижскихъ коммунаровъ, съ женщинами и дѣтьми, и столь же безчеловѣчныя высылки другихъ десятковъ тысячъ въ Новую Каледонію, окажутся несомнѣнно безполезными жертвами.

Напрасно г. Тьеръ силится возстановить кредитъ, внутреннее спокойствіе, старый порядокъ и военную силу Франціи. Государственное зданіе, потрясенное и безпрестанно вновь потрясамое въ самой основѣ анта-

Библиотека "Руниверс"

гонизмомъ пролетаріата и буржуазіи, трещитъ, лопается и каждую минуту грозитъ паденіемъ. Гдѣ же такому старому, неизлечимо больному государству бороться съ юнымъ и до сихъ поръ еще здоровымъ государствомъ германскимъ.

Отнынѣ, повторю я, роль Франціи, какъ первостепенной державы, окончена. Время ея политическаго могущества прошло также безвозвратно, какъ прошло время ея литературнаго классицизма, монархическаго и республиканскаго. Всѣ старыя основы государства въ ней сгнили, и напрасно силится Тьеръ построить на нихъ свою консервативную республику, т. е. старое монархическое государство съ подновленною мнимореспубликанскою вывѣскою. Но также напрасно глава нынѣшней радикальной партіи, г. Гамбетта, очевидный наслѣдникъ г. Тьера, обѣщаетъ построить новое государство, будто бы искренне республиканское и демократическое, на основаніяхъ будто бы новыхъ, потому что эти основанія не существуютъ и существовать не могутъ.

Въ настоящее серьезное время, сильное государство можетъ имѣть только одно прочное основаніе—военную и бюрократическую централизацію. Между монархіею и самою демократическою республикою существенное различіе: въ первой чиновный міръ притѣсняетъ и грабитъ народъ для вящей пользы привиллегированныхъ, имущихъ классовъ, а также и своихъ собственныхъ кармановъ, во имя монарха; въ республикѣ же онъ будетъ точно также тѣснить и грабить народъ для тѣхъ же кармановъ и классовъ, только уже во имя народной воли. Въ республикѣ мнимый народъ, народъ легальный, будто бы представляемый государствомъ, душитъ и будетъ душить народъ живой и дѣйствительный. Но народу отнюдь не будетъ легче, если палка, которою его будутъ бить, будетъ называться палкою народной.

Соціальный вопросъ, страсть соціальной революціи овладѣла нынѣ французскимъ пролетаріатомъ. Ее нужно или удовлетворить, или обуздать и усмирить; но удовлетвориться она можетъ только тогда, когда рушится государственное насиліе, этотъ послѣдній оплотъ буржуазныхъ интересовъ. Значитъ, никакое госу-

Библиотека "Руниверс"

дарство, какъ бы демократичны ни были его формы, хотя бы самая красная политическая республика, народная только въ смыслѣ лжи, извѣстной подъ именемъ народнаго представительства, не въ силахъ дать народу того, что ему надо, т. е. вольной организаціи своихъ собственныхъ интересовъ снизу вверхъ, безъ всякаго вмѣшательства, опеки, насилія сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимо-народное государство, задуманное г. Марксомъ, въ сущности своей не представляетъ ничего иного, какъ управленіе массами сверху внизъ, посредствомъ интеллигентнаго и по этому самому привиллегированнаго меньшинства, будтобы лучше разумѣющаго настоящіе интересы народа, чѣмъ самъ народъ.

Итакъ, удовлетвореніе народной страсти и народныхъ требованій для классовъ имущихъ и управляющихъ рѣшительно невозможно; поэтому остается одно средство—государственное насиліе, однимъ словомъ государство, потому что государство именно и значитъ насиліе, господство посредствомъ насилія, замаскированнаго, если можно, а въ крайнемъ случаѣ безцеремоннаго и откровеннаго. Но г. Гамбетта столько же представитель буржуазныхъ интересовъ, какъ и самъ г. Тьеръ; наравнѣ съ нимъ онъ хочетъ сильнаго государства и безусловнаго господства средняго класса, съ присоединеніемъ, быть можетъ, обуржуазившагося слоя рабочихъ, составляющаго во Франціи весьма незначительную часть всего пролетаріата. Вся разница между нимъ и г. Тьеромъ состоитъ въ томъ, что послѣдній, одержимый предубѣжденіями и предразсудками своего времени, ищетъ опоры и спасенья только въ чрезвычайно богатой буржуазіи и съ недовѣріемъ смотритъ на десятки или даже сотни тысячъ новыхъ претендентовъ на управленіе изъ мелкой буржуазіи и изъ вышеупомянутаго класса рабочихъ, стремящихся къ буржуазіи; въ то время какъ, г. Гамбетта, отвергнутый высшими классами, до сихъ поръ исключительно правившими Франціею, стремится основать свое политическое могущество, свою республикански-демократическую диктатуру именно на томъ огромномъ и чисто буржуазномъ большинствѣ, которое до сихъ поръ

Библиотека "Руниверс"

оставалось внѣ выгодъ и почестей государственнаго управленія.

Онъ увѣренъ, впрочемъ, и мы думаемъ совершенно справедливо, что лишь только ему удастся съ помощью этого большинства овладѣть властью, сами богатые классы, банкиры, крупные землевладѣльцы, купцы и промышленники, однимъ словомъ, всѣ значительные спекуляторы, обогащающіеся болѣе другихъ народнымъ трудомъ, обратятся къ нему, признаютъ его въ свою очередь и будутъ искать его союза и дружбы, въ которыхъ онъ имъ разумѣется не откажетъ, потому что, какъ настоящій государственный человѣкъ, онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что никакое государство и особенно сильное не можетъ существовать безъ ихъ союза и дружбы.

Это значитъ, что Гамбеттовское государство будетъ столь же притѣснительно и разорительно для народа, какъ и всѣ его болѣе откровенные, но не болѣе насильственные предшественники; и именно потому, что оно будетъ облечено въ широкія демократическія формы, оно сильнѣе и, гораздо вѣрнѣе, будетъ гарантировать хищному и богатому меньшинству спокойную и широкую эксплуатацію народнаго труда.

Какъ государственный человѣкъ новѣйшей школы, г. Гамбетта нисколько не боится самыхъ широко-демократическихъ формъ, ни права поголовнаго избирательства. Онъ лучше всякаго знаетъ, какъ мало въ нихъ ручательствъ для народа и какъ много, напротивъ, для эксплуатирующихъ его лицъ и классовъ; онъ знаетъ, что никогда правительственный деспотизмъ не бываетъ такъ страшенъ и такъ силенъ, какъ тогда, когда онъ опирается на мнимое представительство мнимой народной воли.

Итакъ, еслибы французскій пролетаріатъ могъ увлечься обѣщаніями честолюбиваго адвоката, еслибы г. Гамбетта удалось уложить этотъ безпокойный пролетаріатъ на Прокрустову кровать своей демократической республики, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ успѣлъ бы возстановить французское государство во всемъ его прежнемъ величіи и преобладаніи.

Но въ томъ-то и дѣло, что эта попытка удасться ему не можетъ. Нѣтъ теперь на свѣтѣ такой силы, нѣтъ

Библиотека "Руниверс"

такого политическаго или религіознаго средства, которое могло бы задушить въ пролетаріатѣ какой бы то ни было страны, а особенно во французскомъ пролетаріатѣ стремленіе къ экономическому освобожденію и къ соціальному равенству. Что ни дѣлай Гамбетта, грози онъ штыками, ласкай онъ словами, ему не справиться съ богатырскою силою, скрывающейся нынѣ въ этомъ стремленіи, и никогда не удастся ему запречь по прежнему массы чернорабочихъ въ блестящую государственную колесницу. Никакими цвѣтами краснорѣчія не съумѣетъ онъ забросать и сравнять пропасть, отдѣляющую безвозвратно буржуазію отъ пролетаріата, положить конецъ отчаянной борьбѣ между ними. Эта борьба потребуетъ употребленія всѣхъ государственныхъ средствъ и силъ, такъ что для удержанія за собою внѣшняго преобладанія между европейскими государствами у французскаго государства не останется ни средствъ, ни силъ. Куда же ему тягаться съ имперіею Бисмарка!

Что ни говори и какъ ни хвастай французскіе государственные патріоты, Франція какъ государство, осуждена отнынѣ занимать скромное, весьма второстепенное мѣсто; мало того, она должна будетъ подчиниться верховному руководству, дружески-попечительному вліянію германской имперіи, точно также, какъ до 1870 года итальянское государство подчинялось политикѣ французской имперіи.

Положеніе, пожалуй, довольно выгодное для французскихъ спекуляторовъ, обрѣтающихъ значительное утѣшеніе на всемірномъ рынкѣ, но отнюдь не завидное съ точки зрѣнія національнаго тщеславія, которымъ такъ преисполнены французскіе государственные патріоты. До 1870 года можно было думать, что это тщеславіе такъ сильно, что оно въ состояніи бросить самыхъ упорныхъ поборниковъ буржуазныхъ привиллегій въ Соціальную Революцію, лишь бы только избавить Францію отъ позора быть побѣжденною и покоренною нѣмцами. Но уже послѣ 1870 года этого никто ждать отъ нихъ не будетъ; всѣ знаютъ, что они скорѣе согласятся на всякій позоръ, даже на подчиненіе нѣмецкому покровительству, чѣмъ отказаться отъ своего прибыльнаго господства надъ своимъ собственнымъ пролетаріатомъ.

Библиотека "Руниверс"

Не ясно ли, что фрарцузское государство никогда уже не возстановится въ своемъ прежнемъ могуществѣ? Но значитъ ли это, что всемірная и, легко сказать, передовая роль Франціи кончилась? Отнюдь нѣтъ; это значитъ только, что, потерявъ безвозвратно свое величіе, какъ государство, Франція должна будетъ искать новаго величія въ Соціальной Революціи.

Но если не Франція, то какое другое государство въ Европѣ можетъ состязаться съ новою германскою имперіею?

Разумѣется не Великобританія. Во первыхъ, Англія никогда собственно не была государствомъ въ строгомъ и новѣйшемъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ военной, полицейской и бюрократической централизаціи. Англія представляетъ скорѣе федерацію привиллегированныхъ интересовъ, автономное общество, въ которомъ преобладала сначала поземельная аристократія, а теперь вмѣстѣ съ нею преобладаетъ аристократія денежная, но въ которомъ, точно также какъ во Франціи, хотя и въ нѣсколько другихъ формахъ, пролетаріатъ ясно и грозно стремится къ уравненію экономическаго состоянія и политическихъ правъ.

Разумѣется, вліяніе Англіи на политическія дѣла континентальной Европы было всегда велико, но оно основывалось всегда гораздо болѣе на богатствѣ, чѣмъ на организаціи военной силы. Въ настоящее время, какъ всѣмъ извѣстно, оно значительно уменьшилось. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ оно не перенесло бы такъ спокойно ни завоеванія рейнскихъ провинцій нѣмцами, ни возстановленія русскаго преобладанія на Черномъ морѣ, ни похода русскихъ въ Хиву. Такая систематическая уступчивость съ ея стороны доказываетъ несомнѣнную, и, при томъ, съ каждымъ годомъ все болѣе возрастающую политическую несостоятельность. Главная причина этой несостоятельности все тотъ же антагонизмъ чернорабочаго міра съ міромъ экспоатирующей, политически господствующей буржуазіи.

Въ Англіи Соціальная Революція гораздо ближе, чѣмъ думаютъ, и нигдѣ она не будетъ такъ ужасна, потому что нигдѣ она не встрѣтитъ такого отчаяннаго и такъ хорошо организованнаго сопротивленія, какъ именно въ ней.

Библиотека "Руниверс"

Объ Испаніи и Италіи даже и говорить нечего. Никогда не сдѣлаются онѣ грозными, ни даже сильными государствами, не потому, чтобы у нихъ не было матеріальныхъ средствъ, а потому, что народный духъ, какъ той, такъ и другой, влечетъ ихъ неотвратимо къ совершенно иной цѣли.

Испанія, совращенная съ своего нормальнаго пути католическимъ изувѣрствомъ и деспотизмомъ Карла V и Филиппа II, и обогатившаяся вдругъ не народнымъ, трудомъ, а американскимъ серебромъ и золотомъ, въ XVI и XVII вѣкахъ, попробовала вынести на своихъ плечахъ незавидную честь насильственнаго основанія всемірной монархіи. Она дорого поплатилась за это. Время ея могущества было именно началомъ ея умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго обнищанія. Послѣ короткаго и неестественнаго напряженія всѣхъ силъ, сдѣлавшаго ее страшною и ненавистною для цѣлой Европы и даже успѣвшаго остановить на минуту, но только на одну минуту, прогрессивное движеніе европейскаго общества, она какъ будто вдругъ надорвалась и впала въ крайнюю степень отупѣнія, ослабленія и апатіи, въ которой и оставалась, окончательно опозоренная чудовищнымъ и идіотскимъ управленіемъ Бурбоновъ, до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ I-й своимъ хищническимъ вторженіемъ въ ея предѣлы не пробудилъ ее отъ двухвѣкового сна.

Оказалось, что Испанія не умерла. Она спаслась отъ чужеземнаго ига чисто народнымъ возстаніемъ и доказала, что народныя массы, невѣжественныя и безоружныя, въ состояніи сопротивляться лучшимъ войскамъ въ мірѣ, если только онѣ одушевлены сильною и единодушною страстью. Она доказала даже больше, а именно, что для сохраненія свободы, силы и страсти народной невѣжество даже предпочтительнѣе буржуазной цивилизаціи.

Напрасно нѣмцы кичатся и сравниваютъ свое національное, но далеко не народное возстаніе 1812 и 1813 годовъ съ испанскимъ. Испанцы возстали беззащитные противъ огромнаго могущества, до тѣхъ поръ непобѣдимаго завоевателя; нѣмцы же возстали противъ Наполеона лишь послѣ совершеннаго пораженія, нанесеннаго ему въ Россіи. До тѣхъ поръ не было примѣра,

Библиотека "Руниверс"

чтобы какая-нибудь нѣмецкая деревня или какой нѣмецкій городъ посмѣлъ оказать, хотя самое ничтожное сопротивленіе побѣдоноснымъ французскимъ войскамъ. Нѣмцы такъ привыкли къ повиновенію, этой первой государственной добродѣтели, что воля побѣдителей становилась для нихъ священна, какъ скоро они фактически замѣняли волю домашнихъ властей. Сами прусскіе генералы, сдавая одну за другой крѣпости, самыя крѣпкія позиціи и столицы, повторяли достопамятныя и обратившіяся въ пословицу слова тогдашняго берлинскаго коменданта: „Спокойствіе есть первая обязанность гражданина“.

Только одинъ Тироль составилъ тогда исключеніе. Въ Тиролѣ Наполеонъ встрѣтилъ дѣйствительно народное сопротивленіе. Но Тироль, какъ извѣстно, составляетъ самую отсталую и необразованную часть Германіи, и примѣръ его не нашелъ подражателей ни въ одной изъ другихъ областей просвѣщенной Германіи.

Народное возстаніе, по природѣ своей стихійное, хаотическое и безпощадное, предполагаетъ всегда большую растрату и жертву собственности своей и чужой. Народныя массы на подобныя жертвы всегда готовы; онѣ потому и составляютъ грубую, дикую силу, способную къ совершенію подвиговъ и къ осуществленію цѣлей, повидимому, невозможныхъ, что, имѣя лишь очень мало, или не имѣя вовсе собственности, онѣ не развращены ею. Когда это нужно для обороны или для побѣды, онѣ не остановятся передъ истребленіемъ своихъ собственныхъ селеній и городовъ, а такъ какъ собственность большею частью чужая, то въ нихъ обнаруживается нерѣдко положительная страсть къ разрушенію. Этой отрицательной страсти далеко не достаточно, чтобы подняться на высоту революціоннаго дѣла; но безъ нея послѣднее немыслимо, невозможно, потому что не можетъ быть революціи безъ широкаго и страстнаго разрушенія, разрушенія спасительнаго и плодотворнаго, потому что именно изъ него и, только посредствомъ него, зарождаются и возникаютъ новые міры.

Такое разрушеніе несовмѣстно съ буржуазнымъ сознаніемъ, съ буржуазною цивилизаціею, потому что она вся построена на фанатическомъ богопочитаніи собственности. Бюргеръ или буржуа отдадутъ скорѣе

Библиотека "Руниверс"

жизнь, свободу, честь, но не отступятся отъ своей собственности; самая мысль о посягательствѣ на нее, о разрушеніи ея для какой бы то ни было цѣли, кажется имъ святотатствомъ; вотъ почему они никогда не согласятся на уничтоженіе своихъ городовъ и домовъ, даже когда этого потребуетъ защита края; и вотъ почему французскіе буржуа въ 1870 году и нѣмецкое бюргерство до самаго 1813 года такъ легко поддавались счастливымъ завоевателямъ. Мы видѣли, что обладанія собственностью было достаточно, чтобы развратить французское крестьянство и убить въ немъ послѣднюю искру патріотизма.

И такъ, чтобы сказать послѣднее слово о такъ называемомъ національномъ возстаніи Германіи противъ Наполеона повторимъ, во-первыхъ, что оно воспослѣдовало только тогда, когда его уничтоженныя войска бѣжали изъ Россіи, и когда прусскіе и другіе нѣмецкіе корпуса, незадолго передъ тѣмъ составлявшіе часть наполеоновской арміи, перешли на сторону русскихъ; и во-вторыхъ, что даже и тогда въ Германіи не было собственно народнаго поголовнаго возстанія, что города и села оставались спокойны попрежнему, а образовались только вольные отряды молодыхъ людей, большею частью студентовъ, которые тотчасъ же были включены въ составъ регулярнаго войска, что совершенно противно методу и духу народныхъ возстаній.

Однимъ словомъ, въ Германіи юные граждане или, точнѣе, вѣрноподданные, возбужденные горячею проповѣдью своихъ философовъ и воспламененные пѣснями своихъ поэтовъ, вооружились для защиты и для возстановленія германскаго государства, потому что именно въ это время и пробудилась въ Германіи мысль о государствѣ пангерманскомъ. Между тѣмъ испанскій народъ всталъ поголовно, чтобы отстоять противъ дерзкаго и могучаго похитителя свободу родины и самостоятельность народной жизни.

Съ тѣхъ поръ Испанія не засыпала, но въ продолженіи 60 лѣтъ мучилась, отыскивая себѣ новыя формы для новой жизни. Бѣдная, чего она не перепробовала! Отъ абсолютной монархіи, два раза возстановляемой, до конституціи королевы Изабеллы, отъ Эспартеро до Нарваэса, отъ Нарваэса до Прима и отъ послѣдняго до

Библиотека "Руниверс"

короля Амедея, Сагасты и Сорильи; она какъ бы хотѣла примѣрить всевозможныя видоизмѣненія конституціонной монархіи, и всѣ оказались для нея тѣсными, разорительными, невозможными. Также невозможна оказывается теперь консервативная республика, т. е. господство спекуляторовъ, богатыхъ собственниковъ и банкировъ подъ республиканскими формами. Такою же невозможностью окажется скоро и политическая мелкобуржуазная федерація въ родѣ швейцарской.

Испаніею овладѣлъ не на шутку чортъ революціоннаго соціализма. Андалузскіе и эстремадурскіе крестьяне, не спрашиваясь никого, и не ожидая ничьихъ указаній, захватили уже и все далѣе захватываютъ земли прежнихъ землевладѣльцевъ. Каталонія и во главѣ ея Барселона громко заявляютъ свою независимость, свою автономію. Мадридскій народъ превозглашаетъ федеральную республику и не соглашается подчинить революцію будущимъ указамъ учредительнаго собранія. Въ сѣверныхъ провинціяхъ, находящихся будто бы во власти карлистской реакціи, совершается явно Соціальная Революція: провозглашаются Фуэросы, независимость областей и общинъ, жгутся всѣ судебные и гражданскіе акты; войско во всей Испаніи братается съ народомъ и гонитъ своихъ офицеровъ. Началось всеобщее, публичное и частное банкротство — первое условіе соціально-экономической революціи.

Однимъ словомъ, разгромъ и распаденіе окончательные и все это валится само собою, разбитое или раздробленное своею собственною гнилостью. Нѣтъ болѣе ни финансовъ, ни войска, ни суда, ни полиціи; нѣтъ государственной силы, нѣтъ государства, остается могучій, свѣжій народъ, одержимый нынѣ единою соціально-революціонною страстью. Подъ коллективнымъ руководствомъ Интернаціонала и Союза Соціальныхъ Революціонеровъ онъ сплочиваетъ и организуетъ свою силу и готовится на развалинахъ распадающагося государства и буржуазнаго міра основать собственный міръ освобожденнаго работника-человѣка.

Италія столь же близка къ Соціальной Революціи, какъ и сама Испанія. Въ ней также, несмотря на всѣ старанія конституціонныхъ монархистовъ, и несмотря даже на геройскія, но тщетныя усилія двухъ великихъ

Библиотека "Руниверс"

вождей, Маццини и Гарибальди, не принялась, да и никогда не примется идея государственности, потому что она противна настоящему духу и всѣмъ современнымъ инстинктивнымъ стремленіямъ и матеріальнымъ требованіямъ безчисленнаго деревенскаго и городского пролетаріата.

Также какъ Испанія, Италія, утратившая уже очень давно и, главное, безвозвратно централистическія или единодержавныя преданія древняго Рима, преданія, сохранившіяся въ книгахъ Данте, Макіавелли и въ новѣйшей политической литературѣ, но отнюдь не въ живой памяти народа — Италія, говорю я, сохранила только одну живую традицію абсолютной автономіи даже не областей, а общины. Къ этому единственному политическому понятію, существующему собственно въ народѣ, присоедините исторически-этнографическую разнородность областей, говорящихъ на діалектахъ столь различныхъ, что люди одной области съ трудомъ понимаютъ, а иногда вовсе не понимаютъ людей другихъ областей. Понятно, стало быть, какъ далека Италія отъ осуществленія новѣйшаго политическаго идеала государственнаго единства. Но это отнюдь не значитъ, чтобы Италія была общественно разъединена. Напротивъ, несмотря на всѣ различія, существующія въ нарѣчіяхъ, обычаяхъ и нравахъ, есть общій итальянскій характеръ и типъ, по которымъ вы сейчасъ отличите итальянца отъ человѣка всякаго другого племени, даже южнаго.

Съ другой стороны, дѣйствительная солидарность матеріальныхъ интересовъ и удивительная тожественность нравственныхъ и умственныхъ стремленій самымъ тѣснымъ образомъ соединяютъ и сплочиваютъ всѣ итальянскія области между собою. Но замѣчательно, что всѣ эти интересы, равно какъ и эти стремленія обращены именно противъ насильственнаго политическаго единства и, напротивъ, клонятся всѣ къ установленію единства общественнаго; такъ что можно сказать и доказать безчисленными фактами изъ настоящей жизни Италіи, что насильственно-политическое или государственное единство ея имѣло результатомъ общественное разъединеніе и что, вслѣдствіи того, разрушеніе новѣйшаго италіанскаго государства бу-

Библиотека "Руниверс"

детъ имѣть непремѣнно результатомъ ея вольно-общественное соединеніе.

Все это относится, разумѣется, собственно только къ народнымъ массамъ, потому что въ высшихъ слояхъ италіанской буржуазіи, также какъ и въ другихъ странахъ, съ единствомъ государственнымъ создалось и теперь развивается и расширяется все болѣе и болѣе соціальное единство класса привиллегированныхъ эксплуататоровъ народнаго труда.

Этотъ классъ обозначается теперь въ Италіи общимъ именемъ Консортеріи. Консортерія обнимаетъ весь офиціальный міръ, бюрократическій и военный, полицейскій и судебный; весь міръ большихъ собственниковъ, промышленниковъ, купцовъ и банкировъ; всю офиціальную и офиціозную адвокатуру и литературу, а также весь парламентъ, правая сторона котораго пользуется нынѣ всѣми выгодами управленія, а лѣвая стремится захватить тоже самое управленіе въ свои руки.

Итакъ, въ Италіи, какъ и вездѣ, существуетъ единый и нераздѣльный политическій міръ хищниковъ, сосущихъ страну во имя государства и доведшихъ ее, для вящей пользы послѣдняго, до крайней степени нищеты и отчаянія.

Но нищета самая ужасная, даже когда она поражаетъ многомилліонный пролетаріатъ, не есть еще достаточный залогъ для революціи. Человѣкъ одаренъ отъ природы изумительнымъ и, право, иногда доводящимъ до отчаянія терпѣніемъ, и чортъ знаетъ, чего онъ не переноситъ, когда вмѣстѣ съ нищетой, обрекающей его на неслыханныя лишенія и медленную голодную смерть, онъ еще награжденъ тупоумiемъ, тупостью чувствъ, отсутствіемъ всякаго сознанія своего права и тѣмъ невозмутимымъ терпѣніемъ и послушаніемъ, которыми между всѣми народами особенно отличаются восточные индѣйцы и нѣмцы. Такой человѣкъ никогда не воспрянетъ; умретъ, но не взбунтуется.

Но когда онъ доведенъ до отчаянія, возмущеніе его становится уже болѣе возможнымъ. Отчаяніе—острое, страстное чувство. Оно вызываетъ его изъ тупаго, полусоннаго страданія и предполагаетъ уже болѣе или

Библиотека "Руниверс"

менѣе ясное сознаніе возможности лучшаго положенія, котораго онъ только не надѣется достигнуть.

Въ отчаяніи, наконецъ, долго оставаться не можетъ никто; оно быстро приводитъ человѣка или къ смерти, или къ дѣлу. Къ какому дѣлу? Разумѣется, къ дѣлу освобожденія и завоеванія условій лучшаго существованія. Даже нѣмецъ въ отчаяніи перестаетъ быть резонеромъ; только надо много, очень много всякаго рода обидъ, притѣсненій, страданій и зла, чтобы довести его до отчаянія.

Но и нищеты съ отчаяніемъ мало, чтобы возбудить Соціальную Революцію. Онѣ способны произвести личные или много, мѣстные бунты, но недостаточны, чтобы поднять цѣлыя народныя массы. Для этого необходимъ еще обще-народный идеалъ, вырабатывающійся всегда исторически изъ глубины народнаго инстинкта, воспитаннаго, расширеннаго и освѣщеннаго рядомъ знаменательныхъ происшествій, тяжелыхъ и горькихъ опытовъ,—нужно общее представленіе о своемъ правѣ и глубокая, страстная, можно сказать, религіозная вѣра въ это право. Когда такой идеалъ и такая вѣра въ народѣ встрѣчаются вмѣстѣ съ нищетою, доводящею его до отчаянія, тогда Соціальная Революція неотвратима, близка, и никакая сила не можетъ ей воспрепятствовать.

Именно въ такомъ положеніи находится италіанскій народъ. Нищета и претерпѣваемыя имъ всякаго рода страданія—ужасны и мало уступаютъ нищетѣ и страданіямъ, удручающимъ русскій народъ. Но въ тоже самое время въ италіанскомъ пролетаріатѣ гораздо въ большей степени, чѣмъ въ нашемъ, развилось страстное революціонное сознаніе, опредѣляющееся въ немъ съ каждымъ днемъ все яснѣе и сильнѣе. Отъ природы умный и страстный, италіанскій пролетаріатъ начинаетъ наконецъ понимать, чего ему надо и чего онъ долженъ хотѣть для всецѣлаго и всеобщаго освобожденія. Въ этомъ отношеніи пропаганда Интернаціонала, которая повелась энергично и широко только въ послѣдніе два года, оказала ему громадную услугу. Она именно дала ему или, вѣрнѣе, она возбудила въ немъ этотъ идеалъ, крупно начертанный глубочайшимъ инстинктомъ его, безъ котораго, какъ мы ска-

Библиотека "Руниверс"

зали, народное возстаніе, каковы бы ни были страданія народа, рѣшительно невозможно *); она указала ему цѣль, которую онъ долженъ осуществить и вмѣстѣ съ тѣмъ открыла ему пути и средства для организаціи народной силы.

Этотъ идеалъ представляетъ, разумѣется, народу на первомъ планѣ конецъ нужды, конецъ нищеты и полное удовлетвореніе всѣхъ матеріальныхъ потребностей посредствомъ коллективнаго труда, для всѣхъ обязательнаго и для всѣхъ равнаго; потомъ—конецъ господамъ и всякому господству и вольное устройство народной жизни, сообразно народнымъ потребностямъ, не сверху внизъ, какъ въ государствѣ, но снизу вверхъ, самимъ народомъ, помимо всѣхъ правительствъ и парламентовъ, вольный союзъ земледѣльческихъ и фабричныхъ рабочихъ товариществъ, общинъ, областей и народовъ; и, наконецъ, въ болѣе отдаленномъ будущемъ, общечеловѣческое братство, торжествующее на развалинахъ всѣхъ государствъ.

Замѣчательно, что въ Италіи, равно какъ и въ Испаніи, рѣшительно не посчастливилось государственно-коммунистической программѣ Маркса, а напротивъ, приняли широко и страстно, программу пресловутаго Альянса или Союза Соціальныхъ Революціонеровъ, объявившую безпощадную войну всякому господству, правительственной опекѣ, начальству и авторитету.

При этихъ условіяхъ народъ можетъ освободиться, построить свою собственную жизнь на самой широкой волѣ всѣхъ и каждаго, но отнюдь уже не можетъ грозить свободѣ другихъ народовъ; поэтому, ни со стороны Испаніи, ни со стороны Италіи завоевательной политики ждать нельзя, а напротивъ должно ожидать близкой Соціальной Революціи.

Маленькія государства, каковы Швейцарія, Бельгія, Голландія, Данія и Швеція, также, именно по тѣмъ же причинамъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіи своей политической незначительности, ни кому не грозятъ, а напротивъ, имѣютъ много причинъ

---

*) См. примѣчаніе (А) въ концѣ книги.

Библиотека "Руниверс"

опасаться завоеваній со стороны новой германской имперіи.

Остаются Австрія, Россія и прусская Германія. Упоминать объ Австріи не значитъ ли говорить о неизлѣчимомъ больномъ, быстрыми шагами приближающемся къ смерти? Эта имперія, созданная путемъ династическихъ связей и военнаго насилія, состоящая къ тому же изъ четырехъ противуположныхъ и другъ друга мало любящихъ расъ, подъ преобладаніемъ расы нѣмецкой, единодушно ненавидимой тремя другими и числомъ своимъ едва равняющейся четвертой части всего населенія, на половину же составленная изъ славянъ, требующихъ автономіи и въ послѣднее время распавшихся на два государства, мадьяро-славянское и германо-славянское,—такая имперія, говоримъ мы, могла держаться, пока преобладалъ въ ней военно-полицейскій деспотизмъ. Въ продолженіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ она претерпѣла три смертельныхъ удара. Первое пораженіе было ей нанесено революціей 1848 года, положившей конецъ старой системѣ и управленію князя Меттерниха. Съ тѣхъ поръ она поддерживаетъ дряхлое существованіе свое героическими средствами и самыми разнообразными конфертативами. Въ 1849 году, спасенная императоромъ Николаемъ, она подъ управленіемъ надменнаго олигарха, князя Шварценберга, и славянофильствующаго іезуита, графа Туна, редактора конкордата, бросилась искать спасенія въ самой отчаянной клерикальной и политической реакціи и въ водвореніи полнѣйшей и безпощаднѣйшей централизаціи во всѣхъ провинціяхъ своихъ наперекоръ всѣмъ національнымъ различіямъ. Но второе пораженіе, нанесенное ей Наполеономъ III въ 1859 г. доказало, что военно-бюрократическая централизація ее спасти не можетъ.

Съ тѣхъ поръ она ударилась въ либерализмъ. Вызвала изъ Саксоніи неумѣлаго и несчастнаго соперника князя (а тогда еще графа) Бисмарка, барона Бейста и стала отчаянно освобождать свои народы, но, освобождая ихъ, хотѣла вмѣстѣ съ тѣмъ спасти и свое государственное единство, т. е. рѣшить задачу просто неразрѣшимую.

Надо было въ одно и тоже время удовлетворить че-

Библиотека "Руниверс"

тыре главныя племени, населяющія имперію: славянъ, нѣмцевъ, мадьяръ и валаховъ, которые не только чрезвычайно различны по своей природѣ, по своимъ языкамъ, равно какъ и по различнымъ характерамъ и степенямъ культуры, но даже относятся другъ къ другу большею частью враждебно и поэтому могли и могутъ быть удержаны въ государственной связи только посредствомъ правительственнаго насилія.

Надо было удовлетворить нѣмцевъ, большинство которыхъ, стремясь къ завоеванію самой либерально-демократической конституціи, вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ настоятельно и громко, чтобы за ними было оставлено древнее право на государственное преобладаніе въ австрійской монархіи, не смотря на то, что они вмѣстѣ съ евреями составляютъ только четвертую часть всего ея населенія.

Не есть ли это новое доказательство той истины, которую мы неутомимо отстаиваемъ, въ убѣжденіи, что отъ всеобщаго уразумѣнія ея зависитъ скорѣйшее разрѣшеніе всѣхъ соціальныхъ задачъ; а именно, что государство, всякое государство, будь оно облечено въ самыя либеральныя и демократическія формы, непремѣнно основано на преобладаніи, на господствѣ, на насиліи, т. е. на деспотизмѣ, скрытомъ, если хотите, но тѣмъ болѣе опасномъ.

Нѣмцы, государственники и бюрократы, можно сказать, отъ природы, опираютъ свои претензіи на своемъ историческомъ правѣ, т. е. на правѣ завоеванія и давности, съ одной стороны, а съ другой, на мнимомъ превосходствѣ своей культуры. Мы еще будемъ имѣть случай показать, какъ далеко простираются ихъ претензіи, теперь же ограничимся австрійскими нѣмцами, хотя очень трудно отдѣлить ихъ претензіи отъ общегерманскихъ.

Австрійскіе нѣмцы въ послѣдніе годы, скрѣпя сердце поняли, что имъ надо отказаться, по крайней мѣрѣ на первое время, отъ преобладанія надъ мадьярами, за которыми они признали наконецъ право на самостоятельное существованіе. Изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ австрійскую имперію, мадьяры, послѣ нѣмцевъ самый государственный народъ: не смотря на жесточайшія гоненія и на самыя крутыя мѣры, которыми

Библиотека "Руниверс"

въ продолженіи девяти лѣтъ, отъ 1850 до 1859, австрійское правительство силилось сломить ихъ упорство, они не только не отказались отъ своей національной самостоятельности, но отстаивали и отстояли свое право, по ихъ мнѣнію равно же историческое, на государственное преобладаніе надъ всѣми другими племенами, населяющими вмѣстѣ съ ними венгерское королевство, не смотря на то, что сами составляютъ не много болѣе третьей части всего королевства [1]).

Такимъ образомъ несчастная австрійская имперія распалась на два государства, почти одинаковой силы и соединенные только подъ одною короною—на государство цислейтанское или славяно-нѣмецкое съ 20,500,000 жителей (изъ которыхъ 7,200,000 нѣмцевъ и евреевъ, 11,500,000 славянъ и около 1,800,000 итальянцевъ и другихъ племенъ) и на государство транслейтанское, венгерское или мадьяро-славяно-румыно-нѣмецкое.

Замѣчательно то, что ни одно изъ этихъ двухъ государствъ даже въ своемъ внутреннемъ составѣ, не представляетъ никакихъ залоговъ ни настоящей, ни даже будущей силы.

Въ венгерскомъ королевствѣ, не смотря на либеральную конституцію и на несомнѣнную ловкость мадьярскихъ правителей, борьба расъ, эта коренная болѣзнь австрійской монархіи, нисколько не утихла. Большинство населенія, подчиненное мадьярамъ, не любитъ ихъ и никогда не согласится добровольно нести ихъ иго, вслѣдствіе чего между нимъ и мадьярами происходитъ безпрерывная борьба, причемъ славяне опираются на турецкихъ славянъ, а румыны на братское населеніе въ Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи и Буковинѣ; мадьяры, составляющіе только одну треть населенія, поневолѣ должны искать опоры и покровительства въ Вѣнѣ; а императорская Вѣна, которая не можетъ переварить мадьярскаго отторженія, питаетъ, равно какъ и всѣ одряхлѣвшія и падшія династическія правительства, тайную надежду на чудесное возстановленіе утраченнаго могущества, чрезвычайно рада этимъ внутреннимъ

---

[1]) Въ венгерскомъ королевствѣ считается 5,500,000 мадьяръ, 5,000,000 славянъ, 2,700,000 румынъ, 1,800,000 евреевъ и нѣмцевъ и около 500,000 другихъ племенъ; всего 15,500,000 жителей.

Библиотека "Руниверс"

раздорамъ, не позволяющимъ венгерскому королевству установиться, и втайнѣ разжигаетъ славянскія и румынскія страсти противъ мадьяръ. Мадьярскіе правители и политическіе люди это знаютъ и въ отплату съ своей стороны поддерживаютъ тайное сношеніе съ княземъ Бисмаркомъ, который, предвидя неизбѣжную войну противъ австрійской имперіи, обреченной на гибель, заигрываетъ съ мадьярами.

Цислейтанское или германо-славянское государство находится въ положеніи ничуть не лучшемъ. Тутъ не много больше семи милліоновъ нѣмцевъ, включая евреевъ, заявляютъ претензію управлять одиннадцатью съ половиною милліонами славянъ.

Претензія эта, разумѣется, странная. Можно сказать, что съ самыхъ древнихъ временъ историческою задачей нѣмцевъ было завоевывать славянскія земли, истреблять, покорять и цивилизовать, т. е. нѣмечить или мѣщанить славянъ. Отсюда возникла между обоими племенами глубокая историческая и взаимная ненависть, обусловленная съ обѣихъ сторонъ спеціальнымъ положеніемъ каждой.

Славяне ненавидятъ нѣмцевъ, какъ ненавидятъ всѣхъ побѣдителей народы завоеванные, но не примирившіеся и въ душѣ своей не покорившіеся. Нѣмцы ненавидятъ славянъ, какъ господа ненавидятъ обыкновенно своихъ рабовъ; ненавидятъ ихъ за ихъ ненависть, которую они, нѣмцы, заслужили со стороны славянъ; ненавидятъ ихъ за ту невольную и безпрестанную боязнь, которую возбуждаютъ въ нихъ неугасимая мысль и надежда славянъ на освобожденіе.

Какъ всѣ завоеватели чужой земли и покорители чужого народа, нѣмцы въ одно и тоже время совершенно несправедливо и ненавидятъ, и презираютъ славянъ. Мы сказали, за что они ихъ ненавидятъ; презираютъ же они ихъ за то, что славяне не умѣли и не хотѣли онѣмечиться. Замѣчательно, что прусскіе нѣмцы самымъ серьезнымъ образомъ и горько упрекаютъ австрійскихъ нѣмцевъ и обвиняютъ австрійское правительство чуть ли не въ измѣнѣ за то, что они не умѣли онѣмечить славянъ. Это, по ихъ убѣжденію, да и въ самомъ дѣлѣ, составляетъ величайшее преступленіе

Библиотека "Руниверс"

противъ обще-нѣмецкихъ патріотическихъ интересовъ, противъ пангерманизма.

Угрожаемые, или вѣрнѣе, уже теперь отовсюду гонимые, не совсѣмъ раздавленные этимъ ненавистнымъ для нихъ пангерманизмомъ, австрійскіе славяне, за исключеніемъ поляковъ, противупоставили ему другую отвратительнѣйшую нелѣпость, другой не менѣе свободо-противный и народоубійственный идеалъ—панславизмъ *).

Мы не утверждаемъ, чтобы всѣ австрійскіе славяне, даже помимо поляковъ, поклонялись этому столь же уродливому, сколько и опасному идеалу, къ которому, замѣтимъ мимоходомъ, между турецкими славянами, не смотря на всѣ происки русскихъ агентовъ, безпрестанно шляющихся между ними, проявляется чрезвычайно мало симпатіи. Но тѣмъ не менѣе вѣрно, что чаяніе избавленія и избавителя отъ Петербурга довольно сильно распространено между австрійкими славянами. Страшная и, прибавимъ, совершенно законная ненависть довела ихъ до такой степени безумія, что, позабывъ или незная всѣхъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ Литвою, Польшею, Малороссіею, да и самимъ великорусскимъ народомъ подъ деспотизмомъ московскимъ и петербургскимъ, они стали ждать спасенія отъ нашего всероссійски-царскаго кнута!

---

*) Мы столько же отъявленные враги панславизма, сколько и пангерманизма и намѣреваемся въ одной изъ будущихъ книжекъ посвятить этому вопросу, по нашему чрезвычайно важному, особую статью; теперь же скажемъ только, что считаемъ священною и неотлагаемою обязанностью для русской революціонной молодежи противудѣйствовать всѣми силами и всевозможными средствами панславистической пропагандѣ, производимыми въ Россіи и главнымъ образомъ въ славянскихъ земляхъ правительственными офиціальными и вольно-славянофильствующими или офиціальными русскими агентами; они стараются увѣрить несчастныхъ славянъ, что петербургскій славянскій царь, проникнутый, горячею отеческою любовью къ славянскимъ братьямъ, и подлая народо-ненавистная народо-губительная всероссійская имперія, задушившая Малороссію и Польшу, а послѣднюю даже продавшая частью нѣмцамъ, могутъ и хотятъ освободить славянскія страны отъ нѣмецкаго ига и это въ то самое время, когда петербургскій кабинетъ явнымъ образомъ продаетъ и предаетъ всю Богемію съ Моравіею князю Бисмарку въ вознагражденіе за обѣщанную помощь на Востокѣ.

Библиотека "Руниверс"

Что такія нелѣпыя ожиданія могли развиться въ славянскихъ массахъ, удивляться не слѣдуетъ. Онѣ не знаютъ исторіи, не знаютъ также и внутренняго состоянія Россіи; они слышали только, что на смѣхъ и наперекоръ нѣмцамъ образовалась огромная, будто бы чисто славянская имперія, до такой степени могущественная, что передъ нею дрожатъ ненавистные нѣмцы. Нѣмцы дрожатъ, слѣдовательно, славянамъ, надо радоваться, нѣмцы ненавидятъ, значитъ славяне должны любить.

Все это естественно. Но странно, грустно и непростительно, что среди образованнаго класса въ австрійско-славянскихъ земляхъ создалась цѣлая партія, во главѣ которой стоятъ люди опытные, умные, свѣдующіе, и открыто проповѣдуютъ панславизмъ или, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ однихъ, освобожденіе славянскихъ племенъ посредствомъ могучаго вмѣшательства русской имперіи, а въ смыслѣ другихъ — даже созданіе великаго царства славянскаго подъ державою русскаго царя.

Замѣчательно, до какой степени эта проклятая нѣмецкая цивилизація, по существу своему буржуазная и потому государственная, успѣла проникнуть въ души даже патріотовъ славянскихъ. Они родились въ онѣмечившемся буржуазномъ обществѣ, учились въ нѣмецкихъ школахъ и университетахъ, привыкли думать, чувствовать, хотѣть по нѣмецки и стали бы совершенными нѣмцами, если бы цѣль, которую они преслѣдуютъ, не была антинѣмецкая; нѣмецкими путями и средствами они хотятъ, думаютъ освободить славянъ изъ подъ нѣмецкаго ига. Не понимая по своему нѣмецкому воспитанію другого способа освобожденія, какъ посредствомъ образованія славянскихъ государствъ или единаго могущественнаго славянскаго государства, они задаются и цѣлью совершенно нѣмецкою, потому что новѣйшее государство, централистическое, бюрократическое и полицейско-военное въ родѣ, напримѣръ, новой германской или всероссійской имперіи, есть созданіе чисто нѣмецкое; въ Россіи оно было прежде съ примѣсью татарскаго элемента, но за татарскою любезностью, право, и въ Германіи теперь дѣла не станетъ.

Библиотека "Руниверс"

По всей природѣ и по всему существу своему, славяне рѣшительно племя не политическое, т. е. не государственное. Напрасно чехи поминаютъ свое великое царство Моравское, а Сербы царство Душана. Все это или эфемерныя явленія, или древнія басни. Вѣрно то, что ни одно славянское племя само собой не создало государства.

Польская монархія-республика создалась подъ двойнымъ вліяніемъ германизма и латинизма послѣ совершеннаго пораженія, нанесеннаго крестьянскому народу (хлопамъ) и послѣ рабскаго покоренія его подъ иго шляхты, которая по свидѣтельству и по мнѣнію многихъ польскихъ историковъ и писателей (между прочимъ Мицкевича) не была даже славянскаго происхожденія.

Богемское или чешское королевство было слѣплено чисто по образу и подобію нѣмецкому, подъ прямымъ вліяніемъ нѣмцевъ, вслѣдствіи чего Богемія такъ рано стала органическимъ членомъ, неотрывною частью германской имперіи.

Ну, а исторію образованія всероссійской имперіи всѣ знаютъ; тутъ участвовали и татарскій кнутъ, и византійское благословеніе, и нѣмецкое чиновно-военное и полицейское просвѣщеніе. Бѣдный великорусскій народъ, а потомъ и другіе народы: малороссійскій, литовскій и польскій, присоединенные къ ней, участвовали въ ея созданіи только своею спиною.

Итакъ, несомнѣнно, что славяне никогда сами собой, своею собственною иниціативой государства не слагали. А не слагали они его потому, что никогда не были завоевательнымъ племенемъ. Только народы завоевательные создаютъ государства и создаютъ его непремѣнно себѣ въ пользу, въ ущербъ покореннымъ народамъ.

Славяне были по преимуществу племенемъ мирнымъ и земледѣльческимъ. Чуждые воинственнаго духа, которымъ одушевлялись германскія племена, они были поэтому самому чужды тѣмъ государственнымъ стремленіямъ, которыя съ раннихъ поръ проявились въ германцахъ. Живя отдѣльно и независимо въ своихъ общинахъ, управляемыхъ по патріархальному обычаю стариками, впрочемъ на основаніи выборнаго начала

Библиотека "Руниверс"

и, пользуясь всѣ одинаково общинною землею, они не имѣли и не знали дворянства, не имѣли даже съ собой касты жрецовъ, были всѣ равны между собою, осуществляя, правда, еще только въ патріархальномъ и, слѣдовательно, въ самомъ несовершенномъ видѣ, идею человѣческаго братства. Не было постоянной политической связи между общинами. Но когда угрожала общая опасность, напримѣръ, нападеніе чужеземнаго племени, онѣ временно заключали оборонительный союзъ, и лишь только опасность миновала, эта тѣнь политическаго соединенія исчезала. Значитъ, не было и не могло быть славянскаго государства. Но существовала за то связь общественная, братская между всѣми славянскими племенами, въ высшей степени гостепріимными.

Естественно, что при такой организаціи славяне должны были оказаться беззащитными противъ нападеній и захватовъ воинственныхъ племенъ, особенно германцевъ, стремившихся распространить повсюду свое господство. Славяне были отчасти истреблены, большею же частью покорены турками, татарами, мадьярами, а главнымъ образомъ нѣмцами.

Со второй половины X вѣка начинается мученическая исторія ихъ рабства, но не только мученическая, а также и героическая. Въ многовѣковой, безпрерывной и упорной борьбѣ противъ завоевателей, они пролили много крови за свою земскую волю. Уже въ XI вѣкѣ мы встрѣчаемъ два факта: всеобщее возстаніе славянскихъ язычниковъ, обитавшихъ между Одеромъ, Эльбою и Балтійскимъ моремъ, противъ нѣмецкихъ рыцарей и поповъ, и столь же знаменательное возмущеніе великопольскихъ хлоповъ противъ шляхетскаго господства. Затѣмъ до XV вѣка продолжалась мелкая, незамѣтная, но безпрерывная борьба западныхъ славянъ противъ нѣмцевъ, южныхъ противъ турокъ, сѣверовосточныхъ противъ татаръ.

Въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ великую и на этотъ разъ побѣдоносную, а также чисто народную революцію чешскихъ гуситовъ. Оставляя въ сторонѣ ихъ религіозный принципъ, который однако, замѣтимъ мимоходомъ, былъ несравненно ближе къ началу человѣческаго братства и народной свободы, чѣмъ принципъ

Библиотека "Руниверс"

католическій и послѣдовавшій за нимъ протестантскій принципъ, — мы обратимъ вниманіе на чисто-соціальный и противогосударственный характеръ этой революціи. Это былъ бунтъ славянской общины противъ нѣмецкаго государства.

Въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе цѣлаго ряда измѣнъ пражскаго, полуонѣмеченнаго мѣщанства, гуситы претерпѣли окончательное пораженіе. Почти половина чешскаго народонаселенія была истреблена, и земли отданы колонистамъ изъ Германіи. Нѣмцы и вмѣстѣ съ ними и іезуиты восторжествовали, и въ продолженіи двухъ слишкомъ вѣковъ послѣ этаго кроваваго пораженія западно-славянскій міръ оставался неподвиженъ, нѣмъ, подъ гнетомъ католической церкви и восторжествовавшаго германизма. Въ тоже самое время южные славяне влачили рабскую долю подъ преобладаніемъ мадьярскаго племени или подъ игомъ турецкимъ. Но за то славянскій бунтъ во имя тѣхъ же народно-общинныхъ началъ воспрянулъ на сѣверо-востокѣ.

Не говоря уже объ отчаянной борьбѣ Великаго Новгорода, Пскова и другихъ областей противъ царей московскихъ въ XVI вѣкѣ, ни о союзномъ ополченіи велико-русскаго земства противъ польскаго короля, іезуитовъ, московскихъ бояръ и вообще противъ преобладанія Москвы въ началѣ XVII вѣка, вспомнимъ знаменитое возстаніе малороссійскаго и литовскаго населенія противъ польской шляхты, а вслѣдъ за нимъ еще болѣе рѣшительное возстаніе приволжскаго крестьянства подъ предводительствомъ Степана Разина; наконецъ, сто лѣтъ спустя, не менѣе знаменательный бунтъ Пугачева. И во всѣхъ этихъ чисто народныхъ движеніяхъ, возстаніяхъ и бунтахъ, мы находимъ ту же ненависть къ государству, то же стремленіе къ созданію вольно-общиннаго крестьянскаго міра.

Наконецъ, XIX вѣкъ можетъ быть названъ вѣкомъ общаго пробужденія для славянскаго племени. О Польшѣ и говорить нечего. Она никогда не засыпала, потому что со времени разбойническаго похищенія ея свободы, правда не народной, а шляхетской и государственной, со времени ея раздѣленія между тремя хищническими державами, она не переставала бороться, и что ни дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лай Муравьевы и Бисмарки, она будетъ бунтовать, пока не добунтуется до свободы. Къ несчастью для Польши, руководящія партіи ея, до сихъ поръ еще преимущественно шляхетскія, не умѣли отказаться отъ своей государственной программы и, вмѣсто того чтобы искать освобожденія и обновленія своей родины въ соціальной революціи, повинуясь древнимъ преданіямъ, ищутъ ихъ то въ покровительствѣ какого-нибудь Наполеона, то въ союзѣ съ іезуитами и австрійскими феодалами.

Но въ нашемъ вѣкѣ пробудились также западные, и южные славяне. Наперекоръ всѣмъ нѣмецкимъ политическимъ, полицейскимъ и цивилизаторскимъ усиліямъ, Богемія послѣ трехвѣкового сна, воспрянула вновь какъ страна чисто славянская и стала естественнымъ средоточіемъ для всего западно-славянскаго движенія. Тѣмъ же самымъ стала турецкая Сербія для движенія южно-славянскаго.

Но вмѣстѣ съ возрожденіемъ славянскихъ племенъ возбуждается вопросъ чрезвычайно важный и, можно сказать, роковой.

Какимъ образомъ должно совершиться это славянское возрожденіе? Древнимъ ли путемъ государственнаго преобладанія или путемъ дѣйствительнаго освобожденія всѣхъ народовъ, по крайней мѣрѣ, европейскихъ, освобожденія всего европейскаго пролетаріата отъ всякаго ига, и прежде всего отъ ига государственнаго?

Должны ли и могутъ ли славяне избавиться отъ чужеземнаго, главнымъ образомъ, отъ нѣмецкаго ига, наиболѣе для нихъ ненавистнаго, прибѣгая въ свою очередь къ нѣмецкому методу завоеванія, захвата и принужденія завоеванныхъ народныхъ массъ къ ненавистному имъ, прежде нѣмецкому, теперь же славянскому вѣрноподданничеству или только путемъ солидарнаго возстанія всего европейскаго пролетаріата, посредствомъ Соціальной Революціи?

Все будущее славянъ зависитъ отъ того, какой изъ этихъ двухъ путей они выберутъ. На который же изъ нихъ они должны рѣшиться?

По нашему убѣжденію, поставить этотъ вопросъ значитъ разрѣшить его. Вопреки премудрому изрѣче-

Библиотека "Руниверс"

нію царя Соломона, старое никогда не повторяется, новѣйшее государство, только вполнѣ осуществившее древнюю идею господства, точно также какъ христіанство осуществляетъ послѣднюю форму богословскаго вѣрованія или религіознаго рабства; государство бюрократическое, военно-полицейское и централистическое, стремящееся по самой необходимости своего внутренняго существа захватывать, покорять, душить все, что вокругъ него существуетъ, живетъ, движется, дышетъ; это государство, нашедшее послѣднее выраженіе свое въ пангерманской имперіи, отживаетъ нынѣ свой вѣкъ. Его дни сочтены, и отъ паденія его всѣ народы ждутъ своего окончательнаго избавленія.

Неужели славянамъ суждено повторить человѣконенавистный, народо-ненавистный, уже теперь осужденный исторіею отвѣтъ? И для чего? Чести нѣтъ никакой; напротивъ—преступленіе, безславіе, проклятіе современниковъ и потомковъ. Или славянамъ стало завидно, что нѣмцы заслужили ненависть всѣхъ остальныхъ народовъ Европы? Или имъ нравится роль всемірнаго Бога? Чортъ побери всѣхъ славянъ, со всею ихъ военною будущностью, если послѣ многолѣтняго рабства, мученія, молчанія они должны принести человѣчеству новыя цѣпи!

А польза для славянъ какая? Какая можетъ быть польза для славянскихъ народныхъ массъ отъ образованія великаго славянскаго государства? Въ такихъ государствахъ есть выгода несомнѣнная, но только не для многомилліоннаго пролетаріата, а для привиллегированнаго меньшинства, поповскаго, дворянскаго, буржуазнаго или, пожалуй, хотя интеллектуальнаго, т. е. такого, которое, во имя своей патентованной учености и своего мнимо умственнаго превосходства, считаетъ себя призваннымъ заправлять массами; выгода есть для нѣсколькихъ тысячъ притѣснителей, палачей и эксплуататоровъ пролетаріата. Для самого пролетаріата, для чернорабочихъ массъ чѣмъ обширнѣе государство, тѣмъ тяжелѣе цѣпи и тѣмъ тѣснѣе тюрьма.

Мы сказали и доказали выше, что общество не можетъ быть и оставаться государствомъ, если не сдѣлается завоевательнымъ государствомъ. Та самая конкуренція, которая на экономическомъ полѣ уничто-

Библиотека "Руниверс"

жаетъ и поглощаетъ небольшіе и даже средніе капиталы, фабричныя заведенія, поземельныя владѣнія и торговыя дома въ пользу огромныхъ капиталовъ, фабрикъ, имуществъ и торговыхъ домовъ, уничтожаетъ и поглощаетъ маленькія и среднія государства въ пользу имперій. Отнынѣ всякое государство, если оно хочетъ существовать не на бумагѣ только и не по милости его сосѣдей, пока имъ угодно терпѣть его существованіе, но, дѣйствительно, самостоятельно, независимо должно непремѣнно быть завоевательнымъ.

Но быть завоевательнымъ государствомъ, значитъ быть вынужденнымъ держать въ насильномъ подчиненіи много милліоновъ чужого народа. Для этого необходимо развитіе громадной военной силы. А гдѣ торжествуетъ военная сила, прощай свобода! Особенно прощай воля и благоденствіе рабочаго народа. Изъ этого слѣдуетъ, что образованіе великаго славянскаго государства есть ни что иное, какъ образованіе громаднаго славянонароднаго рабства.

„Но, отвѣтятъ намъ славянскіе государственники, мы не хотимъ одного великаго славянскаго государства, мы желаемъ только образованія нѣсколькихъ чисто славянскихъ государствъ, средней величины, какъ необходимаго залога для независимости славянскихъ народовъ". Но это мнѣніе противно логикѣ и историческимъ фактамъ, силѣ вещей; никакое государство средней величины существовать самостоятельно теперь не можетъ. Значитъ, или славянскихъ государствъ не будетъ, или будетъ одно громадное и всепоглощающее государство панслависткое, кнутовое, С.-Петербургское.

Да и можетъ ли славянское государство бороться противъ громаднаго могущества новой пангерманской имперіи, если оно само не будетъ столь же громадно и столь же могущественно? Разсчитывать на дружное дѣйствіе многихъ отдѣльныхъ государствъ, связанныхъ одними интересами, никогда не слѣдуетъ; во первыхъ, потому что соединеніе разнородныхъ организацій и силъ, хотя бы равнялось или даже превышало по числу силъ противниковъ, все-таки слабѣе послѣднихъ, потому что послѣднія однородны и организація ихъ, повинующаяся одной мысли, одной волѣ, крѣпче и проще; во вторыхъ,

Библиотека "Руниверс"

потому что никогда не слѣдуетъ разсчитывать на дружное содѣйствіе многихъ державъ, даже и тогда, когда ихъ собственные интересы требуютъ такого союза. Правители государствъ, точно также какъ и простые смертные, большею частью поражены слѣпотою, мѣшающею имъ видѣть за интересомъ и за страстями минуты существенныя требованія ихъ собственнаго положенія.

Въ 1863 г. прямымъ интересомъ Франціи, Англіи, Швеціи и даже Австріи было вступиться за Польшу противъ Россіи, однако никто не вступился. Въ 1864 г. интересъ еще болѣе прямой предписывалъ Англіи, Франціи, особенно Швеціи и даже Россіи вступиться за Данію, которой угрожало Прусско-Австрійское, или вѣрнѣе Прусско-Германское завоеваніе, и опять таки никто не вступился. Наконецъ, въ 1870 г. Англія, Россія и Австрія, не говоря о маленькихъ сѣверныхъ государствахъ, должны были въ своемъ очевидномъ интересѣ остановить торжественное вторженіе прусско-германскихъ войскъ во Францію до самаго Парижа и чуть не до самаго юга; но и на этотъ разъ никто не вмѣшался, а только, когда создалось новое, всѣмъ грозящее германское могущество, державы поняли, что должны были вмѣшаться, но было уже поздно.

Значитъ, на правительственный умъ сосѣднихъ державъ разсчитывать не должно, надо разсчитывать на свои собственныя силы, и эти силы должны, по крайней мѣрѣ, равняться силамъ противника. Стало быть, ни одно славянское государство, взятое отдѣльно, не будетъ въ состояніи противиться напору пангерманской имперіи.

Но нельзя ли будетъ противупоставить пангерманской централизаціи панславянскую федерацію, т. е. союзъ самостоятельныхъ славянскихъ государствъ или штатовъ, въ родѣ Сѣверо-Американскаго или Швейцарскаго? И на этотъ вопросъ мы должны отвѣчать отрицательно.

Во первыхъ, чтобы какой-нибудь союзъ могъ состояться, необходимо, чтобы всероссійская имперія рушилась, чтобы она распалась на много отдѣльныхъ и другъ отъ друга независимыхъ и только федеративно другъ съ другомъ связанныхъ государствъ, потому что соблюденіе независимости и свободы небольшихъ или

Библиотека "Руниверс"

даже среднихъ славянскихъ государствъ въ такомъ федеративномъ союзѣ съ такою громадною имперіею просто немыслимо.

Положимъ даже, что петербургская имперія распадется на большее или меньшее число вольныхъ штатовъ, и что организованныя съ своей стороны какъ самостоятельныя государства, Польша, Богемія, Сербія, Болгарія и т. д. образовали вмѣстѣ съ этими новыми русскими штатами, великую славянскую федерацію. И въ такомъ случаѣ, утверждаемъ мы, эта федерація не будетъ въ состояніи бороться противъ пангерманской централизаціи по той простой причинѣ, что военно-государственная сила будетъ всегда на сторонѣ централизаціи.

Федерація штатовъ можетъ до нѣкоторой степени гарантировать буржуазную свободу, но государственно-военной силы создать не можетъ, потому именно, что она федерація; государственная сила требуетъ непремѣнно централизаціи. Намъ укажутъ на примѣръ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ Америки. Но Швейцарія именно, ради увеличенія своихъ военныхъ и государственныхъ силъ стремится теперь явнымъ образомъ къ нейтрализаціи, а федерація остается понынѣ возможною въ Сѣверной Америкѣ потому только, что на американскомъ континентѣ, въ сосѣдствѣ съ великою республикою нѣтъ ни одного могучаго централизованнаго государства въ родѣ Россіи, Германіи или Франціи.

Итакъ, чтобы противодѣйствовать на государственномъ или политическомъ поприщѣ торжествующему пангерманизму, остается одно только средство—создать панславянское государство. Средство во всѣхъ другихъ отношеніяхъ чрезвычайно невыгодное для славянъ, потому что оно непремѣнно повлечетъ за собою общее славянское рабство подъ всероссійскимъ кнутомъ. Но вѣрно ли оно, покрайней мѣрѣ, въ отношеніи къ своей цѣли, т. е. низложенію германскаго могущества и покоренію нѣмцевъ панславянскому, т. е. петербурго-императорскому игу?

Нѣтъ, не только не вѣрно, но даже навѣрное недостаточно. Правда, нѣмцевъ въ Европѣ всего 50 милліоновъ съ половиною, (включая разумѣется 9 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ). Но положимъ, что мечта

Библиотека "Руниверс"

нѣмецкихъ патріотовъ сбылась окончательно, и что въ составъ германской имперіи вошли бы вся фламандская часть Бельгіи, Голландія, нѣмецкая Швейцарія, вся Данія и даже Швеція съ Норвегіей, что вмѣстѣ составляетъ народонаселеніе немного болѣе 15 милліоновъ. Ну чтоже? и тогда нѣмцевъ будетъ въ Европѣ много, много 66 милліоновъ, а славянъ считается около 90 милліоновъ. Значитъ, въ количественномъ отношеніи славянское населеніе Европы превосходитъ почти на треть германское, мы все таки утверждаемъ, что никогда панславянское государство не сравняется могуществомъ и настоящею государственно-военною силою съ имперіей пангерманской. Почему? Потому что въ нѣмецкой крови, въ нѣмецкомъ инстинктѣ, въ нѣмецкой традиціи есть страсть государственнаго порядка и государственной дисциплины, въ славянахъ же не только нѣтъ этой страсти, но дѣйствуютъ и живутъ страсти совершенно противныя; поэтому, чтобы дисциплинировать ихъ, надо держать подъ палкою, въ то время какъ всякій нѣмецъ съ убѣжденіемъ, свободно съѣлъ палку. Его свобода состоитъ именно въ томъ, что онъ вымуштрованъ и охотно преклоняется передъ всякимъ начальствомъ.

Притомъ нѣмцы народъ серьезный и работящій, они учены, бережливы, нарядливы, отчетливы и разсчетливы, что не мѣшаетъ имъ, когда надо, а именно, когда того хочетъ начальство, отлично драться. Они доказали это въ послѣднихъ войнахъ. Къ тому же ихъ военная и административная организація доведена до наивозможнѣйшей степени совершенства, степени, которой никакой другой народъ никогда не достигнетъ. Такъ вообразимо ли, чтобъ славяне могли состязаться съ ними на полѣ государственности!

Нѣмцы ищутъ жизни и свободы своей въ государствѣ; для славянъ же государство есть гробъ. Славяне должны искать своего освобожденія внѣ государства, не только въ борьбѣ противъ нѣмецкаго государства но во всенародномъ бунтѣ противъ всякаго государства, въ Соціальной Революціи.

Славяне могутъ освободить себя, могутъ разрушить ненавистное имъ нѣмецкое государство не тщетными стремленіями подчинить въ свою очередь нѣмцевъ

Библиотека "Руниверс"

своему преобладанію, сдѣлать ихъ рабами своего славянскаго государства, а только призывомъ ихъ къ общей свободѣ и къ общему человѣческому братству на развалинахъ всѣхъ существующихъ государствъ. Но государства сами не валятся; ихъ можетъ только повалить всенародное и всеплеменная, интернаціональная Соціальная Революція.

Организировать народныя силы для совершенія такой революціи—вотъ единственная задача людей, искренно желающихъ освобожденія Славянскаго племени изъ подъ многолѣтняго ига. Эти передовые люди должны понять, что то самое, что въ прошедшія времена составляло слабость славянскихъ народовъ, а именно ихъ неспособность образовать государство, въ настоящее время составляетъ ихъ силу, ихъ право на будущность, даетъ смыслъ всѣмъ ихъ настоящимъ народнымъ движеніямъ. Не смотря на громадное развитіе новѣйшихъ государствъ и вслѣдствіе этого окончательнаго развитія, доведшаго, впрочемъ, совершенно логически и съ неотвратимою необходимостью самый принципъ государственности до абсурда, стало ясно, что дни государствъ и государственности сочтены, и что приближаются времена полнаго освобожденія чернорабочихъ массъ и ихъ вольной общественной организаціи снизу вверхъ, безъ всякаго правительственнаго вмѣшательства изъ вольныхъ экономическихъ, народныхъ союзовъ, помимо всѣхъ старыхъ государственныхъ границъ и всѣхъ національныхъ различій, на одномъ основаніи производительнаго труда, совершенно очеловѣченнаго и вполнѣ солидарнаго при всемъ своемъ разнообразіи.

Передовые славянскіе люди должны, наконецъ, понять, что время невинной игры въ славянскую филологію прошло и что нѣтъ ничего нелѣпѣе и вмѣстѣ вреднѣе, народоубійственнѣе, какъ ставить идеаломъ всѣхъ народныхъ стремленій мнимый принципъ національности. Національность не есть общечеловѣческое начало, а есть историческій, мѣстный фактъ, имѣющій несомнѣнное право, какъ всѣ дѣйствительные и безвредные факты, на общее признаніе. Всякій народъ или даже народецъ имѣетъ свой характеръ, свою особую манеру существовать, говорить, чувствовать, ду-

Библиотека "Руниверс"

мать и дѣйствовать; и этотъ характеръ, эта манера, составляющіе именно суть національности, суть результаты всей исторической жизни и всѣхъ условій жизни народа.

Всякій народъ, точно также какъ и всякое лицо, есть по неволѣ то, что онъ есть и имѣетъ несомнѣнное право быть самимъ собою. Въ этомъ заключается все такъ называемое національное право. Но если народъ или лицо существуютъ въ такомъ видѣ и не могутъ существовать въ другомъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они имѣли право и что для нихъ было бы полезно ставить—одному свою національность, другому свою индивидуальность, какъ особыя начала, и чтобы они должны были вѣчно возиться съ ними. Напротивъ, чѣмъ меньше они думаютъ о себѣ и чѣмъ болѣе проникаются обще-человѣческимъ содержаніемъ, тѣмъ болѣе оживотворяется и получаетъ смыслъ національность одного и индивидуальность другого.

Такъ точно и славяне. Они останутся чрезвычайно ничтожны и бѣдны, пока будутъ продолжать хлопотать о своемъ узкомъ, эгоистическомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлеченномъ славянизмѣ, постороннемъ, а потому самому противномъ обще-человѣческому вопросу и дѣлу, и завоюютъ они только тогда, какъ славяне, свое законное мѣсто въ исторіи и въ свободномъ братствѣ народовъ, когда проникнутся вмѣстѣ съ другими міровымъ интересомъ.

Во всѣхъ эпохахъ исторіи существуетъ интересъ обще-человѣческій, преобладающій надъ всѣми другими, болѣе частными и исключительно народными интересами, и тотъ народъ или тѣ народы, которые находятъ въ себѣ призваніе, т. е. достаточно пониманія, страсти и силы, чтобъ предаться ему исключительно, становятся главнымъ образомъ народами историческими. Интересы, преобладавшіе такимъ образомъ въ разныя эпохи исторіи, были различны. Такъ, чтобы не идти слишкомъ далеко, былъ интересъ не столько человѣческій, сколько божескій, а потому и противный свободѣ и благоденствію народовъ, интересъ преобладающій и въ высшей степени завоевательный католической вѣры и католической церкви, а тѣ народы, которые тогда находили въ себѣ наиболѣе склонно-

Библиотека "Руниверс"

сти и способности предаться ему—нѣмцы, французы, испанцы, отчасти поляки были именно вслѣдствіе того каждый въ своемъ кругу народами первенствующими.

Послѣдовалъ другой періодъ умственнаго возрожденія и религіознаго бунта. Общечеловѣческій интересъ возрожденія вывелъ на первый планъ прежде всего итальянцевъ, потомъ французовъ и, въ гораздо слабѣйшей степени англичанъ, голландцевъ и нѣмцевъ. Но религіозный бунтъ, еще прежде поднявшій южную Францію, выдвинулъ на самое видное мѣсто въ XV вѣкѣ нашихъ славянскихъ гуситовъ. Гуситы послѣ вѣковой геройской борьбы были задавлены, также какъ раньше ихъ были задавлены французскіе альбигойцы. Тогда реформація оживотворила народы нѣмецкій, французскій, англійскій, голландскій, швейцарскій и скандинавскій. Въ Германіи она очень скоро утратила характеръ бунта, несвойственный нѣмецкому темпераменту и приняла видъ мирной государственной реформы, послужившей немедленно основаніемъ для самаго правильнаго, систематическаго, ученаго государственнаго деспотизма. Во Франціи, послѣ долгой и кровавой борьбы, послужившей не мало къ развитію свободной мысли въ этой странѣ, они были раздавлены торжествующимъ католицизмомъ. За то въ Голландіи, въ Англіи, а вслѣдъ за тѣмъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки они создали новую цивилизацію по сущности своей анти-государственную, но буржуазно-экономическую и либеральную.

Такимъ образомъ религіозное реформаціонное движеніе, обнявшее почти всю Европу въ XVI вѣкѣ, породило въ цивилизованномъ человѣчествѣ два главныя направленія: экономически и либерально-буржуазное, имѣвшее во главѣ своей главнымъ образомъ Англію, а потомъ Англію и Америку; и деспотически-государственное, по сущности своей также буржуазное и протестантское, хотя смѣшанное съ дворянскимъ католическимъ элементомъ, впрочемъ вполнѣ подчинившемся государству. Главными представителями этого направленія были Франція и Германія—сначала австрійская, потомъ прусская.

Великая революція, ознаменовавшая конецъ XVIII

Библиотека "Руниверс"

вѣка, выдвинула опять на первенствующее мѣсто Францію. Она создала новый обще-человѣческій интересъ, идеалъ полнѣйшей человѣческой свободы, но только на исключительно политическомъ поприщѣ; идеалъ, заключавшій неразрѣшимое противорѣчіе, а потому и неосуществимый; политическая свобода безъ экономическаго равенства и вообще политическая свобода, т. е. свобода въ государствѣ есть ложь.

Французская революція породила такимъ образомъ въ свою очередь два главныя направленія, другъ другу противуположныя, другъ съ другомъ вѣчно борющіяся и вмѣстѣ съ тѣмъ неразрывныя, скажемъ болѣе, сходящіяся непремѣннымъ образомъ въ одинаковомъ стремленіи къ одной и той же цѣли—систематическаго эксплуатированія чернорабочаго пролетаріата въ пользу имущаго и численно постепенно уменьшающагося, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе обогащающагося меньшинства.

На этой эксплуатаціи народнаго труда одна партія хочетъ построить демократическую республику; другая, болѣе послѣдовательная, стремится основать на ней монархическій, т. е. искренній государственный деспотизмъ, централистическое, бюрократическое, полицейское государство, военною диктатурою, еле, еле замаскированною невинными конституціонными формами.

Первая партія подъ предводительствомъ г-на Гамбетты стремится нынѣ захватить власть во Франціи. Вторая, предводимая княземъ Бисмаркомъ, уже вполнѣ воцарилась въ прусской Германіи.

Трудно рѣшить, которое изъ этихъ двухъ направленій полезнѣе для народа или, говоря точнѣе, которое изъ нихъ представляетъ наименѣе вреда и зла для народа, для чернорабочихъ массъ, для пролетаріата; оба стремятся съ одинаково упорною страстью къ основанію или къ укрѣпленію сильнаго государства, т. е. полнѣйшаго рабства пролетаріата.

Противъ этихъ народопритѣснительныхъ направленій государственныхъ, республиканскихъ и ново-монархическихъ, порожденныхъ великою буржуазною революціею 1789 и 1793 г., изъ глубины самаго пролетаріата

Библиотека "Руниверс"

сначала французскаго и австрійскаго, а потомъ и другихъ странъ Европы, выработалось, наконецъ, направленіе совершенно новое и прямо идущее къ уничтоженію всякаго эксплуатированья и всякаго политическаго или юридическаго, равно какъ и правительственно-административнаго притѣсненія, т. е. къ уничтоженію всѣхъ классовъ посредствомъ экономическаго уравненія всѣхъ состояній и къ уничтоженію ихъ послѣдней опоры, государства.

Такова программа Соціальной Революціи.

Итакъ, въ настоящее время существуетъ для всѣхъ странъ цивилизованнаго міра только одинъ всемірный вопросъ, одинъ міровой интересъ—полнѣйшее и окончательное освобожденіе пролетаріата отъ экономической эксплуатаціи и отъ государственнаго гнета. Очевидно, что этотъ вопросъ безъ кровавой, ужасной борьбы разрѣшиться не можетъ и что настоящее положеніе, право, значеніе всякаго народа будутъ зависѣть отъ направленія, характера и степени участія, которое онъ приметъ въ этой борьбѣ.

Не ясно ли, стало быть, что славяне должны искать и могутъ завоевать свое право и мѣсто въ исторіи и въ братскомъ союзѣ народовъ только путемъ Соціальной Революціи?

Но Соціальная Революція не можетъ быть одинокою революціею одного народа; она по существу своему революція интернаціональная, значитъ, славяне, отыскивающіе своей свободы и ради своей свободы, должны связать свои стремленія и организацію своихъ народныхъ силъ съ стремленіями и съ организаціей народныхъ силъ всѣхъ другихъ странъ: славянскій пролетаріатъ долженъ войти цѣлою массою въ Интернаціональную Ассоціацію Рабочихъ.

Мы уже имѣли случай упомянуть о великолѣпномъ заявленіи интернаціональнаго братства вѣнскими работниками въ 1868 г., отказавшимися, не смотря на всѣ убѣжденія австрійскихъ и швабскихъ патріотовъ, поднять пангерманское знамя, объявивъ рѣшительно, что рабочіе цѣлаго міра ихъ братья и что они не признаютъ другого лагеря, кромѣ интернаціонально-солидарнаго пролетаріата всѣхъ странъ; они вмѣстѣ съ тѣмъ очень справедливо разсудили и высказали, что

Библиотека "Руниверс"

именно имъ, какъ австрійскимъ работникамъ, нельзя поднять никакого національнаго знамени, такъ какъ австрійскій пролетаріатъ состоитъ изъ самыхъ разныхъ племенъ: мадьяръ, итальянцевъ, румынъ, главнѣйшимъ образомъ изъ славянъ и нѣмцевъ; и что поэтому они должны искать практическаго разрѣшенія своихъ вопросовъ внѣ, такъ называемаго, національнаго государства.

Еще нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи и австрійскіе работники поняли бы, что освобожденіе пролетаріата невозможно, рѣшительно, ни въ какомъ государствѣ, и что первое условіе его—разрушеніе всякаго государства; а такое разрушеніе возможно только при дружномъ содѣйствіи пролетаріата всѣхъ странъ, первая организація котораго на почвѣ экономической составляетъ именно предметъ Интернаціональной Ассоціаціи Рабочихъ.

Понявъ это, нѣмецкіе работники въ Австріи сдѣлались бы иниціаторами не только своего собственнаго освобожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденія всѣхъ не нѣмецкихъ народныхъ массъ въ австрійской имперіи, включая разумѣется и всѣхъ славянъ, которыхъ мы бы первые стали уговаривать вступить съ ними въ союзъ, имѣющій цѣлью разрушеніе государства, т. е. народной тюрьмы, и основаніе новаго интернаціональнаго рабочаго міра на началахъ полнѣйшаго равенства и свободы.

Но австрійскіе рабочіе этихъ необходимыхъ первыхъ шаговъ не сдѣлали и не сдѣлали ихъ потому, что были остановлены на первомъ шагу германопатріотической пропагандою г-на Либкнехта и другихъ соціальныхъ демократовъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Вѣну, кажется, въ іюлѣ 1868 года, именно съ цѣлью совратить вѣрный соціальный инстинктъ австрійскихъ работниковъ съ пути интернаціональной революціи и направить его къ политической агитаціи въ пользу основанія единаго государства, называемаго ими народнымъ, разумѣется пангерманскаго—однимъ словомъ, для осуществленія патріотическаго идеала князя Бисмарка, только на соціально-демократической почвѣ и посредствомъ, такъ называемой, легальной народной агитаціи.

Библиотека "Руниверс"

По этому пути не только славянамъ, но даже и нѣмецкимъ работникамъ идти не слѣдуетъ, по той простой причинѣ, что государство, называйся оно десять разъ народнымъ, и будь оно разукрашено наидемократичнѣйшими формами, для пролетаріата будетъ непремѣнно тюрьмою,—славянскимъ же идти по этому направленію еще невозможнѣе, потому что это значило бы подчиниться охотно нѣмецкому игу, а это противно всякому славянскому сердцу. Вслѣдствіе того, мы не только не станемъ уговаривать братьевъ славянъ вступить въ ряды соціально-демократической партіи нѣмецкихъ рабочихъ, во главѣ которыхъ стоятъ прежде всего, въ видѣ дуумвирата, облеченнаго диктаторскою властью, гг. Марксъ и Энгельсъ, а за ними или подъ ними гг. Бебель, Либкхнетъ и нѣсколько литераторствующихъ евреевъ; мы, напротивъ, должны употребить всѣ усилія, чтобы отвратить славянскій пролетаріатъ отъ самоубійственнаго вступленія въ союзъ съ этою партіею, отнюдь не народною, по по своему направленію, по цѣли и средствамъ чисто буржуазною и къ тому же исключительно нѣмецкою, т. е. славяноубійственною.

Но чѣмъ энергичнѣе славянскій пролетаріатъ ради своего спасенія долженъ отвергать не только союзъ, но и сближеніе съ этой партіей—мы не говоримъ, съ работниками находящимися въ ней, но съ ея организаціей, а главное съ ея начальствомъ вездѣ и всегда буржуазнымъ—тѣмъ тѣснѣе, ради того же спасенія, долженъ онъ сблизиться и связаться съ Интернаціональнымъ Обществомъ Рабочихъ. Отнюдь не должно смѣшивать нѣмецкую партію соціальныхъ демократовъ съ Интернаціоналомъ. Политически — патріотическая программа первой не только не имѣетъ почти ничего общаго съ программой послѣдняго, но даже совершенно противна ей. Правда, на подтасованномъ Гаагскомъ Конгрессѣ марксисты попробовали было навязать свою программу всему Интернаціоналу. Но эта попытка вызвала со стороны Италіи, Испаніи, части Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Англіи, также отчасти Сѣверныхъ Штатовъ Америки такой громадный протестъ, что всему свѣту стало ясно, что нѣмецкой программы, кромѣ самихъ нѣмцевъ не хочетъ никто. Да,

Библиотека "Руниверс"

безъ сомнѣнія, придетъ время, когда и самъ нѣмецкій пролетаріатъ, понявъ лучше и свои собственные интересы, нераздѣльные съ интересами пролетаріата всѣхъ другихъ странъ, и пагубное направленіе этой программы, ему навязанной, но далеко не имъ созданной, откажется отъ нея и оставитъ при ней своихъ буржуазныхъ предводителей, фюреровъ.

Славянскій же пролетаріатъ, повторяемъ, ради собственнаго освобожденія изъ подъ великаго ига, долженъ войти массами въ Интернаціоналъ, образовать фабричныя, ремесленныя и земледѣльческія секціи и соединить ихъ въ мѣстныя федераціи, а если окажется нужнымъ, то пожалуй и въ обще-славянскую федерацію. На почвѣ Интернаціонала, освобождающаго всѣхъ и каждаго отъ государственнаго отечества, славянскіе работники должны и могутъ безъ малѣйшей опасности для своей самостоятельночти встрѣтиться братски съ нѣмецкими работниками, союзъ съ которыми на другой почвѣ для нихъ рѣшительно невозможенъ.

Таковъ единственный путь для освобожденія славянъ. Но путь, по которому идетъ нынѣ огромное большинство западно и юго-славянской молодежи подъ предводительствомъ своихъ маститыхъ и болѣе или менѣе заслуженныхъ патріотовъ совершенно противный, исключительно государственный и для народныхъ массъ гибельный.

Возьмемъ для примѣра турецкую Сербію, и именно сербское княжество, какъ единственный пунктъ внѣ Россіи, да еще Черногорію, гдѣ славянскій элементъ дошелъ до политическаго существованія, болѣе или менѣе самостоятельнаго.

Сербскій народъ пролилъ много крови, чтобы освободиться изъ подъ турецкаго ига; но едва освободился онъ отъ турокъ, какъ его запрягли въ новое на этотъ разъ домашнее государство подъ именемъ княжества сербскаго, иго котораго въ дѣйствительности чуть ли не тяжелѣе турецкаго. Едва эта часть сербской земли получила видъ, устройство, законы, учрежденія болѣе или менѣе правильнаго государства, какъ народная жизнь, и народная сила, возбудившія героическую борьбу противъ турокъ и одержавшія надъ ними окончательную побѣду, какъ будто вдругъ замерли. Народъ,

Библиотека "Руниверс"

правда, невѣжественный и чрезвычайно бѣдный, но энергическій, страстный и отъ природы вольнолюбивый, вдругъ обратился въ безгласное и какъ бы неподвижное стадо, отданное на жертву бюрократическому грабежу и деспотизму.

Въ турецкой Сербіи нѣтъ ни дворянства, ни очень большихъ поземельныхъ собственниковъ, нѣтъ ни промышленниковъ, ни чрезвычайно богатыхъ купцовъ— за то образовалась новая, бюрократическая аристократія, состоящая изъ молодыхъ людей, воспитанныхъ, большею, частью, на казенный счетъ въ Одессѣ, въ Москвѣ, въ Петербугѣ, въ Вѣнѣ, въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Парижѣ. Пока они молоды и не успѣли развратиться на государственной службѣ, эти молодые люди отличаются, большею частью, горячимъ патріотизмомъ, народолюбіемъ, довольно искреннимъ либерализмомъ и даже въ послѣднее время демократизмомъ и соціализмомъ. Но лишь только они поступаютъ на службу, желѣзная логика положенія, сила вещей, присущая извѣстнымъ іерархическимъ и выгоднымъ политическимъ отношеніямъ, берутъ свое, и молодые патріоты становятся съ ногъ до головы чиновниками, продолжая пожалуй быть и патріотами, и либералами. Но извѣстно вѣдь, что такое либеральный чиновникъ; онъ несравненно хуже простого и откровеннаго чиновника—палки.

Къ тому же требованія извѣстнаго положенія всегда оказываются сильнѣе чувствъ, замысловъ и добрыхъ побужденій. Возвратившись домой, молодые сербы, получившіе образованіе за границей, по образованію, а главнымъ образомъ по обязательствамъ своимъ въ отношеніи правительства, на счетъ котораго они, большею частью, содержались за границею, а также и потому, что для нихъ рѣшительно невозможно отыскать другія средства существованія, должны идти въ чиновники, сдѣлаться членами единственной аристократіи, существующей въ краѣ, членами бюрократическаго класса. Вступивъ же разъ въ этотъ классъ, они становятся по неволѣ врагами народа. Имъ хотѣлось бы, можетъ быть и весьма вѣроятно, особенно въ началѣ, хотѣлось бы освободить свой народъ или, по крайней мѣрѣ, улучшить его положеніе, а они должны его да-

Библиотека "Руниверс"

вить и грабить. Достаточно прожить года два, три въ такомъ положеніи, чтобы съ нимъ освоиться и, наконецъ, примириться, при помощи какой нибудь либеральной или даже демократически-доктринерной лжи; а такою ложью наше время богато. Разъ примирившись съ желѣзною необходимостью, противъ которой они бунтовать не въ силахъ, они становятся уже отъявленными мошенниками, и мошенниками тѣмъ болѣе опасными для народа, чѣмъ либеральнѣе и демократичнѣе ихъ публичныя заявленія.

Тогда тѣ изъ нихъ, которые половчѣе и похитрѣе, пріобрѣтаютъ въ микроскопическомъ правительствѣ микроскопическаго княжества преобладающее вліяніе и, едва успѣвъ пріобрѣсть его, начинаютъ продавать себя во всѣ стороны: дома—владѣтельному князю или какому нибудь претенденту на престолъ (актъ низверженія одного князя для замѣненія его другимъ въ сербскомъ княжествѣ называется революціей); или вмѣсто того, а иногда въ то же самое время правительствамъ великихъ покровительствующихъ державъ, Россіи, Австріи, Турціи, теперь Германіи, заступившей на востокѣ, какъ и вездѣ, мѣсто Франціи, и даже нерѣдко всѣхъ вмѣстѣ.

Можно себѣ представить, какъ легко и свободно живется народу въ такомъ государствѣ, а между тѣмъ не должно забывать, что сербское княжество, государство конституціонное, гдѣ всѣ законы пекутся скупщиною, избираемою народомъ.

Иные сербы утѣшаютъ себя мыслью, что это положеніе, по своему существу переходное, представляетъ неотвратимое зло въ настоящее время, но что оно непремѣнно измѣнится, какъ только маленькое княжество, расширивъ свои границы и принявъ въ свой составъ всѣ сербскія, иные даже говорятъ, всѣ юго-славянскія земли, возстановитъ во всемъ его объемѣ царство Душана. Тогда, говорятъ они, настанетъ для народа время полнѣйшей свободы и самаго широкаго раздолья.

Да, есть между сербами люди, которые до сихъ поръ пренаивно вѣрятъ въ это!

Да, они воображаютъ, что когда это государство расширитъ свои предѣлы и когда число его подданныхъ удвоится, утроится, удесятерится, оно сдѣлается

Библиотека "Руниверс"

народнѣе и его учрежденія, всѣ условія его существованія, его правительственныя дѣйствія будутъ менѣе противны народнымъ интересамъ и всѣмъ народнымъ инстинктамъ. Но на чемъ основывается такая надежда или такое предположеніе? На теоріи? Но теоретически, напротивъ, кажется ясно, что чѣмъ обширнѣе государство, тѣмъ многосложнѣе его организмъ и тѣмъ болѣе чуждо оно народу, и именно вслѣдствіе того, тѣмъ противнѣе интересы его интересамъ народныхъ массъ, тѣмъ болѣе подавляющимъ гнетомъ оно ложится на нихъ и тѣмъ невозможнѣе для народа всякій контроль надъ нимъ, тѣмъ далѣе государственное управленіе отъ народнаго самоуправленія.

Или основываются ихъ ожиданія на практическомъ опытѣ другихъ странъ? Въ отвѣтъ достаточно указать на Россію, на Австрію, на расширенную Пруссію, на Францію, на Англію, на Италію, даже на Соединенные Штаты Америки, гдѣ заправляетъ всѣми дѣлами особый, совершенно буржуазный классъ, такъ называемыхъ, политикановъ или политическихъ дѣльцовъ, а чернорабочимъ массамъ живется почти также тѣсно и жутко, какъ и въ монархическихъ государствахъ.

Найдутся, пожалуй, много-образованные сербы, способные возразить, что дѣло совсѣмъ не въ народныхъ массахъ, которые имѣютъ и будутъ имѣть всегда своимъ назначеніемъ матеріальнымъ грубымъ трудомъ кормить, одѣвать и вообще содержать цвѣтъ отечественной цивилизаціи, настоящей представительницы страны, и что по этому дѣло лишь въ образованныхъ, болѣе или менѣе имущихъ и привиллегированныхъ классахъ.

Въ томъ то и дѣло, что эти, такъ называемые, образованные классы, дворянство, буржуазія, когда-то дѣйствительно процвѣтавшіе и стоявшіе во главѣ живой и прогрессивной цивилизаціи въ цѣлой Европѣ, въ настоящее время отупѣли и опошлѣли отъ ожиренія и отъ трусости, что если они еще что нибудь представляютъ, то развѣ самыя зловредныя и подлыя свойства человѣческой природы. Мы видимъ, что эти классы въ такой высокообразованной странѣ, какъ Франція неспособны были даже отстоять независимость своей родины противъ нѣмцевъ. Мы видѣли и видимъ, что

Библиотека "Руниверс"

въ самой Германіи эти классы способны только къ вѣрноподданническому лакейству.

И наконецъ замѣтимъ, что въ турецкой Сербіи эти классы даже совсѣмъ не существуютъ; тамъ существуетъ только классъ бюрократическій. Итакъ, сербское государство будетъ давить сербскій народъ для того только, чтобы жирнѣе жилось сербскимъ чиновникамъ.

Другіе, ненавидя отъ всей души настоящее устройство сербскаго княжества, терпятъ его однако, смотря на него, какъ на средство или орудіе, необходимое для освобожденія славянъ, еще подвластныхъ турецкому или австрійскому игу. Въ извѣстный моментъ, говорятъ они, княжество можетъ сдѣлаться основою и точкою отправленія для обще-славянскаго бунта. Это еще одно изъ тѣхъ пагубныхъ заблужденій, которыя надо непремѣнно разрушить для собственнаго блага славянъ.

Ихъ соблазняетъ примѣръ пьемонтскаго королевства, будто бы освободившаго и соединившаго всю Италію. Италія освободилась сама рядомъ безчисленныхъ героическихъ жертвъ, которыя не переставала приносить въ продолженіи пятидесяти лѣтъ. Она обязана своею политическою независимостью главнымъ образомъ сорокалѣтнимъ, непрерывнымъ и неудержимымъ усиліямъ своего великаго гражданина, Джузеппе Мадзини, умѣвшаго, можно сказать, воскресить, а потомъ воспитать итальянскую молодежь въ опасномъ, но доблестномъ дѣлѣ патріотической конспираціи. Да, благодаря двадцатилѣтней работѣ Мадзини, въ 1848 г., когда возставшій народъ позвалъ опять на праздникъ революціи весь европейскій міръ, во всѣхъ городахъ Италіи, отъ самаго крайняго юга до крайняго сѣвера, нашлась кучка смѣлыхъ молодыхъ людей поднявшихъ знамя бунта. Вся итальянская буржуазія за ними послѣдовала. А въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, находившемся еще тогда подъ австрійскимъ владычествомъ, всталъ цѣлый народъ. И самъ народъ безъ всякой военной помощи выгналъ австрійскіе полки изъ Милана и Венеціи.

Что же сдѣлалъ королевскій Пьемонтъ? Что сдѣлалъ король Карлъ Альбертъ, отецъ Виктора Эммануила, тотъ самый, который будучи еще наслѣднымъ принцемъ (1821),

Библиотека "Руниверс"

выдалъ австрійскимъ и пьемонтскимъ палачамъ своихъ товарищей по заговору въ пользу освобожденія Италіи. Первымъ дѣломъ пьемонтскаго короля въ 1848 г. было парализовать революцію во всей Италіи посредствомъ обѣщаній, происковъ и интригъ. Ему очень хотѣлось овладѣть Италіею, но онъ столько же ненавидѣлъ революцію, сколько боялся ея. Онъ дѣйствительно парализовалъ революцію, силу и движеніе народа въ Италіи, послѣ чего австрійскимъ войскамъ не трудно было справиться съ его войскомъ.

Сына его, Виктора Эммануила, называютъ освободителемъ и соединителемъ итальянскихъ земель. Это гнусная клевета на него! Ужъ если кого называть освободителемъ Италіи, то скорѣе Людовика Наполеона, императора французовъ. Но Италія освободилась сама, а главное, она соединилась сама, помимо Виктора Эммануила и противъ воли Наполеона III.

Въ 1860 г., когда Гарибальди предпринялъ свою знаменитую высадку въ Сицилію, въ то самое время, когда онъ отправился изъ Генуи, графъ Кавуръ, министръ Виктора Эммануила, предупредилъ неаполитанское правительство объ угрожавшемъ ему нападеніи. Но когда Гарибальди освободилъ и Сицилію и все неаполитанское королевство, Викторъ Эммануилъ принялъ отъ него, разумѣется, даже безъ большой благодарности и то и другое.

И въ продолженіи тринадцати лѣтъ, что сдѣлало его управленіе съ этою несчастною Италіей? Онъ ее раззорилъ, просто ограбилъ, а теперь, ненавидимый всѣми, за свой деспотизъ заставляетъ почти жалѣть изгнанныхъ Бурбоновъ.

Такъ освобождаютъ короли и государства своихъ соплеменниковъ; и никому не было бы такъ полезно, какъ именно сербамъ изучить въ ея дѣйствительныхъ подробностяхъ новѣйшую исторію Италіи.

Одно изъ средствъ сербскаго правительства успокоивать патріотическую горячку своей молодежи состоитъ въ періодическихъ обѣщаніяхъ объявить войну Турціи будущею весною, а иногда осенью, по окончаніи сельскихъ работъ, и молодые люди вѣрятъ, волнуются и всякое лѣто и всякую зиму готовятся, послѣ чего всегда какое-нибудь непредвидѣнное препятствіе,

Библиотека "Руниверс"

какая-нибудь нота одной изъ покровительствующихъ державъ, становится поперекъ обѣщаннаго объявленія войны; она откладывается на полгода или на годъ, и такимъ образомъ вся жизнь сербскихъ патріотовъ проходитъ въ томительномъ и тщетномъ ожиданіи никогда не приходящаго исполненія.

Сербское княжество не только не въ состояніи освободить южно славянскія, сербскія и не сербскія племена, оно, напротивъ, своими происками и интригами положительно ихъ разъединяетъ и обезсиливаетъ. Болгары, напр., готовы признать братьями сербовъ, но и слышать не хотятъ о сербскомъ Душановскомъ царствѣ; точно также и хорваты, также и черногорцы и боснійскіе сербы.

Для всѣхъ этихъ странъ спасеніе одно и путь къ соединенію одинъ — Соціальная Революція, но никакъ не государственная война, которая можетъ привести только къ одному — къ покоренію всѣхъ этихъ странъ или Россіей или Австріей, или, по крайней мѣрѣ, въ началѣ вѣрнѣе всего, раздѣленіе ихъ между обѣими.

Чешская Богемія не успѣла еще, благодаря небесамъ, возстановить во всемъ ихъ древнемъ величіи и славѣ державу и корону Венцеслава; центральное правительство Вѣны обходится съ Богеміею, какъ съ простою провинціею, не пользующеюся даже привиллегіями Галиціи, а между тѣмъ въ Богеміи столько же политическихъ партій, сколько ихъ въ любомъ славянскомъ государствѣ. Да, этотъ проклятый нѣмецкій духъ политиканства и государственности такъ проникъ въ образованіе чешскаго юношества, что оно подвергается серьезной опасности утратить въ конецъ способность понимать свой народъ.

Чешскій крестьянскій народъ представляетъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ славянскихъ типовъ. Въ немъ течетъ гуситская кровь, горячая кровь таборитовъ, живетъ память Жижки; и что, по нашему собственному опыту и по воспоминаніямъ, вынесеннымъ нами изъ 1848 г., составляетъ одно изъ завиднѣйшихъ преимуществъ чешской учащейся молодежи, это ея родственное, истинно-братское отношеніе къ этому народу. Чешскій городской пролетарій не уступаетъ въ энергіи

Библиотека "Руниверс"

и въ горячей преданности крестьянину; онъ также доказалъ это въ 1848 году.

Пролетаріатъ и крестьянство до сихъ поръ любятъ учащуюся молодежъ и вѣрятъ въ нее. Но молодые чешскіе патріоты не должны слишкомъ разсчитывать на эту вѣру. Она необходимымъ образомъ должна будетъ ослабѣть и подъ конецъ совсѣмъ исчезнуть, если они не обрѣтутъ въ себѣ достаточно справедливости, широкаго чувства равенства, свободы и настоящей любви къ народу, чтобы идти вмѣстѣ съ нимъ. Народъ же чешскій—а мы подъ словомъ народъ разумѣемъ всегда главнымъ образомъ пролетаріатъ — итакъ славянскій пролетаріатъ въ Богеміи стремится естественнымъ и неотвратимымъ образомъ туда, куда стремится нынѣ пролетаріатъ всѣхъ странъ, къ экономическому освобожденію, къ Соціальной Революціи.

Онъ былъ бы народомъ чрезвычайно обиженнымъ природою и забитымъ исторіею или, говоря откровенно, чрезвычайно глупымъ и мертвымъ, еслибы оставался чуждымъ этому стремленію, составляющему единственный существенный міровой вопросъ нашего времени. Такого комплимента чешская молодежъ не захочетъ сдѣлать своему народу, а еслибы захотѣла, то народъ не оправдаетъ его. Да къ тому же мы имѣемъ неопровержимое доказательство живого интереса западнославянскаго пролетаріата къ соціальному вопросу. Во всѣхъ австрійскихъ городахъ, гдѣ славянское населеніе смѣшано съ нѣмецкимъ, славянскіе работники принимаютъ самое энергическое участіе во всѣхъ общихъ заявленіяхъ пролетаріата. Но въ этихъ городахъ не существуетъ почти другихъ рабочихъ ассоціацій, кромѣ тѣхъ, которыя признали программу соціальныхъ демократовъ Германіи, такъ что выходитъ на дѣлѣ, что славянскіе работники, увлеченные своимъ соціально—революціоннымъ инстинктомъ, вербуются въ партію, прямая и громко признанная цѣль которой—созданіе пангерманскаго государства, т. е. огромной нѣмецкой тюрьмы.

Этотъ фактъ очень печаленъ, но онъ столь же естественъ. Славянскимъ работникамъ предстоятъ два выбора: или, увлекаясь примѣромъ нѣмецкихъ работниковъ, своихъ братьевъ по соціальному положенію,

Библиотека "Руниверс"

по общей судьбѣ, по голоду, по нуждѣ и по всѣмъ притѣсненіямъ, вступить въ партію, которая имъ обѣщаетъ государство, правда, нѣмецкое, но за то вполнѣ народное, и со всѣми возможными экономическими льготами въ ущербъ капиталистовъ и собственниковъ и въ пользу пролетаріата; или же, увлекаясь патріотической пропагандою своихъ маститыхъ, знаменитыхъ вождей и своей пылкой, но мало еще смыслящей молодежи, вступить въ партію, въ рядахъ и во главѣ которой они встрѣчаютъ своихъ ежедневныхъ эксплуататоровъ и притѣснителей, буржуазовъ, фабрикантовъ, купцовъ, денежныхъ спекулаторовъ, поповъ-іезуитовъ и феодальныхъ владѣтелей огромныхъ наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ помѣстій. Эта партія, впрочемъ, съ гораздо большею послѣдовательностью, чѣмъ первая, обѣщаетъ имъ тюрьму національную, т. е. славянское государство, возстановленіе во всемъ ея древнемъ блескѣ короны Венцеслава—точно будто отъ этого блеска чешскимъ работникамъ станетъ легче!

Если бы славянскимъ работникамъ дѣйствительно не было другого исхода кромѣ этихъ двухъ путей, то, признаемся, мы сами посовѣтывали бы имъ избрать первый. Тамъ, покрайней мѣрѣ, они ошибаются, дѣлятъ общую судьбу съ братьями по труду, по преданіямъ, по жизни, нѣмцами или не нѣмцами, все равно; здѣсь же ихъ заставляютъ называть братьями своихъ непосредственныхъ палачей, своихъ кровопійцъ и принуждаютъ налагать на себя самыя тяжелыя цѣпи во имя общеславянскаго освобожденія. Тамъ они обманываются, здѣсь ихъ продаютъ.

Но существуетъ третій, прямой и спасительный выходъ — образованіе и союзная организація рабочихъ фабричныхъ и земледѣльческихъ ассоціацій на основаніи программы Интернаціонала, разумѣется не той программы, которая подъ именемъ Интернаціонала проповѣдуется партіею, почти исключительно патріотическою и политическою соціальныхъ демократовъ Германіи; но той, которая теперь признается всѣми вольными федераціями Интернаціональнаго Общества Рабочихъ, а именно работниками итальянскими, испанскими, юрскими, французскими, бельгійскими, англій-

Библиотека "Руниверс"

скими и отчасти американскими, не признается же въ сущности одними нѣмцами *)

Мы убѣждены, что этотъ выходъ - - единственный выходъ, какъ для чеховъ, такъ и для всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, ищущихъ своего полнаго освобожденія отъ всякаго ига нѣмецкаго и не нѣмецкаго; внѣ его остается только обманъ, для безчестныхъ и честолюбивыхъ вожаковъ и предводителей партій - почести да карманная прибыль, а для чернорабочихъ массъ--рабство.

Вопросъ для чешской и вообще для всякой славянской образованной молодежи поставленъ теперь очень ясно: хочетъ ли она эксплуатировать свой народъ, обогощаться его трудомъ и на плечахъ его удовлетворять подлое честолюбіе? Она пойдетъ съ старыми славянофильствующими партіями, съ Палацкими, Ригерами, Браунерами и компаніею. Спѣшимъ, впрочемъ, прибавить, что между молодыми приверженцами этихъ вождей есть и много ослѣпленныхъ, обманутыхъ, которые для себя собственно ничего не пріобрѣтаютъ, но служатъ въ рукахъ искусныхъ людей приманкою для народа. Роль во всякомъ случаѣ весьма не завидная.

Тѣ же, которые хотятъ искренно и дѣйствительно полной эмансипаціи народныхъ массъ, тѣ пойдутъ съ нами путемъ Соціальной Революціи, потому что нѣтъ другого пути для завоеванія народной свободы.

До сихъ поръ однако во всѣхъ западно-славянскихъ странахъ преобладала политика старая, государственность самая узкая, разыгрывалась просто на просто нѣмецкая комедія, переведенная только на чешскій языкъ; и даже не одна комедія, а цѣлыхъ двѣ: одна чешская, другая польская. Кто не знаетъ плачевной исторіи союзовъ и разрывовъ перемежавшихся между государственными людьми Богеміи и Галиціи, и рядъ уморительныхъ представленій, данныхъ чешскими и галиційскими депутатами, то вмѣстѣ, то порознь, въ австрійскомъ рейхсратѣ? Въ основѣ же всего лежала

*) Въ Цюрихѣ образовалась славянская секція, вошедшая въ составъ Юрской Федераціи; мы горячо рекомендуемъ всѣмъ славянамъ программу этой секціи, которую помѣщаемъ въ концѣ книги (см. прим. Б).

Библиотека "Руниверс"

и лежитъ іезуитско-феодальная интрига. И такими жалкими, можно сказать, подлыми средствами эти господа надѣются освободить своихъ согражданъ! Странные государственные люди, и какъ, должно быть, потѣшается, глядя на ихъ игру въ государство, ихъ близкій сосѣдъ, князь Бисмаркъ!

Разъ однако, послѣ знаменитаго пораженія претерпѣннаго имъ въ Вѣнѣ, вслѣдствіе одной изъ безчисленныхъ измѣнъ ихъ галиційскихъ союзниковъ, чешскій государственный тріумвиратъ, Палацкій, Ригеръ и Браунеръ, рѣшился сдѣлать смѣлую демонстрацію. По поводу славянской этнографической выставки, нарочно для этого открытой въ Москвѣ въ 1867 г., они отправились сами и увлекли за собой большое количество западныхъ и южныхъ славянъ на поклоненіе бѣлому царю, палачу славяно-польскаго народа. Въ Варшавѣ ихъ встрѣтили русскіе генералы, русскіе чиновники и русскія чиновныя дамы, и въ польской столицѣ, при гробовомъ молчаніи всего польскаго населенія, эти свободолюбивые славяне цѣловались, обнимались съ этими русскими братоубійцами, пили съ ними и кричали ура за славянское братство!

Всѣ знаютъ, какія рѣчи они произносили потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Однимъ словомъ, болѣе постыднаго поклоненія дикой и безпощадной власти и болѣе преступной измѣны и славянскому братству, и истинѣ, и свободѣ со стороны маститыхъ либераловъ, демократовъ и народолюбцевъ никогда не было видано— и эти господа преспокойно возвратились со всѣмъ синклитомъ своимъ въ Прагу, и никто не сказалъ имъ, что они совершили не только подлость, но даже глупость.

Да, глупость, совершенно безполезную, потому что она нисколько имъ не послужила и не поправила ихъ дѣлъ въ Вѣнѣ. Теперь это ясно; короны Венцеслава съ ея старой независимостью они не возстановили и дожили до того, что новая парламентская реформа отняла у нихъ и ту послѣднюю политическую почву, на которой они играли въ государственную игру.

Послѣ своего пораженія въ Италіи австрійское правительство, принужденное отпустить въ извѣстной мѣрѣ на волю венгерское королевство, долго думало,

Библиотека "Руниверс"

какъ ему устроить свое цислейтанское государство. Его собственные инстинкты и требованія нѣмецкихъ либераловъ и демократовъ клонили его къ централизаціи; но славяне, особенно Богемія и Галиція, опираясь на феодально-клерикальную партію, громко требовали федеративной системы. Это колебаніе продолжалось до нынѣшняго года. Наконецъ, правительство рѣшилось къ ужасу славянъ и къ величайшей радости нѣмецкихъ либераловъ и демократовъ на всѣ земли, входящія въ составъ цислейтанскаго государства, надѣть опять старыя нѣмецкія бюрократическія шапки.

Должно замѣтить однако, что отъ этого австрійская имперія сильнѣе не сдѣлалась. Она утратила настоящее сосредоточіе. Всѣ нѣмцы и жиды въ имперіи ищутъ отнынѣ своего центра въ Берлинѣ. Въ тоже время часть славянъ смотритъ на Россію; другіе, руководимые инстинктомъ болѣе вѣрнымъ, ищутъ спасенія въ образованіи народной федераціи. Отъ Вѣны никто болѣе не ждетъ ничего. Не ясно ли, что австрійская имперія собственно кончилась и что, если она хранитъ еще видъ существованія, то только благодаря разсчетливому долготерпѣнію Россіи и Пруссіи, которыя медлятъ и не хотятъ еще приступить къ ея раздѣлу, потому что каждая надѣется въ тайнѣ, что, при удобномъ случаѣ, ей удастся захватить львиную часть.

Ясно, стало быть, что Австрія не въ состояніи состязаться съ новою прусско-германскою имперіею. Посмотримъ, въ состояніи ли сдѣлать это Россія.

Не правда ли, читатель, Россія сдѣлала неслыханные успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ со времени вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго императора Александра II?

И въ самомъ дѣлѣ, если мы захотимъ измѣрить успѣхи, сдѣланные ею за послѣднія двадцать лѣтъ, сравнимъ разстояніе, которое во всѣхъ отношеніяхъ отдѣляло ее тогда, наприм. въ 1856 г., отъ Европы, съ тѣмъ разстояніемъ, которое существуетъ между ними теперь, то успѣхъ окажется удивительный. Россія поднялась, правда, не слишкомъ высоко, но за то западная Европа, оффиціальная и оффиціозная, бюрократическая и буржуазная, упала значительно, такъ что разстояніе рѣшительно уменьшилось. Какой нѣмецъ

Библиотека "Руниверс"

или французъ посмѣетъ, напримѣръ говорить о русскомъ варварствѣ и палачествѣ послѣ ужасовъ, совершенныхъ нѣмцами во Франціи въ 1870 г. и французкими войсками противъ родного Парижа въ 1871. Какой французъ посмѣетъ толковать о подлости и продажности русскихъ чиновниковъ и государственныхъ людей послѣ всей грязи, выступившей наружу и чуть не затопившей французскій бюрократическій и политическій міръ. Нѣтъ, рѣшительно, глядя на французовъ и нѣмцевъ, русскимъ подлецамъ, пошлякамъ, ворамъ и палачамъ не осталось болѣе никакой причины краснѣть. Въ нравственномъ отношеніи, въ цѣлой оффиціальной и оффиціозной Европѣ, установилось скотство или, покрайней мѣрѣ, скотообразіе удивительное.

Другое дѣло въ отношеніи политическаго могущества, хотя и тутъ, покрайней мѣрѣ, въ сравненіи съ французскимъ государствомъ, наши квасные патріоты могутъ кичиться, потому что въ политическомъ отношеніи Россія стоитъ несомнѣнно самостоятельнѣе и выше, чѣмъ Франція. За Россіей ухаживаетъ самъ Бисмаркъ, а за Бисмаркомъ ухаживаетъ побѣжденная Франція. Весь вопросъ въ томъ, каково отношеніе могущества всероссійской имперіи къ могуществу пангерманской имперіи, несомнѣнно преобладающему, по крайней мѣрѣ, на континентѣ Европы?

Мы, русскіе, всѣ до послѣдняго, можно сказать, человѣка знаемъ, что такое, съ точки зрѣнія внутренней жизни ея, наша любезная всероссійская имперія. Для небольшого количества, можетъ быть, для нѣсколькихъ тысячъ людей, во главѣ которыхъ стоитъ императоръ со всѣмъ августѣйшимъ домомъ и со всею знатною челядью, она—неистощимый источникъ всѣхъ благъ, кромѣ умственныхъ и человѣчески-нравственныхъ; для болѣе обширнаго, хотя все еще тѣснаго меньшинства, состоящаго изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, высокихъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ чиновниковъ, богатыхъ землевладѣльцевъ, купцовъ, капиталистовъ и паразитовъ, она—благодушная, благодѣтельная и снисходительная покровительница законнаго и весьма прибыльнаго воровства; для обширнѣйшей массы мелкихъ служащихъ, все таки

Библиотека "Руниверс"

еще ничтожной въ сравненіи съ народною массою—скупая кормилица; а для безчисленныхъ милліоновъ чернорабочаго народа—злодѣйка-мачиха, безжалостная обирательница и въ гробъ загоняющая мучительница.

Такою она была до крестьянской реформы, такою осталась теперь и будетъ всегда. Доказывать это русскимъ нѣтъ никакой необходимости. Какой же взрослый русскій не знаетъ, можетъ не знать этого? Русское образованное общество раздѣляется на три категоріи: на такихъ, которые, зная это, находятъ для себя слишкомъ невыгоднымъ признавать эту истину, несомнѣнную точно также для нихъ, какъ и для всѣхъ; на такихъ, которые не признаютъ ее, не говорятъ о ней изъ боязни; и наконецъ, на тѣхъ. которые за неимѣніемъ другой смѣлости, по крайней мѣрѣ, дерзаютъ ее высказывать. Есть еще четвертая категорія, къ несчастью слишкомъ малочисленная и состоящая изъ людей не на шутку преданныхъ народному дѣлу и не довольствующихся высказываніемъ.

Есть, пожалуй, пятая, даже и не столь малочисленная категорія людей, ничего невидящихъ, и ничего несмыслящихъ. Ну, да съ этими и говорить нечего.

Всякій сколько-нибудь мыслящій и добросовѣстный русскій долженъ понимать, что наша имперія не можетъ перемѣнить своего отношенія къ народу. Всѣмъ своимъ существованіемъ она обречена быть губительницею его, его кровопійцею. Народъ инстинктивно ее ненавидитъ, а она неизбѣжно его гнететъ, такъ какъ на народной бѣдѣ построено все ея существованіе и сила. Для поддержанія внутренняго порядка, для сохраненія насильственнаго единства и для поддержанія внѣшней даже не завоевательной, а только самоохраняющей силы, ей нужно огромное войско, а вмѣстѣ съ войскомъ нужна полиція, нужна безчисленная бюрократія, казенное духовенство... однимъ словомъ, огромнѣйшій оффиціальный міръ, содержаніе котораго, не говоря уже о его воровствѣ, неизбѣжно давитъ народъ.

Нужно быть осломъ, невѣждою, сумасшедшимъ, чтобы вообразить себѣ, что какая-нибудь конституція, даже самая либеральная и самая демократическая, могла бы измѣнить къ лучшему это отношеніе государства къ народу; ухудшить, сдѣлать его еще болѣе обремени-

Библиотека "Руниверс"

тельнымъ, разорительнымъ, пожалуй — хотя и трудно, потому что зло доведено до конца, но освободить народъ, улучшить его состояніе это просто нелѣпость! Пока существуетъ имперія, она будетъ заѣдать нашъ народъ. Полезная конституція для народа можетъ быть только одна—разрушеніе имперіи.

Итакъ, мы не будемъ говорить о ея внутреннемъ состояніи, убѣжденные, что оно не можетъ быть хуже; но посмотримъ, достигаетъ ли она дѣйствительно той внѣшней цѣли, которую даетъ, разумѣется не человѣческій, а политическій смыслъ ея существованію. Цѣною огромныхъ и безчисленныхъ народныхъ жертвъ, правда, невольныхъ, но тѣмъ еще болѣе жестокихъ, умѣло ли оно создать, по крайней мѣрѣ, военную силу, способную состязаться съ военною силою, напримѣръ, новой германской имперіи?

Въ этомъ, собственно, въ настоящее время состоитъ весь политическій русскій вопросъ; вопросъ же внутренній, мы знаемъ, остается теперь одинъ — вопросъ Соціальной Революціи. Но мы остановимся теперь на внѣшнемъ вопросѣ и спросимъ способна ли Россія бороться противъ Германіи?

Взаимныя любезности, клятвы, лобызанія и слезопролитія, расточаемыя теперь между двумя императорскими дворами, между берлинскимъ дядею и петербургскимъ племяникомъ, ничего не значатъ. Извѣстно, что въ политикѣ все это не стоитъ и гроша. Вопросъ, затронутый нами, поставленъ съ неотвратимою необходимостью новымъ положеніемъ Германіи, которая за одну ночь выросла въ огромное всесильное государство. Но вся исторія свидѣтельствуетъ и самая раціональная логика подтверждаетъ, что два равносильныхъ государства не могутъ существовать рядомъ, что это противно ихъ существу, состоящему и выражающемуся неизмѣнно и необходимо въ преобладаніи; но преобладаніе не терпитъ равносилія. Одна сила непремѣнно должна быть сломлена, должна попокориться другой.

Да, это составляетъ теперь существенную необходимость для Германіи. Послѣ долгаго, долгаго политическаго униженія она вдругъ стала могущественнѣйшей державою на континентѣ Европы. Можетъ-ли она терпѣть, чтобы рядомъ, такъ сказать у самаго ея носа,

Библиотека "Руниверс"

стояла держава вполнѣ отъ нея независимая, ею еще не побѣжденная и смѣющая равняться съ нею, говоримъ мы, какъ съ равною! И какая еще держава, русская, т. е. самая ненавистная!

Мы думаемъ, что мало русскихъ, которые не знали бы до какой степени нѣмцы, всѣ нѣмцы, а главнымъ образомъ нѣмецкіе буржуазы, и подъ ихъ вліяніемъ, увы! и самъ нѣмецкій народъ ненавидятъ Россію. Они ненавидятъ и ненавидѣли французовъ, но эта ненависть ничто въ сравненіи съ тою, которую они питаютъ противъ Россіи. Эта ненависть составляетъ одну изъ сильнѣйшихъ національныхъ нѣмецкихъ страстей.

Какимъ образомъ создалась эта обще-національная страсть? Начало ея было довольно почтенно. Это былъ протестъ, все-таки несравненно болѣе гуманный, хотя и нѣмецкій, цивилизаціи противъ нашего татарскаго варварства. Потомъ, а именно въ двадцатыхъ годахъ, она приняла характеръ протеста болѣе опредѣленнаго политическаго либерализма противъ политическаго деспотизма. Извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ нѣмцы не на шутку называли себя либералами и вѣрили въ свой либерализмъ. Они ненавидѣли Россію, какъ представительницу деспотизма. Правда, что, еслибы они могли и хотѣли быть справедливы, они должны были-бы, по крайней мѣрѣ, раздѣлить эту ненависть поровну между Россіей, Пруссіей и Австріей. Но это было-бы противно ихъ патріотизму, и потому они возложили всю отвѣтственность за политику Священнаго Союза на Россію.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ польская революція возбудила живѣйшую симпатію въ цѣлой Германіи, и кровавое усмиреніе ея усилило негодованіе нѣмецкихъ либераловъ противъ Россіи. Все это было весьма естественно и законно, хотя и тутъ справедливость требовала бы, чтобы хоть какая-нибудь часть этого негодованія пала на Пруссію, которая очевидно помогала Россіи въ отвратительномъ дѣлѣ усмиренія поляковъ; и помогала совсѣмъ не изъ великодушія, а потому что того требовалъ ея собственный интересъ, такъ какъ освобожденіе царства польскаго и Литвы имѣло-бы непремѣннымъ послѣдствіемъ возстаніе всей Польши прусской, что убило-бы въ корнѣ возникавшее могущество прусской монархіи.

Библиотека "Руниверс"

Но во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ возникла новая причина для ненависти нѣмцевъ противъ Россіи, придавшая этой ненависти совершенно новый характеръ, уже не либеральный, а политически-національный — поднялся славянскій вопросъ и вскорѣ между австрійскими и турецкими славянами образовалась цѣлая партія, которая стала надѣяться и ждать помощи изъ Россіи. Уже въ двадцатыхъ годахъ тайное общество демократовъ, а именно южная отрасль этого общества, руководимая Пестелемъ, Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ, возъимѣло первую мысль о вольной всеславянской федераціи. Императоръ Николай овладѣлъ этой мыслью, но передѣлалъ ее по своему. Всеславянская вольная федерація обратилась въ его умѣ въ панславистское единое и самодержавное государство, разумѣется, подъ его желѣзнымъ скипетромъ.

Въ началѣ тридцатыхъ и въ началѣ сорокковыхъ годовъ стали отправляться изъ Петербурга и изъ Москвы русскіе агенты въ славянскія земли, одни оффиціальные, другіе добровольные и безплатные. Послѣдніе принадлежатъ къ московскому, далеко не тайному обществу славянофиловъ. Поднялась между западными и южными славянами панславистическая пропаганда. Появилось много брошюръ. Эти брошюры были частью написаны, частью же переведены по нѣмецки, и перепугали пангерманскую публику не на шутку. Поднялся гвалтъ между нѣмцами.

Мысль, что Богемія, древняя имперская земля, входящая въ самое сердце Германіи, можетъ отторгнуться, стать самостоятельною славянскою страною или, чего Боже упаси, русскою провинціею, лишила ихъ аппетита и сна, и съ тѣхъ поръ посыпались на Россію проклятія, съ тѣхъ поръ по самый настоящій часъ ненависть нѣмцевъ росла противъ Россіи. Теперь она проявляется въ громадныхъ размѣрахъ. Русскіе, съ своей стороны, также не очень жалуютъ нѣмцевъ; возможно-ли, чтобы при существованіи такого трогательнаго взаимнаго отношенія, двѣ сосѣднія имперіи, всероссійская и пангерманская, могли оставаться долго въ мирѣ?

А между тѣмъ, побудительныхъ причинъ для соблюденія мира между ними по самое настоящее время было, да и теперь еще существуетъ достаточно. Пер-

Библиотека "Руниверс"

вая причина Польша. Державныхъ хищниковъ, раздѣлившихъ между собою самымъ разбойническимъ образомъ Польшу, было трое—австрійскій, прусскій и всероссійскій. Но и въ самый моментъ дѣленія и потомъ, всякій разъ, когда поднимался вновь польскій вопросъ, наименѣе заинтересованною была и осталась Австрія. Извѣстно, что въ самомъ началѣ австрійскій дворъ протестовалъ даже противъ дѣленія, и только по настоятельному требованію Фридриха II и Екатерины II императрица Марія Терезія согласилась принять долю, выпадавшую на ея часть. Она пролила даже по этому случаю добродѣтельныя слезы, сдѣлавшіяся историческими, но все-таки приняла. И какъ было не принять? Но она и была вѣнценосной особой, чтобы забирать. Для царей законы не писаны, а аппетитамъ ихъ границъ нѣтъ. Въ своихъ запискахъ Фридрихъ II замѣчаетъ, что, рѣшившись разъ принять участіе въ союзномъ грабежѣ, учиненномъ надъ Польшей, австрійское правительство, отыскивая какую-то небывалую рѣку, поспѣшило занять своими войсками гораздо болѣе земли, чѣмъ ей было нужно по договору.

Но все таки замѣчательно, что Австрія молилась и плакала, грабя, въ то время какъ Россія и Пруссія совершали разбойничье дѣло, остря и смѣясь. Извѣстно, что Екатерина II и Фридрихъ II вели въ тоже время преостроумнѣйшую и самую филантропическую переписку съ французскими философами. Еще замѣчательнѣе, что потомъ, даже до нашего времени всякій разъ, когда несчастная Польша дѣлала отчаянную попытку освободиться и возстановиться, россійскій и прусскій дворы приходили въ трепетъ и бѣшенство и явно или тайно спѣшили соединить усилія, чтобы раздавить возстаніе, тогда какъ Австрія, какъ бы невольная и увлеченная сообщница, не только не приходила въ волненіе и не присоединялась къ ихъ мѣропріятіямъ, но, напротивъ, при началѣ всякаго новаго польскаго возстанія, какъ будто изъявляла готовность помочь полякамъ и въ нѣкоторой степени дѣйствительно помогала Такъ было въ 1831 г., а еще яснѣе въ 1862 г., когда Бисмаркъ открытымъ образомъ взялъ на себя роль русскаго жандарма; Австрія же, напротивъ, дозволила по-

Библиотека "Руниверс"

лякамъ перевозить, разумѣется секретно, оружіе въ Польшу.

Какимъ образомъ объяснить эту разницу въ поведеніи? Не благородствомъ же, не человѣколюбіемъ и не справедливостью Австріи? Нѣтъ, просто на просто ея интересомъ. Не даромъ плакала Марія Терезія. Она чувствовала, что, посягая вмѣстѣ съ другими на политическое существованіе Польши, она рыла гробъ австрійской имперіи. Что могло быть для нея выгоднѣе, какъ сосѣдство на ея сѣверо-восточной границѣ этого дворянскаго, правда, не умнаго, но строго консервативнаго и вовсе не завоевательнаго государства; оно не только освобождало ее отъ непріятнаго сосѣдства Россіи, но отдѣляло ее и отъ Пруссіи, служило ей драгоцѣнною охраною противъ обѣихъ завоевательныхъ державъ.

Нужно было имѣть всю рутинную глупость, а главное, продажность министровъ Маріи Терезіи, и потомъ высокомѣрное мелкоуміе и злостно-реакціонное упорство стараго Меттерниха, который впрочемъ, какъ извѣстно, также былъ на пенсіи у петербургскаго и берлинскаго дворовъ, надо было быть обреченнымъ на гибель исторіею, чтобы не понять этого.

Всероссійская имперія и прусское королевство очень хорошо понимали свою обоюдную выгоду. Первое дѣленіе Польши давало значеніе великой европейской державы; второе вступило на путь, по которому нынѣ дошло до безспорнаго преобладанія. А вмѣстѣ съ тѣмъ, бросивъ окровавленный кусокъ растерзанной Польши австрійской имперіи, обжорливой отъ природы, они приготовили эту имперію себѣ на закланіе, обрекли ее на позднѣйшую жертву своему столь же неутомиму аппетиту. Пока онѣ не удовлетворятъ этому аппетиту, пока не подѣлятъ австрійскія владѣнія между собою, до тѣхъ поръ останутся и принуждены оставаться союзниками и друзьями, хотя отъ всей души ненавидятъ другъ друга. Не мудрено, что самый дѣлежъ Австріи поссоритъ ихъ, но до этого ничто въ мірѣ не въ состояніи поссорить ихъ.

Имъ не выгодно ссориться. У новой пруско-германской имперіи нѣтъ въ настоящее время въ Европѣ и въ цѣломъ мірѣ ни одного союзника, кромѣ Россіи, да

Библиотека "Руниверс"

можетъ быть еще при Россіи Соединенные Штаты Америки. Всѣ ея боятся и всѣ ея ненавидятъ, всѣ будутъ радоваться ея паденію, потому что она давитъ всѣхъ, грабитъ всѣхъ. А между тѣмъ ей надо еще совершить много завоеваній, чтобы вполнѣ осуществить планъ и идею пангерманской имперіи. Ей надо отобрать у французовъ не часть, а всю Лотарингію; надо завоевать Бельгію, Голландію, Швейцарію, Данію и весь Скандинавскій полуостровъ; надо также прибрать въ свои руки и наши прибалтійскія провинціи, чтобы одной хозяйничать на Балтійскомъ морѣ. Ну, словомъ, за исключеніемъ венгерскаго королевства, которое она оставитъ мадьярамъ, и Галиціи, которую вмѣстѣ съ австрійскою Буковиною уступитъ Россіи, она же, повинуясь той же силѣ вещей, непремѣнно будетъ стремиться къ захвату всей Австріи по самый Тріестъ включительно, и, разумѣется, включая Богемію, которую петербургскій кабинетъ и не подумаетъ оспаривать у нея.

Мы увѣрены и положительно знаемъ, что на счетъ болѣе или менѣе отдѣльнаго дѣленія австрійской имперіи уже давно ведутся тайные переговоры между дворами петербургскимъ и германскимъ, при чемъ, разумѣется, какъ и всегда бываетъ въ дружескихъ сношеніяхъ двухъ великихъ державъ, всегда стараются надуть другъ друга.

Какъ ни огромно могущество прусско-германской имперіи, ясно однако, что она одна не довольно сильна, чтобы осуществить такія огромныя предпріятія противъ воли цѣлой Европы. Поэтому союзъ Россіи составляетъ и будетъ еще долго составлять насущную необходимость.

Существуетъ-ли такая необходимость для Россіи?

Начнемъ съ того, что наша имперія, болѣе чѣмъ всякія другія, есть государство, по преимуществу, военное, потому что для образованія, по возможности, огромной военной силы она съ самаго перваго дня своего основанія жертвовала и теперь жертвуетъ всѣмъ, что составляетъ жизнь, преуспѣваніе народа. Но, какъ военное государство, она хочетъ имѣть одну цѣль, одно дѣло, дающее смыслъ ея существованію— завоеваніе. Внѣ этой цѣли она просто нелѣпость. Итакъ, завоеванія во всѣ стороны и во чтобы то ни стало—

Библиотека "Руниверс"

вотъ вамъ нормальная жизнь нашей имперіи. Теперь вопросъ, въ какую сторону должна, захочетъ направиться эта завоевательная сила?

Два пути открываются передъ нею: одинъ западный, другой восточный. Западный направленъ прямо противъ Германіи. Это путь панславистскій и вмѣстѣ съ тѣмъ путь союза съ Франціей противъ соединенныхъ силъ прусской Германіи и австрійской имперіи при вѣроятномъ нейтралитетѣ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Другой путь прямо ведетъ въ восточную Индію, въ Персію и въ Константинополь. На немъ встанутъ врагами Австрія, Англія и вѣроятно вмѣстѣ съ ними Франція, а союзниками—прусская Германія и Соединенные Штаты.

По которому изъ этихъ двухъ путей захочетъ пойти наша воинственная имперія? Говорятъ, что наслѣдникъ страстный панславистъ, ненавистникъ нѣмцевъ, отъявленный другъ французовъ и стоитъ за первый путь; но за то нынѣ благополучно царствующій императоръ—другъ нѣмцевъ, любящій племянникъ своего дяди и стоитъ за второй. Однако дѣло не въ томъ куда влекутъ чувства того или другого; вопросъ въ томъ, куда можетъ идти имперія съ надеждою на успѣхъ и не подвергаясь опасности сломиться.

Можетъ ли она идти первымъ путемъ? Правда, что на немъ встрѣчается союзъ съ Франціей, союзъ далеко не представляющій теперь тѣхъ выгодъ, той матеріальной и той нравственной силы, которую онъ обѣщалъ еще за три или четыре года тому назадъ. Національное единство Франціи рушилось безвозвратно. Въ предѣлахъ такъ называемой единой Франціи существуютъ теперь три или, пожалуй, даже четыре различныя и другъ къ другу рѣшительно враждебно расположенныя Франціи: Франція аристократически-клерикальная, состоящая изъ дворянъ, изъ богатой буржуазіи и изъ поповъ; Франція чисто буржуазная, обнимающая среднюю и мелкую буржуазію; Франція рабочая, заключающая весь городской и фабричный пролетаріатъ и, наконецъ, Франція крестьянская. За исключеніемъ двухъ послѣднихъ, которыя могутъ сойтись и, напримѣръ на югѣ Франціи уже начинаютъ сходиться, между

Библиотека "Руниверс"

этими классами исчезла всякая возможность единодушія на какомъ бы то ни было пунктѣ, даже когда дѣло идетъ объ охранѣ отечества.

Мы видѣли это на дняхъ. Нѣмцы еще стоятъ во Франціи, занимаютъ Бельфоръ въ ожиданіи послѣдняго милліарда. Какія нибудь три или четыре недѣли оставались до очищенія ими страны. Нѣтъ, большинство версальской палаты, состоящее изъ легитимистовъ, орлеанистовъ и бонапартистовъ, реакціонерныхъ до безумія, до бѣшенства, не захотѣло выждать этого срока—свалило Тьера, посадило на его мѣсто маршала Макъ Магона, который силою штыковъ обѣщаетъ возстановить нравственный порядокъ во Франціи.... Государственная Франція переставала быть страною жизни, ума великодушныхъ порывовъ. Она какъ будто вдругъ переродилась и стала передовою страною грязи, подлости, продажничества, звѣрства, измѣны, пошлости, непроходимой и изумительной глупости. Надо всѣмъ же паритъ невѣжество, которому нѣтъ конца, Она обрекаетъ себя папѣ, попамъ, инквизиціи, іезуитамъ, Селетской Божіей матери и святому Лавру. Она не на шутку ищетъ въ католической церкви своего возрожденія, въ защитѣ католическихъ интересовъ свое назначеніе. Религіозныя процессіи покрыли страну и заглушаютъ своими торжественными литаніями протесты и жалобы побѣжденнаго пролетаріата. Депутаты, министры, префекты, генералы, профессора, судьи парадируютъ на нихъ со свѣчами въ рукахъ, не краснѣя, безъ всякой вѣры въ сердцѣ, а потому только, „что вѣра нужна для народа“. Впрочемъ, есть и цѣлый сонмъ вѣрующихъ дворянъ ультрамонтанцевъ и легитимистовъ, воспитанныхъ іезуитами, которые громко требуютъ, чтобы Франція торжественно посвятила себя Христу и его непорочной матери. И въ то самое время, когда народное богатство или, вѣрнѣе, народный трудъ, производитель всѣхъ богатствъ, отданъ на разграбленіе биржевыхъ спекуляторовъ, аферистовъ, богатыхъ собственниковъ и капиталистовъ, въ то самое время, какъ всѣ государственные люди, министры, депутаты, чиновники всякаго рода, гражданскіе и военные, адвокаты, а главнымъ образомъ, всѣ эти ханжи-іезуиты самымъ безсовѣстнымъ образомъ набиваютъ свои кар-

Библиотека "Руниверс"

маны, вся Франція дѣйствительно отдается на управленіе поповъ. Попы забрали въ руки все просвѣщеніе, университеты, гимназіи, народныя школы; они стали вновь исповѣдниками и духовными путеводителями храбраго французскаго воинства, которое скоро окончательно потеряетъ способность драться противъ внѣшнихъ враговъ, но за то сдѣлается врагомъ тѣмъ болѣе опаснымъ для собственнаго народа.

Вотъ настоящее положеніе государственной Франціи! Она въ самое короткое время перещеголяла шварценборговскую Австрію (послѣ 1849 г.), а мы знаемъ, чѣмъ кончила эта Австрія—пораженіемъ въ Испаніи, пораженіемъ въ Богеміи и всеобщимъ крушеніемъ.

Правда, Франція, несмотря даже на послѣднее разореніе, богата, несомнѣнно богаче Германіи, извлекшей въ промышленномъ и торговомъ отношеніи немного пользы отъ пяти милліардовъ, уплоченныхъ Франціею. Это богатство позволило французскому народу возстановить въ очень короткое время всѣ внѣшніе признаки силы и правильнаго устройства. Но не надо даже вглядываться глубоко, достаточно чуть-чуть приподнять лживо-блестящую поверхность, чтобы убѣдиться, какъ все внутри гнило потому, что во всемъ этомъ еще громадномъ государственномъ тѣлѣ не осталось даже искры живой души.

Государственная Франція безвозвратно кончается, и жестоко обманется тотъ, кто будетъ разсчитывать на ея союзъ. Кромѣ безсилія и страха онъ въ ней ничего не найдетъ; она посвящена папѣ, Христу, Божьей Матери, божественному разуму и человѣческому безсмыслію. Она отдана на жертву ворамъ и попамъ; и если у нея еще осталась военная сила, то вся она пойдетъ на укрощеніе и усмиреніе своего себственнаго пролетаріата. Какая же можетъ быть польза отъ ея союза?

Но есть чрезвычайно важная причина, которая никогда не позволитъ нашему правительству, будь во главѣ его Александръ II или Александръ III, слѣдовать по пути западнаго или панславистическаго завоеванія. Это путь революціонный въ томъ смыслѣ, что ведетъ прямо къ возмущенію народовъ, по преимуществу славянскихъ, противъ ихъ законныхъ государей, австрійскаго и пруско-германскаго. Онъ былъ

Библиотека "Руниверс"

предложенъ княземъ Паскевичемъ императору Николаю.

Положеніе Николая было опасное; онъ имѣлъ противъ себя двѣ могущественнѣйшія державы, Англію и Францію. Благодарная Австрія грозила ему. Только одна обиженная имъ Пруссія оставалась вѣрна, но и эта, уступая натиску трехъ государствъ, начинала колебаться и вмѣстѣ съ австрійскимъ правительствомъ дѣлала ему внушительныя представленія. Николай, полагавшій всю свою славу главнымъ образомъ въ томъ, чтобы отличаться непреклонностью, долженъ былъ или уступить, или умереть. Уступить было стыдно, а умереть, разумѣется, не хотѣлось. И въ эту критическую минуту ему было сдѣлано предложеніе поднять панславистское знамя; мало того, надѣть на свою императорскую корону фригійскую шапку и звать не только славянъ, но и мадьяръ, румынъ, италіанцевъ *) на бунтъ.

Императоръ Николай призадумался, но, должно отдать ему справедливость, колебался не долго; онъ понялъ, что ему не слѣдуетъ кончать свое многолѣтное поприще, ознаменованное чистѣйшимъ деспотизмомъ, на поприщѣ революціонномъ. Онъ предпочелъ умереть.

Онъ былъ правъ. Нельзя было кичиться своимъ деспотизмомъ внутри и поднимать революціи внѣ своего государства. Особенно невозможно было это для императора Николая, такъ какъ на первомъ шагу, который онъ сдѣлалъ бы по этому пути, онъ встрѣтился бы лицомъ къ лицу съ Польшею. Возможно ли было звать славянскіе и другіе народы къ возстанію и продолжать душить Польшу! Но что же дѣлать съ Польшею? Освободить ее? Но, не говоря уже о томъ, какъ это было противно всѣмъ инстинктамъ императора Николая, нельзя не признать, что для всероссійской государственности освобожденіе Польши рѣшительно невозможно.

Цѣлые вѣка длилась борьба между двумя формами государства. Вопросъ шелъ о томъ кто побѣдитъ, шляхетская ли воля, или царскій кнутъ. Собственно о на-

*) Мы слышали отъ самого Маццини, что въ это самое время русскіе оффиціозные агенты въ Лондонѣ просили у него свиданія и дѣлали ему предложенія...

Библиотека "Руниверс"

родѣ не было рѣчи ни въ томъ, ни въ другомъ лагерѣ; въ обоихъ онъ былъ одинаково рабомъ, труженикомъ, кормильцемъ и нѣмымъ пьедесталомъ государства. Казалось сначала, что должны побѣдить поляки. На ихъ сторонѣ была образованность, военное искусство и храбрость, и такъ какъ войска ихъ состояли по преимуществу изъ малой шляхты, они дрались, какъ вольные люди, а русскіе, какъ рабы. Всѣ шансы казались на ихъ сторонѣ. И дѣйствительно, въ продолженіи очень долгаго времени они выходили побѣдителями изъ каждой войны, громили русскія области и даже одинъ разъ покорили Москву и посадили на царскій престолъ своего королевича.

Сила, выгнавшая ихъ изъ Москвы, была не царская и даже не боярская, а народная. Пока народныя массы не вмѣшивались въ борьбу, полякамъ счастливилось. Но лишь только самъ народъ выступилъ дѣйствующимъ лицомъ на сцену одинъ разъ въ 1612 г., другой разъ въ видѣ поголовнаго возстанія малороссійскаго и литовскаго холопства подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, счастье совершенно оставило ихъ. Съ тѣхъ поръ вольно-шляхетское государство стало чахнуть и падать, пока не погибло окончательно.

Русскій кнутъ побѣдилъ благодаря народу и, вмѣтѣ съ тѣмъ, разумѣется, въ великій ущербъ народу, который въ знакъ истинной государственной благодарности былъ отданъ въ наслѣдственное рабство царскимъ холопамъ, дворянамъ-помѣщикамъ. Нынѣ царствующій императоръ Александръ II освободилъ, говорятъ, крестьянъ. Мы знаемъ, каково это освобожденіе.

А между тѣмъ, именно на развалинахъ шляхетски-польскаго государства основалась всероссійская кнутовая имперія. Лишите ее этой основы, отберите области, входившія до 1772 г. въ составъ польскаго государства, и всероссійская имперія исчезнетъ.

Она исчезнетъ потому, что съ потерей этихъ провинцій, самыхъ богатыхъ, самыхъ плодородныхъ и самыхъ населенныхъ, богатство ея, и безъ того не чрезвычайное, и сила уменьшатся на половину. За этой потерей не замедлитъ послѣдовать потеря прибалтійскаго края, а, предположивъ, что возстановляемое польское государство будетъ возстановлено не только на

Библиотека "Руниверс"

бумагѣ, а въ дѣйствительности и заживетъ новою, сильною жизнью, имперія очень скоро утратитъ всю Малороссію, которая сдѣлается или польскою областью, или независимымъ государствомъ, утратитъ по этому также и свою черноморскую границу, будетъ отрѣзана со всѣхъ сторонъ отъ Европы и загнана въ Азію.

Иные полагаютъ, что имперія можетъ отдать Польшѣ по крайней мѣрѣ Литву. Нѣтъ, не можетъ по тѣмъ же причинамъ. Соединенные Москва и Польша послужили бы непремѣнно и, можно сказать, съ неотвратимою необходимостью, польскому государственному патріотизму широкою точкою отправленія для завоеванія прибалтійскихъ провинцій и Украйны. Довольно освободить только царство польское, и того достаточно. Варшава тотчасъ сойдется съ Вильною, съ Гродно, съ Минскомъ, пожалуй, съ Кіевомъ, не говоря уже о Подолѣ и Волыни.

Какъ же быть? Поляки такой безпокойный народъ, что имъ нельзя оставить ни одного мѣстечка свободнымъ; сейчасъ въ немъ законспирируютъ и поведутъ тайныя связи со всѣми забранными областями съ цѣлью возстановленія польскаго государства. Въ 1841 г., напримѣръ, оставался одинъ вольный городъ Краковъ, и Краковъ сдѣлался центромъ общепольскаго революціоннаго предпріятія.

Не ясно ли, что такая имперія можетъ продолжать свое существованіе только подъ условіемъ душить Польшу по Муравьевской системѣ. Мы говоримъ имперія, а не народъ русскій, который по нашему убѣжденію, не имѣетъ ничего общаго съ имперіей, и интересы, а также и всѣ инстинктивныя стремленія котораго абсолютно противуположны интересамъ и сознательнымъ стремленіямъ имперіи.

Какъ скоро имперія рушится и народы великорусскій, малорусскій, бѣлорусскій и другіе возстановятъ свою свободу, для нихъ не страшны будутъ честолюбивые замыслы польскихъ государственныхъ патріотовъ; они могутъ быть убійственны только для Имперіи.

Вотъ почему никакой всероссійскій императоръ, если онъ только въ своемъ умѣ и если его не заставитъ желѣзная необходимость, никогда не согласится отпустить на волю ни малѣйшей части Польши. А, не освободивъ

Библиотека "Руниверс"

поляковъ, можетъ ли онъ призвать къ бунту славянъ?

Причины, помѣшавшія ему поднять панславистически-бунтовское знамя, всецѣло существуютъ и теперь съ тою разницею, что тогда этотъ путь обѣщалъ болѣе выгодъ, чѣмъ въ настоящее время. Тогда можно было еще разсчитывать на возстаніе мадьяръ, Италіи, находившихся подъ ненавистнымъ игомъ Австріи. Теперь Италія осталась бы безъ сомнѣнія нейтральною, такъ какъ Австрія отдала бы ей вѣроятно, безъ всякихъ споровъ, лишь бы отъ нея отдѣлаться, тѣ немногіе остатки итальянской земли, которые она еще удерживаетъ въ своемъ владѣніи. Что касается мадьяръ, то можно сказать навѣрное, что они со всею страстью, внушаемой имъ ихъ собственнымъ господствующимъ отношеніемъ къ славянамъ, приняли бы сторону нѣмцевъ противъ Россіи.

И такъ, въ случаѣ панславистической войны, которую русскій императоръ поднялъ бы противъ Германіи, онъ могъ бы разсчитывать на содѣйствіе, болѣе или менѣе дѣятельное, только славянъ, и то только австрійскихъ славянъ, потому что, если бы ему вздумалось поднять и турецкихъ, то онъ вызвалъ бы противъ себя новаго врага, Англію, эту ревнивую защитницу самостоятельнаго существованія оттоманскаго государства. Но въ Австріи славянъ считается около 17 милліоновъ, за вычетомъ 5 милліоновъ жителей Галиціи, гдѣ болѣе или менѣе симпатизирующіе руссины были бы парализированы враждебными поляками, останется 12 милліоновъ, на возстаніе которыхъ русскій императоръ могъ бы, можетъ быть, разсчитывать, исключая, разумѣется, еще тѣхъ, которые завербованы въ австрійское войско и которые по обычаю всякаго войска стали бы драться противъ кого начальство прикажетъ.

Прибавимъ, что эти 12 милліоновъ даже не сосредоточены въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ, а разбросаны по всему пространству австрійской имперіи, говорятъ на совершенно разныхъ нарѣчіяхъ и перемѣшаны то съ нѣмцами, то съ мадьярами, то съ румынами, то, наконецъ, съ итальянскими населеніями. Этого очень много, чтобы держать въ постоянной тревогѣ австрійское правительство и вообще нѣмцевъ, но слишкомъ мало, чтобы доставить русскимъ войскамъ серьез-

Библиотека "Руниверс"

ную опору противъ соединенныхъ силъ прусской Германіи и Австріи.

Увы! русское правительство это знаетъ и всегда очень хорошо понимало и потому никогда не имѣло и не будетъ имѣть намѣренія вести панславистическую войну противъ Австріи, которая необходимо превратилась бы въ войну противъ цѣлой Германіи. Но если наше правительство такого намѣренія не имѣетъ, зачѣмъ же оно ведетъ посредствомъ своихъ агентовъ настоящую панславистическую пропаганду въ австрійскихъ владѣніяхъ? По очень простой причинѣ, по той самой, на которую сейчасъ указали, а именно потому, что русскому правительству очень пріятно и полезно имѣть такое множество горячихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣпыхъ, чтобы не сказать глупыхъ, приверженцевъ во всѣхъ австрійскихъ областяхъ. Это парализуетъ, связываетъ, безпокоитъ австрійское правительство, и усиливаетъ вліяніе Россіи не только на Австрію, но на цѣлую Германію. Императорская Россія возбуждаетъ австрійскихъ славянъ противъ мадьяръ и нѣмцевъ, очень хорошо зная, что въ концѣ концовъ предастъ ихъ въ руки тѣхъ же мадьяръ и нѣмцевъ. Игра подлая, но за то вполнѣ государственная.

Итакъ, союзниковъ и дѣйствительной опоры на западѣ, въ случаѣ панславистической войны противъ нѣмцевъ, всероссійская имперія найдетъ немного. Посмотримъ теперь съ кѣмъ ей придется бороться. Во-первыхъ, со всѣми нѣмцами прусскими и австрійскими, во-вторыхъ, съ мадьярами и, въ-третьихъ, съ поляками.

Оставляя въ сторонѣ поляковъ и даже мадьяръ, спросимъ, способна-ли императорская Россія вести наступательную войну противъ соединенныхъ силъ всей Германіи, прусской и австрійской, или хотя даже одной прусской. Мы говоримъ, войну наступательную, потому что здѣсь предполагается, что предприметъ ее Россія въ виду мнимаго освобожденія, собственно же завоеванія австрійскихъ славянъ.

Прежде всего несомнѣнно, что никакая наступательная война въ Россіи не будетъ войною національною. Это почти общее правило; народы рѣдко принимаютъ живое участіе въ войнахъ, предпринимаемыхъ и ведущихся ихъ правительствами за предѣлами отечества.

Библиотека "Руниверс"

Такія войны бываютъ чаще всего исключительно политическими, если не примѣшивается интересъ или религіозный, или революціонный. Таковы были для нѣмцевъ, французовъ, голландцевъ, англичанъ и даже для шведовъ въ XVI вѣкѣ войны между реформаторами и католиками. Таковы же были для Франціи въ концѣ XVIII вѣка революціонныя войны. Но въ новѣйшей исторіи мы знаемъ только два исключительные примѣра, когда народныя массы относились съ дѣйствительною симпатіею къ политическимъ войнамъ, предпринятымъ ихъ правительствами въ виду расширенія предѣловъ государствъ или ради другихъ исключительно государственныхъ интересовъ.

Первый примѣръ былъ данъ французскимъ народомъ при Наполеонѣ I. Но онъ еще недостаточно доказателенъ, потому что императорскіе войска были непосредственнымъ продолженіемъ и какъ бы естественнымъ результатомъ революціонныхъ войскъ, такъ что французскій народъ, даже послѣ паденія Наполеона, продолжалъ смотрѣть на нихъ, какъ на проявленіе того же самаго революціоннаго интереса.

Гораздо доказательнѣе второй примѣръ, а именно, примѣръ горячаго упоенія, принятаго, можно сказать, всѣмъ нѣмецкимъ народомъ въ нелѣпой громадной войнѣ, предпринятой вновь образовавшимся прусско-германскимъ государствомъ противъ второй французской имперіи. Да, въ эту знаменательную, едва прошедшую эпоху весь нѣмецкій народъ, всѣ слои нѣмецкаго общества, за исключеніемъ развѣ только небольшой кучки работниковъ, были проникнуты исключительно политическимъ интересомъ, интересомъ основанія и расширенія предѣловъ пангерманскаго государства. И теперь еще этотъ интересъ преобладаетъ надъ всѣми другими въ умѣ и сердцѣ всѣхъ нѣмцевъ безъ различія сословій, и это то составляетъ въ настоящее время спеціальную силу Германіи.

Для всякаго, сколько нибудь знающаго и понимающаго Россію, должно быть ясно, что никакая война наступательная, предпринятая нашимъ правительствомъ, не будетъ національною въ Россіи. Во-первыхъ потому, что нашъ народъ не только чуждъ всякаго государственнаго интереса, но даже инстинктивно противенъ

Библиотека "Руниверс"

ему. Государство—это его тюрьма; какая же ему нужда укрѣплять свою тюрьму? Во-вторыхъ, между правительствомъ и народомъ нѣтъ никакой связи, ни одной живой нити, которая могла бы соединить ихъ, хотя на одну минуту, въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, нѣтъ даже способности, ни возможности взаимнаго разумѣнія; что для правительства бѣло, то для народа черно, и обратно, что народу кажется очень бѣло, что для него жизнь, раздолье, то для правительства смерть.

Спросятъ можетъ быть съ Пушкинымъ:

„Иль русскаго царя уже безсильно слово?"

Да, безсильно, когда оно требуетъ отъ народа, что противно народу. Пусть онъ только мигнетъ и кликнетъ народу: вяжите и рѣжьте помѣщиковъ, чиновниковъ и купцовъ, заберите и раздѣлите между собою ихъ имущество—одного мгновенья будетъ достаточно, чтобы всталъ весь русскій народъ и чтобы на другой день даже и слѣда купцовъ, чиновниковъ и помѣщиковъ не осталось на русской землѣ. Но, пока онъ будетъ приказывать народу платить подати и давать солдатъ государству, а на пользу помѣщиковъ и купцовъ работать, народъ будетъ повиноваться нехотя, подъ палкою, какъ теперь, а когда сможетъ, то и не послушается. Гдѣ же тутъ магическое или чудотворное вліяніе царскаго слова?

И что же можетъ царь сказать народу такого, чтобы могло взволновать его сердце или разгорячить его воображеніе? Въ 1828 г., объявляя войну оттоманской портѣ, подъ предлогомъ обидъ, претерпѣваемыхъ греческими и славянскими единовѣрцами нашими въ Турціи, императоръ Николай попробовалъ было своимъ манифестомъ, прочитаннымъ народу въ церквахъ, расшевелить въ немъ религіозный фанатизмъ. Попытка оказалась вполнѣ неудачною. Если гдѣ у насъ существуетъ страшная и упорная религіозность, то развѣ только въ раскольникахъ, менѣе всѣхъ признающихъ и государство, и даже самого императора. Въ православной же и казенной церкви царствуетъ мертвый, рутинный церемоніалъ рядомъ съ глубочайшимъ индиферентизмомъ.

Въ началѣ крымской компаніи, когда Англія и Франція объявили войну, Николай еще разъ попытался воз-

Библиотека "Руниверс"

будить религіозный фанатизмъ въ народѣ, и столь же неудачно. Вспомнимъ, что говорилось между народомъ во время этой войны: „французъ требуетъ, чтобы насъ отпустили на волю“. — Были народныя ополченія. Но всѣмъ извѣстно, какъ они были сформированы. Большею частью по царскому приказанію и по начальственному распоряженію. Это была тоже рекрутчина, только въ другомъ видѣ и срочная. Во многихъ же мѣстахъ крестьянамъ обѣщали, что по окончаніи войны ихъ отпустятъ на волю.

Вотъ каковъ государственный интересъ нашего крестьянства! Въ купечествѣ и дворянствѣ патріотизмъ выразился самымъ оригинальнымъ образомъ: неумными рѣчами, громкими вѣрноподданническими заявленіями, а главное, обѣдами, да попойками. Когда же надо было однимъ давать деньги, другимъ самолично идти на войну во главѣ своихъ мужиковъ, охотниковъ оказалось очень немного. Всякій старался поставить за себя другого. Ополченіе надѣлало много шуму, а пользы не приносило никакой. Но крымская война была даже не наступательная, а оборонительная, значитъ могла, должна была сдѣлаться національною, и почему же однако не сдѣлалась? Потому, что наши высшіе классы гнилы, пошлы, подлы, а народъ естественный врагъ государства.

И этотъ то народъ надѣются поднять во имя славянскаго вопроса! Есть между нашими славянофилами нѣсколько честныхъ людей, которые не на шутку вѣрятъ, что русскій народъ горитъ нетерпѣніемъ летѣть на помощь „братьямъ славянамъ“, про существованіе которыхъ онъ даже не знаетъ. Его чрезвычайно удивили бы, сказавъ ему, что онъ самъ славянскій народъ. Г. Духинскій съ своими польскими и французскими послѣдователями отрицаетъ конечно, что бы славянская кровь текла въ жилахъ великорусскаго народа, грѣша этимъ противъ исторической и этнографической истины. Но г. Духинскій, такъ мало знающій нашъ народъ, вѣроятно и не подозрѣваетъ, что этотъ народъ нисколько незаботится о своемъ славянскомъ происхожденіи. До того ли ему, измученному, голодающему и раздавленному подъ гнетомъ мнимо славянской, въ дѣйствительности же татаро-нѣмецкой имперіи?

Библиотека "Руниверс"

Мы не должны обманывать славянъ. Тѣ, которые говорятъ имъ о какомъ бы то ни было участіи русскаго народа въ славянскомъ вопросѣ или сами себя жестоко надуваютъ, или безсовѣстнымъ образомъ лгутъ и, разумѣется, лгутъ съ нечистыми цѣлями. И если мы, русскіе соціалисты-революціонеры, зовемъ славянскій пролетаріатъ и славянскую молодежъ на общее дѣло, то вовсе не предлагаемъ имъ, какъ общую почву для дѣла, наше общее болѣе или менѣе славянское происхожденіе. Мы можемъ признать только одну почву: Соціальную Революцію, внѣ которой мы не видимъ спасенія ни для ихъ народовъ, ни для нашего, и думаемъ, что именно на этой почвѣ, вслѣдствіе многихъ одинаковыхъ чертъ въ характерѣ, въ исторической судьбѣ, въ прошедшихъ и настоящихъ стремленіяхъ всѣхъ славянскихъ народовъ, а также и вслѣдствіе ихъ одинаковаго отношенія къ государственнымъ поползновеніямъ германскаго племени, они могутъ братски соединиться не для того, чтобы создать общее государство, а для того, чтобы разрушить всѣ государства, и не для того, чтобы составить между собою замкнутый міръ, а для того, чтобы вмѣстѣ вступить на всемірное поприщѣ, начиная по необходимости съ заключенія тѣснаго союза съ народами латинскаго племени, которымъ, также какъ и славянамъ, угрожаетъ теперь завоевательная политика нѣмцевъ.

Но и этотъ союзъ противъ нѣмцевъ долженъ длиться только пока нѣмцы, познавъ собственнымъ опытомъ, съ какими безчисленными бѣдами сопряжено собственно для народа, существованіе государства даже мнимо народнаго, не сбросятъ съ себя государственнаго ига и не откажутся навсегда отъ своей несчастной страсти къ государственному преобладанію. Тогда и только тогда, три главныя племени, населяющія Европу, латинское, славянское и германское организуются въ союзъ свободно, какъ братья,

Но до тѣхъ поръ союзъ славянскихъ народовъ съ народами латинскими противъ завоеванія, грозящаго имъ всѣмъ одинаково со стороны нѣмцевъ, останется горькою необходимостью.

Странное назначеніе нѣмецкаго племени! Возбуждая противъ себя общія опасенія и общую ненависть, они

Библиотека "Руниверс"

соединяютъ народы. Такимъ образомъ они соединили славянъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что ненависть къ нѣмцамъ, глубоко укорененная въ сердцѣ всѣхъ славянскихъ народовъ, гораздо болѣе способствовала успѣхамъ панславистической пропаганды, чѣмъ всѣ проповѣди и интриги московскихъ и петербургскихъ агентовъ. Теперь же вѣроятно таже ненависть будетъ привлекать народъ славянскій къ союзу съ латинскимъ.

Въ этомъ смыслѣ и русскій народъ вполнѣ славянскій народъ. Нѣмцевъ онъ не любитъ; но обманывать себя не должно, нелюбовь его къ нѣмцамъ не простирается такъ далеко, чтобы онъ собственнымъ движеніемъ отправился воевать противъ нихъ. Она окажется, лишь когда нѣмцы сами придутъ въ Россію и вздумаютъ хозяйничать въ ней. Но глубоко ошибется тотъ, кто будетъ разсчитывать на какое либо участіе нашего народа въ наступательномъ движеніи противъ Германіи.

Отсюда слѣдуетъ, что если наше правительство когда либо вздумаетъ предпринять какое либо движеніе, оно должно будетъ совершить его безъ всякой помощи народной, одними лишь своими государственными, финансовыми и военными средствами. Но достаточно ли этихъ средствъ, чтобы бороться противъ Германіи, мало того, чтобы съ успѣхомъ вести противъ нее наступательную войну.

Надо быть чрезвычайно невѣжественнымъ или слѣпымъ, кваснымъ патріотомъ, чтобы не признать, что всѣ наши военныя средства и наша пресловутая, будто бы безчисленная армія ничто въ сравненіи съ настоящими средствами и съ арміей германской.

Русскій солдатъ храбръ несомнѣнно, но вѣдь и нѣмецкіе солдаты не трусы; они это доказали въ трехъ компаніяхъ сряду. Притомъ въ предполагаемой наступательной со стороны Россіи войнѣ нѣмецкія войска будутъ драться у себя дома, и поддержанные патріотическимъ и на этотъ разъ дѣйствительно поголовнымъ возстаніемъ рѣшительно всѣхъ классовъ и всего населенія Германіи, поддержанные также своимъ собственнымъ патріотическимъ фанатизмомъ въ то время, какъ русскіе войны будутъ драться безъ смысла, безъ страсти, повинуясь только командѣ.

Что же касается сравненія русскихъ офицеровъ съ

Библиотека "Руниверс"

нѣмецкими, то съ точки зрѣнія просто человѣческой, мы отдадимъ преимущество нашему офицерскому типу, не потому что онъ нашъ, а на основаніи строгой справедливости. Не смотря на всѣ старанія нашего военнаго министра, г. Милютина, огромная масса нашего офицерства осталась тѣмъ же, чѣмъ была и прежде—грубой, невѣжественной и почти во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ безсознательной,—ученье, кутежъ, карты, пьянство и когда есть чѣмъ поживиться, именно въ высшихъ чинахъ, начиная съ ротнаго или эскадроннаго или батарейнаго командира, правильное чуть-ли не узаконенное воровство — составляютъ до сихъ поръ ежедневную поблажку офицерской жизни въ Россіи. Это міръ чрезвычайно пустой и дикій, даже когда говорятъ по французски, но въ этомъ мірѣ, среди грубой и нелѣпой безалаберщины его наполняющей, можно найти человѣческое сердце, способность инстинктивно полюбить и понять все человѣческое и при счастливой обстановкѣ, при добромъ вліяніи, способность сдѣлаться совершенно сознательнымъ другомъ народа.

Въ нѣмецкомъ офицерскомъ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ формы, военнаго регламента и отвратительной спеціально офицерской фанаберіи, состоящей изъ двухъ элементовъ: изъ лакейскаго повиновенія въ отношеніи ко всему, что іерархически выше, и изъ дерзко-презрительнаго отношенія ко всему, что, по ихъ мнѣнію, стоитъ ниже,—къ народу прежде всего, а потомъ и ко всему, что не носитъ военнаго мундира, за исключеніемъ самыхъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ и дворянъ.

Въ отношеніи своего государя, герцога, короля, а теперь всегерманскаго императора нѣмецкій офицеръ рабъ по убѣжденію, по страсти. По мановенію его онъ готовъ всегда и вездѣ совершить самыя ужасныя злодѣянія, сжечь, истребить и перерѣзать десятки, сотни городовъ и селеній, не только чужихъ, но даже своихъ.

Къ народу онъ чувствуетъ не только презрѣніе, но ненависть, потому что, дѣлая ему слишкомъ много чести, предполагаетъ его всегда бунтующимъ или же готовымъ взбунтоваться. Впрочемъ не одинъ онъ это предполагаетъ; въ настоящее время всѣ привиллегиро-

Библиотека "Руниверс"

ванные классы, а нѣмецкій офицеръ, да и вообще всякій офицеръ правильнаго войска можетъ быть названъ привиллегированною сторожевою собакою привиллегированныхъ классовъ. Весь міръ эксплуататоровъ въ Германіи и внѣ Германіи смотрятъ на народъ со страхомъ и недовѣріемъ, которые къ несчастію не всегда оправдываются, но которые, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно доказываютъ, что въ народныхъ массахъ уже начинаетъ подыматься та сознательная сила, которая разрушитъ этотъ міръ.

И такъ у нѣмецкаго офицера, какъ у доброй сторожевой собаки, усъ становится дыбомъ при одномъ воспоминаніи о народныхъ толпахъ. Понятія его о правахъ и обязанностяхъ народа самыя патріархальныя. По его мнѣнію, народъ долженъ работать, чтобы господа были одѣты и сыты, повиноваться, не разсуждая, властямъ, платить государственыя подати и общинныя повинности и въ свою очередь исполнять службу солдата, чистить ему сапоги, подавать лошадь, а когда онъ закомандуетъ и замахаетъ саблей, стрѣлять, колоть и рубить всякаго встрѣчнаго и поперечнаго и когда велятъ—идти на смерть за кайзера и фатерландъ. По истеченіи же срока дѣйствительной службы, если раненъ и искалеченъ, жить милостынею, если же вышелъ цѣлъ и невредимъ, идти въ резервъ и служить въ немъ до самой смерти, всегда повинуясь властямъ, преклоняясь передъ всякимъ начальникомъ и быть готовымъ умереть по востребованію.

Всякое явленіе въ народѣ, противорѣчащее этому идеалу, способно довести нѣмецкаго офицера до бѣшенства. Не трудно себѣ представить, какъ онъ долженъ ненавидѣть революціонеровъ; а подъ этимъ общимъ названіемъ онъ разумѣетъ всѣхъ демократовъ и даже либераловъ, однимъ словомъ, всякаго, кто въ какой-бы то ни было степени и формѣ осмѣливается дѣлать, хотѣть, думать противное священной мысли и воли Е. И. В. повелителя всѣхъ Германій...

Можно себѣ представить, съ какою спеціальною ненавистью онъ долженъ относиться къ революціонерамъ-соціалистамъ или хотя даже къ соціальнымъ демократамъ своей родины. Одно воспоминаніе о нихъ приводитъ его въ бѣшенство, и онъ не считаетъ прилич-

Библиотека "Руниверс"

нымъ иначе о нихъ говорить, какъ съ пѣною у рта. Бѣда тому изъ нихъ, кто попадетъ къ нему въ руки— и къ несчастію должно сказать, что въ послѣднее время много соціальныхъ демократовъ въ Германіи перешли черезъ офицерскія руки. Не имѣя права ихъ истерзать или немедленно разстрѣлять, не смѣя давать воли рукамъ, онъ рядомъ самыхъ оскорбительныхъ мѣръ, придирокъ, жестовъ, словъ, силится выместить свою бѣшеную, пошлую злобу. Но еслибы ему позволили, еслибы начальство приказало, съ какою неистовою ревностью и, главное, съ какою офицерской гордостью онъ взялъ-бы на себя роль мучителя, вѣшателя и палача.

А посмотрите на этого цивилизованнаго звѣря, на этого лакея по убѣжденію и палача по призванію. Если онъ молодъ, вы вмѣсто страшилища съ удивленіемъ увидите бѣлокураго юношу, кровь съ молокомъ и съ легкимъ пушкомъ на рыльцѣ, скромнаго, тихаго и даже застѣнчиваго, и гордаго—фанаберія сквозитъ—и непремѣнно сантиментальнаго. Онъ знаетъ наизусть Шиллера и Гете и вся гуманистическая литература великаго, прошлаго вѣка прошла черезъ его голову, не оставивъ въ ней ни одной человѣческой мысли и ни одного человѣческаго чувства въ душѣ.

Нѣмцамъ и по преимуществу нѣмецкимъ чиновникамъ и офицерамъ было предоставлено разрѣшить задачу кажется неразрѣшимую: соединить образованіе съ варварствомъ, ученость съ лакействомъ. Это дѣлаетъ ихъ въ общественномъ оношеніи отвратительными и въ то же время чрезвычайно смѣшными, въ отношеніи къ народнымъ массамъ злодѣями систематическими и безпощадными, но за то людьми драгоцѣнными въ отношеніи къ государственной службѣ.

Нѣмецкіе бюргеры это знаютъ и, зная это, патріотически переносятъ отъ нихъ всевозможныя оскорбленія, потому что узнаютъ въ нихъ свою собственную природу, а главное потому, что смотрятъ на этихъ народныхъ привиллегированныхъ императорскихъ псовъ, такъ часто ихъ отъ скуки кусающихъ, какъ на самый вѣрный оплотъ пангерманскаго государства.

Для регулярной арміи нельзя дѣйствительно представить себѣ ничего лучше нѣмецкаго офицера. Чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣкъ, соединяющій въ себѣ ученость съ хамствомъ, а хамство съ храбростью, строгую исполнительность съ способностью иниціативы, регулярность съ звѣрствомъ и звѣрство съ своеобразною честностью, извѣстную, правда, одностороннюю и даже худостороннюю экзальтацію съ рѣдкимъ повиновеніемъ волѣ начальства; человѣкъ, всегда способный перерѣзать или перекрошить десятки, сотни, тысячи людей по малѣйшему знаку начальства—тихій, скромный, смирный, послушный, всегда на вытяжку передъ старшими и высокомѣрный, презрительно-холодный, а когда нужно и жестокій въ отношеніи къ солдату, человѣкъ, котораго вся жизнь выражается въ двухъ словахъ: слушаться и командовать—такой человѣкъ незамѣнимъ для арміи и для государства.

Что касается муштрованія солдатъ, то это дѣло одно изъ главныхъ въ организаціи хорошаго войска, доведено въ нѣмецкой арміи до систематическаго, глубоко обдуманнаго и практически испытаннаго и осуществленнаго совершенства. Главное начало, положенное въ основаніе всей дисциплины состоитъ въ слѣдующемъ афоризмѣ, повтореніе котораго мы не такъ давно еще слышали отъ многихъ прусскихъ, саксонскихъ, баварскихъ и другихъ нѣмецкихъ офицеровъ, со временъ французской компаніи прогуливающихся цѣлыми гурьбами по Швейцаріи, вѣроятно для изученія мѣстности и снимка плановъ—впередъ пригодится—афоризмъ этотъ слѣдующій:

"Чтобы овладѣть душою солдата, надо прежде всего овладѣть его тѣломъ".

Какъ овладѣть его тѣломъ? Посредствомъ безпрерывнаго ученія. Вы не думайте, чтобы нѣмецкіе офицеры презирали шагистику, ничуть не бывало—они видятъ въ ней одно изъ лучшихъ средствъ для того, чтобы выломать члены и для того, чтобы овладѣть тѣломъ солдата, а потомъ ружейные пріемы, уходъ за оружіемъ, чистка мундировъ; надо чтобы солдатъ былъ съ утра до вечера занятъ, и чтобы онъ не переставалъ чувствовать надъ собою и за каждымъ шагомъ своимъ строгое, холодно-магнитизирующее око начальства. Зимою, когда времени остается побольше, солдатъ гонятъ въ школу, тамъ ихъ доучиваютъ читать, писать,

Библиотека "Руниверс"

считать, но главное заставляютъ твердить наизусть военный уставъ, проникнутый боготвореніемъ императора и презрѣніемъ къ народу: императору дѣлать караулъ, а въ народъ стрѣлять. Вотъ квинт-эссенція нравственно-политическаго ученія солдатъ.

Проживя три, четыре года, пять лѣтъ въ этомъ омутѣ, солдатъ не можетъ иначе выйти изъ него какъ уродомъ. Но и для офицеровъ тоже самое, хотя и въ другой формѣ. Изъ солдатъ хотятъ сдѣлать палку безсознательную; офицеръ же долженъ быть палкою сознательною, палкою по убѣжденію, по мысли, по интересу, по страсти. Его міръ—офицерское общество; изъ него онъ ни шагу, и вся офицерская коллективность, проникнутая вышеописаннымъ духомъ, смотритъ за каждымъ. Бѣда несчастному, если увлеченный неопытностью или какимъ нибудь человѣческимъ чувствомъ, онъ позволитъ себѣ сдружиться съ другимъ обществомъ. Если это общество въ политическомъ отношеніи невинно, то надъ нимъ будутъ только смѣяться. Но если оно имѣетъ направленіе политическое, несогласное съ обще-офицерскимъ направленіемъ, либеральное, демократическое, не говорю уже о соціально-революціонномъ, тогда несчастный пропалъ. Каждый товарищъ сдѣлается для него доносчикомъ.

Вообще высшее начальство предпочитаетъ, чтобы офицерство бывало больше между собою, и старается оставить имъ, равно какъ и солдатамъ, какъ можно менѣе свободнаго времени. Муштрованіе солдатъ и безпрестанный надсмотръ за ними уже забираетъ три четверти дня; остальная четверть должна быть посвящена усовершенствованію въ военныхъ наукахъ. Офицеръ, прежде чѣмъ дослужится до майорскаго чина, долженъ выдержать нѣсколько экзаменовъ; кромѣ того имъ задаются срочныя работы по разнымъ вопросамъ и по этимъ работамъ судятъ о ихъ способности къ повышенію.

Какъ видимъ, военный міръ въ Германіи, впрочемъ точно также какъ и во Франціи, составляетъ совершенно замкнутый міръ, и эта замкнутость есть вѣрное ручательство въ томъ, что этотъ міръ будетъ врагомъ для народа.

Но нѣмецкій военный міръ имѣетъ передъ фран-

Библиотека "Руниверс"

цузскимъ, да и передъ всѣми европейскими огромное преимущество: нѣмецкіе офицеры превосходятъ всѣхъ офицеровъ въ мірѣ положительностью и обширностью своихъ познаній, теоретическимъ и практическимъ знаніемъ военнаго дѣла, горячею и вполнѣ педантическою преданностью военному ремеслу, точностью, аккуратностью, выдержкою, упорнымъ терпѣніемъ, а также и относительною честностью.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ качествъ организація и вооруженіе нѣмецкихъ армій существуетъ дѣйствительно, и не на бумагѣ только, какъ это было при Наполеонѣ III во Франціи, какъ это бываетъ сплошь да рядомъ у насъ. Къ тому же, благодаря все тѣмъ же нѣмецкимъ преимуществамъ, административный, гражданскій и въ особенности военный контроль устроенъ такъ, что продолжительный обманъ невозможенъ. У насъ же, напротивъ, снизу до верху и сверху до низу рука руку моетъ, вслѣдствіе чего дознаніе истины становится почти невозможнымъ.

Сообразите все это и спросите себя, возможно ли чтобы русская армія могла надѣяться на успѣхъ въ наступательной войнѣ противъ Германіи? Вы скажите, что Россія можетъ поставить милліонъ войска. Ну, хорошо организованнаго и вооруженнаго войска пожалуй не будетъ милліонъ; однако положимъ что есть милліонъ; половину надо будетъ оставить разбросанною по огромному пространству имперіи для соблюденія спокойствія въ счастливомъ народѣ, который того и гляди отъ большого жира можетъ взбѣситься. Для одной Украины, Литвы и Польши сколько понадобится войска! Много, много если вы будете въ состояніи выслать противъ Германіи пятисоттысячную армію. Такой арміи Россія никогда еще не ставила.

Ну, а въ Германіи васъ встрѣтитъ дѣйствительно милліонная армія, по организаціи, по вымуштровкѣ, по наукѣ, по духу и по вооруженію первая въ мірѣ. А за нею будетъ стоять громаднымъ ополченіемъ весь нѣмецкій народъ, который можетъ быть и даже вѣроятно не всталъ бы противъ французовъ, еслибы въ послѣдней войнѣ побѣдилъ не Францъ прусскій, а Наполеонъ III, но который, повторимъ еще разъ, противъ русскаго вторженія встанетъ поголовно.

Библиотека "Руниверс"

Скажете вы, что, въ случаѣ нужды, Россія т. е. всероссійская имперія въ состояніи поставить еще милліонъ войска; отчего же и не поставить, да только на бумагѣ. Стоитъ для этого только предписать указомъ новый рекрутскій наборъ со столько-то съ тысячи. Вотъ вамъ и вашъ милліонъ. Да какъ его собрать? Кто будетъ его собирать? Ваши резервные генералы, генералъ-адъютанты, флигель-адъютанты, командиры резервныхъ и гарнизонныхъ батальоновъ на бумагѣ, ваши губернаторы, чиновники, Боже мой, сколько же десятковъ, а пожалуй и сотенъ тысячъ уморятъ они съ голоду прежде, чѣмъ ихъ соберутъ. Да гдѣ вы, наконецъ, возьмете достаточное количество офицеровъ для организаціи новаго милліоннаго войска, и чѣмъ вооружите его? Палками? Вѣдь у васъ нѣтъ достаточнаго количества денегъ для порядочнаго вооруженія одного милліона, а вы грозитесь вооружить другой милліонъ. Ни одинъ банкиръ не дастъ вамъ въ займы; ну а если и дастъ, вѣдь на вооруженіе милліона требуются года.

Сравнимъ вашу бѣдность и вашу безпомощность съ германскимъ богатствомъ и съ германскою силою. Германія получила отъ Франціи пять милліардовъ, положимъ что три милліарда были потрачены на вознагражденіе разныхъ издержекъ, на вознагражденіе принцевъ, государственныхъ людей, генераловъ, полковниковъ, офицеровъ, разумѣется не солдатъ, а также и на разные внутренніе и заграничные поѣздки. Остаются два милліарда, которые исключительно употреблены на вооруженіе Германіи, на постройку новыхъ или на укрѣпленіе старыхъ безчисленныхъ крѣпостей, на заказъ новыхъ пушекъ, ружей и т. д. Да, вся Германія обратилась теперь въ грозный, во всѣ стороны щетинящійся арсеналъ. И вы, обученные и вооруженные кое какъ, надѣетесь ее побѣдить.

При первомъ шагѣ, лишь только сунете носъ на нѣмецкую землю, вы будете самымъ страшнымъ образомъ разбиты на голову, и ваша наступательная война тотчасъ же обратится въ оборонительную; нѣмецкія войска вступятъ въ предѣлы всероссійской имперіи.

Но тогда, по крайней мѣрѣ, возбудятъ ли они противъ себя всеобщее возстаніе русскаго народа? Да, если нѣмцы вступятъ въ русскія области и пойдутъ,

Библиотека "Руниверс"

напримѣръ, прямо въ Москву; но если этой глупости не сдѣлаютъ, а пойдутъ сѣверомъ на Петербургъ, черезъ балтійскія провинціи, въ которыхъ найдутъ, не только между мѣщанствомъ, протестанскими пасторами и жидами, но и посреди недовольныхъ бароновъ и ихъ дѣтей, студентовъ, а черезъ ихъ посредство и въ нашихъ безчисленныхъ остзейскихъ генералахъ, офицерахъ, высшихъ и нисшихъ чиновникахъ, наполняющихъ Петербургъ и разбросанныхъ по всей Россіи, много пріятелей; мало того, они полымутъ противъ русской имперіи Польшу и Малороссію.

Правда, что изъ всѣхъ враговъ, притѣснителей Польши, со дня ея раздѣленія, Пруссія оказалась самымъ назойливымъ, самымъ систематическимъ, а потому и самымъ опаснымъ; Россія дѣйствовала, какъ варваръ, какъ дикая сила, всѣхъ рѣзала, вѣшала мучила, ссылала тысячи въ Сибирь и всетаки обрусить доставшейся ей части Польши не умѣла, да и до сихъ поръ, несмотря на Муравьевскіе рецепты, не умѣетъ; Австрія, съ своей стороны, также нисколько не онѣмечила Галиціи, да и не старалась объ этомъ. Пруссія, какъ истый представитель германскаго духа и великаго германскаго дѣла, насильственаго и искуственнаго германизированія странъ ненѣмецкихъ, сейчасъ приступила къ онѣмечиванію, во что бы то ни стало, данцигской области и познанскаго герцогства, не говоря уже о кенигсбергскомъ краѣ, доставшемся ей гораздо прежде.

Было бы слишкомъ долго говорить о средствахъ, которыя она употребила для достиженія этой цѣли; между ними широкое колонизированіе нѣмецкихъ крестьянъ на польской землѣ занимало огромное мѣсто. Полное освобожденіе крестьянъ въ 1807 г. съ правомъ выкупа земли и со всѣми возможными облегченіями для совершенія этого выкупа также много способствовало къ популяризованію прусскаго правительства даже между польскими крестьянами. Потомъ основались сельскія школы и въ нихъ и черезъ нихъ введенъ былъ нѣмецкій языкъ. Вслѣдствіе подобныхъ мѣръ оказалось уже въ 1848 г., что болѣе трети познанскаго герцогства совсѣмъ онѣмечилось. О городахъ же и говорить нечего. Съ самаго начала польской

Библиотека "Руниверс"

исторіи въ нихъ говорилось понѣмецки, благодаря массѣ нѣмецкихъ бюргеровъ, ремесленниковъ, а главное жидовъ, получившихъ въ нихъ широкое гостепріимство. Извѣстно, что съ самыхъ древнихъ временъ, большинство городовъ въ этой части Польши управлялись такъ называемымъ магдебургскимъ правомъ.

Такимъ образомъ Пруссія достигала своей цѣли въ мирное время. Когда же польскій патріотизмъ подымалъ или силился поднять народное движеніе, она не останавливалась разумѣется передъ самими рѣшительными и варварскими мѣрами. Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ дѣлѣ укрощенія польскихъ бунтовъ не только въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, но также и Царствѣ Польскомъ, Пруссія не переставала оказывать неизмѣнную вѣрность и самую горячую готовность на помощь русскому правительству. Прусскіе жандармы, что говоримъ, прусскіе благородные офицеры всякого оружія, гвардейскіе и армейскіе, съ какою то особенною страстью охотились на поляковъ, скрывавшихся въ прусскихъ владѣніяхъ, ловили ихъ и съ злостною радостью выдавали русскимъ жандармамъ, съ выраженіемъ нерѣдко надежды, что ихъ въ Россіи повѣсятъ. Въ этомъ отношеніи Муравьевъ-вѣшатель не могъ довольно нахвалиться княземъ Бисмаркомъ.

До вступленія въ министерство князя Бисмарка, Пруссія постоянно дѣлала тоже самое, но она дѣлала это стыдливо, втихомолку и когда было возможно, отпиралась отъ своихъ собственныхъ дѣйствій. Князь Бисмаркъ первый сбросилъ маску. Онъ цинически, громко не только признался, но хвастался въ прусскомъ парламентѣ и передъ европейскою дипломатіей тѣмъ, что прусское правительство употребляло все свое вліяніе на правительство русское, чтобы уговорить его задушить Польшу до конца, не останавливаясь ни передъ какими кровавыми мѣрами, и что въ этомъ отношеніи Пруссія всегда будетъ оказывать самую дѣятельную помощь Россіи.

Наконецъ, въ настоящее время, еще недавно, князь Бисмаркъ прямо высказалъ въ парламентѣ неизмѣнное рѣшеніе правительства искоренить остатки польской національности въ польскихъ областяхъ, наслаждаю-

Библиотека "Руниверс"

щихся нынѣ пруско-германскимъ управленіемъ. Къ несчастью, какъ мы это замѣтили выше, поляки познанскіе, точно также какъ и поляки галиційскіе, связали теперь, тѣснѣе чѣмъ когда нибудь, свое польско-національное дѣло съ вопросомъ о преобладаніи папской власти. Ихъ адвокатами стали іезуиты, ультрамонтанцы, монашескіе ордена и епископы. Не поздоровится полякамъ отъ такого союза и отъ такой дружбы, какъ не поздоровилось въ XVII вѣкѣ. Но это не наше, а ихъ польское дѣло.

Мы упомянули объ всемъ этомъ для того только, чтобы показать, что у поляковъ нѣтъ врага опаснѣе и злѣе князя Бисмарка. Кажется, что онъ поставилъ задачею своей жизни стереть ихъ съ лица земли. И все таки это не помѣшаетъ ему позвать поляковъ къ бунту противъ Россіи, когда того потребуютъ интересы Германіи. И несмотря на то, что поляки ненавидятъ его и Пруссію, чтобы не сказать всю Германію, въ этомъ поляки не хотѣли бы сознаться, хотя въ глубинѣ ихъ души, не менѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ живетъ также самая историческая ненависть противъ нѣмцевъ, несмотря на то, что они не могутъ забыть кровныхъ обидъ, вынесенныхъ ими со стороны прусскихъ нѣмцевъ, поляки несомнѣнно подымутся на зовъ Бисмарка.

Въ Германіи и въ самой Пруссіи, уже очень давно существуетъ многочисленная и серьезная политическая партія, даже три партіи: либерально-прогрессивная, чисто демократическая и соціально-демократическая, вмѣстѣ составляющихъ несомнѣнное большинство въ парламентахъ германскомъ и прусскомъ, и еще болѣе рѣшительное въ самомъ обществѣ, партіи, которыя предвидя и отчасти желая и какъ бы вызывая войну Германіи противъ Россіи, поняли, что возстаніе и возстановленіе Польши въ извѣстныхъ предѣлахъ, будетъ необходимымъ условіемъ этой войны.

Разумѣется, что ни князь Бисмаркъ и ни одна изъ этихъ партій никогда не согласятся возвратить Польшѣ всѣхъ областей, забранныхъ у нея Пруссіею. Не говоря уже о Кенигсбергѣ, они ни за что въ мірѣ не отдадутъ ни Данцига, ни даже малѣйшаго клочка западной Пруссіи. Даже въ познанскомъ герцогствѣ, они отдѣ-

Библиотека "Руниверс"

лятъ себѣ значительную часть, будто бы уже совсѣмъ онѣмеченную, и оставятъ полякамъ, въ сущности изъ всей части Польши, доставшейся на долю пруссакамъ, очень немного. Зато, какъ отдадутъ имъ всю Галицію, со Львовомъ и съ Краковомъ, такъ какъ все это принадлежитъ теперь Австріи, и отдадутъ имъ еще охотнѣй столько земли далеко въ глубь Россіи, сколько у поляковъ станетъ силъ захватить и удержать за собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ она предложитъ полякамъ нужныя деньги, разумѣется въ видѣ польскаго займа за поручительствомъ Германіи, оружіе и военную помощь.

Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что поляки не только согласятся, но съ радостью ухватятся за нѣмецкое предложеніе; ихъ положеніе такъ отчаянно, что если бы имъ сдѣлали предложеніе во сто разъ хуже, они бы его приняли.

Цѣлый вѣкъ прошелъ со времени раздѣленія Польши, и въ продолженіе этихъ-то лѣтъ не прошло почти ни одного года, въ который бы не была пролита мученическая кровь патріотовъ польскихъ. Сто лѣтъ непрерывной борьбы, отчаянныхъ бунтовъ! Есть ли другой народъ, который могъ бы похвастаться подобною доблестью?

Чего поляки не перепробовали? Шляхетскіе конспираціи, мѣщанскіе заговоры, вооруженныя банды, народное возстаніе, наконецъ, всѣ ухищренія дипломатіи и даже помощь церковную. Все они перепробовали, за все цѣплялись и все порвалось, все измѣнило. Какъ же имъ отказаться, когда сама Германія, ихъ опаснѣйшій врагъ, предлагаетъ имъ свою помощь на извѣстныхъ условіяхъ!

Найдутся, пожалуй, славянофилы, которые упрекнутъ ихъ за то въ измѣнѣ. Въ измѣнѣ чему? Славянскому союзу, славянскому дѣлу? А чѣмъ проявился этотъ союзъ, въ чемъ состоитъ это дѣло? Не проявился ли онъ въ поѣздкѣ г.г. Палацкаго и Ригера въ Москву на панславистическую выставку и на поклоненіе царю. Чѣмъ и когда, какимъ именно дѣломъ, славяне, какъ славяне, выразили свою братскую симпатію полякамъ? Не тѣмъ ли, что тѣ же самые г.г. Палацкій и Ригеръ и вся ихъ многочисленная свита западно и юго славянская въ Варшавѣ лобызались съ

Библиотека "Руниверс"

русскими генералами, еле-еле омывшимися отъ польской крови, пили за славянское братство и за здоровье царя-палача.

Поляки мученики и герои, у нихъ въ прошедшемъ великая слава; славяне же дѣти и все значеніе ихъ въ будущемъ. Славянскій міръ, славянскій вопросъ, это не дѣйствительность, а надежда, и надежда, которая осуществиться можетъ только посредствомъ Соціальной Революціи; а къ этой революціи у поляковъ, говоря, разумѣется о патріотахъ, принадлежащихъ большею частью къ образованному сословію и по преимуществу къ шляхтѣ, до сихъ поръ выказывалось очень немного охоты.

Что же можетъ быть общаго между славянскимъ міромъ, еще не существующимъ и патріотическо-польскимъ міромъ, болѣе или менѣе отжившимъ? И дѣйствительно, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, старающихся создать славянскій вопросъ въ польскомъ духѣ и на польской почвѣ, поляки вообще нисколько не занимаются этимъ вопросомъ, имъ гораздо понятнѣе и ближе мадьяры, съ которыми они имѣютъ нѣкоторое сходство и много общихъ историческихъ воспоминаній, отъ славянъ же южныхъ и западныхъ отдѣляютъ ихъ главнымъ и можно сказать рѣшительнымъ образомъ симпатіи этихъ народовъ къ Россіи, т. е. къ тому изъ враговъ, котораго они сами ненавидятъ болѣе всѣхъ.

Въ Польшѣ и въ польской эмиграціи, какъ и во всѣхъ странахъ, политическій міръ раздѣлялся нѣкогда на много политическихъ партій. Была партія аристократическая, клерикальная и монархически-конституціонная; была партія военной диктатуры; партія республиканцевъ умѣренныхъ, поклонниковъ Соединенныхъ Штатовъ; партія красныхъ республиканцевъ по французскому образцу; наконецъ, даже немногочисленная партія демократовъ соціальныхъ, не говоря уже о мистически-сектаторскихъ партіяхъ или вѣрнѣе церковныхъ. Въ сущности, однако, стоило только проникнуть въ каждую изъ нихъ немного глубже, чтобы убѣдиться, что основа у всѣхъ одна и таже; страстное стремленіе у всѣхъ къ возстановленію польскаго государства въ границахъ 1772 г. Помимо же взаимныхъ противорѣчій, происходящихъ отъ взаимной борьбы

Библиотека "Руниверс"

начальниковъ партій, главное различіе ихъ состояло въ томъ, что каждая была увѣрена, что эта общая цѣль, возстановленіе старой Польши, можетъ быть достигнута только на пути спеціально рекомендуемымъ ею.

До 1850 г. можно сказать, что огромное большинство польской эмиграціи революціонерное, именно потому, что большинство было увѣрено, что возстановленіе независимой Польши будетъ непремѣннымъ результатомъ торжества революціи въ Европѣ. И что же, можно сказать, что въ 1848 г. не было ни одного движенія въ цѣлой Европѣ, въ которомъ бы не участвовали и даже часто не предводительствовали поляки. Намъ помнится, какъ одинъ саксонскій нѣмецъ выразилъ на этотъ счетъ свое удивленіе: гдѣ только безпорядокъ, тамъ непремѣнно поляки.

Въ 1850 г., вслѣдствіе повсемѣстнаго пораженія, эта вѣра въ революцію упала, поднялась наполеоновская звѣзда и множество, множество польскихъ эмигрантовъ, огромное большинство сдѣлались отъявленными и страшными бонапартистами. Боже мой, чего не ждали и не надѣялись они отъ помощи Наполеона III! Даже явная, гнусная измѣна его въ 1862—63 г. не въ силахъ была убить въ нихъ этой вѣры. Она окончилась только въ Седанѣ.

Послѣ этой катастрофы оставалось для польской надежды только одно убѣжище, іезуитско-ультрамонтанское. Австрійскіе и большинство польскихъ патріотовъ ринулось въ Галицію, ринулось туда съ отчаянія. Но вообразите себѣ, что Бисмаркъ, ихъ отъявленный врагъ, вынужденный положеніемъ Германіи, позоветъ ихъ на возстаніе противъ Россіи; покажетъ имъ не отдаленную надежду, нѣтъ, дастъ имъ деньги, оружіе и военную помощь. Возможно ли, чтобы отказались отъ этого?

Правда, что взамѣнъ этой помощи, отъ нихъ потребуется формальное отреченіе отъ большей части старыхъ польскихъ земель, находящихся теперь во владѣніи Пруссіи. Это будетъ имъ очень горько, но вынужденные обстоятельствами и въ виду вѣрнаго торжества надъ Россіею, утѣшая себя, наконецъ, мыслью, что лишь бы только возстановить Польшу, а потомъ они возвратятъ свое, они поднимутъ все несомнѣнно, и съ своей точки зрѣнія будутъ десять тысячъ разъ правы.

Библиотека "Руниверс"

Правда, что Польша, возстановляемая съ помощію нѣмецкаго войска, подъ покровительствомъ князя Бисмарка будетъ странною Польшею. Но лучше странная Польша, чѣмъ никакой; да наконецъ, потомъ, подумаютъ непремѣнно поляки, можно будетъ и освободиться отъ покровительства князя Бисмарка.

Однимъ словомъ, поляки на все согласятся и Польша встанетъ, Литва встанетъ, а немного погодя и Малороссія встанетъ, польскіе патріоты, правда, плохіе соціалисты, и у себя дома они не станутъ заниматься революціонно-соціалистической пропагандой; а еслибы и захотѣли, то покровитель, князь Бисмаркъ не позволилъ бы—слишкомъ близко къ Германіи; чего добраго, такая пропаганда могла бы проникнуть и въ прусскую Польшу. Но чего нельзя будетъ дѣлать въ Польшѣ, то можно будетъ дѣлать въ Россіи и противъ Россіи. Чрезвычайно полезно будетъ и для нѣмцевъ, и для поляковъ поднять въ Россіи крестьянскій бунтъ, а поднять его будетъ правда не трудно и подумайте, сколько поляковъ и нѣмцевъ разсѣяно теперь по Россіи. Большинство, если не всѣ, будутъ естественными союзниками Бисмарка и поляковъ. Вообразите себѣ такое положеніе: войска наши, разбитые на голову, бѣгутъ; за ними вслѣдъ на сѣверѣ къ Петербургу идутъ нѣмцы, а на западѣ и на югѣ, на Смоленскъ и на Малороссію, идутъ поляки—и въ тоже самое время, возбужденный внѣшнею и внутреннею пропагандою, въ Россіи, въ Малороссіи всеобщій крестьянскій, торжествующій бунтъ.

Вотъ почему можно сказать навѣрное, что никакое правительство и что ни одинъ русскій царь, если онъ только не съумашедшій не подниметъ панславистическаго знамени и не пойдетъ никогда войною противъ Германіи.

Поразивъ окончательно сначала Австрію, а потомъ Францію, новая и великая германская имперія, низведетъ безвозвратно на степень второстепенныхъ и отъ нее зависимыхъ державъ не только эти два государства, но позже и нашу всероссійскую имперію, которую она навсегда отрѣзала отъ Европы. Мы говоримъ разумѣется объ имперіи, а не о русскомъ народѣ, который, когда ему будетъ нужно, найдетъ или пробьетъ себѣ всюду дорогу.

Библиотека "Руниверс"

Но для всероссійской имперіи ворота Европы отнынѣ заперты; отъ этихъ воротъ ключи же хранятся у князя Бисмарка, который ни за что въ мірѣ не дастъ ихъ князю Горчакову.

Но если ворота сѣверо-запада заперты для нее на всегда, не останутся ли открытыми, и можетъ быть еще тѣмъ вѣрнѣе и шире, ворота южные и юго-восточные: Бухара, Персія и Афганистанъ до самой восточной Индіи, и наконецъ, послѣдняя цѣль всѣхъ замысловъ и стремленій. Константинополь? Уже давно русскіе политики, горячіе ревнители величія и славы нашей любезной имперіи, обсуждаютъ вопросъ, не лучше ли перенесть столицу, а съ ней вмѣстѣ и средоточіе всѣхъ силъ, всей жизни имперіи съ сѣвера на югъ, отъ суровыхъ береговъ моря Балтійскаго на вѣчно цвѣтущіе берега Чернаго и Средиземнаго морей, однимъ словомъ, изъ Петербурга въ Константинополь.

Есть правда до того ненасытные патріоты, что они хотѣли бы сохранить Петербургъ и преобладаніе на Балтійскомъ морѣ и вмѣстѣ овладѣть Константинополемъ. Но это желаніе до того неосуществимо, что даже они, не смотря на всю вѣру во всемогущество всероссійской имперіи, начинаютъ отказываться отъ надежды на его исполненіе, къ тому же, за послѣдній годъ, случилось происшествіе, которое должно было открыть имъ глаза. Это происшествіе: присоединеніе Голштейна, Шлезвига и Ганновера къ прусскому королевству, обратившемуся непосредственно черезъ это въ сѣверную морскую державу.

Аксіома всѣмъ извѣстная, что не можетъ ни одно государство стать въ числѣ первенствующихъ державъ, если оно не имѣетъ обширныхъ морскихъ границъ, обезпечивающихъ непосредственное сообщеніе его съ цѣлымъ свѣтомъ и позволяющихъ ему принять участіе прямое въ міровомъ движеніи, какъ матеріальномъ, такъ и общественномъ политически нравственномъ. Эта истина столь очевидна, что ее доказывать нечего. Предположимъ государство самое сильное, образованное и самое счастливое,—сколько въ государствѣ общее счастье возможно—и вообразимъ, что какія нибудь обстоятельства уединили его отъ остального свѣта. Можете быть увѣрены, что по прошествіи какихъ нибудь пятидесяти

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ, двухъ поколѣній, все въ немъ придетъ въ застой: сила ослабѣетъ, образованность станетъ граничить съ глупостью, ну а счастье будетъ издавать запахъ лимбурскаго сыра.

Посмотрите на Китай, кажется былъ и уменъ, и ученъ и вѣроятно, также по своему, счастливъ; отчего онъ сдѣлался такимъ дряблымъ, что достаточно самыхъ небольшихъ усилій морскимъ европейскимъ державамъ для того, чтобы подчинить его своему уму и если не своему владычеству, то, покрайней мѣрѣ, своей волѣ? Оттого, что въ продолженіи вѣковъ онъ оставался въ застоѣ, а оставался онъ въ немъ потому, что въ продолженіи этихъ вѣковъ, онъ, благодаря отчасти своимъ внутреннимъ учрежденіямъ, отчасти же тому, что теченіе міровой жизни происходило такъ далеко отъ него, что долго не могло его коснуться.

Есть много разныхъ условій для того, чтобы народъ замкнутый въ государство могъ принять участіе въ міровомъ движеніи; сюда принадлежитъ природный умъ и прирожденная энергія, образованность, способность къ производительному труду и самая обширная внутренняя свобода, столь невозможная, впрочемъ, для массъ въ государствѣ. Но къ этимъ условіямъ также принадлежитъ непремѣнно морское плаваніе, морская торговля, потому что морскія сообщенія по своей относительной дешевизнѣ, скорости, а также и свободѣ, въ томъ смыслѣ, что море никѣмъ не присвоено, превосходятъ всѣ другія болѣе извѣстныя, не исключая разумѣется и желѣзныхъ дорогъ. Можетъ быть воздухоплаваніе когда нибудь окажется еще болѣе удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и будетъ особенно важно, такъ что оно окончательно уравняетъ условія развитія и жизни для всѣхъ странъ. Но до сихъ поръ о немъ говорить нельзя, какъ о средствѣ серьезномъ, и мореплаваніе все таки остается главнымъ средствомъ для преуспѣянія народовъ.

Будетъ время, когда не будетъ болѣе государствъ— а къ разрушенію ихъ стремятся всѣ усилія соціально-революціонерной партіи въ Европѣ — будетъ время, когда на развалинахъ политическихъ государствъ оснуется совершенно свободно и организируясь снизу вверхъ, вольный братскій союзъ вольныхъ производи-

Библиотека "Руниверс"

тельныхъ ассоціацій, общинъ и областныхъ федерацій, обнимающихъ безразлично, потому что свободно, людей всѣхъ языковъ и народностей, ну тогда путь къ морю будетъ равно открытъ для всѣхъ; для береговыхъ жителей непосредственно, а для живущихъ въ отдаленіи отъ моря посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, освобожденныхъ вполнѣ отъ всякихъ государственныхъ попеченій, взиманій, пошлинъ, ограниченій, придирокъ, запрещеній, позволеній и примѣненій. Но и тогда даже морскіе береговые жители будутъ имѣть множество естественныхъ преимуществъ не только матеріальныхъ, но и умственно нравственныхъ. Непосредственное прикосновеніе къ міровому рынку и вообще къ міровому движенію жизни развиваетъ чрезвычайно, и какъ не уравнивайте отношенія, все-таки внутренніе жители, лишенныя этихъ преимуществъ, будутъ жить и развиваться лѣнивѣе и медленнѣе прибрежныхъ.

Вотъ почему такъ важно будетъ воздухоплаваніе. Воздушная атмосфера, это океанъ, проникающій всюду, берегъ его вездѣ, такъ что въ отношеніи къ нему всѣ люди, даже живущіе въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ, безъ исключенія всѣ прибрежные жители. Но до тѣхъ поръ, пока воздухоплаваніе не замѣнитъ мореплаванія, прибрежные жители останутся во всѣхъ отношеніяхъ передовыми и будутъ составлять родъ аристократіи въ человѣчествѣ.

Вся исторія, а главное большая часть прогресса въ исторіи была сдѣлана народами прибрежными. Первый народъ, создатель всей цивилизаціи, греки—и что же, можно сказать, что вся Греція ни что иное, какъ берегъ. Древній Римъ сдѣлался государствомъ могучимъ, міровымъ только съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался морскимъ государствомъ. А въ новѣйшей исторіи, кому обязаны воскресеніемъ политической свободы, общественной жизни, торговли, искусствъ, науки, свободной мысли, однимъ словомъ возрожденію человѣчества? Италіи, которая почти вся, какъ Греція, берегъ. Послѣ Италіи, кто унаслѣдовалъ передовое мѣсто въ міровомъ движеніи? Голландія, Англія, Франція и наконецъ, Америка.

Посмотримъ же, напротивъ, на Германію. Почему, несмотря на много несомнѣнныхъ качествъ, которыми

Библиотека "Руниверс"

надѣлены ея народы, какъ напр. чрезвычайное трудолюбіе, способности къ размышленію и къ наукѣ, эстетическое чувство, породившее великихъ артистовъ, художниковъ и поэтовъ и глубокомысленный трансцендентализмъ, породившій неменѣе великихъ философовъ—почему, спрашиваемъ мы, Германія отстала такъ далеко отъ Франціи и отъ Англіи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ одного, въ которомъ опередила всѣхъ, въ развитіи бюрократическаго, полицейскаго и военнаго государственнаго порядка, почему въ торговомъ отношеніи она стоитъ еще теперь ниже Голландіи, а въ индустріальномъ ниже Бельгіи.

Скажутъ, потому что у ней никогда не было свободы, любви къ свободѣ, ни требованія свободы. Это будетъ отчасти справедливо, но это не единственная причина. Другая, столь же важная, это отсутствіе широкаго прибрежья. Еще въ XIII вѣкѣ, именно въ эпоху зарожденія Ганзы, Германія не терпѣла недостатка въ морскомъ берегѣ, по крайней мѣрѣ, на западѣ. Голландія и Бельгія еще принадлежали къ ней, и именно въ этомъ столѣтіи торговля Германіи, казалось, обѣщала развитіе довольно широкое. Но уже съ XIV вѣка, нидерландскіе города, увлеченные своимъ предпріимчивымъ и смѣлымъ духомъ и своею любовью къ свободѣ, стали видимымъ образомъ отдѣляться отъ Германіи и чуждаться ея. Въ XVI вѣкѣ это отдѣленіе окончательно совершилось и великая имперія, неуклюжая наслѣдница римской имперіи, оказалась государствомъ почти совсѣмъ средиземнымъ. Осталась у нее только узкая форточка въ море между Голландіей и Даніей, далеко недостаточная для свободнаго дыханія такой огромной страны. Вслѣдствіе этого на Германію и напала сонливость, чрезвычайно похожая на китайскій застой.

Съ тѣхъ поръ все политическое передовое движеніе Германіи, въ смыслѣ образованія новаго сильнаго государства, сосредоточилось въ небольшомъ курфюрствѣ бранденбургскомъ. И въ самомъ дѣлѣ бранденбургскіе курфюрсты постояннымъ стремленіемъ своимъ овладѣть берегами Балтійскаго моря, оказали значительную услугу Германіи, создали, можно сказать, условія ея настоящаго величія, сначала овладѣли Ке-

Библиотека "Руниверс"

нигсбергомъ, а потомъ въ эпоху перваго дѣленія Польши, взяли Данцигъ. Но всего этого было недостаточно, надо было овладѣть Килемъ и вообще всѣмъ Шлезвигомъ и Гольштейномъ.

Эти новыя завоеванія были сдѣланы Пруссіею при рукоплесканіи цѣлой Германіи. Мы всѣ были свидѣтелями съ какою страстью нѣмцы, рѣшительно всѣхъ отдѣльныхъ государственныхъ фатерландовъ и сѣверныхъ, и южныхъ, и западныхъ, и восточныхъ, и центральныхъ слѣдили съ самаго 1848 г. за развитіемъ шлезвигъ-гольштинскаго вопроса, и ошибались глубоко тѣ, которые объясняли себѣ эту страсть въ смыслѣ участія къ роднымъ братьямъ, нѣмцамъ, будто бы задыхающимся подъ датскимъ деспотизмомъ. Тутъ былъ интересъ совсѣмъ другой, интересъ государственный, пангерманскій, интересъ завоеванія морскихъ границъ и морскихъ сообщеній, интересъ созданія могучаго нѣмецкаго флота.

Вопросъ о нѣмецкомъ флотѣ былъ уже поднятъ въ 1840 или 41 г., и мы помнимъ съ какимъ энтузіазмомъ было принято цѣлою Германіею стихотвореніе Гервега: германскій флотъ.

Нѣмцы, повторяемъ мы еще разъ, народъ въ высшей степени государственный, что эта государственность преобладаетъ въ нихъ надъ всѣми другими страстями и рѣшительно подавляетъ въ нихъ инстинктъ свободы. Но она-то и составляетъ именно въ настоящее время ихъ спеціальное величіе; она служитъ и будетъ еще служить нѣкоторое время неизмѣнною и прямою подставкою для всѣхъ честолюбивыхъ замысловъ берлинскаго государя. На нее крѣпкой ногой опирается князь Бисмаркъ.

Нѣмцы народъ ученый и знаютъ, что безъ непрочныхъ морскихъ границъ нѣтъ и не можетъ быть великаго государства. Вотъ почему они, наперекоръ исторической, этнографической и географической истинѣ, утверждаютъ еще теперь, что Тріестъ былъ, есть и будетъ нѣмецкимъ городомъ, что весь Дунай рѣка нѣмецкая. Они рвутся къ морю. И если не остановитъ ихъ соціальная революція, можно быть увѣреннымъ, что прежде чѣмъ пройдутъ двадцать, десять лѣтъ, а можетъ быть и еще менѣе—происшествія нынѣ идутъ

Библиотека "Руниверс"

такъ быстро другъ за другомъ — можно быть увѣреннымъ, говоримъ мы, что въ короткое время они завоюютъ всю нѣмецкую Данію, всю нѣмецкую Голландію, всю нѣмецкую Бельгію. Все это лежитъ такъ сказать въ натуральной логикѣ ихъ политическаго положенія и ихъ инстинктивныхъ стремленій.

Одинъ этапъ на этомъ пути уже пройденъ.

Пруссія, нынѣшнее олицетвореніе, голова и вмѣстѣ руки Германіи, крѣпко основалась на Балтійскомъ морѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на Сѣверномъ морѣ. Независимость бременская, гамбургская, любекская, мекленбургская и ольденбургская — пустая и невинная шутка. Все это вмѣстѣ съ Гольштейномъ, Шлезвигомъ и Ганноверомъ вошло въ составъ Пруссіи, и Пруссія богатая французскими деньгами строитъ два сильныхъ флота: одинъ на Балтикѣ, другой на Сѣверномъ морѣ и, благодаря судоходному каналу, который нынѣ копаютъ для соединенія двухъ морей, эти два флота скоро составятъ одинъ флотъ. И немного лѣтъ надо будетъ ждать для того, чтобы этотъ флотъ, превосходящій уже и датскій и шведскій, сдѣлался бы гораздо сильнѣе русскаго Балтійскаго флота. И тогда русское преобладаніе на морѣ Балтійскомъ канетъ въ... Балтійское море. Прощай Рига, прощай Ревель, прощай Финляндія и прощай Петербургъ, вмѣстѣ со своимъ неприступнымъ Кронштадтомъ!

Все это для квасныхъ патріотовъ, привыкшихъ преувеличивать всероссійскія силы, покажется бредомъ, злою сказкою, а между тѣмъ это ничто иное, какъ совершенно вѣрное заключеніе изъ осуществившихся уже фактовъ, на основаніи сораведливой оцѣнки характера и способностей нѣмецкихъ и русскихъ, не говоря уже о денежныхъ средствахъ, о сравнительномъ количествѣ добросовѣстныхъ, преданныхъ и знающихъ чиновниковъ всякаго рода, и также не говоря о наукѣ, которая даетъ рѣшительный перевѣсъ всѣмъ нѣмецкимъ предпріятіямъ передъ русскими.

Нѣмецкая государственная служба даетъ результаты некрасивые, непріятные, можно сказать мерзкіе, но за то положительные и серьезные.

Русская государственная служба даетъ результаты столь же непріятные и некрасивые, а по формѣ, нерѣдко, еще болѣе дикіе и съ этимъ вмѣстѣ пустые.

Библиотека "Руниверс"

Возьмемъ примѣръ: положимъ, что въ одно и тоже время въ Германіи и въ Россіи правительства назначили одну и туже сумму, положимъ, милліонъ, на совершеніе какого-нибудь дѣла, хоть на постройку новаго судна. Что же вы думаете, въ Германіи украдутъ? Украдутъ быть можетъ сто тысячъ, положимъ двѣсти тысячъ, за то ужъ восемьсотъ тысячъ прямо пойдутъ на дѣло, которое совершится съ тою аккуратностью и съ тѣмъ знаніемъ, которымъ отличаются нѣмцы. Ну, а въ Россіи? Въ Россіи прежде всего половину раскрадутъ, четверть пропадетъ вслѣдствіе нерадѣнія и невѣжества, такъ что много много если на остальную четверть состряпаютъ что нибудь гнилое, годящееся на показъ, но для дѣла негодное.

Почему же русскій флотъ способенъ устоять противъ нѣмецкаго, русскія приморскія укрѣпленія, напр. Кронштадтъ, выдержать стрѣльбу нѣмцевъ, умѣющихъ бросать не только чугунные, но также и золотые снаряды?

Прощай господство на Балтійскомъ морѣ! Прощай все политическое значеніе и сила сѣверной столицы, воздвигнутой Петромъ на финскихъ болотахъ! Если нашъ маститый великій канцлеръ, князь Горчаковъ, не совсѣмъ выжилъ изъ ума, онъ долженъ былъ сказать себѣ это въ тѣ дни, когда союзная Пруссія грабила безнаказанно, и какъ бы съ нашего согласія, столь же намъ союзную Данію. Онъ долженъ былъ понять, что съ того дня, какъ Пруссія, опирающаяся теперь на всю Германію и составляющая въ неразрывномъ единствѣ съ послѣдней сильнѣйшую континентальную державу; съ тѣхъ поръ, однимъ словомъ, какъ новая германская имперія, создавшаяся подъ скипетросъ прусскимъ, заняла на Балтійскомъ морѣ свое настоящее и для всѣхъ другихъ прибалтійскихъ державъ столь грозное положеніе, преобладанію петербургской Россіи на этомъ морѣ былъ положенъ конецъ, уничтожено великое политическое твореніе Петра, а съ нимъ вмѣстѣ уничтожено и самое могущество всероссійскаго государства, если въ вознагражденіе утраты вольнаго морскаго пути на сѣверѣ, не откроется для него новый путь на югѣ.

Ясно, что на Балтійскомъ морѣ станутъ теперь господствовать нѣмцы. Правда, что входы въ него нахо-

Библиотека "Руниверс"

дятся еще въ рукахъ Даніи. Но кто не видитъ, что этому бѣдному маленькому государству не остается уже теперь почти другого выбора, какъ сдѣлаться сначала пожалуй вольно-федеративнымъ, а вскорѣ потомъ и вполнѣ быть поглощеннымъ пангерманской государственной централизаціей; а это значитъ, что Балтійское море въ самое короткое время превратится въ море исключительно нѣмецкое, и что Петербургъ долженъ будетъ утратить всякое политическое значеніе.

Князь Горчаковъ долженъ былъ знать это, когда соглашался на раздробленіе датскаго королевства и на присоединеніе Гольштейна и Шлезвига къ Пруссіи. И сплою самыхъ происшествій мы приведены къ слѣдующей диллемѣ: или онъ измѣнилъ Россіи, или въ замѣнъ пожертвованнаго имъ преобладанія всероссійскаго государства на сѣверо-западѣ онъ обезпечился формальнымъ обязательствомъ князя Бисмарка, содѣйствовать Россіи въ завоеваніи новаго могущества на юго-востокѣ.

Для насъ существованіе такого акта, существованіе оборонительнаго и наступательнаго союза, заключеннаго между Россіею и Пруссіею чуть ли не сейчасъ же послѣ парижскаго міра или, по крайней мѣрѣ, во время польскаго возстанія, въ 1863 г., когда увлеченныя примѣромъ Франціи и Англіи почти всѣ европейскія державы, кромѣ Пруссіи, громогласно и оффиціально протестовали противъ всероссійскаго варварства; для насъ, говоримъ мы, формальное и для обѣихъ сторонъ равно обязательное согласіе между Пруссіею и Россіею несомнѣнно, только подобнымъ союзомъ можетъ быть объяснена та спокойная, можно сказать, беззаботная увѣренность, съ какою Бисмаркъ предпринялъ войну противъ Австріи и противъ большой части Германіи, съ опасностью французскаго вмѣшательства, и еще болѣе рѣшительную войну противъ Франціи. Малѣйшей враждебной демонстраціи со стороны Россіи, напр. движенія русскихъ войскъ къ прусской границѣ было бы достаточно, чтобы остановить и въ той, и въ другой войнѣ, особенно въ послѣдней, дальнѣйшія движенія побѣдоноснаго прусскаго воинства. Вспомнимъ, что въ концѣ послѣдней войны вся Германія, по преимуществу же сѣверная часть ея была совершенно очищена отъ войскъ,

Библиотека "Руниверс"

что невмѣшательство Австріи въ пользу Франціи не имѣло другой причины, какъ объявленіе Россіи, что если Австрія двинетъ свои войска, то она двинетъ противъ нихъ свою армію, и что Италія и Англія только потому не вмѣшались, что этого не хотѣла Россія. Не заяви она себя такимъ рѣшительнымъ союзникомъ прусско-германскаго императора нѣмцы никогда бы не взяли Парижа.

Но Бисмаркъ видимо былъ увѣренъ, что Россія не измѣнитъ ему. На чемъ же была основана такая увѣренность? Ужели на родственныхъ связяхъ и на личной дружбѣ двухъ императоровъ? Но Бисмаркъ человѣкъ слишкомъ умный и опытный, чтобы разсчитывать на чувства въ политикѣ. Положимъ даже, что нашъ императоръ, одаренный, какъ всѣмъ извѣстно, чувствительнымъ сердцемъ и проливающій слезы чрезвычайно легко, могъ увлечься подобными чувствами, не разъ высказанными имъ въ царскихъ попойкахъ, тогда окружающее его правительство, дворъ, наслѣдникъ, ненавидящій будто бы нѣмцевъ и, наконецъ, нашъ маститый государственный патріотъ, князь Горчаковъ, всѣ вмѣстѣ, общественное мнѣніе и сама сила вещей напомнили бы ему, что государства руководствуются интересами, а не чувствами.

Не могъ же Бисмаркъ разсчитывать на тождество интересовъ русскихъ и прусскихъ. Такого тождества нѣтъ да и быть не можетъ, оно существуетъ только въ одномъ пунктѣ, а именно въ польскомъ вопросѣ. Ну, да этотъ вопросъ уже давно порѣшенъ, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, ничто не можетъ быть такъ противно интересамъ всероссійскаго государства, какъ образованіе о бокъ его огромной и могущественной всегерманской имперіи. Существованіе двухъ огромныхъ имперій, другъ подлѣ друга, влечетъ за собой войну, которая не можетъ кончиться иначе, какъ разрушеніемъ или одной, или другой.

Война эта, повторяемъ мы, неизбѣжна, но она можетъ быть отдалена, если обѣ имперіи сознаютъ что онѣ еще не достаточно укрѣпились внутри, не довольно расширились для того, чтобы начать другъ противъ друга войну рѣшительную, борьбу на жизнь и на смерть. Тогда, хотя и ненавидя другъ друга, онѣ про-

Библиотека "Руниверс"

должаютъ другъ друга поддерживать, обмѣниваться услугами между собою, причемъ каждая надѣется, что она воспользуется лучше другой невольнымъ союзомъ, пріобрѣтетъ больше силы и средствъ для будущей, неизбѣжной борьбы—таково именно взаимное положеніе Россіи и прусской Германіи.

Германская имперія далеко еще не укрѣпилась ни внутри, ни снаружи. Внутри она представляетъ странное соединеніе многихъ самостоятельныхъ среднихъ и маленькихъ государствъ, правда обреченныхъ на уничтоженіе, но еще не уничтоженныхъ и стремящихся во чтобы то ни стало спасти остатки своей, видимо исчезающей самостоятельности. Снаружи хмурится противъ новой имперіи униженная, но не окончательно еще сраженная Австрія, побѣжденная и именно вслѣдствіе того непримиримая Франція. Къ тому-же ново-германская имперія далеко еще не достаточно округлила свои границы. Повинуяся внутренней необходимости, свойственной военнымъ государствамъ, она задумываетъ новыя пріобрѣтенія, новыя войны. Поставивъ себѣ цѣлью возстановленіе средневѣковой имперіи въ первобытныхъ границахъ, и къ этой цѣли влечетъ ее неуклонно патріотизмъ пангерманской, обуявшій все нѣмецкое общество; она мечтаетъ о присоединеніи всей Австріи, кромѣ Венгріи, отнюдь не кромѣ Тріеста, но кромѣ Богеміи, всей нѣмецкой Швейцаріи, части Бельгіи, всей Голландіи и Даніи, необходимыхъ для основанія ея морского могущества—планы гигантскіе, осуществленіе которыхъ возбудятъ значительную часть западной и южной Европы противъ нее, и которое поэтому безъ согласія Россіи рѣшительно невозможно. Значитъ для ново-германской имперіи еще необходимъ русскій союзъ.

Всероссійская имперія съ своей стороны также не можетъ обойтись безъ прусско-германскаго союза. Отказавшись отъ всякихъ новыхъ пріобрѣтеній и расширеній на сѣверо-западѣ, она должна идти на юго-востокъ. Уступивъ Пруссіи преобладаніе на Балтійскомъ морѣ, она должна завоевать и установить свое могущество на Черномъ морѣ. Иначе она будетъ отрѣзана отъ Европы. Но для того, чтобы владычество ея на Черномъ морѣ было дѣйствительно и полезно, она

Библиотека "Руниверс"

должна овладѣть Константинополемъ, безъ котораго не только выходъ въ Средиземное море можетъ быть возбраненъ ей во всякое время, но самый входъ въ Черное море будетъ всегда открытъ для непріятельскихъ флотовъ и армій, какъ это и было во время крымской компаніи.

Значитъ единая цѣль, къ которой, больше чѣмъ когда нибудь, стремится завоевательная политика нашего государства — Константинополь. Осуществленію этой цѣли противны интересы всей южной Европы, не исключая разумѣется Франціи, противны англійскіе интересы, а также и интересы Германіи, такъ какъ безграничное владычество Россіи на Черномъ морѣ, поставитъ все дунайское прибрежье въ прямую зависимость отъ Россіи.

И, несмотря на это, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Пруссія, вынужденная опираться на русскій союзъ для исполненія своихъ завоевательныхъ плановъ на западѣ, формально обязалась помогать Россіи въ ея юго-восточной политикѣ; также какъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что она воспользуется первою возможностью для того, чтобы измѣнить обѣщанію.

Такого нарушенія договора нельзя ожидать теперь, въ самомъ началѣ исполненія его. Мы видѣли какую горячую поддержку прусско-германская имперія оказала имперіи всероссійской въ вопросѣ объ уничтоженіи условій парижскаго трактата, стѣснительныхъ для Россіи и, нѣтъ сомнѣнія, что она такъ же горячо продолжаетъ ее поддерживать въ хивинскомъ вопросѣ. Къ тому же для нѣмцевъ выгодно, чтобы русскіе удалились какъ можно глубже на востокъ.

Но что заставило русское правительство предпринять доходъ противъ Хивы? Нельзя же предполагать, чтобы оно предприняло его въ защиту интересовъ русскаго купечества и русской торговли. Еслибы это было такъ, то можно было-бы спросить, почему оно не предпринимаетъ такихъ-же походовъ внутри Россіи, противъ самого себя, какъ напр., противъ московскаго генералъ-губернатора и вообще противъ всѣхъ губернаторовъ и градоначальниковъ, притѣсняющихъ и грабящихъ, какъ извѣстно, самымъ наглымъ маперомъ и

Библиотека "Руниверс"

всѣми возможными способами и русскую торговлю и русскихъ купцовъ.

Какая же польза можетъ быть для нашего государства въ завоеваніи песчаной пустыни? Иные пожалуй готовы отвѣтить, что правительство наше предприняло этотъ походъ ради исполненія великаго призванія Россіи внести цивилизацію запада на востокъ. Но такое объясненіе годится пожалуй для академическихъ или оффиціальныхъ рѣчей, а также и для доктринерныхъ книгъ, брошюръ и журналовъ, всегда наполненныхъ возвышеннымъ вздоромъ и говорящихъ всегда противное тому, что дѣлается и что есть; насъ же оно удовлетворить не можетъ. Вообразите себѣ петербургское правительство, руководимое въ своихъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ сознаніемъ цивилизаторскаго назначенія Россіи! Для человѣка, сколько нибудь знакомаго съ природою и съ побужденіями нашихъ правителей, одного такого представленія достаточно, чтобы уморить его со смѣху.

Не станемъ говорить также объ открытіи новыхъ торговыхъ путей въ Индію. Торговая политика, это политика Англіи, она никогда не была русскою. Русское государство, по преимуществу и, можно сказать, исключительно военное государство. Въ немъ все подчинено единому интересу могущества всенасилующей власти. Государь, государство, вотъ главное; все же остальное—народъ, даже сословные интересы, процвѣтаніе промышленности, торговли и такъ называемой цивилизаціи, лишь средства для достиженія этой единой цѣли. Безъ извѣстной степени цивилизаціи, безъ промышленности и торговли никакое государство, и особливо новѣйшее, существовать не можетъ, потому что такъ называемое богатство національное, далеко не народное, а богатство привиллегированныхъ сословій есть сила. Въ Россіи оно все, поглощается государствомъ, которое, въ свою очередь становится кормильцемъ огромнаго государственнаго класса военнаго, гражданскаго и духовнаго. Казенное повсемѣтное воровство, казнокрадство и народообираніе есть самое вѣрное выраженіе русской государственной цивилизаціи.

Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что между другими и болѣе главными причинами, побудившими

Библиотека "Руниверс"

русское правительство къ предпринятію похода противъ Хивы, были также и такъ называемыя торговыя причины; надо было открыть для умножающагося оффиціальнаго люда, къ которому мы причисляемъ и наше купечество, новое поприще, дать ему новыя области на разграбленіе. Но значительное умноженіе богатства и силы для государства съ этой стороны ждать нельзя. Напротивъ, можно быть увѣреннымъ, что въ финансовомъ отношеніи предпріятіе представитъ гораздо болѣе убытковъ, чѣмъ прибыли.

Зачѣмъ же пошли въ Хиву? Для того ли, чтобы дать занятіе войску? Въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ Кавказъ служилъ военною школою, но теперь Кавказъ умиротворенъ, поэтому надо было открыть новую школу; вотъ и задумали хивинскую кампанію. Такое объясненіе также не выдерживаетъ критики, даже если мы предположимъ, что русское правительство изъ рукъ вонъ неспособно и глупо. Опытъ, пріобрѣтенный войсками нашими въ хивинской пустынѣ, отнюдь не примѣнимъ къ войнѣ противъ запада, а съ другой стороны, онъ слишкомъ дорогъ, такъ что пріобрѣтенныя выгоды далеко не могутъ сравниться съ величиной затратъ и издержекъ.

Но можетъ быть русское правительство задумало не на шутку завоеваніе Индіи? Мы не грѣшимъ излишнею вѣрою въ мудрость нашихъ петербургскихъ правителей, но все-таки не можемъ допустить, чтобы оно задалось такою нелѣпою цѣлью. Завоевать Индію! Для кого, зачѣмъ и какими средствами? Вѣдь для этого надобно было бы двинуть, по крайней мѣрѣ, четверть, если не цѣлую половину русскаго населенія на востокъ, и почему именно завоевать Индію, до которой не иначе можно добраться, какъ покоривъ сперва воинственное и многочисленное племя Афганистана. Завоевать же Афганистанъ, вооруженный и отчасти даже дисциплинированный англичанами, было бы, по крайней мѣрѣ, въ три или четыре раза труднѣе, чѣмъ совладать съ Хивою.

Ужъ если пошло на завоеваніе, почему было не начать съ Китая? Китай очень богатъ и во всѣхъ отношеніяхъ доступнѣе для насъ, чѣмъ Индія, такъ какъ

Библиотека "Руниверс"

между нимъ и Россіею нѣтъ никого и ничего. Ступай и возьми, если можешь.

Да, пользуясь неурядицею и междуусобными войнами, ставшими хроническою болѣзнью Китая, можно было бы распространить очень далеко завоеваніе въ этомъ краѣ, и кажется, что русское правительство затѣваетъ что-то въ этомъ родѣ; оно силится явнымъ образомъ отдѣлить отъ него Монголію и Манджурію; пожалуй въ одинъ прекрасный день мы услышимъ, что русскія войска совершили вторженіе на западной границѣ Китая. Дѣло чрезвычайно опасное, ужасно напоминающее намъ пресловутыя побѣды древнихъ римлянъ надъ германскими народами, побѣды, кончившіяся, какъ извѣстно, разграбленіемъ и покореніемъ римской имперіи дикими германскими племенами.

Въ одномъ Китаѣ считаютъ одни четыреста, а другіе около шестисотъ милліоновъ жителей, которымъ видимымъ образомъ становится тѣсно жить въ границахъ имперіи и которые все большими массами переселяются теперь неотвратимымъ теченіемъ одни въ Австралію, нѣкоторые черезъ Тихій океанъ въ Калифорнію; другія массы могутъ двинуться, наконецъ, на сѣверъ и на сѣверо-западъ. И тогда? Тогда, въ одно мгновеніе ока, Сибирь, весь край, простирающійся отъ Татарскаго пролива до Уральскихъ горъ и до Каспійскаго моря, перестанетъ быть русскимъ.

Подумайте, что въ этомъ огромномъ краѣ, превосходящемъ объемомъ своимъ (12,220,000 квадратныхъ километровъ) болѣе, чѣмъ въ двадцать разъ объемъ Франціи (528,600 кв. кл.), считается до сихъ поръ не болѣе 6 милліоновъ жителей, изъ которыхъ только около 2,600,000 русскихъ, всѣ же остальные туземцы, татарскаго или финскаго происхожденія, а численность войска самая ничтожная. Буетъ-ли какая нибудь возможность остановить вторженіе китайскихъ массъ, которыя нетолько наводнятъ всю Сибирь, включая новыя владѣнія на ши въ центральной Азіи, но перевалятъ и черезъ Уралъ къ самой Волгѣ.

Такова опасность, грозящая намъ чуть-ли не неизбѣжно со стороны востока. Напрасно презираютъ китайскія массы. Онѣ грозны уже однимъ своимъ огромнымъ количествомъ, грозны, потому что чрезмѣрное

Библиотека "Руниверс"

умноженіе дѣлаетъ почти невозможнымъ ихъ дальнѣйшее существованіе въ границахъ Китая; грозны также и потому, что о нихъ не должно судить по китайскимъ купцамъ, съ которыми купцы европейскіе ведутъ дѣла въ Шанхаѣ, въ Кантонѣ или въ Маймачинѣ. Внутри Китая живутъ массы, гораздо менѣе изуродованныя китайскою цивилизаціею, несравненно болѣе энергическіе, къ тому же непремѣнно воинственные, воспитанные въ военныхъ привычкахъ нескончаемою междуусобною войною, въ которой гибнутъ десятки и сотни тысячъ людей. Надо замѣтить еще, что въ послѣднее время они стали знакомиться съ употребленіемъ новѣйшаго оружія и также съ европейскою дисциплиною — этимъ цвѣткомъ и послѣднимъ оффиціальнымъ словомъ государственной цивилизаціи Европы. Соедините только эту дисциплину и знакомство съ новымъ оружіемъ и съ новою тактикою съ первобытнымъ варварствомъ китайскихъ массъ, съ отсутствіемъ въ нихъ всякаго понятія о человѣческомъ протестѣ, всякаго инстинкта свободы, съ привычкою самаго рабскаго повиновенія, а они соединяются именно теперь, подъ вліяніемъ множества военныхъ авантюристовъ, американскихъ и европейскихъ, наводнившихъ Китай послѣ послѣдняго франко-англійскаго похода въ эту страну въ 1860 году; да примите въ соображеніе чудовищную огромность населенія, принужденнаго искать себѣ выхода, и вы поймете, какъ велика опасность, грозящая намъ со стороны востока.

Вотъ съ этою-то опасностью и играетъ наше русское правительство, невинное, какъ дитя. Подвигаемое нелѣпымъ стремленіемъ расширенія своихъ границъ, и, не принимая въ соображеніе того, что Россія такъ мало населена, такъ бѣдна и такъ безпомощна, что она до сихъ поръ не въ состояніи, да и никогда не сможетъ населить новопріобрѣтеннаго Амурскаго края, въ которомъ на пространствѣ 2,100,000 километровъ (почти въ четыре раза болѣе, чѣмъ Франція) считается, вмѣстѣ съ войскимъ и флотомъ всего только 65,000 жителей. И при такомъ безсиліи, при поголовной нищетѣ всего русскаго народа взятаго вмѣстѣ, доведеннаго отеческимъ управленіемъ во всѣхъ отношеніяхъ до положенія столь отчаяннаго, что ему не остается другого

Библиотека "Руниверс"

выхода и спасенія, какъ только въ самомъ разрушительномъ бунтѣ, — да, при такихъ условіяхъ правительство русское надѣется водворить свое могущество на всемъ азіатскомъ востокѣ.

Для того, чтобы идти далѣе, съ самыми малыми задатками успѣха, оно должно бы было не только повернуть спину Европѣ и отказаться отъ всякого вмѣшательства въ дѣла европейскія — а этого князь Бисмаркъ только и желаетъ теперь—оно должно бы было двинуть рѣшительно всю свою военную силу въ Сибирь и въ центральную Азію и идти на завоеваніе Востока, какъ Тамерланъ со всѣмъ своимъ народомъ. Но за Тамерланомъ народъ его шелъ, за русскимъ же правительствомъ русскій народъ не пойдетъ.

Возвращаемся къ Индіи. Какъ оно не нелѣпо, русское правительство не можетъ питать надежды на завоеваніе ея и на укрѣпленіе въ ней своего могущества. Англія завоевала Индію прежде всего своими торговыми компаніями, у насъ же такихъ компаній нѣтъ, а если онѣ гдѣ и существуютъ такъ только карманныя, для вида. Англія ведетъ свою громадную эксплоатацію Индіи или свою насильственную торговлю съ нею моремъ, посредствомъ огромныхъ флотовъ купеческихъ и военныхъ, у насъ такихъ флотовъ нѣтъ, и вмѣсто моря, насъ отдѣляетъ отъ Индіи нескончаемая пустыня — значитъ не можетъ быть и рѣчи о завоеваніи Индіи.

Но если мы не можемъ завоевать, то мы можемъ разрушить или, покрайней мѣрѣ, сильно поколебать въ ней владычество Англіи, возбуждая туземные бунты противъ нея и помогая этимъ бунтамъ, поддерживая ихъ даже, когда это станетъ нужно, военнымъ вмѣшательствомъ.

Да, можемъ, хотя это и будетъ стоить намъ, не богатымъ ни деньгами, ни людьми, огромныхъ тратъ людей и денегъ. Но зачѣмъ же мы понесемъ эти траты? Неужели для того только, чтобы доставить себѣ невинное удовольствіе напакостить англичанамъ безъ всякой пользы, а, напротивъ, съ положительнымъ ущербомъ для себя? Нѣтъ, потому, что англичане намъ мѣшаютъ. Гдѣ же они намъ мѣшаютъ?—Въ Константинополѣ. Пока Англія сохранитъ свою силу, она ни-

Библиотека "Руниверс"

когда и ни за что въ мірѣ не согласится, чтобы Константинополь въ нашихъ рукахъ сталъ снова столицею уже не одной только всероссійской, не даже славянской, а восточной имперіи.

Такъ вотъ почему русское правительство предприняло войну въ Хивѣ и почему оно вообще издавна стремится приблизиться къ Индіи. Оно ищетъ пункта, гдѣ бы можно нанести вредъ Англіи и не находя другого, грозитъ ей въ Индіи. Такимъ образомъ оно надѣется помирить англичанъ съ мыслью, что Константинополь долженъ сдѣлаться русскимъ городомъ, принудить ихъ согласиться на это завоеваніе, болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимое для государственной Россіи.

Преобладаніе ея на морѣ Балтійскомъ утрачено безвозвратно. Не одному всероссійскому государству, сплоченному штыкомъ да кнутомъ, ненавистному для всѣхъ народныхъ массъ въ немъ заключенныхъ и скованныхъ, начиная съ народа великорусскаго, деморализованному, дезорганизированному и разоренному роднымъ самодурствующимъ произволомъ, родною глупостью и роднымъ воровствомъ, ни его военной силѣ, существующей больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности и только для безоружныхъ, да и то пока только у насъ рѣшимости не хватаетъ, не ей бороться противъ страшнаго и великолѣпно организованнаго могущества, вновь возникающей германской имперіи. Значитъ надо отказаться отъ Балтійскаго моря и ожидать того момента, когда вся прибалтійская область сдѣлается нѣмецкой провинціей. Помѣшать этому можетъ только народная революція. Ну, а такая революція для государства смерть, и не въ ней будетъ наше правительство искать для себя спасенія.

Ему не остается другого спасенія, какъ только въ союзѣ съ Германіею, потому что принужденное отказаться въ пользу нѣмцевъ отъ Балтійскаго моря, оно должно теперь на Черномъ морѣ искать новой почвы, новой основы для своего величія или просто даже для своего политическаго существованія и смысла, но пріобрѣтать ее безъ позволенія и помощи нѣмцевъ оно не можетъ.

Нѣмцы обѣщали эту помощь. Да, какъ мы въ этомъ увѣрены, они формальнымъ договоромъ заключеннымъ

Библиотека "Руниверс"

между княземъ Бисмаркомъ и княземъ Горчаковымъ, обязались оказать ее россійскому государству, но никогда не окажутъ ее, въ чемъ мы также увѣрены. Не окажутъ, потому что не могутъ отдать на произволъ Россіи своего дунайскаго прибрежья и своей дунайской торговли, а также и потому что не можетъ быть въ ихъ интересахъ способствовать воздвиженію новаго русскаго могущества, великой панъ-славянской имперіи на югѣ Европы. Это было бы просто нѣчто въ родѣ самоубійства со стороны панъ-германской имперіи.—Вотъ, направить и толкнуть русскія войска въ центральную Азію, въ Хиву, подъ предлогомъ, что это самый прямой путь въ Константинополь, это другое дѣло.

Намъ кажется несомнѣннымъ, что нашъ маститый государственный патріотъ и дипломатъ, князь Горчаковъ и высочайшій патронъ его государь Александръ Николаевичъ разыграли во всемъ этомъ плачевномъ дѣлѣ самую глупую роль и что знаменитый нѣмецкій патріотъ и государственный мошенникъ, князь Бисмаркъ, надулъ ихъ чуть ли даже не ловчѣе чѣмъ онъ надулъ Наполеона III.

Но дѣло сдѣлано, его перемѣнить невозможно. Новая германская имперія встала величавая и грозная, смѣясь надъ своими завистниками и врагами. Не русскимъ дряблымъ силамъ свалить ее, это можетъ сдѣлать только одна революція, а до тѣхъ поръ пока революція не восторжествовала въ Россіи или въ Европѣ, будетъ торжествовать и всѣмъ повелѣвать государственная Германія, и русское государство, также какъ и всѣ континентальныя государства въ Европѣ, будутъ существовать отнынѣ только съ ея позволенія и милости.

Это разумѣется чрезвычайно обидно для всякаго русскаго государственно-патріотическаго сердца, но грозный фактъ остается фактомъ; нѣмцы, болѣе чѣмъ когда нибудь стали нашими господами, и не даромъ всѣ нѣмцы въ Россіи такъ горячо и шумно праздновали побѣды германскихъ войскъ во Франціи, не даромъ такъ торжественно принимали своего новаго пангерманскаго императора всѣ петербургскіе нѣмцы.

Въ настоящее время, на цѣломъ континентѣ Европы осталось только одно истинно самостоятельное госу-

Библиотека "Руниверс"

дарство,—это Германія. Да, между всѣми континентальными державами—мы говоримъ, конечно только о большихъ, такъ какъ само собою разумѣется, что малыя и среднія обречены сначала на непрѣменную зависимость, а въ теченіи скораго времени и на гибель—между всѣми первостепенными государствами, только одна германская имперія представляетъ всѣ условія полнѣйшей самостоятельности, всѣ же другія поставлены въ зависимость отъ нея. И это не потому только, что она одержала въ теченіи послѣднихъ лѣтъ блистательныя побѣды надъ Даніею, надъ Австріею и надъ Франціею; что она овладѣла всѣмъ оружіемъ послѣдней и всѣми военными запасами; что она заставила ее заплатить себѣ пять милліардовъ; что она присоединеніемъ Эльзаса и Лотарингіи заняла противъ нее въ оборонительномъ, также какъ и въ наступательномъ отношеніи великолѣпную военную позицію; а также и не потому только, что германская армія численностью, вооруженіемъ, дисциплиною, организаціею, точною исполнительностью и военною наукою не только своихъ офицеровъ, но также и своихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, не говоря уже о неоспоримомъ сравнительномъ совершенствѣ своихъ штабовъ, превосходитъ нынѣ рѣшительно всѣ существующія арміи въ Европѣ; не потому только, что масса германскаго народонаселенія состоитъ изъ людей грамотныхъ, трудолюбивыхъ, производительныхъ, сравнительно весьма образованныхъ, чтобы не сказать ученыхъ, къ тому же смирныхъ, послушныхъ властямъ и законамъ, и что германская администрація и бюрократія чуть ли не осуществили идеала къ достиженію котораго тщетно стремятся бюрократія и администрація всѣхъ другихъ государствъ...

Всѣ эти преимущества разумѣется способствовали и способствуютъ изумительнымъ успѣхамъ нового пангерманскаго государства, но не въ нихъ должно искать главную причину его настоящей, всеподавляющей силы. Можно даже сказать, что они сами всѣ не болѣе, какъ проявленія общей и болѣе глубокой причины, лежащей въ основаніи всей германской общественной жизни. Эта причина—инстинктъ общественности, составляющій характерестическую черту нѣмецкаго народа.

Инстинктъ этотъ разлагается на два элемента, по-

Библиотека "Руниверс"

видимому противоположные, но всегда неразлучные; рабскій инстинктъ повиновенія, во что бы то ни стало, смирнаго и мудраго подчиненія себя торжествующей силѣ подъ предлогомъ послушанія, такъ называемымъ, законнымъ властямъ; а въ тоже самое время господскій инстинктъ систематическаго подчиненія себѣ всего, что слабѣе, командованія, завоеванія и систематическаго притѣсненія. Оба эти инстинкта достигли значительной степени развитія почти въ каждомъ нѣмецкомъ человѣкѣ, исключая разумѣется пролетаріата, положеніе котораго исключаетъ возможность удовлетворенія, покрайней мѣрѣ, второго инстинкта, и всегда не раздѣляя, дополняя и объясняя другъ друга, оба лежатъ въ основаніи патріотическаго нѣмецкаго общества.

О классическомъ послушаніи нѣмцевъ, всѣхъ чиновъ и разрядовъ, властямъ, гласитъ вся исторія Германіи, а особливо новѣйшая, которая представляетъ непрерывный рядъ подвиговъ покорности и терпѣнія. Въ нѣмецкомъ сердцѣ выработалось вѣками истинное богопочитаніе государственной власти, богопочитаніе, которое создало постепенно бюрократическую теорію и практику, и благодаря стараніямъ нѣмецкихъ ученыхъ, легло потомъ въ основаніе всей политической науки, проповѣдуемой понынѣ въ университетахъ Германіи.

О завоевательныхъ и притѣснительныхъ стремленіяхъ германскаго племени, начиная отъ средневѣковыхъ германскихъ крестоносцевъ-рыцарей и бароновъ до послѣдняго филистера бюргера новѣйшихъ временъ, также громко гласитъ исторія.

И никто не испыталъ на себѣ такъ горько этихъ стремленій, какъ славянское племя. Можно сказать, что все историческое назначеніе нѣмцевъ, покрайней мѣрѣ на сѣверѣ и на востокѣ и, разумѣется по нѣмецкимъ понятіямъ, состояло и чуть ли еще не состоитъ и теперь именно въ истребленіи, въ порабощеніи и въ насильственномъ германизированіи славянскихъ племенъ.

Эта длинная и печальная исторія, память о которой глубоко хранится въ славянскихъ сердцахъ и которая безъ сомнѣнія отзовется въ послѣдней неизбѣжной борьбѣ славянъ противъ нѣмцевъ, если соціальная революція не помиритъ ихъ прежде.

Для вѣрной оцѣнки завоевательныхъ стремленій

Библиотека "Руниверс"

всего нѣмецкаго общества, достаточно бросить бѣглый взглядъ на развитіе германскаго патріотизма съ 1815 года.

Германія съ 1525 года, эпохи кроваваго усмиренія крестьянскаго бунта, до второй половины XVIII вѣка, эпохи литературнаго возрожденія ея, оставалась погруженною въ сонъ непробудный, иногда прерываемый пушечнымъ выстрѣломъ и грозными сценами и испытаніями безпощадной войны, которой она была большею частью театромъ и жертвою. Тогда она съ ужасомъ пробуждалась, но скоро вновь опять засыпала, убаюканная лютеранскою проповѣдью.

Въ этотъ періодъ времени, т. е. въ продолженіи почти двухъ съ половиною столѣтій, выработался до конца, именно подъ вліяніемъ этой проповѣди, ея послушный и до истиннаго героизма рабски-терпѣливый характеръ. Въ это время образовалась и вошла въ цѣлую жизнь, въ плоть и кровь каждаго нѣмца система безусловнаго повиновенія и благословленіе власти. Вмѣстѣ съ этимъ развилась наука административная и педантически систематическая, безчеловѣчная и безличная бюрократическая практика. Всякій нѣмецкій чиновникъ сдѣлался жрецомъ государства, готовый заколоть не ножемъ, а канцелярскимъ перомъ, любимѣйшаго сына на алтарѣ государственной службы. Въ то же самое время нѣмецкое благородное дворянство, неспособное ни къ чему другому, кромѣ лакейской интриги и военной службы, предлагало свою придворную и дипломатическую безсовѣстность и свою продажную шпагу лучше платящимъ европейскимъ дворамъ; и нѣмецкій бюргеръ, послушный до смерти, терпѣлъ, трудился, безропотно платилъ тяжелыя подати, жилъ бѣдно и тѣсно и утѣшалъ себя мыслью о безсмертіи души. Власть безчисленныхъ государей, раздѣлявшихъ между собою Германію была безгранична. Профессора били другъ друга по щекамъ и потомъ другъ на друга доносили начальству. Студенчество, раздѣлявшее свое время между мертвою наукою и пивомъ, было вполнѣ ихъ достойно. А о чернорабочемъ народѣ никто даже не говорилъ и не подумалъ.

Таково было положеніе Германіи еще во второй половинѣ XVIII вѣка, когда какимъ то чудомъ, вдругъ, изъ этой бездонной пропасти пошлости и подлости

Библиотека "Руниверс"

возникла великолѣпная литература, созданная Лессингомъ и законченная Гете, Шиллеромъ, Кантомъ, Фихте и Гегелемъ. Извѣстно, что эта литература образовалась сначала подъ прямымъ вліяніемъ великой французской литературы XVII и XVIII вѣка, сначала классической, а потомъ философской; но она съ перваго же раза, въ произведеніяхъ своего родоначальника Лессинга, приняла характеръ, содержаніе и формы совершенно самостоятельныя, вытекшія, можно сказать, изъ самой глубины германской созерцательной жизни.

По нашему мнѣнію, эта литература составляетъ самую большую и чуть ли не единственную заслугу новѣйшей Германіи. Смѣлымъ и вмѣстѣ широкимъ захватомъ своимъ, она двинула значительно впередъ человѣческій умъ и открыла новые горизонты для мысли. Главное ея достоинство состоитъ въ томъ, что будучи съ одной стороны вполнѣ національною, она была вмѣстѣ съ тѣмъ литературою въ высшей степени гуманною, общечеловѣческою, что, впрочемъ, составляютъ характеристическую черту вообще всей, или почти всей, европейской литературы XVIII вѣка.

Но въ то самое время, какъ напр. французская литература, въ произведеніяхъ Вольтера, Ж. Ж. Руссо, Дидро и другихъ энциклопедистовъ стремилась перенесть всѣ человѣческіе вопросы изъ области теоріи на практику, германская литература хранила цѣломудренно и строго свой, отвлеченно теоретическій и, главнымъ образомъ, пантеистическій характеръ. Это была литература гуманизма, отвлеченно поэтическаго и метафизическаго, съ высоты котораго посвященные смотрѣли съ презрѣніемъ на жизнь дѣйствительную; съ презрѣніемъ, впрочемъ, вполнѣ заслуженнымъ, такъ такъ нѣмецкая ежедневность была пошла и гадка.

Такимъ образомъ нѣмецкая жизнь раздѣлилась меду двумя противуположными и другъ друга отрицающими, хоть и дополняющими сферами. Одинъ міръ высокой и широкой, но совершенно абстрактной гуманности; другой міръ исторически наслѣдственной, вѣрноподданнической пошлости и подлости. Въ этомъ раздвоеніи застала Германію французская революція.

Извѣстно, что эта революція была встрѣчена весьма одобрительно и можно сказать съ положительною

Библиотека "Руниверс"

симпатіею почти всею литературною Германіею. Гете не много поморщился и проворчалъ, что шумъ неслыханныхъ происшествій помѣшалъ, прервалъ нить его ученыхъ и артистическихъ занятій и его поэтическихъ созерцаній; но большая часть представителей или сторонниковъ новѣйшей литературы, метафизики и науки привѣтствовали радостью революцію, отъ которой ждали осуществленія всѣхъ идеаловъ. Франк-массонство, игравшее еще очень серьезную роль въ концѣ XVIII вѣка и соединявшее невидимымъ, но довольно дѣйствительнымъ братствомъ передовыхъ людей всѣхъ странъ Европы, установило живую связь между французскими революціонерами и благородными мечтателями Германіи. Когда республиканскія войска, послѣ героическаго отпора даннаго Брюнсвигу, обращенному въ постыдное бѣгство, переступили въ первый разъ черезъ Рейнъ, они были встрѣчены нѣмцами, какъ избавители.

Это симпатическое отношеніе нѣмцевъ къ французамъ продолжалось недолго. Французскіе солдаты, какъ подобаетъ французамъ, были разумѣется очень любезны, и какъ республиканцы достойны всякой симпатіи; но они были все таки солдаты, т. е. безцеремонные представители и слуги насилія. Присутствіе такихъ освободителей скоро стало тягостно для нѣмцевъ и симпатія ихъ охладилась значительно. Къ тому же сама революція приняла въ слѣдъ за тѣмъ такой энергическій характеръ, который уже никакимъ образомъ не могъ совмѣститься съ отвлеченными понятіями и съ филистерски-созерцательными нравами нѣмцевъ. Гейне разсказываетъ, что подъ конецъ въ цѣлой Германіи, только одинъ кенигсбергскій философъ Кантъ, сохранилъ свои симпатіи къ революціи французской, несмотря на сентябрьскую рѣзню, на казнь Людовика XVI и Маріи Антуанеты и несмотря на Робеспьеровскій терроръ.

Притомъ республика замѣнилась сначала директоріей, потомъ консульствомъ, и наконецъ имперіей; республиканскія войска стали слѣпымъ и долго побѣдоноснымъ орудіемъ наполеоновскаго честолюбія, гигантскаго до безумія, и въ концѣ 1806 г. послѣ іенскаго сраженія, Германія была порабощена окончательно.

Съ 1807 г. начинается ея новая жизнь. Кому неизвѣстна изумительная исторія быстраго возрожденія

Библиотека "Руниверс"

прусскаго королевства, а посредствомъ его и цѣлой Германіи. Въ 1806 г. вся государственная сила, созданная Фридрихомъ II, его отцомъ и дѣдомъ, была разрушена. Армія, организованная и дисциплинированная великимъ полководцемъ, уничтожена. Вся Германія и вся Пруссія, исключая кенигсберской окраины, была покорена французскими войсками и управлялась въ дѣйствительности французскими префектами, а политическое существованіе прусскаго королевства пощажено только благодаря просьбамъ Александра I, императора всероссійскаго.

Въ этомъ критическомъ положеніи нашлась группа людей, горячихъ прусскихъ, или даже болѣе, германскихъ патріотовъ, умныхъ, смѣлыхъ, рѣшительныхъ, которые, наученные уроками и примѣромъ французской революціи, задумали спасеніе Пруссіи и Германіи посредствомъ широкихъ либеральныхъ реформъ. Въ другое время, напримѣръ передъ іенскимъ сраженіемъ или пожалуй даже послѣ 1815 г., когда вступила вновь во всѣ свои права дворянско-бюрократическая реакція, они не посмѣли бы и подумать о такихъ реформахъ. Ихъ задавила бы придворная и военная партія, и добродѣтельнѣйшій и глупѣйшій король Фридрихъ Вильгельмъ III, не знавшій ничего кромѣ своего безграничнаго, богомъ постановленнаго права, засадилъ бы ихъ въ Шпандау, лишь только бы они осмѣлились пикнуть о нихъ.

Но въ 1807 г. положеніе было совсѣмъ иное. Военно-бюрократическая и аристократическая партія была уничтожена, осрамлена и унижена до такой степени, что потеряла голосъ, а король получилъ такой урокъ, отъ котораго и дуракъ хоть на короткое время могъ сдѣлаться умнымъ. Баронъ Штейнъ сталъ первымъ министромъ и смѣлою рукою онъ началъ ломку стараго порядка, и устройство новой организаціи въ Пруссіи.

Первымъ дѣломъ его было освобожденіе крестьянъ отъ прикрѣпленія къ землѣ, не только съ правомъ, но и съ дѣйствительною возможностью пріобрѣтать землю въ личную собственность. Вторымъ дѣломъ было уничтоженіе дворянскихъ привиллегій и уравненіе всѣхъ сословій передъ закономъ въ военной и граж-

Библиотека "Руниверс"

данской службѣ. Третьимъ дѣломъ, устройство провинціальной и муниципальной администраціи на основаніи выборнаго начала; главнымъ же дѣломъ его было совершенное преобразованіе войска, вѣрнѣе, обращеніе цѣлаго прусскаго народа въ войско, раздѣленнаго на три категоріи: дѣйствующей арміи, ландвера и штурмвера. Въ заключеніе всего баронъ Штейнъ открылъ широкій входъ и убѣжище въ прусскихъ университетахъ для всего, что было тогда умнаго, горячаго, живого въ Германіи, и принялъ въ берлинскій университетъ знаменитаго Фихте, только что выгнаннаго изъ Іены герцогомъ веймарнскимъ, другомъ и покровителемъ Гете, за то, что онъ проповѣдывалъ атеизмъ.

Фихте началъ свои лекціи пламенною рѣчью, обращенною главнымъ образомъ къ германской молодежи, но публикованной впослѣдствіи подъ названіемъ: „Рѣчи къ нѣмецкой націи", въ которой онъ очень хорошо и ясно предсказалъ будущее политическое величіе Германіи, и высказалъ гордое патріотическое убѣжденіе, что германской націи суждено быть высшимъ представителемъ, мало того управителемъ и какъ бы вѣнцомъ человѣчества; заблужденіе, въ которое впадали правда и прежде нѣмцевъ другіе народы, и съ большимъ правомъ, напримѣръ древніе греки, римляне, а въ новѣйшее время французы, но которое, укоренившись глубоко въ сознаніи всякаго нѣмца, приняло въ настоящее время въ Германіи размѣры чрезмѣрно уродливые и грубые. У Фихте по крайней мѣрѣ она носило характеръ дѣйствительно героическій. Фихте высказывалъ его подъ французскимъ штыкомъ, въ то время какъ Берлинъ управлялся наполеоновскимъ генераломъ, а на улицахъ раздавался французскій барабанъ. Къ тому же міросозерцаніе, внесенное идеальнымъ философомъ въ патріотическую гордость, въ самомъ дѣлѣ дышало гуманностью, тою широкою, отчасти пантеистическою гуманностью, которою запечатлѣна великая германская литература XVIII вѣка. Но современные нѣмцы, сохранивъ всю громадность претензіи своего философа-патріота, отъ гуманности его отказались. Они просто не понимаютъ ее и готовы даже надъ нею смѣяться, какъ надъ выродкомъ абстрактнаго, отнюдь не практичнаго мы-

Библиотека "Руниверс"

шленія. Для ихъ доступнѣе патріотизмъ князя Бисмарка или г. Маркса.

Всѣ знаютъ, какъ нѣмцы, воспользовавшись совершеннымъ пораженіемъ Наполеона въ Россіи, его несчастнымъ отступленіемъ, или вѣрнѣе бѣгствомъ съ кой какими остатками арміи, наконецъ сами встали; они разумѣется чрезвычайно славятъ себя за это возстаніе, и совершенно напрасно. Самостоятельнаго народнаго возстанія собственно никогда не было; но когда разбитый Наполеонъ пересталъ быть опаснымъ и страшнымъ, нѣмецкіе корпуса, сначала прусскій, а потомъ и австрійскій, обратясь прежде противъ Россіи, теперь обратились противъ Наполеона и присоединились къ русскому побѣдоносному войску, шедшему вслѣдъ за Наполеономъ. Законный, но доселѣ несчастный прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, со слезами умиленія и благодарности обнялъ въ Берлинѣ своего избавителя императора всероссійскаго, и вслѣдъ за тѣмъ издалъ прокламацію, призывавшую своихъ вѣрноподданныхъ къ законному возстанію противъ незаконнаго и дерзкаго Наполеона. Послушные голосу своего короля и отца, нѣмецкіе, по преимуществу же прусскіе юноши поднялись и составили легіоны, которые были включены въ регулярную армію. Не очень ошибся прусскій тайный совѣтникъ и извѣстный шпіонъ, оффиціальный доносчикъ, когда въ брошюрѣ, возбудившей негодованіе всѣхъ патріотовъ, изданной въ 1815 г., онъ, отрицая всякое самостоятельное дѣйствіе народа въ дѣлѣ освобожденія, сказалъ, „что прусскіе граждане взялись за оружіе только, когда это имъ было приказано королемъ, и что тутъ не было ничего героическаго, ни чрезвычайнаго, а только простое исполненіе обязанности всякаго вѣрноподданнаго.“

Какъ бы то ни было, Германія была освобождена отъ французскаго ига и, по совершенномъ окончаніи войны, принялась за дѣло внутренняго преобразованія, подъ верховнымъ руководствомъ Австріи и Пруссіи. Первымъ дѣломъ было медіатизированье множества маленькихъ владѣній, которыя такимъ образомъ изъ независимыхъ государствъ обратились въ почетныхъ и деньгами (насчетъ одного милліарда, взятаго у французовъ) богато вознагражденныхъ подданныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Вторымъ дѣломъ было установленіе взаимныхъ отношеній государей съ подданными.

Въ эпоху борьбы, когда надъ всѣми висѣла еще шпага Наполеона, и государи большіе и маленькіе нуждались въ вѣрноподданнической помощи своихъ народовъ, они надавали множество обѣщаній. Прусское правительство, а за ними и всѣ другіе, обѣщали конституцію. Теперь же когда бѣда миновала, правительства убѣдились въ безполезности конституціи. Австрійское правительство, руководимое княземъ Меттернихомъ, прямо заявило рѣшеніе возвратиться къ старымъ патріархальнымъ порядкамъ. Добрѣйшій императоръ Францъ, пользовавшійся огромною популярностью между вѣнскими бюргерами, прямо выразилъ это въ ауедіенціи, данной имъ профессорамъ лайбахскаго лицея:

„Теперь мода на новыя идеи, сказалъ онъ, я этого похвалить не могу и никогда не похвалю. Держитесь старыхъ понятій; съ ними наши предшественники были счастливы, почему же и намъ не быть съ ними также счастливыми? Мнѣ не нужно ученыхъ, а только честныхъ и послушныхъ гражданъ. Образованіе таковыхъ — вотъ ваша обязанность. Кто мнѣ служитъ, тотъ долженъ учить тому, что я приказываю. Кто не можетъ или не хочетъ этого дѣлать, тотъ пусть себѣ идетъ, иначе я его удалю...“

Императоръ Францъ Іосифъ сдержалъ слово. Въ Австріи до самого 1848 г. царствовалъ безграничный произволъ. Самымъ строгимъ образомъ была проведена система управленія, поставившая главною цѣлью усыпленіе и оглупѣніе подданныхъ. Мысль спала и оставалась неподвижною въ самыхъ университетахъ. Вмѣсто живой науки тамъ проходили какія то рутинныя зады. Не было литературы, кромѣ доморощеныхъ романовъ скандальнаго содержанія и весьма плохихъ стиховъ; естественныя науки были на пятьдесятъ лѣтъ назадъ отъ ихъ современнаго положенія въ остальной Европѣ. Политической жизни никакой не было. Земледѣліе, промышленность и торговля были поражены китайскою неподвижностью. Народъ, чернорабочія массы находились въ полнѣйшемъ порабощеніи. И если бы не Италія, а отчасти и Венгрія, тревожившія своими крамольными волненіями счастливый сонъ австрійскихъ вѣрно-

Библиотека "Руниверс"

подданныхъ, можно было-бы принять всю эту имперію за огромное царство мертвыхъ.

Опираясь на это царство, Меттернихъ въ продолженіи тридцати трехъ лѣтъ силился привести всю Европу въ такое же положеніе. Онъ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ, душею, руководителемъ европейской реакціи, и разумѣется главною заботою его должно было быть уничтоженіе всякихъ либеральныхъ поползновеній въ Германіи.

Болѣе всего его безпокоила Пруссія, государство новое, молодое, вступившее въ рядъ первостепенныхъ державъ только въ концѣ послѣдняго столѣтія, благодаря генію Фридриха II, благодаря Силезіи, отнятой имъ у Австріи, а потомъ благодаря раздѣлу Польши, благодаря смѣлому либерализму барона Штейна, Шарнгорста и другихъ сподвижниковъ прусскаго возрожденія, и поэтому вставшаго во главѣ общегерманскаго освобожденія. Казалось, что всѣ обстоятельства, событія недавно происшедшія, испытанія, успѣхъ и побѣды и самый интересъ Пруссіи должны были побудить ея правительство идти смѣло по новому пути, оказавшемуся для нея столь счастливымъ и спасительнымъ. Этого именно такъ страшно боялся и долженъ былъ бояться князь Меттернихъ.

Уже со времени Фридриха II, когда вся остальная Германія, дошедшая до самой крайней степени умственнаго и нравственнаго порабощенія, была жертвою безцеремоннаго, нахальнаго и циническаго управленія, интригъ и грабительства развратныхъ дворовъ, въ Пруссіи былъ осуществленъ идеалъ порядочной, честной и, по возможности, справедливой администраціи. Тамъ былъ только одинъ деспотъ, правда неумолимый, ужасный—государственный разумъ или логика государственной пользы, которой рѣшительно все приносилось въ жертву и предъ которою должно было преклоняться всякое право. Но за то тамъ было гораздо менѣе личнаго, развратнаго произвола, чѣмъ во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Прусскій подданный былъ рабомъ государства, олицетворившагося въ особѣ короля, но не игрушкою его двора, любовницъ или временщиковъ, какъ въ остальной Германіи. Поэтому уже

Библиотека "Руниверс"

тогда вся Германія смотрѣла на Пруссію съ особеннымъ уваженіемъ.

Это уваженіе увеличилось чрезвычайно и обратилось въ положительную симпатію послѣ 1807 г., когда прусское государство, доведенное почти до совершеннаго уничтоженія, стало искать своего спасенія и спасенія Германіи въ либеральныхъ реформахъ, и когда послѣ цѣлаго ряда счастливыхъ преобразованій, прусскій король позвалъ не только свой народъ, но всю Германію къ возстанію противъ французскаго завоевателя, причемъ онъ обѣщалъ по окончаніи войны дать своимъ самую широкую либеральную конституцію. Даже былъ назначенъ срокъ, когда это обѣщаніе должно было исполниться, а именно 1 сентября 1815 г. Это торжественное королевское обѣщаніе было обнародовано 22 мая 1815 г. послѣ возвращенія Наполеона съ о-ва Эльбы и передъ ватерлооскимъ сраженіемъ, и было только повтореніемъ коллективнаго обѣщанія, даннаго всѣми европейскими государями, собранными на конгрессѣ въ Вѣнѣ, когда извѣстіе о высадкѣ Наполеона поразило ихъ всѣхъ паническимъ страхомъ. Оно было внесено, какъ одинъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ въ акты, только что созданнаго германскаго союза.

Нѣкоторые изъ небольшихъ владѣтелей средней и южной Германіи довольно честно сдержали свое обѣщаніе. Въ сѣверной же Германіи, гдѣ преобладалъ рѣшительно военно-бюрократическій дворянскій элементъ, сохранилось старое аристократическое устройство, прямо и сильно покровительствуемое Австріею.

Отъ 1815 до мая 1819 г. вся Германія надѣялась, что въ противоположность Австріи, Пруссія приметъ подъ свое могучее покровительство вобщее стремленіе къ либеральнымъ реформамъ. Всѣ обстоятельства и очевидный интересъ прусскаго правительства казалось должны были склонить ее въ эту сторону. Не говоря уже о торжественномъ обѣщаніи короля Фридриха Вильгельма III, обнародаваннаго въ маѣ 1815 г., всѣ испытанія пережитыя Пруссіею отъ 1807 г., ея изумительное возстановленіе, которымъ она была обязана главнымъ образомъ либерализму своего правительства, должны были укрѣпить его въ томъ направленіи. Наконецъ было соображеніе еще болѣе важное, которое должно было побу-

Библиотека "Руниверс"

дить прусское правительство заявить себя откровеннымъ и рѣшительнымъ покровителемъ либеральныхъ реформъ. Это историческое соперничество юной прусской монархіи съ древнею австрійскою имперіею.

Кто станетъ во главѣ Германіи—Австрія или Пруссія? Таковъ вопросъ, поставленный предыдущими событіями и силою логики ихъ обоюдного положенія. Германія, какъ раба, привыкшая къ послушанію, не умѣющая и не желающая жить свободно, искала себѣ господина могущественнаго, верховнаго повелителя, которому бы она могла вполнѣ отдаться и, который, соединивъ ее въ одно нераздѣльное государственное тѣло, далъ бы ей почетное положеніе между сильнѣйшими державами Европы. Такимъ господиномъ могъ быть или австрійскій императоръ, или прусскій король. Оба вмѣстѣ не могли занять этого мѣста, не парализуя другъ друга и не обрекая тѣмъ самымъ Германію на прежнюю безпомощность и на безсиліе.

Австрія должна была естественнымъ образомъ тянуть Германію назадъ. Она не могла дѣйствовать иначе. Отжившая, и дошедшая уже до той степени старческаго разслабленія, когда всякое движеніе становится смертельнымъ, а неподвижность необходимымъ условіемъ поддержки дряхлаго существованія, она, ради спасенія самой себя, должна была защищать то же начало неподвижности не только въ Германіи, но и въ цѣлой Европѣ. Всякое проявленіе народной жизни, всякое стремленіе впередъ въ какомъ бы то ни было углѣ европейскаго континента было для нея оскорбленіемъ, угрозой. Умирая, она хотѣла, чтобы все вмѣстѣ съ нею умерло. Въ политической же жизни, также какъ и во всякой другой, идти назадъ или только оставаться на одномъ мѣстѣ, значитъ умирать. Понятно поэтому, что Австрія употребила свои послѣднія и въ матеріальномъ отношеніи еще громадныя силы, чтобы подавить безжалостно и неуклонно всякое движеніе въ Европѣ вообще и въ Германіи въ особенности.

Но именно потому, что такова была необходимая политика Австріи, политика Пруссіи должна была быть совершенно противоположною. Послѣ наполеоновскихъ войнъ, послѣ вѣнскаго конгреса, округлившаго ея значительно въ ущербъ Саксоніи, отъ которой она отобрала

Библиотека "Руниверс"

цѣлую провинцію, особенно послѣ роковой битвы при Ватерлоо, выигранной соединенными арміями, прусскою, подъ предводительствомъ Блюхера и англійскою, подъ предводительствомъ Веллингтона, послѣ торжественнаго втораго вступленія прусскихъ войскъ въ Парижъ, Пруссія заняла пятое мѣсто между первостепенными державами Европы. Но въ отношеніи дѣйствительныхъ силъ государственнаго богатства, числа ея жителей и даже географическаго положенія она еще далеко не могла сравняться съ ними. Штетина, Данцига и Кенигсберга на Балтійскомъ морѣ было слишкомъ недостаточно для образованія не только сильнаго военнаго флота, но даже значительнаго торговаго. Уродливо растянутая и отдѣленная отъ вновь пріобрѣтенной Прирейнской провинціи чужими владѣніями, Пруссія представляла въ военномъ отношеніи чрезвычайно неудобныя границы, дѣлающія нападенія на нее со стороны южной Германіи, Ганновера, Голландіи, Бельгіи и Франціи очень легкими, а защиту весьма трудною. Наконецъ число ея жителей въ 1815 г. еле-еле доходило до 15 милльоновъ.

Не смотря на такую матеріяльную слабость, еще гораздо большую при Фридрихѣ II, административному и военному генію великаго короля удалось создать политическое значеніе и военную силу Пруссіи. Но созданіе его было обращено въ прахъ Наполеономъ. Послѣ Іенскаго сраженія надо было все создать вновь, и мы видѣли, что единственно только рядомъ самыхъ смѣлыхъ и самыхъ либеральныхъ реформъ просвѣщенные и умные государственные патріоты съумѣли возвратить Пруссіи не только прежнее значеніе и прежнюю силу, но и значительно ихъ увеличить. И дѣйствительно они увеличили ихъ до такой степени, что Пруссія могла занять не послѣднее мѣсто между великими державами, но не достаточно однако, чтобы она могла долго удержаться на немъ, еслибы она не продолжала неуклонно стремиться къ увеличенію своего политическаго значенія, нравственнаго вліянія, а также къ округленію и расширенію своихъ границъ.

Для достиженія такихъ результатовъ передъ Пруссіею открывались два различные пути. Одинъ, по крайней мѣрѣ съ виду, болѣе, народный; другой чисто го-

Библиотека "Руниверс"

сударственный и военный. Слѣдуя первому пути Пруссія смѣло должна была бы встать во главѣ конституціоннаго движенія Германіи. Король Фридрихъ Вильгельмъ III, слѣдуя великому примѣру знаменитаго Вильгельма Оранскаго (1688 г.), долженъ былъ бы написать на своемъ знамени: „За протестантскую вѣру и за свободу Германіи", и такимъ образомъ явиться открытымъ бойцомъ противъ австрійскаго католицизма и деспотизма. На второмъ же пути, нарушивъ свое торжественное королевское слово и отказавшись рѣшишительно отъ всякихъ дальнѣйшихъ либеральныхъ реформъ въ Пруссіи, онъ долженъ былъ встать столь же открыто на сторону реакціи въ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточить все вниманіе и всѣ усилія на усовершенствованіе внутренней администраціи и войска въ виду будущихъ возможныхъ завоеваній.

Былъ еще третій путь, открытый правда очень давно, именно еще римскими императорами, Августами и ихъ преемниками, но послѣ ихъ давно затерянный и вновь открытый лишь въ послѣднее время Наполеономъ III и вполнѣ очищенный и улучшенный ученикомъ его, княземъ Бисмаркомъ. Это путь государственнаго, военнаго и политическаго деспотизма, замаскированнаго и украшеннаго самыми широкими и вмѣстѣ съ тѣмъ самыми невинными народо-представительными формами.

Но въ 1815 году этотъ путь былъ еще вполнѣ неизвѣстенъ. Тогда никто и не подозрѣвалъ истины, ставшей нынѣ извѣстною даже самымъ глупымъ деспотамъ, что такъ называемыя конституціонныя или народо-представительныя формы не мѣшаютъ государственному, военному, политическому и финансовому деспотизму, но какъ бы узаконяя его и давая ему ложный видъ народнаго управленія, могутъ значительно увеличить его внутреннюю крѣпость и силу.

Тогда этого не знали, да и не могли знать, потому что совершенный разрывъ между эксплуатирующимъ классомъ и между эксплуатируемымъ пролетаріатомъ далеко еще не былъ такъ ясенъ ни для буржуазіи, ни для самаго пролетаріата, какъ въ настоящее время. Тогда всѣ правительства, да и сами буржуа думали, что за буржуазіею стоитъ самъ народъ, и что ей стоитъ только пошевелиться, дать знакъ, чтобы весь на-

Библиотека "Руниверс"

родъ всталъ бы вмѣстѣ съ нею противъ правительства. Теперь совсѣмъ другое дѣло: буржуазія, во всѣхъ странахъ Европы пуще всего боится соціальной революціи, и знаетъ, что противъ этой грозы ей нѣтъ другого убѣжища какъ государство, и потому она всегда хочетъ и требуетъ возможно сильнаго государства, или, говоря просто, военной диктатуры; а для того, чтобы спасти свое тщеславіе, а также и для того, чтобы легче обмануть народныя массы, она желаетъ, чтобы эта диктатура была облечена въ народо-представительныя формы, которыя бы ей позволили эксплуатировать народныя массы во имя самаго народа.

Но въ 1815 году ни этого страха, ни этой ухищренной политики еще не существовало ни въ одномъ изъ государствъ Европы. Напротивъ, буржуазія была вездѣ искренно и наивно либеральна. Она еще вѣрила, что работая для себя, она работаетъ для всѣхъ, и потому не боялась народа, не боялась возбуждать его противъ правительства, а вслѣдствіе чего и всѣ правительства, опираясь сколько было возможно на дворянство, относились къ буржуазіи, какъ къ революціонерному классу, враждебно.

Нѣтъ сомнѣнья, что въ 1815 году, какъ и гораздо позже, было бы достаточно малѣйшаго либеральнаго заявленія со стороны Пруссіи, достаточно было бы, чтобы прусскій король далъ тѣнь буржуазной конституціи своимъ подданнымъ, для того чтобы вся Германія признала его своею главою. Тогда еще не успѣло образоваться въ нѣмцахъ непрусской Германіи, той сильной нелюбви къ Пруссіи, которая проявилась гораздо позже и особенно въ 1848 году. Напротивъ, всѣ нѣмецкія страны смотрѣли на нее съ упованіемъ, ожидая именно отъ нее освободительнаго слова, и достаточно было бы половины тѣхъ либеральныхъ и народо-представительныхъ учрежденій, которыми прусское правительство, въ послѣднее время, безъ всякаго впрочемъ ущерба для деспотической власти, такъ щедро надѣлило не только прусскихъ, но даже и всѣхъ не прусскихъ нѣмцевъ, исключая австрійскихъ, для того чтобы, по крайней мѣрѣ, вся неавстрійская Германія признала прусскую гегемонію.

Этого именно чрезвычайно боялась Австрія, потому

Библиотека "Руниверс"

что этого было бы достаточно, чтобы поставить ее уже тогда въ то несчастное и безвыходное положеніе, въ которомъ она находится теперь. Утративъ первое мѣсто въ германскомъ союзѣ, она сама перестала бы быть державою нѣмецкою. Мы видѣли, что нѣмцы составляютъ лишь четвертую часть всего населенія австрійской имперіи. Пока нѣмецкія области, а также и нѣкоторыя славянскія области Австріи, какъ наприм.: Богемія, Моравія, Силезія, Штирія, взятыя вмѣстѣ были однимъ изъ членовъ германскаго союза, то австрійскіе нѣмцы, опираясь на всѣхъ остальныхъ многочисленныхъ жителей Германіи, могли до нѣкоторой степени смотрѣть на всю имперію, какъ на нѣмецкую. Но лишь только совершилось бы отдѣленіе имперіи отъ германскаго союза, какъ оно совершилось въ настоящее время, то девятимилліонное, а тогда еще меньшее нѣмецкое населеніе ея, оказалось бы слишкомъ слабымъ для того, чтобы сохранить въ ней свое историческое преобладаніе; и австрійскимъ нѣмцамъ ничего болѣе не оставалось бы, какъ отрѣшиться отъ подданства габсбургскому дому и соединиться съ остальною Германіею. Къ этому именно, одни сознательно, другія безсознательно стремятся теперь, и это стремленіе обрекаетъ австрійскую имперію на весьма близкую смерть.

Лишь только бы утвердилась въ Германіи прусская гегемонія, австрійское правительство принуждено было бы исторгнуть свои нѣмецкія области изъ общаго состава Германіи, вопервыхъ потому, что оставивъ ихъ въ германскомъ союзѣ, оно фактически подчинило бы ихъ, а черезъ нихъ и себя верховному владычеству короля прусскаго; и вовторыхъ потому, что въ такомъ случаѣ австрійская имперія раздѣлилась бы на двѣ части, на нѣмецкую, признающую прусскую гегемонію, и на всю остальную часть не признающую ее, что было бы также гибелью для имперіи.

Было, правда, другое средство, которое хотѣлъ испытать въ 1850 году князь Шварценбергъ, но которое ему не удалось, да и не могло бы удаться, а именно: включить цѣликомъ, какъ нераздѣльное государство, всю имперію съ Венгріею, съ Трансильваніей и со всѣми ея славянскими и итальянскими провинціями въ составъ германскаго союза. Эта попытка не могла

Библиотека "Руниверс"

удасться, потому что ей воспротивились бы сначала Пруссія, а вмѣстѣ съ Пруссіей и большая часть Германіи, воспротивилась бы также, какъ онѣ это и сдѣлали въ 1850 году, и всѣ другія великія державы, особенно же Россія и Франція, и наконецъ, возмутились бы три четверти австрійскаго, германонепазнаннаго населенія, славяне, мадьяры, румыны, итальянцы, для которыхъ одна мысль, что они могли бы стать нѣмцами, кажется позоромъ.

Пруссія и вся Германія были бы естественно противны попыткѣ, осуществленіе которой уничтожило бы первую, и лишило бы ея спеціально нѣмецкаго характера; послѣдняя же, Германія, перестала бы быть отечествомъ нѣмцевъ и превратилась бы въ какой то хаотическій и насильственный сборъ самыхъ разнообразныхъ народностей. Россія же и Франція не согласились бы потому, что Австрія, подчинившая себѣ всю Германію, стала бы вдругъ самою могущественною державою на континетѣ Европы.

Оставалось по этому Австріи одно, не душить Германію своимъ всецѣлымъ вступленіемъ въ нее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не позволять Пруссіи стать во главѣ германскаго союза. Слѣдуя такой политикѣ, она могла разсчитывать на дѣятельную помощь Франціи и Россіи. Политика же послѣдней до самого послѣдняго времени, т. е. до крымской войны, состояла именно въ систематическомъ поддержаніи взаимнаго соперничества между Австріей и Пруссіей такъ, чтобы ни—одна изъ нихъ не могла одержать верхъ надъ другой, и въ тоже самое время въ возбужденіи недовѣрія и страха въ маленькихъ и среднихъ государствахъ Германіи и въ покровительствѣ имъ противъ Австріи и Пруссіи.

Но такъ какъ вліяніе Пруссіи на остальную Германію было главнымъ образомъ нравственнаго свойства, такъ какъ оно было основано больше всего на ожиданіи, что вотъ скоро прусское правительство, давшее еще недавно такъ много доказательствъ своего патріотическаго и просвѣщенно-либеральнаго направленія, и теперь, вѣрное своему обѣщанію, дастъ конституцію своимъ подданнымъ и тѣмъ самымъ станетъ во главѣ передового движенія въ цѣлой Германіи, то главная забота князя Меттерниха должна была устремиться на то,

Библиотека "Руниверс"

чтобы прусскій король не давалъ своимъ подданнымъ конституціи и чтобы онъ вмѣстѣ съ императоромъ австрійскимъ сталъ во главѣ реакціоннаго движенія въ Германіи. Въ этомъ стремленіи онъ такъ же нашелъ самую горячую поддержку и во Франціи, управляемой бурбонами и въ императорѣ Александрѣ, управляемомъ Аракчеевымъ.

Князь Метгернихъ нашелъ столь же горячую поддержку и въ самой Пруссіи, за весьма малымъ исключеніемъ во всемъ прусскомъ дворянствѣ, и въ высшей бюрократіи, военной, и гражданской, да наконецъ и въ самомъ королѣ.

Король Фридрихъ Вильгельмъ III былъ очень добрый человѣкъ, но король, т. е. какъ слѣдуетъ быть королю, деспотъ по природѣ, по своему воспитанію и по привычкѣ. Къ тому же онъ былъ набожный и вѣрующій сынъ евангелической церкви, а первый догматъ этой церкви гласитъ, что „всякая власть отъ Бога". Онъ не на шутку вѣрилъ въ свое богопомазаніе, въ свое право или, даже вѣрнѣе, въ свой долгъ приказывать, и въ обязанность каждаго подданнаго слушаться и исполнять безъ всякихъ разсужденій. Такое направленіе ума не могло согласиться съ либерализмомъ. Правда, что въ эпоху бѣды государственной онъ надавалъ множество самыхъ либеральныхъ обѣщаній своимъ вѣрнымъ подданнымъ. Но онъ это сдѣлалъ, повинуясь государственной необходимости, передъ которой, какъ передъ высшимъ закономъ, обязанъ преклоняться даже самъ государь. Теперь же бѣда миновала, значитъ и обѣщаніе, исполненіе котораго было бы вредно для самого народа, держать было не надо.

Очень хорошо объяснилъ это, въ современной проповѣди архіепископъ Эйлертъ: „король, говоритъ онъ, поступалъ какъ умный отецъ. Въ день своего рожденія или выздоровленія, тронутый любовью своихъ дѣтей, онъ имъ дѣлалъ разныя обѣщанія; потомъ съ должнымъ спокойствіемъ видоизмѣнялъ ихъ и возстановлялъ свою натуральную и спасительную власть". Вокругъ него весь дворъ, весь генералитетъ и вся высшая бюрократія были проникнуты этимъ же духомъ. Въ эпоху бѣды, вызванной ими на Пруссію они притихли, молча сносили неотразимыя реформы барона Штейна

Библиотека "Руниверс"

и его главныхъ сподвижниковъ. Теперь же по прошествіи бѣды они заинтриговали и зашумѣли пуще прежняго.

Они были искренними реакціонерами, не менѣе короля пожалуй, даже больше, чѣмъ самъ король. Общегерманскаго патріотизма они не только что не понимали, но ненавидѣли отъ всей души. Германское знамя имъ было противно и казалось имъ знаменемъ бунта. Они знали только свою милую Пруссію, которую, впрочемъ, готовы были загубить въ другой разъ, лишь бы только не сдѣлать ни малѣйшей уступки ненавистнымъ либераламъ. Мысль о признаніи за буржуазіею какихъ бы то ни было политическихъ правъ, и особливо права критики и контроля, мысль о возможномъ сравненіи ихъ съ нимъ, просто приводила ихъ въ ужасъ и возбуждала къ нихъ неописанное негодованіе. Они желали, хотѣли расширенія и округленія прусскихъ границъ, но только путемъ завоеванія. Съ самаго начала ихъ цѣль была поставлена ясно: въ противоположность либеральной партіи, которая стремилась къ германизированію Пруссіи, они всегда хотѣли пруссифицировать Германію.

Къ тому же, начиная съ ихъ предводителя, королевскаго друга, князя Витгенштейна, сдѣлавшагося вскорѣ первымъ министромъ, они почти всѣ были на откупу у князя Меттерниха. Противъ нихъ стояла небольшая группа людей, друзей и сподвижниковъ барона Штейна, получившаго уже отставку. Эта кучка государственныхъ патріотовъ продолжала дѣлать неимовѣрныя усилія, чтобы удержать короля на пути либеральныхъ реформъ, и не находя себѣ опоры нигдѣ, кромѣ общественнаго мнѣнія, равно презираемаго королемъ, дворомъ, бюрократіей и арміей, она была скоро низвергнута. Золото Меттерниха, самостоятельное реакціонное направленіе высшихъ германскихъ круговъ оказались гораздо сильнѣе.

По этому Пруссіи для исполненія чисто либеральныхъ плановъ, оставался только одинъ путь: усовершенствованіе и постепенное увеличеніе административныхъ и финансовыхъ средствъ, а также и военной силы въ виду будущихъ завоеваній въ самой Германіи, т. е. постепеннаго завоеванія цѣлой Германіи. Этотъ путь былъ,

Библиотека "Руниверс"

впрочемъ, вполнѣ сообразенъ преданіямъ и всему существу прусской монархіи, военной, бюрократической, полицейской, однимъ словомъ государственной, т. е. законно-насильственной во всѣхъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ проявленіяхъ. Съ этого времени сталъ образовываться въ германскихъ оффиціальныхъ кругахъ идеалъ разумнаго и просвѣщеннаго деспотизма, который и управлялъ Пруссіею до самаго 1848 года. Онъ былъ столько же противенъ либеральнымъ стремленіямъ пангерманскаго патріотизма, сколько и деспотическій обскурантизмъ князя Меттерниха.

Противъ реакціи, нашедшей себѣ также могущественное выраженіе во внутренней и во внѣшней политикѣ Австріи и Пруссіи, поднялась весьма естественно болѣе или менѣе въ цѣлой Германіи, но по преимуществу въ южной, борьба со стороны партіи либерально-патріотической. Это былъ родъ дуэли, длившейся въ разныхъ видахъ, но съ результатами почти всегда одинаковыми и всегда чрезвычайно плачевными для нѣмецкихъ либераловъ, ровно пятьдесятъ пять лѣтъ, отъ 1815 до 1870 года. Ее можно раздѣлить на нѣсколько періодовъ:

1. Періодъ либерализма и галлофобіи тевтоноромантиковъ, отъ 1815 до 1830 года.

2. Періодъ явнаго подражанія французскому либерализму, отъ 1830 до 1840 года.

3. Періодъ экономическаго либерализма и радикализма, отъ 1840 до 1848 года.

4. Періодъ, впрочемъ весьма короткій, рѣшительнаго кризиса, кончившагося смертію германскаго либерализма, отъ 1848 до 1850 года и, наконецъ,—

5. Періодъ, начавшійся упорною и, можно сказать, послѣднею борьбою умирающаго либерализма противъ государственности въ прусскомъ парламентѣ и окончившійся окончательнымъ торжествомъ прусской монархіи въ цѣлой Германіи, отъ 1850 до 1870 года.

Нѣмецкій либерализмъ перваго періода, отъ 1815 до 1830 г. не былъ одинокимъ явленіемъ. Онъ былъ только національною, правда, весьма своеобразною отраслью обще-европейскаго либерализма, начавшаго, почти во всѣхъ пунктахъ Европы, отъ Мадрида до Петербурга, и отъ Германіи до Греціи, борьбу, весьма

Библиотека "Руниверс"

энергичную, противъ обще-европейской монархической и аристократически-клерикальной реакціи, которая восторжествовала съ возвращеніемъ бурбоновъ на французскій, испанскій, неаполитическій, пармскій, и лукскій престолы, папы, а вмѣстѣ съ нимъ и іезуитовъ въ Римъ, пьемонтскаго короля въ Туринъ, и съ водвореніемъ австрійцевъ въ Италіи.

Главнымъ и оффиціальнымъ представителемъ этой истинно интернаціональной реакціи былъ святой союзъ (la sainte alliance), заключенный прежде всего между Россіею Пруссіею и Австріею, но къ которому потомъ приступили рѣшительно всѣ европейскія державы, большія и маленькія, за исключеніемъ Англіи, Рима и Турціи. Начало его было романтическое. Первая мысль о немъ созрѣла въ мистическомъ воображеніи извѣстной баронессы Кридперъ, пользовавшейся милостями еще довольно молодого и не совсѣмъ отжившаго императора-женолюбца Александра I. Она увѣрила его, что онъ бѣлый ангелъ, ниспосланный небомъ для спасенія несчастной Европы изъ когтей чернаго ангела, Наполеона, и для водворенія божественнаго порядка на землѣ. Александръ Павловичъ охотно увѣровалъ въ такое призваніе, вслѣдствіе чего предложилъ Пруссіи и Австріи заключеніе святого союза. Три богопомазанные монарха, призвавъ, какъ и слѣдовало, святую троицу въ свидѣтели, поклялись другъ другу въ безусловномъ и неразрывномъ братствѣ и провозгласили цѣлью союза торжество божьей воли, нравственности, справедливости и мира на землѣ. Они обѣщали всегда дѣйствовать за одно, помогая другъ другу совѣтомъ и дѣломъ во всякой борьбѣ, которая будетъ возбуждена противъ нихъ духомъ тьмы, т. е. стремленіемъ народовъ къ свободѣ. Въ дѣйствительности это обѣщаніе означало, что они будутъ вести войну солидарную и безпощадную противъ всѣхъ проявленій либерализма въ Европѣ, поддерживая до конца и во чтобы то ни стало феодальныя учрежденія, пораженныя и уничтоженныя революціею, но возстановленныя реставраціею.

Если фразеромъ и мелодраматическимъ представителемъ святого союза былъ Александръ, то настоящимъ руководителемъ его явился князь Меттернихъ. Тогда, какъ во время великой революціи и какъ въ

Библиотека "Руниверс"

настоящее время, Германія была краеугольнымъ камнемъ европейской реакціи.

Благодаря святому союзу реакція стала интернаціональною, всѣдствіе чего и самые бунты противъ нея приняли интернаціональный характеръ. Періодъ между 1815 и 1830 г. былъ въ западной Европѣ послѣднимъ героическимъ періодомъ буржуазіи.

Насильственное возстановленіе абсолютно-монархической власти и феодально-клерикальныхъ учрежденій, лишивъ этотъ почтенный классъ всѣхъ выгодъ, завоеванныхъ имъ во время революціи, естественнымъ образомъ должно было обратить его снова въ классъ болѣе или менѣе революціонный. Во Франціи, Италіи, Испаніи, Бельгіи, Германіи образовались буржуазныя тайныя общества, имѣвшія цѣлью низвергнуть только что восторжествовавшій порядокъ. Въ Англіи, сообразно обычаямъ этой страны, единственной, гдѣ конституціонализмъ пустилъ глубокіе и живые корни, эта повсемѣстная борьба буржуазнаго либерализма противъ воскресшаго феодализма, приняла характеръ легальной агитаціи и парламентскихъ переворотовъ. Во Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи она должна была принять направленіе рѣшительно революціонное, которое отозвалось даже въ Россіи и Польшѣ. Во всѣхъ этихъ странахъ, всякое тайное общество открытое и уничтоженное правительствомъ, тотчасъ замѣнялось другимъ, и всѣ имѣли одну цѣль—возстаніе съ оружіемъ въ рукахъ, организацію бунта. Вся исторія Франціи, отъ 1815 до 1830 г., была рядомъ попытокъ низвергнуть тронъ бурбоновъ, и послѣ многихъ неудачъ французы достигли, наконецъ, своей цѣли въ 1830 г. Всѣмъ извѣстна исторія революцій испанской, неаполитанской, пьемонтской, бельгійской и польской въ 1830—31 гг. и декабрьскаго бунта въ Россіи. Во всѣхъ этихъ странахъ, въ однѣхъ съ успѣхомъ, въ другихъ безъ успѣха, возстанія были чразвычайно серьезны; много было пролито крови, много было потрачено драгоцѣнныхъ жертвъ, словомъ, борьба была серьезная, нерѣдко героическая. Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ это же самое время въ Германіи.

Во весь первый періодъ, съ 1815 до 1830 г., встрѣчаются только два сколько нибудь замѣчательные зая-

Библиотека "Руниверс"

вленія либеральнаго духа въ Германіи. Первымъ было знаменитое Вартбургское сходбище въ 1817 г. Около вартбургскаго замка, служившаго нѣкогда тайнымъ убѣжищемъ для Лютера, собралось около 500 студентовъ со всѣхъ сторонъ Германіи съ національнымъ германскимъ трехцвѣтнымъ знаменемъ и съ такими же лентами черезъ плечо.

Духовные дѣти патріотическаго профессора и пѣвца Арндта, сочинителя извѣстнаго гимна? „Wo ist das deutsche Vaterland", и столь же патріотическаго отца всѣхъ нѣмецкихъ гимназистовъ Іана, который въ четырехъ словахъ: „бодрый, набожный, веселый, свободный" выразилъ идеалъ нѣмецкаго бѣлокураго и длинноволосаго юношества, студенты сѣверной и южной Германіи нашли нужнымъ собраться, чтобы заявить громко передъ цѣлою Европою и главнымъ образомъ передъ всѣми правительствами Германіи требованія нѣмецкаго народа. Въ чемъ же состояли ихъ требованія и заявленія?

Тогда во всей Европѣ была мода на монархическую конституцію. Далѣе не шло воображеніе буржуазной молодежи ни во Франціи, ни въ Испаніи, ни даже въ самой Италіи, ни въ Польшѣ. Только въ одной Россіи отдѣлъ декабристовъ, извѣстный подъ именемъ южнаго общества, подъ предводительствомъ Пестеля и Муравьева-Апостола требовалъ разрушенія русской имперіи и основанія славянской федеральной республики съ отдачей всей земли народу.

Нѣмцы ни о чемъ подобномъ не мечтали. Они ничего разрушать не хотѣли. Къ подобному дѣлу, непремѣнному и первому условію всякой серьезной революціи, они имѣли также мало охоты тогда, какъ и теперь. Они и не думали подымать крамольной, святотатственной руки ни противъ одного изъ своихъ многочисленныхъ отцовъ-государей. Они только желали, просили, чтобы каждый изъ этихъ отцовъ-государей далъ хотя какую нибудь конституцію. Далѣе они желали общегерманскаго парламента, поставленнаго надъ частными парламентами и все-германскаго императора, поставленнаго, какъ представитель національнаго единства, надъ частными государями. Требованіе, какъ видимъ, чрезвычайно умѣренное, да къ тому же и въ высшей степени

Библиотека "Руниверс"

нелѣпое. Они хотѣли монархической федераціи и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтали о могуществѣ единогерманскаго государства, что представляетъ очевидную нелѣпость. Однако стоитъ только подвергнуть нѣмецкую программу ближайшему разсмотрѣнію, чтобы убѣдиться, что кажущаяся нелѣпость ея происходитъ отъ недоразумѣнія. Недоразумѣніе же состоитъ въ ошибочномъ предположеніи, будто нѣмцы, вмѣстѣ съ національнымъ могуществомъ и единствомъ, требовали и свободы.

Нѣмцы никогда не нуждались въ свободѣ. Жизнь для нихъ просто не мыслима безъ правительства, т. е. безъ верховной воли, верховной мысли и желѣзной руки ими помыкающей. Чѣмъ сильнѣе эта рука, тѣмъ болѣе гордятся они и тѣмъ самая жизнь становится для нихъ веселѣе. Ихъ огорчало не отсутствіе свободы, изъ которой они не съумѣли бы сдѣлать никакого употребленія, а отсутствіе единаго, нераздѣльно-національнаго могущества, при дѣйствительномъ существованіи множества маленькихъ тираній. Ихъ затаенная страсть, ихъ единая цѣль создать огромное пангерманское, насильственно-всепоглощающее государство, передъ которымъ бы трепетали всѣ другіе народы.

Поэтому весьма естественно, что они никогда не хотѣли народной революціи. Въ этомъ отношеніи нѣмцы оказались чрезвычайно логичны. И въ самомъ дѣлѣ, государственное могущество не можетъ быть результатомъ народной революціи; оно пожалуй можетъ быть результатомъ побѣды, одержанной какимъ нибудь классомъ надъ народнымъ бунтомъ, какъ это было во Франціи. Но и въ самой Франціи, завершеніе сильнаго государства требовало сильной, деспотической руки Наполеона. Германскіе либералы ненавидѣли деспотизма Наполеона, но они готовы были обожать государственную силу, прусскую или австрійскую, лишь бы она согласилась обратиться въ пангерманскую силу.

Извѣстная пѣсня Арндта: „Wo ist das deutsche Vaterland?“, оставшаяся и до сихъ поръ національнымъ гимномъ Германіи, вполнѣ выражаетъ это страстное стремленіе къ созданію могучаго государства. Онъ спрашиваетъ: „гдѣ отечество нѣмца? — Пруссія? — Австрія? — Сѣверная или южная Германія?—Западная или восточная?“ И затѣмъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, нѣтъ, отечество его

Библиотека "Руниверс"

должно быть гораздо шире.“ Оно распространяется всюду, „гдѣ звучитъ нѣмецкій языкъ и Богу въ небѣ пѣсни поетъ.“

А такъ какъ нѣмцы, одинъ изъ плодотворнѣйшихъ народовъ въ мірѣ, высылаютъ свои колоніи всюду, наполняютъ собою всѣ столицы Европы, Америку, даже Сибирь, то выходитъ, что скоро весь земной шаръ долженъ будетъ покориться власти пангерманскаго императора.

Таково было настоящее значеніе вартбургскаго студенческаго сходбища. Они искали и требовали себѣ пангерманскаго господина, который, держа ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, сильный ихъ страстнымъ и вольнымъ повиновеніемъ, заставлялъ бы трепетать всю Европу.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ они заявили свое неудовольствіе. На вартбургскомъ праздникѣ сначала пропѣли извѣстную пѣснь Лютера: „сильная крѣпость нашъ Богъ,“ потомъ „Wo ist das deutsche Vaterland,“ прокричали vivat нѣкоторымъ нѣмецкимъ патріотамъ и проклятіе реакціонерамъ; наконецъ, предали огню нѣсколько реакціонерныхъ брошюръ. Вотъ и все.

Значительнѣе были два другіе факта, случившіеся въ 1819 г.: убійство русскаго шпіона Коцебу студентомъ Зандомъ и попытка убійства маленькаго государственнаго сановника маленькаго нассаускаго герцогства, фонъ Ибеля, совершенная молодымъ аптекаремъ, Карломъ Ленингомъ. Оба поступка были чрезвычайно нелѣпы, такъ какъ не могли принести рѣшительно никакой пользы. Но по крайней мѣрѣ въ нихъ проявилась искренность страсти, героизмъ самопожертвованія и то единство мысли, слова и дѣла, безъ которыхъ революціонаризмъ неминуемо впадаетъ въ реторику и становится отвратительною ложью.

Кромѣ этихъ двухъ фактовъ: политическаго убійства, совершеннаго Зандомъ и попытки Ленинга, всѣ остальныя заявленія германскаго либерализма не выходили изъ области самой наивной и притомъ чрезвычайно смѣшной реторики. Это было время дикаго тевтонизма. Дѣти филистеровъ и сами будущіе филистеры, нѣмецкіе студенты, вообразили себя германцами древнихъ временъ, какъ ихъ описываютъ Тацитъ и Юлій Цезарь, воинственными потомками Арминія, дѣвствен-

Библиотека "Руниверс"

ными обитателями дремучихъ лѣсовъ. Вслѣдствіе чего возымѣли глубокое презрѣніе не къ своему мелко мѣщанскому міру, какъ слѣдовало по логикѣ, а къ Франціи, къ французамъ и вообще ко всему, что носило на себѣ отпечатокъ французской цивилизаціи. Французоѣдство сдѣлалось повальною болѣзнью въ Германіи. Университетское юношество стало рядиться въ древне-германское платье, точь въ точь какъ наши славянофилы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ и тушило свой юношескій жаръ въ непомѣрномъ количествѣ пива, причемъ непрерывныя дуэли, кончавшіеся обыкновенно царапинами на лицѣ, проявляли его воинственную доблесть. А патріотизмъ и мнимый либерализмъ находили полнѣйшее выраженіе и удовлетвореніе въ ораніи воинственно патріотическихъ пѣсень, между коими національный гимнъ: „Гдѣ отечество нѣмца?"—пророческая пѣснь нынѣ совершившейся или совершающейся пангерманской имперіи, занималъ разумѣется первое мѣсто.

Сравнивъ эти заявленія съ одновременными заявленіями либерализма въ Италіи, Испаніи, Франціи, Бельгіи, Польшѣ, Россіи, Греціи, всякій согласится, что не было ничего невиннѣе и смѣшнѣе нѣмецкаго либерализма, который въ самыхъ ярыхъ проявленіяхъ своихъ былъ проникнутъ тѣмъ хамскимъ чувствомъ послушанія и вѣрноподданничества, или говоря учтивѣе, тѣмъ набожнымъ почитаніемъ властей и начальства, зрѣлище котораго вырвало у Берне болѣзненное, всѣмъ извѣстное и уже приведенное нами восклицаніе: „Другіе народы бываютъ часто рабами, но мы, нѣмцы, всегда лакеи" *).

И въ самомъ дѣлѣ нѣмецкій либерализмъ, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ и случаевъ, былъ только особеннымъ проявленіемъ нѣмецкаго лакейства, общенаціональнаго лакейскаго честолюбія. Онъ былъ только неодобреннымъ цензурой выраженіемъ общаго желанія чувствовать надъ собою сильную император-

*) Лакейство есть добровольное рабство. Странная вещь! Кажется, не можетъ быть рабства хуже русскихъ; но никогда между русскими студентами не существовало такого лакейскаго отношенія къ профессорамъ и начальству, какое существуетъ и по нынѣ во всемъ нѣмецкомъ студенчествѣ.

Библиотека "Руниверс"

скую руку. Но это вѣрноподданническое требованіе казалось правительствамъ бунтомъ и преслѣдовалось какъ бунтъ.

Это объясняется соперничествомъ Австріи и Пруссіи. Каждая изъ нихъ охотно сѣла бы на упраздненный тронъ Барбарусы, но ни одна не могла согласиться, чтобы этотъ тронъ былъ занятъ ея соперницей, вслѣдствіе чего, поддерживаемыя въ одно и тоже время Россіей и Франціей, дѣйствовали за одно съ ними, хотя и по соображеніямъ совершенно различнымъ, и Австрія и Пруссія стали преслѣдовать, какъ проявленіе самаго крайняго либерализма, общее стремленіе всѣхъ нѣмцевъ къ созданію единой и могучей пангерманской имперіи.

Убійство Коцебу было сигналомъ для самой горячей реакціи. Начались съѣзды и конференціи нѣмецкихъ государей, нѣмецкихъ министровъ, а также и интернаціональные конгрессы, на которыхъ участвовали императоръ Александръ I и французскій посланникъ. Рядомъ мѣръ, предписанныхъ германскимъ союзомъ, скрутили бѣдныхъ нѣмецкихъ либераловъ-холоповъ. Запретили имъ предаваться гимнастическимъ упражненіямъ и пѣть патріотическія пѣсни—оставили имъ только пиво. Установили повсюду цензуру и чтоже? Германія вдругъ успокоилась, бурши повиновались даже безъ тѣни протеста, и въ продолженіи одиннадцати лѣтъ, отъ 1819 до 1830 года, на всей нѣмецкой землѣ не было уже ни малѣйшаго проявленія какой бы то ни было политической жизни.

Этотъ фактъ такъ поразителенъ, что нѣмецкій профессоръ Мюллеръ, написавшій довольно подробную и правдивую исторію пятидесятилѣтія 1816—1865 годовъ, разсказывая всѣ обстоятельства этого внезапнаго и дѣйствительно чудеснаго умиротворенія, восклицаетъ: „нужно ли еще другихъ доказательствъ, что въ Германіи нѣтъ почвы для революціи.“

Второй періодъ германскаго либерализма начался 1830 годомъ и кончился около 1840 г. Это періодъ почти слѣпаго подражанія французамъ. Нѣмцы перестаютъ пожирать галловъ, но за то обращаютъ всю ненависть на Россію.

Нѣмецкій либерализмъ проснулся послѣ одиннадцати-

Библиотека "Руниверс"

лѣтняго сна не собственнымъ движеніемъ, а благодаря тремъ іюльскимъ днямъ въ Парижѣ, который нанесъ первый ударъ святому союзу изгнаніемъ своего законнаго короля. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнула революція въ Бельгіи и въ Польшѣ. Встрепенулась также Италія, но, преданная Людовикомъ-Филиппомъ австрійцамъ, подверглась еще пущему игу. Въ Испаніи загорѣлась междуусобная война между кристиносами и карлистами. При такихъ обстоятельствахъ нельзя бы не проснуться даже Германіи.

Это пробужденіе было тѣмъ легче, что іюльская революція до смерти перепугала всѣ нѣмецкія правительства, не исключая австрійскаго и прусскаго. До самаго водворенія князя Бисмарка съ своимъ королемъ-императоромъ на германскомъ престолѣ, всѣ нѣмецкія правительства, не смотря на всю внѣшнюю обстановку военной, политической и буржуазной силы, въ нравственномъ отношеніи были чрезвычайно слабы и лишили всякой вѣры въ себя.

Этотъ несомнѣнный фактъ кажется чрезвычайно страннымъ, въ виду наслѣдственной нѣжности и вѣрноподданничества германскаго племени. Чего бы кажется правительствамъ безпокоиться и бояться? Правительства чувствовали, знали, что нѣмцы, хотя повинуются имъ, какъ слѣдуетъ добрымъ подданнымъ, однако терпѣть ихъ не могутъ. Что же сдѣлали они, чтобы заглушить ненависть племени до такой степени расположеннаго къ обожанью своихъ властей? Какія именно были причины этой ненависти?

Ихъ было двѣ: первая состояла въ преобладаніи дворянскаго элемента въ бюрократіи и въ войнѣ. Іюльская революція уничтожила остатки феодальнаго и клерикальнаго преобладанія во Франціи; въ Англіи тоже вслѣдъ за Іюльской революціей восторжествовала либерально-буржуазная реформа. Вообще съ 1830 года начинается полное торжество буржуазіи въ Европѣ, но только не въ Германіи. Тамъ до самыхъ послѣднихъ годовъ, т. е. до водворенія аристократа Бисмарка, продолжала царствовать феодальная партія. Всѣ высшія и большая часть низшихъ правительственныхъ мѣстъ, какъ въ бюрократіи, такъ и въ войскѣ, были въ ея рукахъ. Всѣмъ извѣстно, какъ презрительно, над-

Библиотека "Руниверс"

менно нѣмецкіе аристократы, князья, графы, бароны и даже простые фоны обращаются съ бюргеромъ. Извѣстно знаменитое изреченіе князя Виндишгреца, австрійскаго генерала, бомбардировавшаго въ 1848 году Прагу, а въ 1849 Вѣну:

„Человѣкъ начинается только съ барона".

Это преобладаніе дворянства было тѣмъ оскорбительнѣе для нѣмецкихъ бюргеровъ, что дворянство это во всѣхъ отношеніяхъ, и съ точки зрѣнія богатства, и по своему умственному развитію, стоитъ несравненно ниже буржуазнаго класса. И тѣмъ не менѣе оно командовало всѣми и вездѣ. Бюргерамъ предоставлено было только право платить и повиноваться. Это было чрезвычайно непріятно для бюргеровъ. И не смотря на всю готовность обожать своихъ законныхъ государей, они не хотѣли терпѣть правительствъ, находившихся почти исключительно въ рукахъ дворянства.

Однако замѣчательно, что они нѣсколько разъ пытались, но никогда не умѣли свергнуть дворянское иго, которое пережило даже бурные 1848 и 1849 годы, и только теперь начинаетъ подвергаться систематическому уничтоженію со стороны поммеранскаго дворянина, князя Бисмарка.

Другая и самая главная причина нелюбви нѣмцевъ къ правительствамъ уже объяснена нами. Правительства были противны соединенію Германіи въ сильное государство. Значитъ всѣ буржуазные и политическіе инстинкты нѣмецкихъ патріотовъ были оскорблены ими. Правительства знали это и потому не довѣряли своимъ подданнымъ и не на шутку боялись ихъ, не смотря на постоянныя усилія подданныхъ доказать свою безграничную покорность, полную невинность.

Вслѣдствіе этихъ недоразумѣній правительства чрезвычайно испугались послѣдствій іюльской революціи; такъ испугались, что достаточно было самаго невиннаго и безкровнаго уличнаго шума путча (Putsch), какъ выражаются нѣмцы, чтобы заставить королей саксонскаго и ганноверскаго и герцоговъ гессенъ-дармштадтскаго и брауншвейскаго дать своимъ подданнымъ конституцію. Далѣе, Пруссія и Австрія, даже самъ князь Меттернихъ, бывшій до тѣхъ поръ душею реакціи въ цѣлой Германіи, совѣтовали теперь германскому союзу не

Библиотека "Руниверс"

противиться законнымъ требованіямъ нѣмецкихъ вѣрноподданныхъ. Въ парламентахъ южной Германіи предводители такъ называемыхъ либеральныхъ партій заговорили очень громко о возобновленіи требованій общегерманскаго парламента и о выборѣ пангерманскаго императора.

Все зависѣло отъ исхода польской революціи. Если бы она восторжествовала, прусская монархія, оторванная отъ своей сѣверовосточной опоры, и принужденная поплатиться если не всѣми, то по крайней мѣрѣ значительной частью своихъ польскихъ областей, принуждена была бы искать новой точки опоры въ самой Германіи, и такъ какъ она тогда еще не могла пріобрѣсть ее путемъ завоеванія, то должна была бы снискивать снисхожденіе и любовь остальной Германіи путемъ либеральныхъ реформъ, и смѣло призвать всѣхъ нѣмцевъ подъ императорское знамя.... Словомъ уже тогда осуществилось бы, хотя и другими путями, то, что сдѣлалось теперь, и осуществилось бы сначала, можетъ быть, въ болѣе либеральныхъ формахъ. Вмѣсто того, чтобы Пруссіи поглотить Германію, какъ вышло теперь, тогда могло бы показаться, будто Германія поглощаетъ Пруссію. Но это только казалось бы, потому что на самомъ дѣлѣ Германія все такп была бы порабощена силою прусской государственной организаціи.

Но поляки, покинутые и преданные всею Европою, не смотря на геройское сопротивленіе, были, наконецъ, побѣждены. Варшава пала и съ нею пали всѣ надежды германскаго патріотизма. Король Фридрихъ Вильгельмъ III, оказавшій столь значительныя услуги своему зятю, императору Николаю, ободренный его побѣдою, сбросилъ маску и пуще прежняго поднялъ гоненіе на пангерманскихъ патріотовъ. Тогда, собравъ всѣ свои силы, они сдѣлали послѣднее торжественное заявленіе, если не сильное, то, по крайней мѣрѣ чрезвычайно шумное, сохранившееся въ новѣйшей исторіи Германіи подъ именемъ Гамбахскаго празднества въ маѣ 1832 г.

Въ Гамбахѣ, въ баварскомъ Пфальцѣ, на этотъ разъ собралось около тридцати тысячъ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ. Мужчины съ трехцвѣтными лентами черезъ плечо, дамы съ трехцвѣтными шарфами, и всѣ разумѣется подъ трехцвѣтнымъ германскимъ знаменемъ.

Библиотека "Руниверс"

На этомъ митингѣ говорилось уже не о федераціи германскихъ странъ и племенъ, а о пангерманской централизаціи. Нѣкоторые ораторы, какъ напр. докторъ Виртъ, произнесъ даже имя германской республики и даже европейской федеральной республики европейскихъ соединенныхъ штатовъ.

Но все это были только слова, слова гнѣва, злобы, отчаянія, возбужденныхъ въ нѣмецкихъ сердцахъ явнымъ нежеланіемъ или немощью нѣмецкихъ государей создать пангерманскую имперію, слова чрезвычайно краснорѣчивыя, но за которыми не было ни воли, ни организаціи, а по этому не было и силы.

Однако Гамбахскій митингъ не прошелъ совсѣмъ безслѣдно. Мужички баварскаго Пфальца не удовольствовались словами. Вооружившись косами и вилами они пошли разрушать дворянскіе замки, таможни и присутственныя мѣста, предавая огню всѣ бумаги, отказываясь платить подати и требуя для себя земли, а на землѣ полной свободы. Этотъ мужицкій бунтъ, чрезвычайно похожій по своимъ начинаніямъ на всеобщее возстаніе германскихъ крестьянъ въ 1525 г. страшно перепугалъ не только консерваторовъ, но даже либераловъ и самихъ нѣмецкихъ республиканцевъ, буржуазный либерализмъ которыхъ никакъ не можетъ совмѣщаться съ настоящимъ народнымъ бунтомъ. Но къ общему удовольствію эта возобновленная попытка крестьянскаго возстанія была подавлена баварскими войсками.

Другимъ послѣдствіемъ Гамбахскаго празднества было нелѣпое, хотя и чрезвычайно смѣлое и съ этой точки зрѣнія достойное уваженія, нападеніе семидесяти вооруженныхъ студентовъ на главный караулъ, охранявшій зданіе германскаго союза во Франфуртѣ. Нелѣпо было это предпріятіе потому, что германскій союзъ надо было бить не во Франкфуртѣ, а въ Берлинѣ или Вѣнѣ, и потому что семидесяти студентовъ было далеко недостаточно, чтобы сломить силу реакціи въ Германіи. Они, правда, надѣялись, что за ними и съ ними встанетъ все франкфуртское населеніе, не подозрѣвая, что правительство было предупреждено за нѣсколько дней объ этой безумной попыткѣ. Правительство же не нашло нужнымъ предупредить ее, а напротивъ, дало ей совершиться, чтобы имѣть потомъ

Библиотека "Руниверс"

хорошій предлогъ для окончательнаго уничтоженія революціонеровъ и революціонныхъ стремленій въ Германіи.

И въ самомъ дѣлѣ за франкфуртскимъ атентатомъ поднялась самая страшная реакція во всѣхъ странахъ Германіи. Во Франкфуртѣ была учреждена центральная комиссія, подъ веденіемъ которой дѣйствовали спеціальныя комиссіи всѣхъ большихъ и маленькихъ государствъ. Въ центральной комиссіи разумѣется засѣдали австрійскіе и прусскіе государственные инквизиторы. Это былъ настоящій праздникъ для нѣмецкихъ чиновниковъ и для бумажныхъ фабрикъ Германіи, потому что было исписано несмѣтное количество бумаги. Во всей Германіи было арестовано болѣе 1800 человѣкъ, въ томъ числѣ много людей почтенныхъ, какъ профессоровъ, докторовъ, адвокатовъ — словомъ весь цвѣтъ либеральной Германіи. Многіе бѣжали, но многіе просидѣли въ крѣпостяхъ до 1840, иные же до 1848 года.

Мы видѣли значительную часть этихъ отчаянныхъ либераловъ въ мартѣ 1848 г. въ форъ—парламентѣ, а потомъ въ національномъ собраніи. Всѣ они безъ исключенія оказались отчаянными реакціонерами.

Гамбахскимъ праздникомъ, возстаніемъ мужиковъ въ Пфальцѣ, франкфутскимъ атентатомъ и воспослѣдовавшимъ за нимъ громаднымъ процессомъ кончилось всякое политическое движеніе Германіи, настало гробовое спокойствіе, которое продолжалось безъ малѣйшаго перерыва вплоть до 1848 г. За то движеніе перенеслось въ литературу.

Мы уже сказали, что въ противоположность первому періоду (1815—1830), періоду изступленнаго французоѣдства, этотъ второй періодъ нѣмецкаго либерализма (1830—1840), а также и третій (до 1848) можно назвать чисто французскимъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи беллетристической и политической литературы. Во главѣ этого новаго направленія стояли два еврея: одинъ геніальный поэтъ, Гейне; другой, замѣчательный памфлетистъ Германіи, Берне. Оба почти въ первые дни іюльской революціи переселились въ Парижъ, откуда одинъ стихами, другой „письмами изъ Парижа“ стали

Библиотека "Руниверс"

проповѣдывать нѣмцамъ французскія теоріи, французскія учрежденія и парижскую жизнь.

Можно сказать, они совершили переворотъ въ германской литературѣ. Книжныя лавки и библіотеки для чтенія переполнились переводами и весьма плохими подражаніями французскихъ драмъ, мелодрамъ, комедій, повѣстей, романовъ. Молодой буржуазный міръ сталъ думать, чувствовать, говорить, причесываться, одѣваться по французски. Впрочемъ, это не сдѣлало его отнюдь любезнѣе, а только смѣшнѣе.

Но въ то же время укоренялось въ Берлинѣ направленіе болѣе серьезное, основательное, а главное, несравненно болѣе свойственное германскому духу. Какъ часто бывало въ исторіи, смерть Гегеля, послѣдовавшая вскорѣ послѣ іюльской революціи, утвердила въ Берлинѣ, въ Пруссіи, а потомъ и въ цѣлой Германіи преобладаніе его метафизической мысли, царство гегеліянизма.

Отказавшись, по крайней мѣрѣ на первое время и по причинамъ вышеизложеннымъ, отъ соединенія Германіи въ одно нераздѣльное государство путемъ либеральныхъ реформъ, Пруссія не могла и не хотѣла однако совсѣмъ отказаться отъ нравственнаго и матеріяльнаго преобладанія надъ всѣми другими нѣмецкими государствами и странами. Напротивъ, она постоянно стремилась группировать вокругъ себя умственные и экономическіе интересы цѣлой Германіи. Для этого она употребила два средства: развитіе берлинскаго университета и таможенный союзъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Фридриха Вильгельма III министромъ народнаго просвѣщенія былъ государственный человѣкъ старой либеральной школы барона Штейна, Вильгельма фонъ Гумбольдта и др., тайный совѣтникъ фонъ Альтенштейнъ. Сколько было возможно въ то реакціонное время въ противность всѣмъ остальнымъ прусскимъ министрамъ, своимъ товарищамъ, въ противность Меттерниху, который систематическимъ тушеніемъ всякаго умственнаго свѣта надѣялся упрочить царство реакціи въ Австріи и въ цѣлой Германіи, Альтенштейнъ, оставаясь вѣрнымъ старымъ либеральнымъ преданіямъ, старался собрать въ берлинскомъ университетѣ всѣхъ передовыхъ людей,

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ знаменитостей германской науки, такъ что въ то самое время, когда прусское правительство, за одно съ Меттернихомъ и поощряемое императоромъ Николаемъ душило во чтобы то ни стало либерализмъ и либераловъ, Берлинъ сталъ средоточіемъ, блестящимъ фокусомъ научно-духовной жизни Германіи.

Гегель, приглашенный прусскимъ правительствомъ еще въ 1818 г. занять кафедру Фихте, умеръ въ концѣ 1831 г. Но онъ оставилъ послѣ себя въ берлинскомъ, кенигсбергскомъ и гальскомъ университетахъ цѣлую школу молодыхъ профессоровъ, издателей его сочиненій и горячихъ приверженцевъ и толкователей его ученія. Благодаря ихъ неутомимымъ стараніямъ, ученіе это распространилось скоро не только въ цѣлой Германіи, но во многихъ другихъ странахъ Европы, даже во Франціи, куда оно было перенесено совсѣмъ изуродованное Викторомъ Кузеномъ. Оно приковало къ Берлину, какъ къ живому источнику новаго свѣта, чтобы не сказать новаго откровенія, множество умовъ нѣмецкихъ и не нѣмецкихъ. Кто не жилъ въ то время, тотъ никогда не пойметъ до какой степени было сильно обаяніе этой философской системы въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Думали, что вѣчно искомый абсолютъ наконецъ найденъ и понятъ, и его можно покупать въ розницу или оптомъ въ Берлинѣ.

Философія Гегеля въ исторіи развитія человѣческой мысли была въ самомъ дѣлѣ явленіемъ значительнымъ. Она была послѣднимъ и окончательнымъ словомъ того пантеистическаго и абстрактно—гуманитарнаго движенія германскаго духа, которое началось твореніями Лессинга и достигло всесторонняго развитія въ твореніяхъ Гете; движеніе, создавши міръ безконечно широкій, богатый, высокій и будто бы вполнѣ раціональной, но остававшійся столь же чуждымъ землѣ, жизни, дѣйствительности, сколько былъ чуждъ христіанскому, богословскому небу. Вслѣдствіе этого этотъ міръ, какъ фата моргана, не достигая неба и не касаясь земли, вися между небомъ и землею, обратилъ самую жизнь своихъ приверженцевъ, своихъ рефлектирующихъ и поэтизирующихъ обитателей въ непрерывную вереницу сонамбулическихъ представленій и опытовъ, сдѣлалъ ихъ никуда негодными для жизни или, что

Библиотека "Руниверс"

еще хуже, осудилъ ихъ дѣлать въ мірѣ дѣйствительномъ совершенно противное тому, что они обожали въ поэтическомъ или метафизическомъ идеалѣ.

Такимъ образомъ объясняется изумительный и довольно общій фактъ, поражающій насъ еще понынѣ въ Германіи, что горячіе поклонники Лессинга, Шиллера, Гете, Канта, Фихте, и Гегеля могли и до сихъ поръ могутъ служить покорными и даже охотными исполнителями далеко не гуманныхъ и не либеральныхъ мѣръ, предписываемыхъ имъ правительствами. Можно даже сказать вообще, что чѣмъ возвышеннѣе идеальный міръ нѣмца, тѣмъ уродливѣе и пошлѣе его жизнь и его дѣйствія въ живой дѣйствительности.

Окончательнымъ завершеніемъ этаго высокоидеальнаго міра была философія Гегеля. Она вполнѣ выразила и объяснила его своими метафизическими построеніями и категоріями, и тѣмъ самымъ убила его, придя путемъ желѣзной логики къ окончательному сознанію его и своей собственной безконечной несостоятельности, не дѣйствительности и, говоря проще, пустоты.

Школа Гегеля, какъ извѣстно, раздѣлилась на двѣ противуположныя партіи; при чемъ разумѣется между ними образовалась и третья, средняя партія, о которой, впрочемъ, здѣсь говорить нечего. Одна изъ нихъ, именно консервативная партія, нашла въ новой философіи оправданіе и узаконеніе всего существующаго, ухватившись за извѣстное изреченіе Гегеля: „Все дѣйствительное разумно“. Эта партія создала такъ называемую оффиціальную философію прусской монархіи, уже представленой самимъ Гегелемъ, какъ идеалъ политическаго устройства.

Но противуположная партія такъ называемыхъ революціонныхъ гегеліянцевъ, оказалась послѣдовательнѣе самаго Гегеля и несравненно смѣлѣе его; она сорвала съ его ученія консервативную маску и представила во всей наготѣ безпощадное отрицаніе, составляющее его настоящую суть. Во главѣ этой партіи всталъ знаменитый Фейербахъ, доведшій логическую послѣдовательность не только до полнѣйшаго отрицанія всего божественнаго міра, но даже до отрицанія самой метафизики. Далѣе онъ идти не могъ. Самъ все таки метафизикъ, онъ долженъ былъ уступить мѣсто своимъ

Библиотека "Руниверс"

законнымъ преемникамъ, представителямъ школы матеріалистовъ или реалистовъ. большая часть которыхъ впрочемъ, какъ напр. г.г. Бюхнеръ, Марксъ и другіе не умѣли и не умѣютъ осободиться отъ преобладанія метафизической абстрактной мысли.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ господствовало мнѣніе, что революція, которая послѣдуетъ за распространеніемъ гегеліанизма, развитаго въ смыслѣ полнѣйшаго отрицанія, будетъ несравненно радикальнѣе, глубже, безпощаднѣе и шире въ своихъ разрушеніяхъ, чѣмъ революція 1793 г. Такъ думали потому, что философская мысль, выработанная Гегелемъ, и доведенная до самыхъ крайнихъ результатовъ учениками его, дѣйствительно была полнѣе, всестороннѣе и глубже мысли Вольтера и Руссо, имѣвшихъ, какъ извѣстно, самое прямое и далеко не всегда полезное вліяніе на развитіе и, главное, на исходъ первой французской революціи. Такъ напримѣръ несомнѣнно, что почитателями Вольтера, инстинктивнаго презирателя народныхъ массъ, глупой толпы, были государственные люди въ родѣ Мирабо, и что самый фанатическій приверженецъ Жанъ-Жака Руссо, Максимиліанъ Робеспьеръ, былъ возстановителемъ бежественныхъ и реакціонно-гражданскихъ порядковъ во Франціи.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ полагали, что когда наступитъ опять пора для революціоннаго дѣйствія, то доктора философіи, школы Гегеля, оставятъ далеко за собою самыхъ смѣлыхъ дѣятелей девятидесятыхъ годовъ и удивятъ міръ своимъ, строго логическимъ, безпощаднымъ революціонаризмомъ. На эту тему поэтъ Гейне написалъ много краснорѣчивыхъ словъ: „Всѣ ваши революціи ничто, говорилъ онъ французамъ, передъ нашею будущею нѣмецкою революціею. Мы, имѣвшіе дерзость систематически, ученымъ образомъ уничтожить весь божественный міръ, мы не остановимся ни передъ какими кумирами на землѣ и не успокоимся, пока на развалинахъ привиллегій и власти, мы не завоюемъ для цѣлаго міра полнѣйшаго равенства и полнѣйшей свободы“. Почти такими же словами возвѣщалъ Гейне французамъ будущія чудеса германской революціи. И многіе вѣрили ему. Но увы! опыта 1848 и 1849 годовъ было достаточно, чтобы разбить въ

Библиотека "Руниверс"

прахъ эту вѣру. Германскіе революціонеры не только не превзошли героевъ первой французской революціи, но даже не умѣли сравниться съ французскими революціонерами тридцатыхъ годовъ.

Какая причина этой плачевной несостоятельности? Она объясняется, разумѣется главнымъ образомъ, спеціальнымъ историческимъ характеромъ нѣмцевъ, располагающимъ ихъ гораздо болѣе къ вѣрноподданическому послушанію, чѣмъ къ бунту, но также и тѣмъ абстрактнымъ методомъ, которымъ она шла къ революціи. Сообразно, опять таки, своей природѣ, она шла не отъ жизни къ мысли, но отъ мысли къ жизни. Но кто отправляется отъ отвлеченной мысли, тотъ никогда не доберется до жизни, потому что изъ метафизики въ жизнь нѣтъ дороги. Онѣ раздѣлены пропастью. А перескочить черезъ эту пропасть, совершить Salto mortale или то, что самъ Гегель назвалъ квалитативнымъ прыжкомъ (Qualitativer Sprung) изъ міра логики въ міръ природы, живой дѣйствительности, не удалось еще никому, да никогда никому не удастся. Кто опирается на абстракцію, тотъ и умретъ въ ней.

Живой, конкретно разумный ходъ, это въ наукѣ ходъ отъ факта дѣйствительнаго къ мысли его обнимающей, выражающей и, тѣмъ самымъ объясняющей; а въ мірѣ практическомъ—движеніе отъ жизни общественной къ возможно разумной организаціи ея, сообразно указаніямъ, условіямъ, запросамъ и болѣе или менѣе страстнымъ требованіямъ этой самой жизни.

Таковъ широкій народный путь, путь дѣйствительнаго и полнѣйшаго освобожденія, доступный для всякаго, и потому дѣйствительно народный, путь анархической соціальной революціи, возникающей самостоятельно въ народной средѣ, разрушающей все, что противно широкому разливу народной жизни, для того, чтобы потомъ изъ самой глубины народнаго существа создать новыя формы свободной общественности.

Путь господъ метафизиковъ совсѣмъ иной. Метафизиками мы называемъ не только послѣдователей ученія Гегеля, которыхъ уже немного осталось на свѣтѣ, но также и позитивистовъ и вообще всѣхъ проповѣдниковъ богини науки въ настоящее время; вообще всѣхъ тѣхъ, кто, создавъ себѣ тѣмъ или другимъ пу-

Библиотека "Руниверс"

темъ, хотя бы посредствомъ самаго тщательнаго, впрочемъ по необходимости всегда не совершеннаго изученія прошедшаго и настоящаго, создалъ себѣ идеалъ соціальной организаціи, въ которой, какъ новый Прокустъ, хочетъ уложить во чтобы то ни стало жизнь будущихъ поколѣній; всѣхъ тѣхъ, однимъ словомъ, кто не смотритъ на мысль, на науку, какъ на одно изъ необходимыхъ проявленій естественной и общественной жизни, а до того суживаетъ эту бѣдную жизнь, что видитъ въ ней только практическое проявленіе своей мысли и своей, всегда конечно, несовершенной науки.

Метафизики или позитивисты, всѣ эти рыцари науки и мысли, во имя которыхъ они считаютъ себя призванными предписывать законы жизни, всѣ они, сознательно или безсознательно, реакціонеры. Доказать это чрезвычайно легко.

Не говоря уже о метафизикѣ вообще, которою въ эпохи самаго блестящаго процвѣтанія ея, занимались только немногіе, наука въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова, болѣе серьезная и хотя сколько нибудь заслуживающая это имя, доступна и въ настоящее время только весьма незначительному меньшинству. Напримѣръ, у насъ въ Россіи на восемьдесять милліоновъ жителей, сколько насчитается серьезныхъ ученыхъ? Людей, толкующихъ о наукѣ можно пожалуй насчитать тысячи, но сколько нибудь знакомыхъ съ ней не на шутку врядъ ли найдется нѣсколько сотенъ. Но если наука должна предписывать законы жизни, то огромное большинство, милліоны людей, должны быть управляемы одною или двумя сотнями ученыхъ, въ сущности даже гораздо меньшимъ числомъ, потому что не всякая наука дѣлаетъ человѣка способнымъ къ управленію обществомъ, а наука наукъ, вѣнецъ всѣхъ наукъ — соціологія, предполагающая въ счастливомъ ученомъ предварительное серьезное знакомство со всѣми другими науками. А много ли такихъ ученыхъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ? Можетъ быть двадцать или тридцать человѣкъ! И эти двадцать или тридцать ученыхъ должны управлять цѣлымъ міромъ! Можно ли представить себѣ деспотизмъ нелѣпѣе и отвратительнѣе этого?

Вопервыхъ, вѣроятнѣе всего, что эти тридцать уче-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ перегрызутся между собою, а если соединятся, то это будетъ на зло всему человѣчеству. Ученый уже по своему существу склоненъ ко всякому умственному и нравственному разврату, и главный порокъ его—это превозвышеніе своего знанія, своего собственнаго ума и презрѣніе ко всѣмъ незнающимъ. Дайте ему управленіе, и онъ сдѣлается самымъ несноснымъ тираномъ, потому что ученая гордость отвратительна, оскорбительна и притѣснительнѣе всякой другой. Быть рабами педантовъ—что за судьба для человѣчества! Дайте имъ полную волю, они станутъ дѣлать надъ человѣческимъ обществомъ тѣже опыты, какіе, ради пользы науки, дѣлаютъ теперь надъ кроликами, кошками и собаками.

Будемъ уважать ученыхъ по ихъ заслугамъ, но для спасенія ихъ ума и ихъ нравственности не должно давать имъ никакихъ общественныхъ привиллегій, и не признавать за ними другаго права, кромѣ общаго права свободы проповѣдывать свои убѣжденія, мысли и знанія. Власти имъ, какъ никому, давать не слѣдуетъ, потому что кто облеченъ властію, тотъ по неизмѣнному соціалистическому закону непремѣнно сдѣлается притѣснителемъ и эксплуататоромъ общества.

Но, скажутъ, не всегда же наука будетъ достояніемъ только немногихъ; прійдетъ время, когда она будетъ доступна для всѣхъ и для каждаго. Ну, время это еще далеко, и много должно совершиться общественныхъ переворотовъ прежде, чѣмъ она наступитъ. А до тѣхъ поръ, кто согласится отдать свою судьбу въ руки ученыхъ, въ руки поповъ науки? Зачѣмъ тогда вырывать ее изъ рукъ христіанскихъ поповъ?

Намъ кажется, что чрезвычайно ошибаются тѣ, которые воображаютъ, что послѣ соціальной революціи всѣ будутъ одинаково учены. Наука, какъ наука и тогда, какъ теперь, останется одною изъ многочисленныхъ общественныхъ спеціальностей, съ тою только разницею, что эта спеціальность, доступная теперь только лицамъ привиллегированныхъ классовъ, и когда безъ всякаго различія классовъ, разъ навсегда упраздненныхъ, сдѣлается доступною для всѣхъ лицъ, имѣющихъ призваніе и охоту заниматься ею, не въ ущербъ об-

Библиотека "Руниверс"

щему ручному труду, который будетъ обязателенъ для всякаго.

Общимъ достояніемъ сдѣлается только общее научное образованіе и, главное, знакомство съ научнымъ методомъ, привычка мыслить, т. е. обобщать факты и выводить изъ нихъ болѣе или менѣе правильныя заключенія. Но энциклопедическихъ головъ, а потому и ученыхъ соціологовъ всегда будетъ очень немного. Горе было бы человѣчеству, если бы когда нибудь мысль сдѣлалась источникомъ и единственнымъ руководителемъ жизни, если бы науки и ученіе стали во главѣ общественнаго управленія. Жизнь изсякла бы, а человѣческое общество обратилась бы въ безсловесное и рабское стадо. Управленіе жизни наукою не могло бы имѣть другого результата, кромѣ оглупѣнія всего человѣчества.

Мы, революціонеры-анархисты, поборники всенароднаго образованія, освобожденія и широкаго развитія общественной жизни, а потому враги государства и всякаго государствованія, въ противуположность всѣмъ метафизикамъ, позитивистамъ и всѣмъ ученымъ и неученымъ поклонникамъ богини науки, мы утверждаемъ, что жизнь естественная и общественная всегда предшествуетъ мысли, которая есть только одна изъ функцій ея, но никогда не бываетъ ея результатомъ; что она развивается изъ своей собственной неизсякаемой глубины, рядомъ различныхъ фактовъ, а не рядомъ абстрактныхъ рефлексій, и что послѣднія, всегда производимые ею и никогда ее не производящія, указываютъ только, какъ верстовые столбы, на ея направленіе и на различные фазисы ея самостоятельнаго и самороднаго развитія.

Сообразно такому убѣжденію, мы не только не имѣемъ намѣренія и малѣйшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеалъ общественнаго устройства, вычитаннаго изъ книжекъ или выдуманнаго нами самими, но въ убѣжденіи, что народныя массы носятъ въ своихъ, болѣе или менѣе развитыхъ исторіею инстинктахъ, въ своихъ насущныхъ потребностяхъ и въ своихъ стремленіяхъ сознательныхъ и безсознательныхъ, всѣ элементы своей будущей нормальной организаціи, мы ищемъ этого

Библиотека "Руниверс"

идеала въ самомъ народѣ; а такъ какъ всякая государственная власть, всякое правительство, по существу своему и по своему положенію поставленное внѣ народа, надъ нимъ, непремѣннымъ образомъ должно стремиться къ подчиненію его порядкамъ и цѣлямъ ему чуждымъ, то мы объявляемъ себя врагами всякой правительственной, государственной власти, врагами государственнаго устройства вообще и думаемъ, что народъ можетъ быть только тогда счастливъ, свободенъ, когда организуясь снизу вверхъ, путемъ самостоятельныхъ и совершенно свободныхъ соединеній и помимо всякой оффиціальной опеки, но не помимо различныхъ и равно свободныхъ вліяній лицъ и партій, онъ самъ создастъ свою жизнь.

Таковы убѣжденія соціальныхъ революціонеровъ и за это насъ называютъ анархистами. Мы противъ этого названія не протестуемъ, потому что мы дѣйствительно враги всякой власти, ибо знаемъ, что власть дѣйствуетъ столь же развратительно на тѣхъ, кто облеченъ ею, сколько и на тѣхъ, кто принужденъ ей покоряться. Подъ тлетворнымъ вліяніемъ ея одни становятся честолюбивыми и корыстолюбивыми деспотами, эксплуататорами общества въ свою личную или сословную пользу, другіе— рабами.

Идеалисты всякаго рода, метафизики, позитивисты, поборники преобладанія науки надъ жизнію, доктринерные революціонеры, всѣ вмѣстѣ, съ одинаковымъ жаромъ, хотя разными аргументами отстаиваютъ идею государства и государственной власти, видя въ нихъ, совершенно логично, по своему единое спасеніе общества. Совершенно логично, потому что, принявъ разъ за основаніе положеніе, по нашему убѣжденію совершенно ложное, что мысль предшествуетъ жизни, отвлеченная теорія общественной практики, и что поэтому соціологическая наука должна быть исходною точкою для общественныхъ переворотовъ и перестроекъ, они необходимымъ образомъ приходятъ къ заключенію, что такъ какъ мысль, теорія, наука, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, составляютъ достояніе весьма не многихъ, то эти немногіе должны быть руководителями общественной жизни, не только возбудителями, но и управителями всѣхъ народныхъ движеній, и что на

Библиотека "Руниверс"

другой день революціи новая общественная организація должна быть создана не свободнымъ соединеніемъ народныхъ ассоціацій, общинъ, волостей, областей снизу вверхъ, сообразно народнымъ потребностямъ и инстинктамъ, а единственно диктаторскою властію этого ученаго меньшинства, будто бы выражающаго общенародную волю.

На этой фикціи мнимаго народнаго представительства и на дѣйствительномъ фактѣ управленія народныхъ массъ незначительною горстью привиллегированныхъ избранныхъ или даже не избранныхъ толпами народа, согнанными для выборовъ и никогда не знающими зачѣмъ и кого они выбираютъ; на этомъ мнимомъ и отвлеченномъ выраженіи, воображаемой общенародной мысли и воли, о которыхъ живой и настоящій народъ не имѣетъ даже и малѣйшаго представленія, основываются одинаковымъ образомъ и теорія государственности и теорія такъ называемой революціонной диктатуры.

Между революціонною диктатурою и государственностью вся разница состоитъ только во внѣшней обстановкѣ. Въ сущности же онѣ представляютъ обѣ одно и тоже управленіе большинства меньшинствомъ во имя мнимой глупости перваго и мнимаго ума послѣдняго. Поэтому онѣ одиноково реакціоперны, имѣя, какъ та, такъ и другая, результатомъ непосредственнымъ и непремѣннымъ упроченіе политическихъ и экономическихъ привиллегій управляющаго меньшинства и политическаго и экономическаго рабства народныхъ массъ.

Теперь ясно, почему доктринерные революціонеры, имѣющіе цѣлью низверженіе существующихъ властей и порядковъ, чтобы на развалинахъ ихъ основать свою собственную диктатуру, никогда не были и не будутъ врагами, а напротивъ, всегда были и всегда будутъ самыми горячими поборниками государства. Они только враги настоящихъ властей, потому что желаютъ занять ихъ мѣсто; враги настоящихъ политическихъ учережденій, потому что они исключаютъ возможность ихъ диктатуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ самые горячіе друзья государственной власти, безъ удержанія которой революція, освободивъ не на шутку народныя массы, отняла бы у этого мнимо-революціоннаго мень-

Библиотека "Руниверс"

шинства всякую надежду заложить ихъ въ новую упряжь и обладѣтельствовать ихъ своими правительственными мѣрами.

И это такъ справедливо, что въ настоящее время, когда въ цѣлой Европѣ торжествуетъ реакція, когда всѣ государства, обуянныя самымъ злобнымъ духомъ самосохраненія и народопритѣсненія, вооруженныя съ ногъ до головы въ тройную броню, военную, полицейскую и финансовую, и готовящіяся подъ верховнымъ предводительствомъ князя Бисмарка къ отчаянной борьбѣ противъ соціальной революціи; теперь, когда, казалось бы, всѣ искренніе революціонеры должны соединяться, чтобы дать отпоръ отчаянному нападенію интернаціональной реакціи, мы видимъ, напротивъ, что доктринерные революціонеры подъ предводительствомъ г. Маркса вездѣ держатъ сторону государственности и государственниковъ противъ народной революціи.

Во Франціи, начиная съ 1870 года, они стояли за государственнаго республиканца-реакціонера, Гамбетта, противъ революціонерной лиги юга (La Ligue du Midi), которая только одна могла спасти Францію и отъ нѣмецкаго порабощенія и отъ еще болѣе опасной и нынѣ торжествующей коалиціи клерикаловъ, легитимистовъ, орлеанистовъ и бонапартистовъ. Въ Италіи они кокетничаютъ съ Гарибальди и съ остатками партіи Маццини; въ Испаніи они открыто приняли сторону Кастеляра, Пи-и-Маргаля и мадридской конституанты; наконецъ въ Германіи и вокругъ Германіи, въ Австріи, Швейцаріи, Голландіи, Даніи они служатъ службу князю Бисмарку, на котораго, по собственному признанію, смотрятъ, какъ на весьма полезнаго революціоннаго дѣятеля, помогая ему въ дѣлѣ пангерманизированія всѣхъ этихъ странъ.

Теперь ясно, почему господа доктора философіи школы Гегеля, не смотря на свой пламенный революціонаризмъ въ мірѣ отвлеченныхъ идей, въ дѣйствительности оказались въ 1848 и 1849 г.г. не революціонерами, но большею частью реакціонерами, и почему въ настоящее время большинство ихъ сдѣлалось отъявленными сторонниками князя Бисмарка.

Но въ двадцатыхъ и сороковыхъ годахъ мнимый революціонаризмъ ихъ, еще ни чѣмъ и никакъ не

Библиотека "Руниверс"

испытанный, находилъ много вѣры. Они сами вѣрили въ него, хотя проявляли его большею частью въ сочиненіяхъ весьма отвлеченнаго свойства, такъ что прусское правительство не обращало на него никакого вниманія. Можетъ быть, оно уже и тогда понимало, что они работаютъ для него.

Съ другой стороны, оно неуклонно стремилось къ своей главной цѣли—основанію сначала прусской гегемоніи въ Германіи, а потомъ и прямаго подчиненія цѣлой Германіи своему нераздѣльному владычеству путемъ, который ему самому казался несравненно выгоднѣе и удобнѣе, чѣмъ путь либеральныхъ реформъ и даже поощренія германской науки—а именно, путемъ экономическимъ, при чемъ оно должно было встрѣтить горячія симпатіи всей богатой торговой и промышленной буржуазіи, всего жидовскаго финансоваго міра въ Германіи, такъ какъ процвѣтаніе какъ той, такъ и другаго непремѣнно требовало обширной государственной централизаціи, мы видимъ этому новый примѣръ въ настоящее время въ нѣмецкой Швейцаріи, гдѣ большіе промышленные торговцы и банкиры начинаютъ уже явно высказывать свои симпатіи тѣснѣйшему политическому соединенію съ обширнымъ германскимъ, рынкомъ, т. е. пангерманскою имперіею, которая оказываетъ на всѣ окружающія маленькія страны притягательную или засасывающую силу боа-констриктора.

Первая мысль учрежденія таможеннаго союза принадлежитъ впрочемъ не Пруссіи, а Баваріи и Виртембергу, заключившимъ между собою такой союзъ еще въ 1828 г. Но Пруссія скоро овладѣла и мыслью, и ея исполненіемъ.

Прежде въ Германіи было столько же таможень и разнороднѣйшихъ пошлинныхъ порядковъ, сколько было въ ней государствъ. Это положеніе было дѣйствительно нестерпимо и обратило всю немецкую торговлю и промышленность въ застой. И такъ Пруссія, взявшаяся могучею рукою за таможенное соединіе Германіи, оказала настоящее благодѣяніе послѣдней. Уже въ 1836 г., подъ верховнымъ управленіемъ прусской монархіи къ союзу принадлежали оба Гессена, Баварія, Виртембергъ, Саксонія, Тюрингія, Баденъ, Нассау и вольный городъ Франкфуртъ—всего болѣе 27 милліоновъ

Библиотека "Руниверс"

жителей. Оставались только Ганноверъ, Мекленбургскія и Ольденбургскія герцогства, вольные города Гамбургъ, Любекъ и Бременъ и наконецъ вся австрійская имперія.

Но именно исключеніе австрійской имперіи изъ германскаго таможеннаго союза составляло существенный интересъ Пруссіи; потому что это исключеніе, вначалѣ только экономическое, должно было повлечь за собою впослѣдствіи и политическое исключеніе.

Въ 1840 году начался третій періодъ германскаго либерализма. Характеризовать его очень трудно. Онъ чрезвычайно богатъ многостороннимъ развитіемъ самыхъ различныхъ направленій, школъ, интересовъ и мыслей, но столько же бѣденъ фактами. Онъ весь наполненъ взбалмошною личностью и хаотическими писаніями короля Фридриха Вильгельма IV, сѣвшаго на престолъ своего отца, именно въ 1840 году.

Съ нимъ совершенно измѣнилось отношеніе Пруссіи къ Россіи. Въ противность своему отцу и своему брату, нынѣшнему императору Германіи, новый король ненавидѣлъ императора Николая. Впослѣдствіе онъ за это дорого поплатился и горько и громко въ этомъ раскаялся—но въ началѣ царствованія, ему и чортъ не былъ страшенъ. Полуученый, полупоэтъ, пораженный физіологическою немощью и къ тому же пьяница, покровитель и другъ странствующихъ романтиковъ и пангерманствующихъ патріотовъ, онъ въ послѣдніе года жизни отца былъ надеждою нѣмецкихъ патріотовъ. Всѣ надѣялись, что онъ дастъ конституцію.

Первымъ дѣйствіемъ его была полнѣйшая амнистія. Николай нахмурилъ брови, но за то вся Германія рукоплескала, и либеральныя надежды усилились. Однако конституціи онъ не далъ, но за то наговорилъ столько разнаго вздора и политическаго, и романтическаго, и древне-тевтонскаго, что даже нѣмцы ничего понять не могли.

А дѣло было очень просто. Тщеславный, славолюбивый, неусидчивый, безпокойный, но вмѣстѣ съ тѣмъ неспособный ни къ выдержкѣ, ни къ дѣлу, Фридрихъ Вильгельмъ IV былъ просто эпикуреецъ, кутила, романтикъ или самодуръ на престолѣ. Какъ человѣкъ ни къ чему дѣйствительному неспособный, онъ не сомнѣ-

Библиотека "Руниверс"

вался ни въ чемъ. Ему казалось что королевская власть, въ мистическое богопризванье которой онъ искренно вѣрилъ, даетъ ему право и силу дѣлать рѣшительно все, что вздумается и наперекоръ логики и всѣмъ законамъ природы и общественности совершать самое невозможное, соединять рѣшительно несовмѣстимое.

Такимъ образомъ онъ хотѣлъ, чтобы въ Пруссіи существовала полнѣйшая свобода, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ королевская власть осталась неограниченною, его произволъ ничѣмъ не стѣсненнымъ. Въ этомъ духѣ онъ сталъ декретировать конституціи сначала только провинціальныя, а въ 1847 г. далъ нѣчто въ родѣ общей конституціи. Но во всемъ этомъ не было ничего серьезнаго. Было только одно: своими безпрерывными, другъ друга дополняющими и другъ другу противорѣчащими попытками, онъ переворотилъ весь старый порядокъ, и не на шутку расшевелилъ своихъ подданныхъ сверху до низу. Всѣ стали ожидать чего то.

Это что-то была революція 1848 года. Всѣ чувствовали ея приближеніе не только во Франціи, въ Италіи, но даже въ Германіи; да, именно въ Германіи, которая въ продолженіи этого третьяго періода, между 1840 и 1848 годами успѣла набраться французскаго крамольнаго духа. Этому французскому настроенію умовъ нисколько не мѣшалъ гегеліанизмъ, который, напротивъ, очень любилъ выражать на французскомъ языкѣ, разумѣется съ приличною тяжеловѣсностью и съ нѣмецкимъ акцентомъ, свои отвлеченно-революціонерные выводы. Никогда Германія не читала такъ много французскихъ книгъ, какъ въ это время. Она, казалось, забыла собственную литературу. За то литература французская, особенно же революціонная, проникла всюду. Исторія жирондистовъ Ламартина, сочиненія Луи-Блана и Мишле были переведены на нѣмецкій языкъ вмѣстѣ съ послѣдними романами. И нѣмцы стали бредить героями великой революціи и распредѣлять между собою на будущее время роли: кто воображалъ себя Дантономъ или любезнымъ Камиль-де-Муленомъ, (der liebenswürdige Camille-Desmoulens!), кто Робеспьеромъ или С-нъ-Жюстомъ, кто, наконецъ, Маратомъ. Самимъ же собою почти не былъ никто, потому что для этого надо быть одареннымъ дѣйствительною природою. У нѣмцевъ же все

Библиотека "Руниверс"

есть, и глубокомысленное мышленіе, и возвышенныя чувства, только нѣтъ природы и если есть, то холопская.

Многіе нѣмецкіе литераторы, слѣдуя примѣру Гейне и уже умершаго тогда Берне, переселились въ Парижъ. Между ними замѣчательны были докторъ Арнольдъ Руге, поэтъ Гервесъ и К. Марксъ. Они хотѣли сначала издавать вмѣстѣ журналъ, но перессорились. Два послѣдніе были уже соціалистами.

Германія стала знакомиться съ соціальными ученіями только въ сороковыхъ годахъ. Вѣнскій профессоръ Штейнъ чуть ли не первый написалъ нѣмецкую книгу о нихъ. Но первымъ практическимъ нѣмецкимъ соціалистомъ или, вѣрнѣе, коммунистомъ былъ несомнѣнно портной Вейтлингъ, прибывшей въ началѣ 1843 г. въ Швейцарію изъ Парижа, гдѣ состоялъ членомъ тайнаго общества французскихъ коммунистовъ. Онъ основалъ много коммунистическихъ обществъ между нѣмцами ремесленниками въ Швейцаріи, но въ концѣ 1843 г. былъ выданъ Пруссіи тогдашнимъ правителемъ цюрихскаго кантона, г. Блунчли, нынѣ знаменитымъ юрисконсультомъ и профессоромъ права въ Германіи.

Но главнымъ пропагандистомъ соціализма въ Германіи, сначала тайно, а вскорѣ потомъ публично, былъ Карлъ Марксъ.

Г. Марксъ игралъ и играетъ слишкомъ важную роль въ соціалистическомъ движеніи нѣмецкаго пролетаріата, чтобы можно было обойти эту замѣчательную личность, не постаравшись изобразить ее въ нѣсколькихъ вѣрныхъ чертахъ.

По происхожденію г. Марксъ еврей. Онъ соединяетъ въ себѣ, можно сказать, всѣ качества и всѣ недостатки этой способной породы. Нервный, какъ говорятъ иные, до трусости, онъ чрезвычайно честолюбивъ и тщеславенъ, сварливъ, нетерпимъ и абсолютенъ, какъ Іегова, Господь Богъ его предковъ и, какъ онъ, мстителенъ до безумія. Нѣтъ такой лжи, клеветы, которой бы онъ не былъ способенъ выдумать и распространить противъ того, кто имѣлъ несчастіе возбудить его ревность или, что все равно, его ненависть. И нѣтъ такой грусной интриги, передъ которой онъ остановился бы, если только, по его мнѣнію, впрочемъ большею частью ошибочному, эта интрига можетъ служить къ усиленію его положе-

Библиотека "Руниверс"

нія, его вліянія, или къ распространенію его силы. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно политическій человѣкъ.

Таковы его отрицательныя качества. Но и положительныхъ въ немъ очень много. Онъ оченъ уменъ и чрезвычайно многосторонне-ученъ. Докторъ философіи, онъ еще въ Кельнѣ около 1840 г. былъ, можно сказать, душею и центромъ весьма замѣтныхъ кружковъ передовыхъ гегельянцевъ, съ которыми началъ издавать оппозиціонный журналъ, вскорѣ закрытый по министерскому приказанію. Къ этому кружку принадлежали также братья Бруно Бауеръ и Эдгаръ Бауеръ, Марксъ, Штирнеръ и потомъ въ Берлинѣ первый кружекъ нѣмецкихъ нигилистовъ, которые циническою послѣдовательностью своею далеко превзошли самыхъ ярыхъ нигилистовъ Россіи.

Въ 1843 или 1844 г. Марксъ переселился въ Парижъ. Тутъ онъ впервые столкнулся съ обществомъ французскихъ и нѣмецкихъ коммунистовъ и съ соотечественникомъ своимъ, нѣмецкимъ евреемъ, г. Морисомъ Гессомъ, который прежде его былъ ученымъ экономистомъ и соціалистомъ и имѣлъ въ это время значительное вліяніе на научное развитіе г. Маркса.

Рѣдко можно найти человѣка, который бы такъ много зналъ и читалъ и читалъ такъ умно, какъ г. Марксъ. Исключительнымъ предметомъ его занятій была уже въ это время наука экономическая. Съ особеннымъ тщаніемъ изучалъ онъ англійскихъ экономистовъ, превосходящихъ всѣхъ другихъ и положительностью познаній, и практическимъ складомъ ума, воспитаннаго на англійскихъ экономическихъ фактахъ, и строгою критикою, и добросовѣстною смѣлостью выводовъ. Но ко всему этому г. Марксъ прибавилъ еще два новые элемента: діалектику самую отвлеченную, самую причудливо-тонкую, которую онъ пріобрѣлъ въ школѣ Гегеля и которую доводитъ нерѣдко до шалости, до разврата и точку отправленія коммунистическую.

Г. Марксъ перечиталъ разумѣется всѣхъ французскихъ соціалистовъ, отъ Сенъ-Симона до Прудона включительно и послѣдняго, какъ извѣстно, онъ ненавидитъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ безпощадной критикѣ, направленной имъ противъ Прудона, много правды:

Библиотека "Руниверс"

Прудонъ, не смотря на всѣ старанія стать на почву реальную, остался идеалистомъ и метафизикомъ. Его точка отправленія—абстрактная идея права; отъ права онъ идетъ къ экономическому факту, а г. Марксъ, въ противуположность ему, высказалъ и доказалъ ту несомнѣнную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей исторіей человѣческаго общества, народовъ и государствъ, что экономическій фактъ всегда предшествовалъ и предшествуетъ юридическому и политическому праву. Въ изложеніи и въ доказательствѣ этой истины состоитъ именно одна изъ главныхъ научныхъ заслугъ г. Маркса.

Но, что замѣчательнѣе всего и въ чемъ разумѣется г. Марксъ никогда не признавался, это то, что въ отношеніи политическомъ г. Марксъ прямой ученикъ Луи-Блана. Г. Марксъ несравненно умнѣе и несравненно ученѣе этого маленькаго неудавшагося революціонера и государственнаго человѣка; но какъ нѣмецъ, несмотря на свой почтенный ростъ, онъ попалъ въ ученіе къ крошечному французу.

Впрочемъ эта странность объясняется просто: реторикъ французъ, какъ буржуазный политикъ и какъ отъявленный поклонникъ Робеспьера, и ученый нѣмецъ, въ своемъ тройномъ качествѣ гегельянца, еврея и нѣмца, оба отчаянные государственника, и оба проповѣдуютъ государственный коммунизмъ, съ тою только разницею, что одинъ вмѣсто аргументовъ довольствуется реторическими декламаціями, а другой, какъ приличествуетъ ученому и тяжеловѣсному нѣмцу, обставляетъ этотъ, равно имъ любезный принципъ, всѣми ухищреніями гегелевской діалектики и всѣмъ богатствомъ своихъ многостороннихъ познаній.

Около 1845 г. Марксъ сталъ во главѣ нѣмецкихъ коммунистовъ, и вслѣдъ за тѣмъ, вмѣстѣ съ г. Энгельсомъ, неизмѣннымъ своимъ другимъ, столь же умнымъ, хотя менѣе ученымъ, но за то болѣе практическимъ и не менѣе способнымъ къ политической клеветѣ, лжи и интригѣ, основалъ тайное общество германскихъ коммунистовъ или государственныхъ соціалистовъ. Центральный комитетъ ихъ, котораго онъ, вмѣстѣ съ г. Энгельсомъ, былъ, разумѣется, главою, по изгнанію ихъ обоихъ изъ Парижа въ 1846 г., былъ перенесенъ въ

Библиотека "Руниверс"

Брюссель, гдѣ оставался до 1848 г. Впрочемъ до самого этого года пропаганда ихъ, хотя распространялась по немногу въ цѣлой Германіи, но оставалось тайною и потому не выходила наружу.

Соціалистическій ядъ несомнѣнно проникалъ самыми разнообразными путями въ Германію. Онъ выражался даже въ религіозныхъ движеніяхъ. Кто не слыхалъ объ эфемерномъ религіозномъ ученіи, возникшемъ въ 1844 г. и потонувшемъ въ 1848 г. подъ именемъ „новаго католицизма"—(теперь въ Германіи появилась новая ересь противъ римской церкви подъ названіемъ „стараго католицизма").

Новый католицизмъ произошелъ слѣдующимъ образомъ. Какъ нынѣ во Франціи, такъ въ 1844г. въ Германіи, католическому духовенству вздумалось возбудить фанатизмъ католическаго населенія громадною процессіею въ честь нешитаго платья Христа, будто бы хранящагося въ Трирѣ. Около милліона пилигримовъ собралось на этотъ праздникъ, со всѣхъ концовъ Европы—торжественно понесли святое платье и пѣли: „святое платье, моли Бога о насъ!"—Это возбудило огромный скандалъ въ Германіи и дало поводъ нѣмецкимъ радикаламъ выкинуть фарсъ. Въ 1848 г. намъ случилось видѣть въ Бреславлѣ тотъ пивной кабачекъ, гдѣ вскорѣ послѣ этой процессіи, собрались нѣсколько силезскихъ радикаловъ, между прочимъ извѣстный графъ Рейхенбахъ и товарищи его по университету: гимназическій учитель Штейнъ и бывшій католическій священникъ Іоганъ Ранге. Подъ ихъ диктовку Ранге написалъ открытое письмо, краснорѣчивый протестъ къ епископу трирскому, котораго прозвалъ Тецелемъ XIX вѣка. Такимъ образомъ началась ново-католическая ересь.

Она быстро распространилась по цѣлой Германіи, даже въ Познанскомъ герцогствѣ, и подъ предлогомъ возвращенія древней христіанской коммунистической трапезы, стали открыто проповѣдывать коммунизмъ. Правительство недоумѣвало и не знало, что дѣлать, такъ какъ проповѣдь носила все таки религіозный характеръ и такъ какъ въ самомъ протестантскомъ населеніи образовались свободныя общины, обнаруживавшія также, хотя и скромнѣе, политическое и соціалистическое направленіе.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1847 г. индустріальный кризисъ, обрекшій на голодную смерть десятки тысячъ ткачей, еще сильнѣе возбудилъ интересъ цѣлой Германіи къ соціальнымъ вопросамъ. Хамелеонъ—поэтъ, Гейне, написалъ по этому случаю великолѣпное стихотвореніе „Ткачъ,“ которое пророчило близкую и безпощадную соціальную революцію.

Да, всѣ въ Германіи ждали, если не соціальной то, по крайней мѣрѣ, политической революціи, отъ которой чаяли воскресенія и обновленія великаго германскаго отечества, и въ этомъ всеобщемъ ожиданіи, въ этомъ хорѣ надеждъ и желаній, главная нота была патріотическая и государственная. Нѣмцамъ стало обидно, то ироническое удивленіе, съ которымъ, говоря о нихъ, какъ о народѣ ученомъ, глубокомысленномъ, англичане и французы отрицали въ нихъ всякую практическую способность и всякій смыслъ дѣйствительности. Поэтому всѣ ихъ желанія и требованія были устремлены главнымъ образомъ къ одной цѣли: къ образованію единаго и могучаго пангерманскаго государства въ какой бы формѣ оно ни было, республиканской или монархической, лишь бы это государство было достаточно сильно, чтобы возбудить удивленіе и страхъ во всѣхъ сосѣднихъ народахъ.

Въ 1848 г., вмѣстѣ съ обще-европейскою революціею, наступилъ четвертый періодъ, послѣдній кризисъ германскаго либерализма, кризисъ, окончившійся его совершеннымъ банкротствомъ.

Со времени плачевной побѣды, одержанной въ 1525 г. соединенными силами феодализма, приближавшагося уже видимо къ своему концу и новѣйшихъ государствъ, только что начинавшихъ образоваться въ Германіи, надъ громаднымъ возстаніемъ крестьянъ,—побѣды, обрекшей окончательно всю Германію на продолжительное рабство подъ бюрократическо-государственнымъ игомъ, въ этой странѣ никогда еще не скоплялось столько горючаго матеріала, столько революціонныхъ элементовъ, какъ наканунѣ 1848 г. Неудовольствіе, ожиданіе и желаніе переворота, за исключеніемъ высшей бюрократіи и дворянскаго класса, было всеобщее, и чего не было въ Германіи ни послѣ паденія Наполеона, ни въ двадцатыхъ, ни въ тридцатыхъ годахъ, теперь среди

Библиотека "Руниверс"

самой буржуазіи оказались ни десятки, а многія сотни людей, называвшихъ себя революціонерами и имѣвшихъ право называть себя этимъ именемъ, потому что, не довольствуясь литературнымъ пустоцвѣтомъ и реторическимъ праздноглагольствованіемъ были дѣйствительно готовы положить свою жизнь за свои убѣжденія.

Мы знали много такихъ людей. Они разумѣется не принадлежали къ міру богачей или литературно-ученой буржуазіи. Среди ихъ было чрезвычайно мало адвокатовъ, немного больше медиковъ, и что замѣчательно— почти ни одного студента, за исключеніемъ студентовъ вѣнскаго университета, заявившаго въ 1848 и 1847 годахъ, довольно серьезное революціонное направленіе, вѣроятно потому, что въ отношеніе къ наукѣ стоялъ несравненно ниже всѣхъ германскихъ университетовъ (мы не говоримъ о пражскомъ, такъ какъ это университетъ славянскій).

Огромное большинство учащейся молодежи въ Германіи уже тогда держало сторону реакціи, разумѣется не феодальной, а консервативно-либеральной; оно было поборникомъ государственнаго порядка во что бы то ни стало. Можно себѣ представить, чѣмъ эта молодежь сдѣлалась теперь.

Радикальная партія раздѣлялась на двѣ категоріи. Обѣ образовались подъ прямымъ вліяніемъ французскихъ революціонныхъ идей. Но между ними была огромная разница. Къ первой категоріи принадлежали люди, составлявшіе цвѣтъ ученаго молодого поколѣнія Германіи: доктора разныхъ факультетовъ, медики, адвокаты, а также и не мало чиновниковъ, писатели, журналисты, ораторы; всѣ, разумѣется, глубокомысленные политики, нетерпѣливо ждавшіе революціи, которая должна была открыть широкое поприще для ихъ талантовъ. Едва началась революція, эти люди стали во главѣ всей радикальной партіи и послѣ многихъ ученыхъ эволюцій, истощившихъ ее понапрасну и парализовавшихъ въ ней послѣдніе остатки энергіи, дошли до совершеннаго ничтожества.

Но была другая категорія людей, менѣе блестящихъ и честолюбивыхъ, но за то болѣе искреннихъ и потому несравненно болѣе серьезныхъ, они состояли изъ

Библиотека "Руниверс"

мелкихъ буржуа. Въ ней было много школьныхъ учителей и бѣдныхъ прикащиковъ торговыхъ и индустріальныхъ домовъ. Были разумѣется также и адвокаты, и медики, и профессора, и журналисты, и книгопродавцы, и даже чиновники, но въ самомъ незначительномъ количествѣ. Эти люди были дѣйствительно святыми людьми и самыми серьезными революціонерами въ смыслѣ безграничной преданности и готовности жертвовать собой до конца и безъ фразъ революціонному дѣлу. Нѣтъ сомнѣнія, что будь у нихъ другіе предводители, будь вообще германское общество способно и расположено къ народной революціи, они принесли бы драгоцѣнную пользу.

Но эти люди были революціонерами и готовы были честно служить революціи, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что такое революція и чего должно требовать отъ нея. У нихъ не было да и не могло быть ни коллективнаго инстинкта, ни коллективной воли и мысли. Они были индивидуальными революціонерами безъ всякой почвы подъ ногами, и не находя въ себѣ руководящей мысли, они должны были слѣпо предаться блудному руководству своей старшей, ученой братіи, въ рукахъ которой сдѣлались орудіемъ для обмана сознательнаго или безсознательнаго народныхъ массъ. По личному инстинкту они хотѣли всеобщаго освобожденія, равенства, благоденствія для всѣхъ, а ихъ заставляли работать для торжества пангерманскаго государства.

Въ Германіи существовалъ тогда, какъ и теперь, революціонный элементъ еще болѣе серьезный—это городской пролетаріатъ; онъ доказалъ въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ и во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1848 г. и въ 1849 г. Дрезденѣ, въ Ганноверскомъ королевствѣ и въ Баденскомъ герцогствѣ, что способенъ и готовъ къ возстанію серьезному, лишь только находилъ сколько-нибудь толковое и честное предводительство. Въ Берлинѣ нашелся даже элементъ, которымъ славился до тѣхъ поръ только одинъ Парижъ, это уличный мальчишка —гаменъ, революціонеръ и герой.

Въ то время городской пролетаріатъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ его огромное большинство, находился еще почти совсѣмъ внѣ вліянія пропаганды Маркса и

Библиотека "Руниверс"

внѣ организаціи его коммунистической партіи. Распространена она была главнымъ образомъ въ индустріальныхъ городахъ прусскаго Рейна, особенно въ Кельнѣ. Существовали также вѣтви ея въ Берлинѣ, въ Бреславлѣ и подъ конецъ въ Вѣнѣ, но весьма слабыя. Разумѣется въ германскомъ пролетаріатѣ, какъ и въ пролетаріатѣ другихъ странъ, находились въ зародышѣ, какъ инстиктивный запросъ, всѣ соціалистическія стремленія, которыя, болѣе или менѣе, обнаруживались народными массами рѣшительно во всѣхъ прошедшихъ революціяхъ, не только политическихъ, но даже религіозныхъ. Но огромная разница между такимъ инстинктивнымъ заявленіемъ и сознательнымъ, ясно опредѣленнымъ требованіемъ соціальнаго переворота или соціальныхъ реформъ. Такого требованія въ Германіи ни въ 1848, ни въ 1849 г. рѣшительно не было, хотя извѣстный манифестъ нѣмецкихъ коммунистовъ, сочиненный и написанный г.г. Марксомъ и Энгельсомъ, былъ уже опубликованъ въ мартѣ 1848 года. Онъ пронесся надъ нѣмецкимъ народомъ почти безъ слѣда. Революціонный пролетаріатъ всѣхъ городовъ Германіи былъ непосредственно подчиненъ партіи политическихъ радикаловъ или крайней демократіи, что давало ей огромную силу; но сама, сбитая съ толку буржуазно-патріотическою программою, а также и совершенною несостоятельностью своихъ вожаковъ, буржуазная демократія обманула народъ.

Наконецъ, въ Германіи былъ еще элементъ, котораго нынѣ уже нѣтъ, это революціонное крестьянство или, по крайней мѣрѣ, способное сдѣлаться революціоннымъ. Въ то время, въ большей половинѣ Германіи, существовалъ еще остатокъ стараго крѣпостного права, какъ оно существуетъ еще понынѣ въ двухъ герцогствахъ Мекленбургскихъ. Въ Австріи крѣпостное право преобладало вполнѣ. Было несомнѣнно, что нѣмецкое крестьянство способно и готово къ возстанію. Какъ въ 1830 въ баварскомъ Пфальцѣ, такъ и въ 1848 г. почти въ цѣлой Германіи, едва только стало извѣстнымъ провозглашеніе французской республики, все крестьянство зашевелилось и приняло сначало самое горячее, живое, дѣятельное участіе въ первыхъ выборахъ депутатовъ въ многочисленные революціонные парламенты. Тогда

Библиотека "Руниверс"

нѣмецкіе мужики еще вѣрили, что парламенты смогутъ и захотятъ что-нибудь для нихъ сдѣлать, и посылали въ нихъ своими представителями людей самыхъ отчаянныхъ, самыхъ красныхъ—насколько, разумѣется, нѣмецкій политическій человѣкъ можетъ быть отчаяннымъ и краснымъ. Вскорѣ, увидавъ, что отъ парламентовъ имъ не дождаться никакой пользы, мужики охладѣли; но вначалѣ они были готовы на все, даже на поголовный бунтъ.

Въ 1848, какъ и въ 1830 г., нѣмецкіе либералы и радикалы больше всего боялись этого бунта; его не любятъ даже соціалисты школы Маркса. Всѣмъ извѣстно, что Фердинандъ Лассаль, который, по собственному сознанію, былъ прямымъ ученикомъ этого верховнаго предводителя коммунистической партіи въ Германіи, что не помѣшало однако учителю, по смерти Лассаля, высказать ревнивое и завистливое неудовольствіе противъ блестящаго ученика, оставившаго далеко за собою въ практическомъ отношеніи учителя; всѣмъ извѣстно, говоримъ мы, что Лассаль нѣсколько разъ высказывалъ мысль, что пораженіе крестьянскаго возстанія въ XVI в. и послѣдовавшее за нимъ усиленіе и процвѣтаніе бюрократическаго государства въ Германіи были истиннымъ торжествомъ для революціи.

Для коммунистовъ или соціальныхъ демократовъ Германіи крестьянство, всякое крестьянство, есть реакція; а государство, всякое государство, даже бисмарковское—революція. Пусть не подумаютъ, что мы клевещемъ на нихъ. Въ доказательство того, что они дѣйствительно такъ думаютъ, указываемъ на ихъ рѣчи, брошюры, журнальныя статьи и, наконецъ, на ихъ письма—все это въ свое время будетъ представлено русской публикѣ. Впрочемъ марксисты и думать иначе не могутъ; государственники во что бы то ни стало, они должны проклинать всякую народную революцію, особенно же крестьянскую, по природѣ анархическую и идущую прямо къ уничтоженію государства. Какъ всепоглощающіе пангерманисты, они должны отвергать крестьянскую революцію уже по тому одному, что эта революція спеціально славянская.

И въ этой ненависти къ крестьянскому бунту они самымъ нѣжнымъ и самымъ трогательнымъ образомъ

Библиотека "Руниверс"

сходятся со всѣми слоями и партіями буржуазнаго германскаго общества. Мы уже видѣли, какъ въ 1830 г. достаточно было крестьянамъ баварскаго Пфальца подняться съ косами и вилами противъ господскихъ замковъ, чтобы охладить внезапно революціонный жаръ, пожиравшій тогда южно-германскихъ буршей. Въ 1848 г. повторилось тоже самое, и рѣшительное противодѣйствіе, которое было оказано нѣмецкими радикалами попыткамъ крестьянскаго возстанія въ самомъ началѣ революціи 1848 г., чуть ли не было главною причиною печальнаго исхода этой революціи.

Она началась неслыханнымъ рядомъ народныхъ торжествъ. Въ продолженіи какого нибудь мѣсяца послѣ парижскихъ февральскихъ дней, были сметены съ лица нѣмецкой земли всѣ государственныя правительственныя учрежденія и силы почти безъ всякихъ народныхъ усилій. Едва въ Парижѣ восторжествовала народная революція, какъ обезумѣвшіе отъ страха и отъ презрѣнія къ себѣ правители и правительства стали падать въ Германіи одно за другимъ. Было правда нѣчто въ родѣ военныхъ сопротивленій въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ; но онѣ были такъ ничтожны, что о нихъ и говорить нечего.

Итакъ, революція побѣдила въ Германіи почти безъ всякого кровопролитія. Всѣ оковы разбились, всѣ преграды сломились сами собою. Нѣмецкіе революціонеры могли сдѣлать все. Что же они сдѣлали?

Скажутъ, что не въ одной Германіи, а въ цѣлой Европѣ революція оказалась несостоятельной. Но во всѣхъ другихъ странахъ революція, послѣ долгой, серьезной борьбы была побѣждена иноземными силами: въ Италіи австрійскими войсками, въ Венгріи соединенными русскими и австрійскими; въ Германіи же она была сокрушена собственною несостоятельностью революціонеровъ.

Во Франціи, можетъ быть скажутъ, случилось тоже самое; нѣтъ, во Франціи было совершенно другое. Тамъ поднялся именно въ это время страшный революціонный вопросъ, отбросившій вдругъ всѣхъ буржуазныхъ политиковъ, даже красныхъ революціонеровъ, въ реакцію. Во Франціи въ достопамятные іюньскіе дни вторично встрѣтились буржуазія и пролетаріатъ, какъ

Библиотека "Руниверс"

враги, между которыми примиреніе невозможно. Въ первый разъ они встрѣтились еще въ 1834 году, въ Ліонѣ.

Въ Германіи, какъ мы уже замѣтили, соціальный вопросъ тогда едва начиналъ пробиваться подземными путями въ сознаніе пролетаріата, и хотя тогда упоминалось о немъ, но болѣе теоретически, и какъ о вопросѣ болѣе французскомъ, чѣмъ нѣмецкомъ. Поэтому онъ еще не могъ отдѣлить нѣмецкаго пролетаріата отъ демократовъ, за которыми работники готовы были слѣдовать безъ разсужденій, лишь бы демократы пожелали вести ихъ на битву.

Но именно уличной битвы не хотѣли вожаки и политики демократической партіи Германіи. Они предпочитали безкровныя и безопасныя битвы въ парламентахъ, которые баронъ Ислагишъ, хорватскій банъ и одно изъ орудій габсбурго-австрійской реакціи живописно прозвалъ „Заведеніями для реторическихъ упражненій.“

Парламентовъ и учредительныхъ собраній въ Германіи было тогда безъ счета. Между ними первымъ считалось національное собраніе во Франкфуртѣ, которое должно было создать общую конституцію для цѣлой Германіи. Оно состояло приблизительно изъ 600 депутатовъ, представителей всей германской земли, выбранныхъ прямо народомъ. Были также и депутаты собственно нѣмецкихъ областей австрійской имперіи; славяне же богемскіе и моравскіе отказались послать туда своихъ депутатовъ, къ большему негодованію нѣмецкихъ патріотовъ, никакъ не могущихъ, а главное не хотящихъ понять, что Богемія и Моравія, по крайней мѣрѣ на сколько они населены славянами, вовсе не нѣмецкія земли. Такимъ образомъ во Франкфуртѣ собрался изъ всѣхъ концовъ Германіи цвѣтъ нѣмецкаго патріотизма и либерализма, нѣмецкаго ума и нѣмецкой учености. Всѣ патріоты и революціонеры двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, имѣвшіе счастіе дожить до этого времени, всѣ либеральныя знаменитости сороковыхъ годовъ, встрѣтились въ этомъ верховномъ, обще-германскомъ парламентѣ. И вдругъ къ общему изумленію съ самыхъ первыхъ дней оказалось, что, по крайней мѣрѣ, три четверти депутатовъ, вышедшіе прямо изъ всеобщаго

Библиотека "Руниверс"

народнаго избирательства, реакціонеры! И не только реакціонеры, но политическіе шалуны, очень ученые, но чрезвычайно невинные.

Они не на шутку вообразили, что имъ стоитъ только извлечь изъ ихъ мудрыхъ головъ конституцію для цѣлой Германіи и провозгластить ее во имя народа, чтобы всѣ нѣмецкія правительства тотчасъ подчинились ей. Они повѣрили обѣщаніямъ и клятвамъ нѣмецкихъ государей, какъ будто въ продолженіи болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ, отъ 1815 до 1848 г. не испытали и на самихъ себѣ, и на своихъ товарищахъ, ихъ нахальнаго и систематическаго вѣроломства. Глубокомысленные историки, и юристы не поняли простой истины, объясненіе и подтвержденіе которой они могли бы прочесть на каждой страницѣ исторіи, а именно: чтобы сдѣлать безопасно какую бы то ни было политическую силу, чтобы ее умиротворить, покорить, есть только одно средство — уничтожить ее. Философы не поняли, что противъ политической силы никакихъ другихъ гарантій быть не можетъ, кромѣ совершеннаго уничтоженія, что въ политикѣ, какъ на аренѣ взаимно борющихся силъ и фактовъ, слова, обѣщанія и клятвы ничего не значатъ, уже по тому одному, что всякая политическая сила, пока, остается дѣйствительною силою, даже помимо и противъ воли властей и государей, ею заправляющихъ, по самому существу своему и подъ опасностью самоуничтоженія, должна неуклонно и во чтобы ни стало стремиться къ осуществленію своихъ цѣлей.

Германскія правительства въ мартѣ 1848 г. были деморализированы, запуганы, но далеко не уничтожены. Старая государственная, бюрократическая, юридическая, финансовая, политическая и военная организація осталась неповрежденная. Уступая напору времени они немного распустили удила, но всѣ концы ихъ оставались въ рукахъ государей. Огромнѣйшее большинство чиновниковъ, привыкшихъ къ механическому исполненію, вся полиція, вся армія, были имъ преданы попрежнему, даже пуще прежняго, потому что посреди народной бури, грозившей всему ихъ существованію, только отъ нихъ могли ждать спасенія. Наконецъ, несмотря на повсемѣстное торжество революціи, взиманіе

Библиотека "Руниверс"

и платежъ податей производились съ прежней аккуратностью.

Въ началѣ революціи нѣсколько изолированныхъ голосовъ, правда, требовали, чтобы на всей нѣмецкой землѣ пріостановлены были платежи податей и вообще исполненіе всякихъ повинностей натуральныхъ и денежныхъ, пока не будетъ водворена и не установлена въ ней новая конституція. Но противъ такого предложенія, встрѣтившаго много сомнѣній въ самомъ народѣ, особливо въ крестьянахъ, поднялся грозный, единодушный хоръ порицаній со стороны всего буржуазнаго міра, не только либераловъ, но и самыхъ красныхъ революціонеровъ и радикаловъ. Вѣдь они клонились прямо къ государственному банкротству и къ разрушенію всѣхъ государственныхъ учрежденій, и это въ то самое время, когда всѣ хлопотали о созданіи новаго, еще сильнѣйшаго, единаго и нераздѣльнаго пангерманскаго государства! Помилуйте! Разрушеніе государства! это было бы пожалуй освобожденіемъ и праздникомъ для глупой толпы чернорабочаго люда, но для порядочныхъ людей, для цѣлой буржуазіи, существующей только силой государственности,—бѣда. И такъ какъ франкфуртскому національному собранію, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣмъ радикаламъ Германіи, даже и въ голову не могла прійдти мысль объ уничтоженіи государственной силы, которая находилась въ рукахъ нѣмецкихъ государей, такъ какъ они съ другой стороны не умѣли, да и не хотѣли организовать народную силу, съ нею не совмѣстную, то имъ ничего болѣе не оставалось сдѣлать, какъ утѣшать себя вѣрою въ святость обѣщаній и клятвъ этихъ самыхъ государей.

Людямъ, толкующимъ о спеціальномъ призваніи науки и ученыхъ организовывать общества и управлять государствами, не худо бы было напоминать почаще о траги-комической судьбѣ несчастнаго франкфуртскаго парламента. Если какое либо политическое собраніе заслужило названіе ученаго, то именно этотъ пангерманскій парламентъ, въ которомъ засѣдали знаменитѣйшіе профессора всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ и всѣхъ факультетовъ, особенно же юристы, политико-экономисты и историки.

И вопервыхъ, какъ мы уже замѣтили выше, это

Библиотека "Руниверс"

собраніе въ своемъ большинствѣ оказалось страшно реакціонернымъ, до того, что когда Радовицъ, другъ, постоянный корреспондентъ и вѣрный слуга короля Фридриха Вильгельма IV, бывшій передъ тѣмъ прусскимъ посланникомъ при германскомъ союзѣ, а въ маѣ 1848 г. сдѣлавшійся депутатомъ національнаго собранія— когда Радовицъ предложилъ этому собранію торжественно заявить свою симпатію австрійскимъ войскамъ, этой нѣмецкой арміи, составленной большей частью изъ мадьяръ и хорватовъ и посланной вѣнскимъ кабинетомъ противъ бунтующихъ итальянцевъ, огромное большинство, восхищенное его германо-патріотическою рѣчью, встало и рукоплескало австрійцамъ. Этимъ оно торжественно заявило, во имя цѣлой Германіи, что главная и, можно сказать, едино-серьезная цѣль нѣмецкой революціи было отнюдь не завоеваніе свободы для нѣмецкихъ народовъ, а сооруженіе для нихъ огромной новой патріотической тюрьмы, подъ названіемъ единой и нераздѣльной пангерманской имперіи.

Ту же грубую несправедливость собраніе оказало и въ отношеніи поляковъ познанскаго герцогства, и вообще ко всѣмъ славянамъ. Всѣ эти племена, ненавидящіе нѣмцевъ, должны были быть поглощены пангерманскимъ государствомъ. Того требовало будущее могущество и величіе нѣмецкаго отечества.

Первый внутренній вопросъ, который представился рѣшенію мудраго и патріотическаго собранія былъ: должны ли обще-германскія государства быть республикою или монархіей? И разумѣется вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу монархіи. Въ этомъ однако господъ профессоровъ-депутатовъ и законодателей винить не слѣдуетъ. Разумѣется они, какъ истые, и къ тому же ученые нѣмцы, т. е. какъ сознательно убѣжденные хамы, всею душею стремились къ сохраненію своихъ драгоцѣнныхъ государей. Но если бы они даже и не имѣли такихъ стремленій, то они все таки должны бы были рѣшить въ пользу монархій, потому что, за исключеніемъ немногихъ сотенъ искреннихъ революціонеровъ, о которыхъ мы упоминали выше, того хотѣла вся нѣмецкая буржуазія.

А въ доказательство этого, приведемъ слова почтеннаго патріарха демократической партіи, нынѣ соціалъ-

Библиотека "Руниверс"

демократа, вышесказаннаго кенигсбергскаго патріота, доктора Іоганна Якоби. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1858 году передъ кенигсбергскими избирателями, онъ сказалъ слѣдующее:

„Теперь, господа, я говорю это изъ глубины своего полнѣйшаго убѣжденія, теперь во всей странѣ нашей, во всей демократической партіи, нѣтъ ни одного человѣка, который, я не говорю, стремился бы къ другой государственной формѣ кромѣ монархической, но который только мечталъ бы о ней". Еще далѣе онъ прибавляетъ: „Если какое либо время, то именно 1848 г. показалъ намъ какіе глубокіе корни пустилъ монархическій элементъ въ сердцѣ народа".

Второй вопросъ былъ какую форму будетъ имѣть германская имперія, централизированную или федеральную?—Первая была бы логичною и несравненно сообразнѣе цѣли, образованію единаго, нераздѣльнаго и могучаго германскаго государства. Но для осуществленія ея необходимо бы было лишить власти, престола и выгнать изъ Германіи всѣхъ государей кромѣ одного, т. е. начать и довести до конца множество частныхъ бунтовъ. Это было слишкомъ противно нѣмецкому вѣрноподданству, и потому вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу федеральной монархіи, сообразно старому идеалу—множество среднихъ и маленькихъ государей и столько же парламентовъ, а во главѣ всего этого единый обще-германскій императоръ и парламентъ.

Кто же будетъ императоромъ? Таковъ былъ главный вопросъ. Ясно было, что на это мѣсто возможно было назначить только австрійскаго императора или прусскаго короля. Никого другого ни Австрія, ни Пруссія не потерпѣли бы.

Большинство симпатій въ собраніи было въ пользу австрійскаго императора. На это было много причинъ: вопервыхъ, всѣ непрусскіе нѣмцы ненавидѣли и ненавидятъ Пруссію, какъ въ Италіи ненавидятъ Піемонтъ. Король же Фридрихъ Вильгельмъ IV своимъ взбалмошнымъ, самодурнымъ поведеніемъ передъ революціею и послѣ нея совсѣмъ утратилъ всѣ симпатіи, привѣтствовавшія его при вступленіи на престолъ. Къ тому же вся южная Германія по характеру своего населенія, большею частью католическаго и по историческимъ

Библиотека "Руниверс"

преданіямъ и привычкамъ склонялась рѣшительно въ пользу Австріи.

Но выборъ австрійскаго императора былъ все-таки невозможенъ, потому что австрійская имперія, обуреваемая революціонными движеніями въ Италіи, Венгріи, Богеміи и наконецъ, въ самой Вѣнѣ, находилась на краю гибели, тогда какъ Пруссія была вооруженная и готовая, несмотря на волненія въ улицахъ Берлина, Кенигсберга, Позена, Бреславля и Кельна.

Нѣмцы хотѣли единой, могучей имперіи несравненно сильнѣе, чѣмъ свободы. Всѣмъ ясно было, что только одна Пруссія могла дать Германіи серьезнаго императора. Поэтому, если бы у господъ профессоровъ, составлявшихъ чуть ли не большинство франкфуртскаго парламента, была хоть капля здраваго критическаго смысла, капля энергіи, они должны бы были не задумываясь, не откладывая, а скрѣпя сердце тотчасъ же предложить императорскую корону прусскому королю.

Въ началѣ революціи Фридрихъ Вильгельмъ IV непремѣнно бы ее принялъ. Берлинское возстаніе, побѣда народа надъ войскомъ поразило его въ самое сердце; онъ чувствовалъ себя униженнымъ и искалъ какого бы то ни было средства, чтобы спасти и возстановить свою королевскую честь. Не имѣя другого средства, онъ собственнымъ движеніемъ ухватился за императорскую корону. Уже 21 марта, спустя три дня послѣ своего пораженія въ Берлинѣ, онъ издалъ манифестъ къ нѣмецкой націи, гдѣ объявилъ, что, ради спасенія Германіи, онъ становится во главѣ общаго германскаго отечества. Написавъ этотъ манифестъ собственноручно, онъ сѣлъ на коня и окруженный военною свитою, съ трехцвѣтнымъ пангерманскимъ знаменемъ въ рукѣ проѣхалъ торжественно по улицамъ Берлина.

Но франкфуртскій парламентъ не понялъ или не захотѣлъ понять этого совсѣмъ нетонкаго намека, и вмѣсто того, чтобы прямо и просто провозгласить прусскаго короля императоромъ, они, какъ это дѣлаютъ близорукіе и нерѣшительные люди, прибѣгали къ средней мѣрѣ, которая, ничего не рѣшивъ, была прямымъ оскорбленіемъ прусскаго короля. Господа профессора не поняли, что прежде выбора германскаго императора, они должны были состряпать обще-германскую конституцію,

Библиотека "Руниверс"

а еще прежде должны были формулировать „основныя права нѣмецкаго народа.“

Больше полгода употреблено было учеными законодателями на юридическое опредѣленіе этого права. Практическія же дѣла они передали установленному ими временному правительству, составленному изъ безотвѣтственнаго правителя государства и изъ отвѣтственнаго министерства. Правителемъ выбрали опять таки не прусскаго короля, а въ пику ему эрцгерцога австрійскаго.

Выбравъ его, франкфуртское собраніе требовало, чтобы всѣ союзныя войска присягнули ему. Повиновались только ничтожные войска маленькихъ государей, прусскіе же, ганноверскіе и даже австрійскіе отказались напрямикъ. Такимъ образомъ для всѣхъ стало ясно, что сила, вліяніе, значеніе франкфуртскаго собранія равны нулю, и что судьба Германіи рѣшилась не во Франкфуртѣ, а въ Берлинѣ и Вѣнѣ, особенно въ первомъ, такъ какъ вторая была слишкомъ озабочена своими собственными, исключительно австрійскими и далеко не нѣмецкими дѣлами, чтобы имѣть время заниматься дѣлами Германіи.

Что же дѣлала въ это время радикальная или такъ называемая революціонная партія? Большинство непрусскихъ членовъ ея находилось во франкфуртскомъ парламентѣ и составляло меньшинство. Остальные были въ частныхъ парламентахъ и также парализированы, во-первыхъ потому, что вліяніе этихъ парламентовъ на общій ходъ дѣлъ Германіи, по самой ничтожности ихъ, было необходимо ничтожно, а вовторыхъ потому, что даже парламентство въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Франкфуртѣ было смѣшно и пустословно.

Прусское конституціонное собраніе, открывшееся въ Берлинѣ 22 мая 1848 г. и заключавшее почти весь цвѣтъ радикализма ясно доказало это. Въ немъ произносились самыя пламенныя, самыя краснорѣчивыя и даже революціонныя рѣчи, но дѣла не дѣлалось никакого. Съ первыхъ засѣданій оно отвергло проэктъ конституціи, представленный правительствомъ, и подобно франкфуртскому собранію, употребило нѣсколько мѣсяцевъ на обсужденіе своего проэкта, причемъ радикалы заявляли въ перегонку, на удивленіе всему народу свою революціонность.

Библиотека "Руниверс"

Вся революціонная неспособность, чтобы не сказать непроходимая глупость, нѣмецкихъ демократовъ и революціонеровъ вышла наружу. Прусскіе радикалы совершенно ушли въ парламентскую игру и потеряли смыслъ для всего остального. Они серьезно повѣрили въ силу перламентскихъ рѣшеній, и самые умные между ними думали что побѣды, одерживаемыя ими въ парламентскихъ преніяхъ, рѣшаютъ судьбы Пруссіи и Германіи.

Они задали себѣ неразрѣшимую задачу: примиреніе демократическаго самоуправленія и равноправія съ монархическими учрежденіями. Въ доказательство приведемъ рѣчь, произнесенную въ іюнѣ 1848 г. однимъ изъ главныхъ вожаковъ этой партіи, докторомъ Іоганномъ Якоби передъ своими избирателями въ Берлинѣ, и ясно представляющую всю демократическую програму:

„Идея республики есть высшее и чистѣйшее выраженіе гражданскаго самоуправленія и равноправія. Но возможно ли осуществленіе республиканской формы правленія при условіяхъ данныхъ дѣйствительностью въ извѣстное время и въ извѣстной странѣ, это другой вопросъ. Только всеобщая, единодушная воля гражданъ можетъ рѣшить его. Безумно бы поступило всякое отдѣльное лицо, если бы оно осмѣлилось взять на себя отвѣтственность за такое рѣшеніе. Безумна и даже преступна была бы партія, которая бы вздумала навязать народу эту форму правленія. Не только сегодня, но въ мартѣ на предварительномъ собраніи во Франкфуртѣ, я говорилъ тоже самое баденскимъ депутатамъ, и старался отговорить ихъ, хотя увы! и тщетно, отъ республиканскаго возстанія. Въ цѣлой Германіи—исключая одного Бадена—самая революція остановилась почтительно передъ непоколебленными тронами, и доказала этимъ, что хотя она и можетъ положить предѣлъ произволу своихъ государей, но отнюдь не намѣрена прогнать ихъ. Мы должны покориться общественной волѣ, и потому конституціонно-монархическая форма правленія, есть та единая почва, на которой мы обязаны сооружить новое политическое зданіе.“

Итакъ, новое устройство монархіи на демократическихъ основаніяхъ, вотъ трудная, прямо невозможная задача, разрѣшеніе которой задали себѣ глубокомыслен-

Библиотека "Руниверс"

ные, но зато чрезвычайно мало революціоные радикалы и красные демократы прусской конституанты, и чѣмъ болѣе они углублялись въ нее, придумывая новыя конституціонныя цѣпи, въ которыя намѣревались заковать не только народную волю, но и монаршій произволъ своего обожаемаго, полусумашедшаго государя, тѣмъ болѣе они удалялись отъ настоящаго дѣла.

Какъ ни огромна была ихъ практическая близорукость, она не могла простираться до того, что-бы не видѣть какъ монархія, хотя и побѣжденная въ мартовскіе дни, но не уничтоженная, явно конспирировала и собирала вокругъ себя весь старый реакціонно-аристократическій, военный, полицейскій и бюрократическій міръ, выжидая удобнаго случая для разогнанія демократовъ и захвата власти, по прежнему безграничной. Та же рѣчь доктора Якоби доказываетъ, что прусскіе радикалы это хорошо видѣли. „Не будемъ себя обманывать, сказалъ онъ, абсолютизмъ и юнкерство *) отнюдь не изчезли и не перевелись, они едва считаютъ нужнымъ и даютъ себѣ трудъ притворяться мертвыми. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть стремленіе реакціи...“

Итакъ прусскіе радикалы довольно ясно видѣли, грозившую имъ опасность. Что же они сдѣлали для предупрежденія ея? Монархически-феодальная реакція была не теорія, а сила, страшная сила, имѣвшая за собою всю армію, горѣвшую нетерпѣніемъ смыть съ себя срамъ мартовскаго пораженія и возстановить омраченную и оскорбленную королевскую власть въ народной крови, всю бюрократію, весь государственный организмъ, располагавшій огромными финансовыми средствами. Неужели же радикалы думали, что они въ состояніи связать эту грозную силу новыми законами и конституціей, т. е. чисто бумажными средствами?

Да, они были бы довольно практичны и мудры, чтобы питать такіе надежды. Иначе чѣмъ объяснить, что они, вмѣсто принятія ряда практическихъ и дѣйствительныхъ мѣръ противъ висѣвшей надъ ними грозы, про-

*) Такъ называютъ въ Пруссіи дворянское направленіе и военно-дворянскую партію. Слово юнкеръ употребляется въ смыслѣ дворянина.

Библиотека "Руниверс"

вели цѣлые мѣсяцы въ толкахъ о новой конституціи и о новыхъ законахъ, долженствовавшихъ подчинить всю государственную силу и власть парламенту? Они до того вѣрили въ дѣйствительность своихъ парламентскихъ преній и законоположеній, что пренебрегли единственнымъ средствомъ, чтобы противоположить силѣ государственно-реакціонной--силу революціонно-народную, путемъ организаціи послѣдней.

Неслыханно-легкое торжество народныхъ возстаній надъ войскомъ почти во всѣхъ столицахъ Европы, ознаменовавшей начало революціи 1848 г., было вредно для революціонеровъ не только Германіи, но и всѣхъ другихъ странъ, потому что оно возбудило въ нихъ глупую увѣренность, что малѣйшей народной демонстраціи достаточно, чтобы сломить всякое военное сопротивленіе. Вслѣдствіе такого убѣжденія прусскіе и вообще германскіе демократы и революціонеры, думая, что отъ нихъ всегда будетъ зависѣть напугать правительство народнымъ движеніемъ, если оно окажется нужнымъ, не видѣли никакой необходимости ни въ организаціи, ни въ направленіи, не говоря уже объ умноженіи революціонныхъ страстей и силъ въ народѣ.

Напротивъ, какъ подобаетъ добрымъ буржуа, самые революціонные между ними боялись этихъ страстей и этой силы, всегда были готовы принять противъ нихъ сторону государственнаго и буржуазно-общественнаго порядка, и вообще думали, что чѣмъ рѣже будутъ прибѣгать къ опасному средству народнаго бунта, тѣмъ лучше.

Такимъ образомъ оффиціальные революціонеры Германіи и Пруссіи пренебрегли единственнымъ находящимся у нихъ средствомъ для одержанія окончательной и дѣйствительной побѣды надъ вновь возникавшей реакціей. Они не только не думали объ организаціи народной революціи, напротивъ, старались вездѣ умиротворить и успокоить ее, и этимъ самымъ ломали единственное серьезное оружіе, которымъ они обладали.

Іюньскіе дни, побѣда военнаго диктатора и республиканскаго генерала Кавеньяка надъ парижскимъ пролетаріатомъ, должны были бы открыть глаза демократамъ Германіи. Іюньская катастрофа была не только несчастіемъ для парижскихъ работниковъ, но первымъ и,

Библиотека "Руниверс"

можно сказать, рѣшительнымъ пораженіемъ для революціи въ Европѣ. Реакціонеры всѣхъ странъ скорѣе и лучше поняли трагическое и столь выгодное для нихъ значеніе іюньскихъ дней, чѣмъ революціонеры, и въ особенности, нѣмецкіе.

Нужно было видѣть какой восторгъ возбудило первое извѣстіе о нихъ во всѣхъ реакціонныхъ кругахъ; оно было принято, какъ вѣсть о спасеніи. Руководимые совершенно вѣрнымъ инстинктомъ, они увидѣли въ торжествѣ Кавеньяка не только побѣду французской реакціи надъ революціей французской, но побѣду всемірной или интернаціональной реакціи надъ международною революціей. Военные люди, штабы всѣхъ странъ привѣтствовали ее какъ интернаціональное искупленіе военной чести. Извѣстно, офицеры прусскихъ, австрійскихъ, саксонскихъ, ганноверскихъ, баварскихъ и другихъ нѣмецкихъ войскъ тотчасъ же послали генералу Кавеньяку, временному правителю французской республики, поздравительный адресъ, разумѣется съ разрѣшенія начальства и съ одобренія своихъ государей.

Побѣда Кавеньяка имѣла въ самомъ дѣлѣ громадное историческое значеніе. Съ нее начинается новая эпоха въ интернаціональной борьбѣ реакціи съ революціей. Возстаніе парижскихъ работниковъ, продолжавшееся четыре дня, отъ 23 до 26 іюня, превзошло своею дикою энергіей и ожесточеніемъ всѣ народные бунты, которыхъ Парижъ когда либо былъ свидѣтелемъ. Съ него собственно началась соціальная революція, которой онъ былъ первымъ актомъ, а послѣднее, еще болѣе отчаянное сопротивленіе парижской коммуны, вторымъ.

Въ іюньскихъ возстаніяхъ въ первый разъ встрѣтилась, безъ масокъ, лицомъ къ лицу, дикая народная сила, борющаяся уже не за другихъ, а собственно за себя, никѣмъ не руководимая, подымающаяся собственнымъ движеніемъ для защиты своихъ священнѣйшихъ интересовъ, и дикая военная сила, необузданная никакими соображеніями уваженія къ требованіямъ цивилизаціи и человѣчности, общественной учтивости и гражданскаго права и въ опьяненіи дикой борьбы, безпощадно все жгущая, рѣжущая и уничтожающая.

Во всѣхъ предшествовавшихъ революціяхъ, въ борьбѣ

Библиотека "Руниверс"

противъ народа, встрѣчая противъ себя не только народныя массы, но и почтенныхъ гражданъ, стоящихъ въ ихъ главѣ, университетское и политехническое юношество и наконецъ, національную гвардію большею частью состоящую изъ буржуа, войска какъ то скоро деморализировались и прежде чѣмъ были дѣйствительно разбиты, уступали и отступали или братались съ народомъ. Въ самомъ пылу битвы, между борящимися сторонами существовалъ и соблюдался родъ договора, непозволявшаго самымъ ярымъ страстямъ преступить извѣстныя границы, точно какъ будто обѣ стороны, по общему условію дрались тупымъ оружіемъ. Ни со стороны народа, ни со стороны войска, никому въ голову не приходило, что можно безнаказанно разрушать дома, улицы или рѣзать десятки тысячъ безоружныхъ людей. Была общая фраза, безпрестанно повторяемая консервативною партіею, когда она отстаивала какую нибудь реакціонную мѣру и хотѣла усыпить недовѣріе противной партіи: „Власть, которая для одержанія побѣды надъ народомъ, вздумала бы бомбардировать Парижъ, стала бы тотчасъ же невозможною“ *).

Такое ограниченіе въ употребленіи военной силы было чрезвычайно выгодно для революціи, и объясняетъ почему прежде народъ большей частью выходилъ побѣдителемъ. Вотъ этимъ то легкимъ побѣдамъ народа надъ войскомъ, генералъ Кавеньякъ захотѣлъ положить конецъ.

Когда его спросили, зачѣмъ онъ повелъ аттаку большою массою, такъ что непремѣнно долженъ былъ истребить огромное количество инсургентовъ, онъ отвѣчалъ: „я не хотѣлъ, чтобы военное знамя было во второй разъ обезчещено народною побѣдою.“ Руководимый этою, чисто военною, но за то совершенно противонародною мыслью, онъ первый возымѣлъ смѣлость употребить пушки для разрушенія домовъ и цѣлыхъ улицъ, занятыхъ инсургентами. Наконецъ, на другой, третій и четвертый день послѣ побѣды, несмотря на всѣ свои

*) Эти слова были сказаны въ палатѣ депутатовъ Тьеромъ, въ 1840 г., когда будучи министромъ Людовика Филиппа, онъ внесъ въ палату проэктъ о фортификаціи Парижа. Тридцать одинъ годъ спустя, Тьеръ, президентъ французской республики, бомбардировалъ Парижъ для усмиренія Коммуны.

Библиотека "Руниверс"

трогательныя прокламаціи къ заблудшимъ братьямъ, которымъ онъ открывалъ свои братскія объятія, онъ допустилъ, чтобы войска, вмѣстѣ съ разъяренною національною гвардіей, въ продолженіе трехъ дней сряду, вырѣзали и разстрѣляли безъ всякаго суда около десяти тысячъ инсургентовъ, между которыми попалось разумѣется много невинныхъ.

Все это было сдѣлано съ двойною цѣлью: омыть кровью бунтующихъ военную честь (!) и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у пролетаріата охоту къ революціоннымъ движеніямъ, внушивъ ему должное уваженіе къ превосходству военной силы и ужасъ передъ ея безпощадностью.

Этой послѣдней цѣли Кавеньякъ не достигъ. Мы видѣли что іюньскій урокъ не помѣшалъ пролетаріату Парижской Коммуны встать въ свою очередь и, мы надѣемся, что даже новый, еще несравненно болѣе жестокій урокъ, данный Коммунѣ, не остановитъ и даже не задержитъ соціальной революціи, напротивъ, удесятеритъ энергію и страсть ея приверженцевъ и этимъ приблизитъ день ея торжества.

Но если Кавеньяку не удалось убить соціальную революцію, онъ достигъ другой цѣли: убилъ окончательно либерализмъ и буржуазную революціонность, убилъ республику и на развалинахъ ея основалъ военную диктатуру.

Освободивъ военную силу отъ оковъ, наложенныхъ на нее буржуазною цивилизаціей, возвративъ ей полноту ея естественной дикости и право, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, давать полную волю этой безчеловѣчной и безпощадной дикости, онъ сдѣлалъ отнынѣ невозможнымъ всякое буржуазное сопротивленіе. Съ тѣхъ поръ какъ безпощадность и всеразрушеніе стало паролемъ военнаго дѣйствія, старая, классическая, невинная буржуазная революція, посредствомъ уличныхъ баррикадъ, стала дѣтскою игрою. Чтобы съ успѣхомъ бороться противъ военной силы, отнынѣ не уважающей ничего и, притомъ, вооруженной самыми страшными орудіями разрушенія и готовой всегда воспользоваться ими для уничтоженія не только домовъ и улицъ, но цѣлыхъ городовъ со всѣми ихъ жителями, чтобы бороться противъ такого дикаго звѣря, надо имѣть дру-

Библиотека "Руниверс"

гого не менѣе дикаго, но болѣе праваго звѣря: всенародный организованный бунтъ, соціальную революцію, которая, также какъ и военная реакція, ничего не пожалѣетъ и не остановится ни передъ чѣмъ.

Кавеньякъ, оказавшій такую драгоцѣнную услугу французской и вообще интернаціональной реакціи, былъ однако самымъ искреннимъ республиканцемъ. Не замѣчательно ли, что республиканцу было суждено положить первое основаніе военной диктатуры въ Европѣ, быть прямомъ предшественникомъ Наполеона III и германскаго императора; точно также какъ другому республиканцу, его знаменитому предшественнику, Робеспьеру, суждено было приготовить государственный деспотизмъ, олицетворившійся въ Наполеонѣ I. Не доказываетъ ли это, что всепоглощающая и всеподавляющая военная дисциплина—идеалъ пангерманской имперіи – есть необходимое послѣднее слово буржуазной государственной централизаціи, буржуазной республики и вообще буржуазной цивилизаціи.

Какъ бы то ни было, нѣмецкіе офицеры, дворяне, бюрократы, правители и государи страшно возлюбили Кавеньяка и, возбужденные его счастливымъ успѣхомъ, видимымъ образомъ ободрились и стали уже готовиться къ новой битвѣ.

Что же дѣлали нѣмецкіе демократы? Поняли ли они, какая имъ грозила опасность, и что для предовращенія ея у нихъ оставались только два единыя средства: возбужденіе революціонной страсти въ народѣ и организація народной силы? Нѣтъ, не поняли. Напротивъ, они, какъ будто нарочно, еще болѣе углубились въ парламентскія пренія и, повернувшись къ народу спиною, предоставили его вліянію всевозможныхъ агентовъ реакціи.

Мудрено ли что народъ къ нимъ охладѣлъ совершенно, потерялъ къ нимъ и къ ихъ дѣлу всякое довѣріе, такъ что въ ноябрѣ, когда прусскій король вернулъ свою гвардію въ Берлинъ, назначилъ первымъ министромъ генерала Бранденбурга съ явною цѣлью полнѣйшей реакціи, декретировалъ распущеніе конституанты и даровалъ Пруссіи свою собственную конституцію, разумѣется совершенно реакціонерную, тѣ же самые берлинскіе работники, которые въ мартѣ такъ еди-

Библиотека "Руниверс"

нодушно встали и такъ храбро дрались, что принудили гвардію удалиться изъ Берлина, теперь не пошевилились, даже не пикнули и равнодушно смотрѣли какъ:

„Демократовъ гнали солдаты.“

Этимъ собственно кончилась въ дѣйствительности траги-комедія германской революціи. Еще прежде, а именно въ октябрѣ, князь Виндишгрецъ возстановилъ порядокъ въ Вѣнѣ, правда, не безъ значительнаго кровопролитія,—вообще австрійскіе революціонеры оказались революціонернѣе прусскихъ.

Что же дѣлало въ это время національное собраніе во Франкфуртѣ? Въ концѣ 1848 г. оно вотировало, наконецъ, основныя права и новую пангерманскую конституцію и предложило прусскому королю императорскую корону. Но правительства австрійское, прусское, баварское, ганноверское и саксонское отвергли основные правя и новоиспеченную конституцію, а прусскій король отказался принять императорскую корону, и затѣмъ отозвалъ своихъ депутатовъ.

Реакція торжествовала въ цѣлой Германіи. Революціонная партія, взявшись поздно за умъ, рѣшилась организовать всеобщее возстаніе къ веснѣ 1849 г. Въ маѣ, потухающая революція бросила послѣднее пламя въ Саксонію, въ баварскій Пфальцъ и въ Баденъ. Это пламя было вездѣ затушено прусскими солдатами, возстановившими, послѣ недолгой борьбы, впрочемъ достаточно кровопролитной, старый порядокъ въ цѣлой Германіи, причемъ принцъ прусскій, нынѣшній императоръ и король Вильгельмъ I, командовавшій войсками въ Баденѣ, не пропустилъ случая повѣсить нѣсколькихъ бунтовщиковъ.

Таковъ былъ печальный конецъ единственной и надолго послѣдней нѣмецкой революціи. Теперь спрашивается, что было главной причиной ея неудачи?

Помимо политической неопытности и практической неумѣлости, нерѣдко присущей ученымъ, помимо положительнаго отсутствія революціонной смѣлости и кореннаго отвращенія нѣмцевъ къ раволюціоннымъ мѣрамъ и дѣйствіямъ и страстной любви къ подчиненію себя власти; наконецъ, помимо значительнаго недостатка инстинкта, страсти и смысла свободы, главною причиною неудачи было общее стремленіе всѣхъ нѣ-

Библиотека "Руниверс"

мецкихъ патріотовъ къ образованію пангерманскаго государства.

Это стремленіе, вытекающее изъ глубины нѣмецкой природы, дѣлаетъ нѣмцевъ рѣшительно неспособными къ революціи. Общество, желающее основать сильное государство, непремѣнно хочетъ подчинить себя власти; революціонное общество, напротивъ, хочетъ сбросить съ себя власть. Какъ же примирить эти два противоположныя и взаимно исключающія требованія? Они непремѣнно должны парализировать другъ-друга, какъ и случилось съ нѣмцами, которые въ 1848 г. не достигли ни свободы, ни сильнаго государства, напротивъ потерпѣли страшное пораженіе.

Оба стремленія такъ противорѣчивы, что въ дѣйствительности въ одно и тоже время не могутъ встрѣтиться въ одномъ и томъ же народѣ. Одно должно быть непремѣнно призрачнымъ стремленіемъ, скрывающимъ за собою настоящее, какъ это и было въ 1848 г. Мнимое стремленіе къ свободѣ было самообольщеніе, обманъ; стремленіе же къ основанію пангерманскаго государства было весьма серьезно. Это несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ко всему образованному нѣмецкому обществу, не исключая огромнѣйшаго большинства самыхъ красныхъ демократовъ и радикаловъ. Можно думать, догадываться, надѣяться, что въ нѣмецкомъ пролетаріатѣ живетъ противосоціальный инстинктъ, который быть можетъ его сдѣлаетъ способнымъ къ завоеванію свободы, потому что онъ несетъ то же экономическое ярмо и которое также ненавидитъ, какъ и пролетаріатъ другихъ странъ, и потому, что ни ему, ни другимъ нѣтъ возможности освободиться отъ экономическаго рабства, не разрушивъ много-вѣковую тюрьму, называемую государствомъ. Возможно только предполагать и надѣяться, ибо фактическихъ доказательствъ на это нѣтъ, напротивъ, мы видѣли, что не только въ 1848 г. но и въ настоящее время нѣмецкіе работники слѣпо повинуются своимъ предводителямъ; тогда какъ предводители, организаторы соціально-демократической партіи нѣмецкихъ работниковъ ведутъ ихъ не къ свободѣ и не къ интернаціональному братству, а прямо подъ ярмо пангерманскаго государства.

Въ 1848 г. нѣмецкіе радикалы, какъ мы замѣтили вы-

Библиотека "Руниверс"

ше, нашлись въ печальной траги-комической необходимости бунтовать противъ государственной власти, чтобы заставить ее сдѣлаться сильнѣе и шире. Значитъ они не только не хотѣли ее разрушить, напротивъ, самымъ нѣжнымъ образомъ пеклись о ея сохраненіи въ то время, какъ боролись противъ нее. Значитъ вся дѣйствительность ихъ была разбита и парализирована въ своемъ существѣ. Дѣйствія власти не представляли такого противорѣчія. Она, нисколько не задумываясь, хотѣла задушить, во что бы то ни стало, своихъ странныхъ непрошеныхъ и безпокойныхъ друзей, демократовъ. Что радикалы думали не о свободѣ, а о созданіи имперіи, достаточно привести тотъ фактъ, что франкфуртское собраніе, въ которомъ уже торжествовали демократы, предложило императорскую корону Фридриху Вильгельму IV, 28 марта 1846 г., т. е. когда Фридрихъ совсѣмъ уничтожилъ всѣ такъ-называемыя революціонныя пріобрѣтенія или народныя права, разогналъ конституанту, избранную прямо народомъ и далъ самую реакціонную, самую презрѣнную конституцію, когда онъ, полный гнѣва за претерпѣнныя имъ и короною оскорбленія, травилъ ненавистныхъ ему демократовъ полицейскими солдатами.

Не могли же они быть до такой степени слѣпы, чтобы требовать отъ такого государя свободы! Чего же они надѣялись и ожидали? Пангерманскаго государства!

Король и этого не былъ въ состояніи имъ дать. Феодальная партія, восторжествовавшая вмѣстѣ съ нимъ и снова захватившая государственную власть, крайне враждебно относилась къ идеѣ единства. Она ненавидѣла германскій патріотизмъ, какъ крамольный, и знала только свой прусскій патріотизмъ. Все войско, всѣ офицеры и всѣ кадеты въ военныхъ школахъ пѣли тогда съ неистовствомъ, извѣстную прусско-патріотическую пѣснь:

„Я пруссакъ, знаешь ли мое знамя“.

Фридриху хотѣлось быть императоромъ, но онъ боялся своихъ, боялся Австріи, Франціи, а главнымъ образомъ императора Николая. Въ отвѣтъ польской депутаціи, приходившей требовать свободы для познанскаго герцогства въ мартѣ 1848 г., онъ сказалъ: „я не могу со-

Библиотека "Руниверс"

гласиться на вашу просьбу, потому что это было бы противно желанію моего зятя, императора Николая, который настоящій великій человѣкъ! Когда онъ говоритъ—да, то и бываетъ да, когда говоритъ нѣтъ, то-нѣтъ".

Король зналъ, что Николай никогда не согласится на императорскую корону, поэтому и особенно поэтому онъ на отрѣзъ отказался принять ее отъ франкфуртской депутаціи.

А между тѣмъ ему необходимо было что-нибудь сдѣлать, въ смыслѣ германскаго единства и прусской гегемоніи, хотя только для того, чтобы выручить свою честь, компрометированную его мартовскимъ манифестомъ. Для этого Фридрихъ, пользуясь лаврами, пожатыми прусскими войсками, при усмиреніи демократовъ Германіи, и внутренними затрудненіями Австріи, недовольной его успѣхами въ Германіи, сдѣлалъ попытку основать союзъ въ маѣ 1849 г. между Пруссіей, Саксоніей и Ганноверомъ, клонившійся къ сосредоточиванію въ рукахъ первой всѣхъ дипломатическихъ и военныхъ дѣлъ, но союзъ продолжался не долго. Лишь только Австрія съ помощію русскаго войска усмирила Венгрію (въ сентябрѣ 1849 г.), какъ Шварценбергъ грозно потребовалъ отъ Пруссіи, чтобы все въ Германіи было возвращено къ старому до мартовскому порядку, словомъ, чтобы былъ возстановленъ германскій союзъ столь удобный для преобладанія Австріи. Саксонія и Ганноверъ тотчасъ же отстали отъ Пруссіи и присоединились къ Австріи; Баварія послѣдовала ихъ примѣру; а воинственный вюртенбергскій король объявилъ во всеуслышаніе что „куда ему прикажетъ итти съ своимъ войскомъ австрійскій императоръ, туда онъ и пойдетъ".

Такимъ образомъ несчастная Пруссія очутилась въ полнѣйшемъ уединеніи. Что было ей дѣлать? Согласиться на требованіе Австріи казалось для тщеславнаго, но слабаго короля невозможнымъ; поэтому онъ назначилъ своего друга, генерала Радовица, первымъ министромъ и приказалъ своимъ войскамъ двинуться. Чуть было не дошло до драки. Но императоръ Николай крикнулъ нѣмцамъ „остановитесь!" прискакалъ въ Ольмюцъ (ноябрь 1850 г.) на конференцію и произнесъ при-

Библиотека "Руниверс"

говоръ. Униженный король покорился, Австрія торжествовала, и, въ прежнемъ союзномъ дворцѣ во Франкфуртѣ (въ маѣ 1851 г.), послѣ трехлѣтняго затменія, открылся вновь германскій союзъ.

Революціи какъ бы не было. Единственный слѣдъ ея —ужасная реакція, долженствующая служитъ спасительнымъ урокомъ нѣмцамъ: кто хочетъ не свободы, а государства, тотъ не долженъ играть въ революцію.

Кризисомъ 1848 и 1849 г. кончается собственно исторія германскаго либерализма. Онъ доказалъ нѣмцамъ, что они не только не въ состояніи завоевать свободы, но даже и не хотятъ ея; доказалъ, кромѣ того, что безъ иниціативы прусской монархіи они не въ состояніи достигнуть даже своей настоящей и серьезной цѣли, не въ силахъ создать единаго и могучаго государства. Послѣдовавшая реакція отличается отъ таковой 1812 и 1813 г. тѣмъ, что, не смотря на всю горечь и тягость послѣдней, нѣмцы посреди ея сохранили и могли сохранить заблужденіе, что они любятъ свободу и что, если бы имъ не помѣшала сила соединенныхъ правительствъ, далеко превосходившая ихъ крамольную силу, они съумѣли бы создать вольную и единую Германію. Теперь такое утѣшительное самообольщеніе невозможно. Въ продолженіи первыхъ мѣсяцевъ революціи рѣшительно не существовало такой правительственной силы въ Германіи, которая могла бы имъ воспротивиться, если бы они хотѣли что либо сдѣлать, впослѣдствіи же они, болѣе чѣмъ кто другой, способствовали возстановленію такой силы. Значитъ нулевой результатъ революціи произошелъ не отъ внѣшнихъ препятствій, а только отъ собственной несостоятельности нѣмецкихъ либераловъ и патріотовъ.

Чувство этой несостоятельности стало какъ бы основаніемъ политической жизни и руководителемъ новаго общественнаго мнѣнія Германіи. Нѣмцы, повидимому, измѣнились и стали практическими людьми. Отказавшись отъ широкихъ абстрактныхъ идей, составлявшихъ все міровое значеніе ихъ классической литературы, отъ Лессинга до Гете и отъ Канта до Гегеля всключительно; отказавшись и отъ французскаго либерализма, демократизма и республиканизма, они стали отнынѣ искать

Библиотека "Руниверс"

исполненія германскихъ судебъ въ завоевательной политикѣ Пруссіи.

Надо прибавить къ ихъ чести, что обращеніе совершилось не вдругъ. Послѣдніе двадцать четыре года, отъ 1849 г. по настоящее время, которые для краткости включили мы въ одинъ пятый періодъ, должны быть раздѣлены по настоящему на четыре періода:

Періодъ безнадежнаго покоренія, отъ 1849 до 1858 г., т. е. до начала регенства въ Пруссіи.

Періодъ отъ 1858 до 1866 г., періодъ послѣдней предсмертной борьбы издыхающаго либерализма противъ прусскаго абсолютизма.

Періодъ отъ 1866 до 1870 г., капитуляція побѣжденнаго либерализма.

Періодъ отъ 1870 г. до настоящаго времени, торжество побѣдоноснаго рабства.

Въ пятомъ періодѣ внутреннее и внѣшнее униженіе Германіи дошло до крайней степени. Внутри молчаніе рабовъ: въ южной Германіи австрійскій министръ, наслѣдникъ Меттерниха, командовалъ безусловно; въ сѣверной Мантейфель, унизившій прусскую монархію донельзя на конференціи въ Ольмюцѣ (1850) въ угоду Австріи и къ вящшему удовольствію прусской придворной, дворянской и военно бюрократической партіи, травилъ уцѣлѣвшихъ демократовъ. Значитъ въ отношеніи къ свободѣ нуль, а въ отношеніи къ внѣшнему достоинству, вѣсу, значенію Германіи, какъ государства, еще менѣе нуля. Шлезвигъ-гольштинскій вопросъ, въ которомъ нѣмцы всѣхъ странъ и всѣхъ партій, кромѣ придворной, военной, бюрократической и дворянской, съ самого 1847 г. не переставали заявлять самыя буйныя страсти, благодаря прусскому вмѣшательству, былъ порѣшенъ окончательно въ пользу Даніи. Во всѣхъ другихъ вопросахъ голосъ соединенной Германіи, вѣрнѣе разъединенной германскимъ союзомъ, даже не принимался въ соображеніе другими державами. Пруссія, болѣе чѣмъ когда нибудь, стала рабою Россіи. Несчастный Фридрихъ, прежде ненавидѣвшій Николая, теперь только имъ и клялся. Преданность интересамъ петербургскаго двора простиралась до того, что прусскій военный министръ и прусскій посланникъ при англій-

Библиотека "Руниверс"

скомъ дворѣ, другъ короля, были смѣнены оба за выраженіе симпатіи къ западнымъ державамъ.

Извѣстна исторія „неблагодарности“ князя Шварценберга и Австріи, такъ глубоко поразившая и оскорбившая Николая. Австрія, по своимъ интересамъ на востокѣ естественный врагъ Россіи, открыто приняла сторону Англіи и Франціи противъ нее, Пруссія же къ великому негодованію цѣлой Германіи оставалась вѣрна до конца.

Шестой періодъ начинается регенствомъ нынѣшняго короля императора Вильгельма I. Фридрихъ окончательно сошелъ сума и его братъ, Вильгельмъ, ненавистный для цѣлой Германіи подъ именемъ прусскаго принца, въ 1858 г. сдѣлался регентомъ, а въ январѣ 1861 г., по смерти старшаго брата, королемъ Пруссіи. Замѣчательно, у этаго короля—фельдфебеля и пресловутаго вѣшателя демократовъ былъ также свой медовый мѣсяцъ народо-угодливаго либерализма. Вступая въ регенство, онъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ твердое намѣреніе поднять Пруссію, а чрезъ нее и всю Германію на подобающую высоту, уважая при этомъ границы, положенныя конституціоннымъ актомъ королевской власти*) и опираясь всегда на народныя стремленія, выражаемыя парламентомъ.

---

*) Это уваженіе, казалось, должно бы быть ему тѣмъ легче, что октроированная, т. е. королевскою милостью дарованная конституція собственно ни въ чемъ не ограничивала королевской власти, исключая одного пункта—права заключать новыя займы или декретировать новые налоги безъ согласія представительства; для взиманія налоговъ, уже разъ получившихъ парламентское согласіе, не требовалось новой парламентской вотировки, ибо парламентъ лишенъ права ихъ отмѣнять Это именно нововведеніе и превратило весь германскій конституціонализмъ и парламентаризмъ въ совершенно пустую игру. Въ другихъ странахъ, въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Швеціи, Даніи, Голландіи и т. д. парламенты, сохраняя существенное и единственное дѣйствительное право отказывать правительству въ податяхъ, могутъ, если захотятъ, слѣдать всякое правительство невозможнымъ, вслѣдствіи чего получаютъ значительный вѣсъ въ дѣлахъ управленія. Октроированая конституція, отнявъ это право у прусскаго парламента, предоставила ему право отказа въ установленіи новыхъ налоговъ и въ заключеніи новыхъ займовъ. Но мы сейчасъ увидимъ какъ, спустя три года послѣ обѣщанія свято блюсти права парламента, Вильгельмъ I нашелъ себя вынужденнымъ нарушить его.

Библиотека "Руниверс"

Сообразно такому обѣщанію, первымъ дѣломъ его управленія было распущеніе министерства Мантейфеля, одного изъ самыхъ реакціонныхъ, когда либо управлявшихъ Пруссіею и бывшимъ какъ бы олицетвореніемъ ея политическаго пораженія и уничтоженія.

Мантейфель сталъ первымъ министромъ въ ноябрѣ 1850 г., какъ будто для того, чтобы подписать всѣ условія ольмюцкой конференціи, крайне унизительныя для Пруссіи и окончательно подчинить ее и всю Германію австрійской гегемоніи. Такова была воля Николая, таково было страстно дерзкое стремленіе князя Шварценберга, таковы также были стремленія и воля огромнѣйшаго большинства прускаго юнкерства или дворянства, не хотѣвшаго и слышать о сліяніи Пруссіи съ Германіей и преданнаго австрійскому и всероссійскому императорамъ, чуть ли даже не больше, чѣмъ своему собственному королю, которому повиновалось по долгу, но не изъ любви. Въ продолженіи цѣлыхъ восьми лѣтъ Мантейфель управлялъ Пруссіей въ этомъ направленіи и духѣ, унижая ея передъ Австріей, при всякомъ удобномъ случаѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдуя немилосердно и безпощадно въ ней и во всей Германіи все, напоминавшее либерализмъ или народное движеніе и право.

Это ненавистное министерство было замѣнено либеральнымъ князя Гогенцоллернъ-Сигмаринга, съ перваго дня заявившаго намѣреніе регента возстановить честь и независимость Пруссіи въ отношеніи къ Вѣнѣ, а также и утраченное вліяніе на Германію.

Нѣсколько словъ и шаговъ въ этомъ направленіи было достаточно, чтобы привести въ восторгъ всѣхъ нѣмцевъ. Забыты были всѣ недавнія обиды, жестокости и преступленія; вѣшатель демократовъ, регентъ, а затѣтъ король, Вильгельмъ I, вчера ненавидимый и проклинаемый, превратился вдругъ въ любимца, героя и единственную надежду. Въ подтвержденіе приведемъ слова извѣстнаго Якоби, произнесенныя имъ предъ кенигсбергскими избирателями (11 ноября 1858 г.).

„Истинно мужеское, и сообразное съ конституціей, обращеніе принца, при вступленіе его въ регенство, исполнило новою вѣрою и новыми надеждами сердце

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ пруссаковъ и всѣхъ нѣмцевъ. Съ необычайною живостью всѣ стремятся къ избирительнымъ ураномъ."

Въ 1861 г. тотъ же Якоби писалъ слѣдующее: „Когда принцъ-регентъ, по собственному рѣшенію, взялъ въ свои руки управленіе страною, всѣ ожидали, что Пруссія безпрепятственно пойдетъ впередъ къ предположенной цѣли. Ожидали, что люди, которымъ было регентомъ ввѣрено управленіе страною прежде всего уничтожатъ все зло, совершенное правительствомъ въ послѣдніе десять лѣтъ; положатъ конецъ чиновничьему произволу, чтобы поднять и оживить общій патріотическій духъ, свободное самосознаніе гражданъ...

„Исполнились ли эти надежды? Всеобщій голосъ во всеуслышаніе отвѣчаетъ: Въ эти два года Пруссія не подвинулась ни на шагъ и также далека, какъ и прежде, отъ исполненія своего историческаго назначенія."

Почтенный докторъ Якоби, послѣдній вѣрующій представитель германскаго политическго демократизма, безъ сомнѣнія умретъ, вѣрный своей программѣ, расширившійся въ послѣдніе годы до весьма нешироких предѣловъ программы нѣмецкихъ соціальныхъ демократовъ. Идеалъ его —образованіе пангерманскаго государства путемъ обще-народной свободы—утопія, нелѣпость. Мы уже говорили объ этомъ. Огромное большинство нѣмецкихъ патріотовъ, послѣ 1848 и 1849 годовъ, пришло къ убѣжденію, что основаніе пангерманскаго могущества возможно только путемъ пушекъ и штыковъ и поэтому Германія ждала спасенія отъ воинственно-монархической Пруссіи.

Въ 1858 г. вся національно-либеральная партія, пользуясь первыми симптомами измѣненія правительственной политики, перешла на ея сторону. Бывшая демократическая партія распалась: огромнѣйшая часть ея образовала новую партію, „партію прогрессистовъ", остальная продолжала называться демократическою. Первая съ самаго начала горѣла желаніемъ соединиться съ правительствомъ, но желая сохранить свою честь, умоляла его дать ей приличный предлогъ для такого перехода, требовала хотя внѣшняго уваженія конституціи. Она кокетничала и пикировалась съ нимъ до 1866 г. а затѣмъ, побѣжденная блескомъ побѣдъ

Библиотека "Руниверс"

противъ Даніи и Австріи, безусловно сдалась правительству. Демократическая партія сдѣлала въ 1870 г. то же самое.

Якоби не послѣдовалъ и никогда не послѣдуетъ общему примѣру. Демократическіе принципы составляютъ его жизнь. Онъ ненавидитъ насиліе и не вѣритъ, чтобы путемъ его можно создать могучее Германское государство, поэтому онъ остался врагомъ, правда одинокимъ и безсильнымъ, нынѣшней прусской политики. Безсиліе его, главнымъ образомъ, происходитъ отъ того, что, будучи государственникомъ съ ногъ до головы, онъ искренно мечтаетъ о свободѣ и въ то же время желаетъ единаго пангерманскаго государства.

Нынѣшній германскій императоръ Вильгельмъ I не страдаетъ противорѣчіями, и подобно незабвенному Николаю I, созданъ какъ бы изъ одного куска металла, словомъ, цѣлый человѣхъ, хотя и ограниченный. Онъ, да нецарствующій графъ Шамборъ, едва ли ни одни вѣрящіе въ свое богопомазаніе, божественное призваніе и право. Онъ вѣрующій король-солдатъ, подобно Николаю, выше всѣхъ принциповъ ставитъ принципъ легитимизма, т. е. наслѣдственное государственное право. Послѣднее для его совѣсти и ума было серьезнымъ затрудненіемъ для соединенія Германіи, потому что нужно было столкнуть съ престоловъ множество законныхъ государей; но въ государственномъ кодексѣ есть другое начало—священное право завоеванія—разрѣшившее вопросъ. Государь, вѣрный монархическимъ обязанностямъ, ни за что въ мірѣ не согласится занять престола, который предлагается ему бунтующимъ народомъ и который освобожденъ имъ отъ законнаго государя; но онъ сочтетъ себя въ правѣ завоевать этотъ народъ и престолъ лишь бы богъ благословилъ его оружіе и лишь бы былъ удобный поводъ для объявленія войны. Это начало и основанное на немъ право всегда признавалось и признается до сихъ поръ всѣми государями.

Вильгельму I необходимо было имѣть слѣдовательно министра, способнаго создавать законные поводы и средства для расширенія государства путемъ войнъ. Такимъ человѣкомъ былъ Бисмаркъ, котораго Виль-

Библиотека "Руниверс"

гельмъ вполнѣ оцѣнилъ и назначилъ своимъ министромъ въ октябрѣ 1862 г.

Князь Бисмаркъ нынѣ самый могущественный человѣкъ въ Европѣ. Это чистѣйшій типъ померанскаго дворянина съ донъ кихотскою преданностью королевскому дому, съ обычною военно-сухою наружностью, съ дерзкимъ, сухо-учтивымъ, большею частью презрительно-насмѣшливымъ обращеніемъ съ бюргерами политиками-либералами. Онъ не сердится, что его называютъ "юнкеромъ," т. е. дворяниномъ, но обыкновенно отвѣчаетъ противникамъ: „будьте увѣрены, мы съумѣемъ поднять честь юнкерства." Какъ человѣкъ чрезвычайно умный, онъ совершенно свободенъ какъ отъ юнкерскихъ, такъ и отъ всякихъ другихъ предразсудковъ.

Мы назвали Бисмарка прямымъ политикомъ Фридриха II. Первый, какъ и послѣдній, прежде всего вѣритъ въ силу, а потомъ въ умъ, располагающій ею и нерѣдко удесятиряющій ее. Будучи вполнѣ государственнымъ человѣкомъ, онъ, какъ и Фридрихъ Великій, не вѣритъ ни въ бога, ни въ чорта, ни въ человѣчество, ни даже въ дворянство,—все это для него только средства. Для достиженія государственной цѣли онъ не останавливается ни передъ божескими, ни передъ человѣческими законами. Въ политикѣ онъ не признаетъ нравственности; подлость и преступленіе только тогда безнравственны, когда они не увѣнчались успѣхомъ. Болѣе Фридриха холодный и безстрастный, онъ безцеремоненъ и дерзокъ, какъ онъ. Дворянинъ, выдвинувшійся благодаря дворянской партіи, онъ душитъ ее систематически въ виду государственной пользы, мало того, ругается надъ ней также, какъ прежде ругался надъ либералами, прогрессистами, демократами. Въ сущности, онъ ругается надъ всѣмъ и всѣми, исключая, императора, безъ расположенія котораго онъ не могъ бы ничего предпринять и сдѣлать. Хотя быть можетъ въ тайнѣ, съ своими друзьями, если таковые есть, онъ ругается и надъ нимъ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить все сдѣланное Бисмаркомъ, надо вспомнить кѣмъ онъ окруженъ *). Король, чело-

*) Вотъ анекдотъ, почерпнутый нами изъ вѣрнаго и прямого источника и характеризующій Бисмарка. Кто не слыхалъ о

Библиотека "Руниверс"

вѣкъ недалекій, богословско-фельдфебельскаго воспитанія, окруженъ аристократически-клерикальною партіею, прямо враждебною Бисмарку, такъ что послѣдній каждую новую мѣру, каждый новый шагъ беретъ съ бою. Такая домашняя борьба отнимаетъ у него по крайней мѣрѣ половину времени, ума, энергіи и конечно страшно задерживаетъ, мѣшаетъ, парализуетъ его дѣятельность, что отчасти хорошо для него, ибо не даетъ ему возможности зарваться въ предпріятіяхъ, какъ зарвался знаменитѣйшій самодуръ, Наполеонъ I, бывшій не глупѣе Бисмарка.

Публичная дѣятельность Бисмарка началась въ 1847 г., когда онъ явился главою самой крайней дворянской партіи въ соединенномъ представительномъ собраніи. Въ 1848 г. онъ былъ отъявленнымъ врагомъ франкфуртскаго парламента и обще-германской коституціи и страстнымъ союзникомъ Россіи и Австріи, т. е. внутренней и внѣшней реакціи. Въ такомъ духѣ онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ ультра-реакціонномъ листкѣ „Kreuzzeutung“, основанномъ въ этомъ году и существующимъ понынѣ. Разумѣется, онъ былъ горячимъ защитникомъ министерствъ Бранденбурга и Мантейфеля, слѣ-

---

Шурцѣ, одномъ изъ самыхъ красныхъ нѣмецкихъ революціонеровъ 1848 г. и освободителѣ изъ крѣпости псевдо-революціонера Кинкеля. Шурцъ, принявъ послѣдняго за серьезнаго революціонера, хотя онъ въ сущности въ политикѣ не стоитъ гроша, съ опасностью для собственной свободы, побѣдивъ смѣло и остроумно огромныя затрудненія, освободилъ его, а самъ бѣжалъ въ Америку. Какъ человѣкъ умный, способный, энергичный, что уважается въ Америкѣ, онъ скоро сдѣлался тамъ главою нѣмецкой многомилліонной партіи. Во время послѣдней войны, онъ въ сѣверной арміи дослужился до генерала (раньше онъ былъ уже выбранъ сенаторомъ). Послѣ войны Соединенные Штаты послали его чрезвычайнымъ посломъ въ Испанію. Онъ воспользовался этимъ и посѣтилъ южную Германію, но не Пруссію, гдѣ висѣлъ надъ нимъ смертный приговоръ за освобожденіе Кинкеля. Когда Бисмаркъ узналъ о пребываніи его въ Германіи и желая расположить къ себѣ такого вліятельнаго человѣка между нѣмцами Америки, пригласилъ его въ Берлинъ, причемъ велѣлъ ему передать: „для людей, какъ Шурцъ законы не писаны.“ По пріѣздѣ Шурца въ Берлинъ, Бисмаркъ далъ ему обѣдъ, на который пригласилъ всѣхъ товарищей министровъ. Послѣ обѣда, когда всѣ удалились и Шурцъ остался одинъ съ Бисмаркомъ для интимнаго разговора, послѣдній ему сказалъ: „Вы видѣли и слышали моихъ товарищей; съ такими то ослами мнѣ суждено управлять и создавать Германію“.

Библиотека "Руниверс"

довательно резолюцій конференціи въ Ольмюцѣ. Съ 1851 г. онъ былъ посланникомъ при германскомъ союзѣ во Франкфуртѣ. Въ это-то время онъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свое отношеніе къ Австріи. „У меня, какъ повязка упала съ глазъ, когда я присмотрѣлся къ ея политикѣ“, говорилъ онъ своимъ друзьямъ. Тутъ только онъ понялъ, какъ Австрія враждебна Пруссіи и изъ горячаго защитника сдѣлался ея непримиримымъ врагомъ. Съ этого момента, уничтоженіе всякаго вліянія Австріи на Германію и исключеніе ея изъ послѣдней стало постоянною и любимою его мыслью.

При этихъ условіяхъ онъ встрѣтился съ прусскимъ принцомъ Вильгельмомъ, который послѣ конференціи въ Ольмюцѣ возненавидѣлъ Австрію также, какъ революцію. Лишь только Вильгельмъ сталъ регентомъ, онъ тотчасъ обратилъ вниманіе на Бисмарка и сначала назначилъ его посломъ въ Россію, потомъ во Францію и наконецъ, своимъ первымъ министромъ.

Во время посольства Бисмаркъ довелъ свою программу до зрѣлости. Въ Парижѣ онъ взялъ нѣсколько драгоцѣнныхъ уроковъ въ государственномъ мошенничествѣ у самого Наполеона III, который, видя ревностнаго и способнаго слушателя, открылъ свою душу и сдѣлалъ нѣсколько прозрачныхъ намековъ о необходимой передѣлкѣ карты Европы, требуя для себя рейнской границы и Бельгіи, а остальную Германію предоставлялъ Пруссіи. Результаты этихъ переговоровъ извѣстны: ученикъ провелъ учителя.

При вступленіи въ министерство Бисмаркъ сказалъ рѣчь, въ которой изложилъ свою программу: „Границы Пруссіи тѣсны и неудобны для первоклассного государства. Для завоеванія новыхъ границъ необходимо расширить и усовершенствовать военную организацію. Нужно приготовиться къ предстоящей борьбѣ, а въ ожиданіи этого собирать и умножать свои силы. Вся ошибка въ 1848 г. состояла въ томъ, что хотѣли соединить Германію въ одно государство путемъ народныхъ учрежденій. Великіе государственные вопросы рѣшаются не правомъ, а силою, - сила всегда предшествуетъ праву.“

За послѣднее выраженіе не мало досталось Бисмарку отъ либераловъ Германіи съ 1862 по 1866 г. Съ 1866 г., т. е. послѣ побѣдъ надъ Австріею и въ особенности послѣ

Библиотека "Руниверс"

1870 г., т. е. пораженія Франціи, всѣ эти упреки обратились въ восторженные дифирамбы.

Бисмаркъ, съ обычною смѣлостью, свойственною ему циничностью и презрительною откровенностью, въ этихъ словахъ высказалъ всю суть политической исторіи народовъ, всю тайну государственной мудрости. Постоянное преобладаніе и торжество силы—вотъ настоящая суть; все же, что на политическомъ языкѣ называется правомъ, есть только освященіе факта, созданнаго силою. Ясно, народныя массы, жаждущія освобожденія, не могутъ ожидать его отъ теоретическаго торжества отвлеченнаго права, они должны силою завоевать свободу, для чего должны организировать, внѣ государства и противъ него, свои стихійныя силы.

Нѣмцы, какъ мы уже говорили, хотѣли не свободы, а сильнаго государства; Бисмаркъ понималъ это и съ прусскою бюрократіей и военной силой чувствовалъ себя способнымъ достичь этого, поэтому онъ смѣло и твердо пошелъ къ цѣли, не обращая вниманія ни на какія права, ни на жестокую полемику и нападенія на него либераловъ и демократовъ. Онъ, вопреки предшествовавшимъ правителямъ вѣрилъ, что и тѣ и другіе, по достиженіи цѣли, будутъ его страстными союзниками.

Король-фельдфебель и Бисмаркъ-политикъ желали усиленія войска, для чего нужны новые налоги и займы. Палата народныхъ представителей, отъ которой зависѣло утвержденіе новыхъ налоговъ и займовъ отказывала въ этомъ постоянно, вслѣдствіе чего ее нѣсколько разъ распускали. Въ другой странѣ такое столкновеніе могло бы вызвать политическую революцію, въ Пруссіи же нѣтъ, и Бисмаркъ это понималъ, а поэтому, не смотря на отказы, онъ бралъ нужныя суммы вездѣ, гдѣ могъ, путемъ займовъ и налоговъ. Палата же со своими отказами обратилась въ посмѣщище если не Германіи, то Европы.

Бисмаркъ не ошибся. Достигнувъ цѣли, онъ сталъ идоломъ и либераловъ и демократовъ.

Никогда и ни въ какой странѣ, быть можетъ, не было такого быстраго и такого полнаго переворота въ направленіи умовъ, какое обнаружилось въ Германіи между 1864, 1866 и 1870 годами. До самой австро-прусской войны съ Даніей, Бисмаркъ былъ самымъ непопуляр-

Библиотека "Руниверс"

нымъ человѣкомъ въ Германіи. Во время этой войны, и особенно по окончаніи ея, онъ обнаружилъ самое глубокое презрѣніе ко всѣмъ правамъ народнымъ и государственнымъ. Извѣстно, какъ безцеремонно Пруссія и увлеченная ею глупая Австрія выгнали изъ Шлезвига и Голштейна саксонско-ганноверскій корпусъ, занимавшій эти провинціи по приказанію германскаго союза; какъ нагло Бисмаркъ дѣлилъ съ обманутою имъ Австріею завоеванныя провинціи и какъ кончилъ объявленіемъ всѣхъ ихъ исключительною добычею Пруссіи.

Можно предположить, что такое поведеніе возбудитъ сильное негодованіе всѣхъ честныхъ, свободолюбивыхъ и справедливыхъ нѣмцевъ. Напротивъ, именно съ этого момента начала рости популярность Бисмарка,—нѣмцы почувствовали надъ собою государственно-патріотическій разумъ и сильную правительственную власть. Война 1866 года только усилила значеніе его. Быстрый походъ въ Богемію, напоминавшій походы Наполеона I, рядъ блестящихъ побѣдъ, низложившихъ Австрію, тріумфальное шествіе по Германіи, разграбленіе непріятельскихъ мѣстностей, объявленіе Ганновера, Гессенъ-Касселя и Франкфурта военною добычею, образованіе сѣверо-германскаго союза подъ покровительствомъ будущаго императора—факты, приведшіе въ восторгъ нѣмцевъ. Вожди прусской оппозиціи, Вирховы, Шульце-Деличи и т. д. вдругъ замолкли, объявивъ себя нравственно побѣжденными. Осталась въ оппозиціи самая небольшая группа съ благороднымъ старцемъ Якоби во главѣ и которая примкнула къ „народной партіи,“ образовавшейся на югѣ Германіи послѣ 1866 года.

По договору, заключенному побѣдоносной Пруссіей съ уничтоженной Австріей, старый германскій союзъ уничтоженъ, на мѣсто его образовался сѣверный германскій союзъ подъ предводительствомъ Пруссіи; Австріи же, Баваріи, Виртембергу и Бадену предоставлено образовать южный союзъ.

Баронъ Бейстъ, австрійскій министръ, назначенный послѣ войны, понимая важное значеніе образованія такого союза, устремилъ всѣ свои усилія на это, но внутренніе неразрѣшимые вопросы и громадныя препятствія

Библиотека "Руниверс"

со стороны именно тѣхъ державъ, для которыхъ былъ важенъ союзъ, помѣшали ему. Бисмаркъ надулъ всѣхъ: и Россію, и Францію, и нѣмецкихъ государей, для которыхъ было важно образованіе союза, который бы не допустилъ Пруссію до ея настоящаго положенія.

Образовавшаяся въ это время изъ южно-германской буржуазіи „народная партія", исключительно съ цѣлью оппозиціи Бисмарку, имѣла программу въ сущности одинаковую съ Бейстомъ.

Центръ „народной партіи" былъ Штутгардъ. Кромѣ союза съ Австріей она имѣла много другихъ оттѣнковъ: такъ въ Баваріи кокетничала съ ультра-католиками, т. е. іезуитами, желала союза съ Франціей, союза съ Швейцаріей. Группа, желавшая союза съ республиканской Швейцаріей была главной основательницей „Лиги Мира и Свободы."

Вообще программа ея была невинна и полна противорѣчій. Демократическія народныя учрежденія фантастически связывались съ монархическою формою правленія, независимость государей съ пангерманскимъ единствомъ, а послѣднее съ обще-европейскою республиканскою федераціею. Словомъ, почти все должно остаться по старому и все должно исполниться новымъ духомъ, главное имѣть филантропическій характеръ; свобода и равенство должны процвѣтать при условіяхъ ихъ уничтожающихъ. Такую программу могли сочинить только чувствительные бюргеры южной Германіи, которые отличались сначала систематическимъ игнорированіемъ, а потомъ страстнымъ отрицаніемъ современныхъ соціалистическихъ стремленій, какъ показалъ конгресъ Лиги Мира въ 1868 г.

Ясно, „народная партія" должна была встать во враждебныя отношенія къ рабочей партіи соціалъ-демократовъ, созданной въ шестидесятыхъ годахъ Фердинандомъ Лассалемъ.

Мы еще будемъ имѣть случай разсказать подробно о развитіи рабочихъ ассоціацій въ Германіи и, вообще, въ Европѣ. Теперь же замѣтимъ, что въ концѣ послѣдняго десятилѣтія, а именно въ 1868 г. рабочая масса въ Германіи раздѣлялась на три категоріи: первая, самая многочисленная, оставалась внѣ всякой органи-

Библиотека "Руниверс"

заціи. Вторая, также довольно многочисленная, состояла изъ такъ называемыхъ „обществъ для образованія рабочихъ“ (arbeiterbildungsverein), и наконецъ третья, наименѣе многочисленная, но за то самая энергическая и самая осмысленная, образовала фалангу лассальянскихъ рабочихъ, подъ именемъ „всеобщей партіи нѣмецкихъ рабочихъ“ (der deutsche allgemeine arbeiter Verein).

О первой категоріи говорить нечего. Вторая представляла родъ федераціи маленькихъ рабочихъ ассоціацій, подъ непосредственнымъ руководствомъ Шульце-Делича и ему подобныхъ буржуазныхъ соціалистовъ.

„Самопомощь“ (Selbsthülfe) —ея лозунгъ въ томъ смыслѣ, что чернорабочему люду рекомендовалось настойчиво не ожидать для себя ни спасенія, ни помощи отъ государства и правительства, а только отъ своей собственной энергіи. Совѣтъ былъ прекрасный, если бы къ нему не было присоединено ложное увѣреніе, что при настоящихъ условіяхъ общественной организаціи, при существованіи экономической монополіи, заѣдающихъ рабочія массы и политическаго государства, охраняющаго эти монополіи противъ народнаго бунта, для чернорабочаго люда возможно освобожденіе. Вслѣдствіи такого заблужденія, а со стороны буржуазныхъ соціалистовъ и вожаковъ этой партіи, вполнѣ сознательнаго обмана, работники, подчиненные ихъ вліянію, должны были систематически устраняться отъ всѣхъ политическо-соціальныхъ заботъ и вопросовъ о государствѣ, о собственности и т. д. и, принявъ за точку отправленія раціональность и законность настоящаго строя общества, искать своего улучшенія и облегченія посредствомъ устройства кооперативныхъ потребительныхъ, кредитныхъ и производительныхъ товариществъ. Для политическаго же образованія, Шульце-Деличъ рекомендовалъ работникамъ полную программу партіи прогресса, къ которой принадлежалъ самъ вмѣстѣ съ товарищами.

Въ экономическомъ отношеніи, какъ теперь ясно для всѣхъ, система Шульце-Делича клонилась прямо къ охраненію буржуазнаго міра противъ соціальной грозы; въ политическомъ же, она подчиняла окончательно пролетаріатъ эксплуатирующей его буржуазіи,

Библиотека "Руниверс"

у которой онъ долженъ оставаться послушнымъ и глупымъ орудіемъ.

Противъ такого грубаго, двойнаго обмана возсталъ Фердинандъ Лассаль. Ему было легко разбить экономическую систему Шульце-Делича, и показать все ничтожество политической системы. Никто, кромѣ Лассаля, не умѣлъ объяснить и доказать такъ убѣдительно нѣмецкимъ работникамъ, что при настоящихъ экономическихъ условіяхъ положеніе пролетаріата не только не можетъ уничтожиться, напротивъ, въ силу неотвратимаго экономическаго закона, должно и будетъ каждый годъ ухудшаться, не смотря на всѣ кооперативныя попытки, могущія принести кратковременную, скоропреходящую пользу развѣ только самому малому числу работниковъ.

Разбивая политическую программу, онъ доказалъ, что вся эта мимо-народная политика клонится лишь къ укрѣпленію буржуазно-экономическихъ привиллегій.

До сихъ поръ мы съ Лассалемъ согласны. Но вотъ гдѣ расходимся съ нимъ и вообще со всѣми демократами-соціалистами или коммунистами Германіи. Въ противность Шульце-Деличу, рекомендовавшему работникамъ искать спасенія только въ собственной энергіи и ничего не требовать и не ждать отъ государства, Лассаль, доказавъ имъ вопервыхъ, что при настоящихъ экономическихъ условіяхъ не только ихъ освобожденіе, но даже малѣйшее облегченіе ихъ участи невозможно, ухудшеніе же ея необходимо, и вовторыхъ, что пока существуетъ буржуазное государство, буржуазныя экономическія привиллегіи остаются неприступны,—пришелъ къ слѣдующему заключенію: чтобы достигнуть свободы дѣйствительной, свободы, основанной на экономическомъ равенствѣ, пролетаріатъ долженъ овладѣть государствомъ, и обратить государственную силу противъ буржуазіи въ пользу рабочей массы, точно также какъ теперь она обращена противъ пролетаріата въ единую пользу эксплуатирующаго класса.

Какъ же овладѣть государствомъ?—Для этого есть только два средства; или политическая революція, или законная народная агитація въ пользу мирной реформы. Лассаль, какъ нѣмецъ, какъ еврей, какъ ученый и какъ человѣкъ богатый, совѣтовалъ второй путь.

Библиотека "Руниверс"

Въ этомъ смыслѣ и съ этою цѣлью, онъ образовалъ значительную, преимущественно политическую партію нѣмецкихъ рабочихъ, организовалъ ея іерархически, подчинивъ строгой дисциплинѣ и своей диктатурѣ, словомъ сдѣлалъ то, что г. Марксъ въ послѣдніе три года хотѣлъ сдѣлать въ Интернаціоналѣ. Попытка Маркса вышла неудачна, а попытка Лассаля имѣла полный успѣхъ. Прямою и ближайшею цѣлью партіи онъ поставилъ всенародную мирную агитацію для завоеванія всеобщаго права избирательства государственныхъ представителей и властей.

Завоевавъ это право путемъ легальной реформы, народъ долженъ будетъ послать только своихъ представителей въ народный парламентъ, который рядомъ декретовъ и законовъ обратитъ буржуазное государство въ народное. Первымъ дѣломъ народнаго государства будетъ открытіе безграничнаго кредита производительнымъ и потребительнымъ рабочимъ ассоціаціямъ, которыя только тогда будутъ въ состояніи бороться съ буржуазнымъ капиталомъ и въ непродолжительное время побѣдятъ и поглотятъ его. Когда процессъ поглощенія совершится, тогда настанетъ періодъ радикальнаго преобразованія общества.

Такова программа Лассаля, такова же и программа соціально-демократической партіи. Собственно она принадлежитъ не Лассалю, а Марксу, который ее вполнѣ высказалъ въ извѣстномъ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“, обнародованномъ имъ и Энгельсомъ въ 1848 г. Ясный намекъ находится на нее также въ первомъ „Манифестѣ Маждународнаго Общества,“ написаннаго Марксомъ въ 1864 г., въ словахъ: „первый долгъ рабочаго класса заключается въ завоеваніи себѣ политическаго могущества,“ или какъ говорится въ Ман. Комм. „первый шагъ къ революціи рабочихъ долженъ состоять въ возвышеніи пролетаріата на степень господствующаго сословія. Пролетаріатъ долженъ сосредоточить всѣ орудія производства въ рукахъ *государства*, т. е. *пролетаріата, возведеннаго на степень господствующаго сословія.*

Не ясно ли, что программа Лассаля ничѣмъ не отличается отъ программы Маркса, котораго она при-

Библиотека "Руниверс"

знавала за своего учителя. Въ брошюрѣ противъ Шульца-Делича Лассаль, съ истинно-геніальною ясностью, характеризующея его сочиненія, изложивъ свои основныя понятія о соціально-политическомъ развитіи новѣйшаго общества, говоритъ прямо, что эти идеи и даже терминологія принадлежатъ не ему, а г. Марксу, впервые высказавшему и развившему ихъ въ своемъ замѣчательномъ еще неизданномъ сочиненіи.

Тѣмъ страннѣе кажется протестъ г. Маркса, напечатанный послѣ смерти Лассаля во введеніи къ сочиненію о „Капиталѣ.“ Марксъ горько жалуется, что его обокралъ Лассаль, присвоивъ его идеи. Протестъ чрезвычайно странный со стороны коммуниста, проповѣдывающаго коллективную собственность и не понимающаго, что идея, разъ высказанная, перестаетъ быть собственностью лица. Другое дѣло, если бы Лассаль переписалъ одно или нѣсколько страницъ—это было бы воровство и доказательство умственной несостоятельности писателя, немогущаго переварить заимствованныхъ идей и воспроизвести собственною умственною работою въ самостоятельной формѣ. Такъ поступаютъ только люди, лишенныя утственныхъ способностей и тщеславно-безчестные, вороны въ павлиньихъ перьяхъ.

Лассаль былъ слишкомъ уменъ и самостоятеленъ, чтобы ему была нужда прибѣгать къ такимъ жалкимъ средствамъ для обращенія на себя вниманія публики. Онъ былъ тщеславенъ, очень тщеславенъ, какъ и подобаетъ еврею, но въ то же время онъ былъ одаренъ такими блестящими способностями, что безъ труда могъ удовлетворять требованіямъ самаго изысканнаго тщеславія. Онъ былъ уменъ, ученъ, богатъ, ловокъ и чрезвычайно смѣлъ; былъ въ высшей степени одаренъ діалектикою, даромъ слова, ясностью пониманія и изложенія. Въ противоположность своему учителю, Марксу, который силенъ въ теоріи, въ закулисной или подземной интригѣ и, напротивъ, теряетъ всякое значеніе и силу на поприщѣ публичномъ, Лассаль былъ, какъ бы нарочно, созданъ для открытой борьбы на практическомъ полѣ. Діалектическая ловкость и сила логики, возбуждаемыя самолюбіемъ, разгоряченномъ борьбою, замѣняло въ немъ силу страстныхъ убѣжденій. Онъ

Библиотека "Руниверс"

чрезвычайно сильно дѣйствовалъ на пролетаріатъ, но далеко не былъ человѣкомъ народнымъ.

Всею жизнью, обстановкою, привычками, вкусами онъ принадлежалъ къ высшему буржуазному классу, къ такъ называемой золотой или желтоперчатной молодежи. Конечно, онъ возвышался надъ нею головою, царилъ умомъ и, благодаря этому уму, всталъ во главѣ нѣмецкаго пролетаріата. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ достигъ громадной популярности. Вся либеральная и демократическая буржуазія глубоко его возненавидѣла; товарищи - единомышленники, соціалисты, марксисты и самъ учитель, Марксъ, сосредочили противъ него всю силу своей недоброжелательной зависти. Да, они ненавидѣли его также глубоко, какъ и буржуазія; пока онъ былъ живъ, они не смѣли высказать ему своей ненависти, потому что онъ былъ для нихъ слишкомъ силенъ.

Мы уже нѣсколько разъ высказывали глубокое отвращеніе къ теоріи Лассаля и Маркса, рекомендующей работникамъ, если не послѣдній идеалъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ ближайшую главную цѣль—основаніе народнаго государства, которое, по ихъ объясненію будетъ ничто иное какъ „пролетаріатъ, возведенный на степень господствующаго сословія.“

Спрашивается, если пролетаріатъ будетъ господствующимъ сословіемъ, то надъ кѣмъ онъ будетъ господствовать? Значитъ останется еще другой пролетаріатъ, который будетъ подчиненъ этому новому господству, новому государству. Напр. хотя бы крестьянская чернь, какъ извѣстно непользующаяся благорасположеніемъ марксистовъ и которая, находясь на нисшей степени культуры, будетъ вѣроятно управляться городскимъ и фабричнымъ пролетаріатомъ; или, если взглянуть съ національной точки зрѣнія на этотъ вопросъ, то, положимъ, для нѣмцевъ славяне, по той же причинѣ, станутъ къ побѣдоносному нѣмецкому пролетаріату въ такое же рабское подчиненіе, въ какомъ послѣдній находится по отношенію къ своей бржуазіи.

Если есть государство, то непремѣнно есть господство, слѣдовательно и рабство; государство безъ рабства, открытаго или маскированаго, немыслимо,—вотъ почему мы враги государства.

Библиотека "Руниверс"

Что значитъ, пролетаріатъ, возведенный въ господствующее сословіе? Неужели весь пролетаріатъ будетъ стоять во главѣ управленія? Нѣмцевъ считаютъ около сорока милліоновъ. Неужели же всѣ сорокъ милліоновъ будутъ членами правительства? Весь народъ будетъ управляющимъ, а управляемыхъ не будетъ. Тогда не будетъ правительства, не будетъ государства, а если будетъ государство, то будутъ и управляемые, будутъ рабы.

Эта дилемма въ теоріи марксистовъ рѣшается просто. Подъ управленіемъ народнымъ они разумѣютъ управленіе народа посредствомъ небольшаго числа представителей, избранныхъ народомъ. Всеобщее и поголовное право избирательства цѣлымъ народомъ такъ называемыхъ народныхъ представителей и правителей государства—вотъ послѣднее слово марксистовъ, также какъ и демократической школы,—ложь, за которою кроется деспотизмъ управляющаго меньшинства, тѣмъ болѣе опасная, что она является какъ выраженіе мнимой народной воли.

Итакъ, съ какой точки зрѣнія не смотри на этотъ вопросъ, все приходишь къ тому же самому печальному результату: къ управленію огромнаго большинства народныхъ массъ привиллегированнымъ меньшинствомъ. Но это меньшинство, говорятъ марксисты, будетъ состоять изъ работниковъ. Да, пожалуй, изъ бывшихъ работниковъ, но которые лишь только сдѣлаются правителями или представителями народа, перестанутъ быть работниками и станутъ смотрѣть на весь чернорабочій міръ съ высоты государственной; будутъ представлять уже не народъ, а себя и свои притязанія на управленіе народомъ. Кто можетъ усомниться въ этомъ, тотъ совсѣмъ не знакомъ съ природою человѣка.

Но эти избранные будутъ горячо убѣжденные и къ тому же ученые соціалисты.—Слова „ученый соціалистъ,“ „научный соціализмъ,“ которые безпрестанно встрѣчаются въ сочиненіяхъ и рѣчахъ лассальянцевъ и марксистовъ, сами собою доказываютъ, что мнимое народное государство будетъ ничто иное, какъ весьма деспотическое управленіе народныхъ массъ новою и весьма немногочисленною артистократіею дѣйствительныхъ или мнимыхъ ученыхъ. Народъ неученъ,

Библиотека "Руниверс"

значитъ онъ цѣликомъ будетъ освобожденъ отъ заботъ управленія, цѣликомъ будетъ включенъ въ управляемое стадо. Хорошо освобожденіе!

Марксисты чувствуютъ это противорѣчіе и, сознавая, что управленіе ученыхъ самое тяжелое, обидное и презрительное въ мірѣ, будетъ, несмотря на всѣ демократическія формы, настоящею диктатурою, утѣшаютъ мыслью, что эта диктатура будетъ временная и короткая. Они говорятъ, что единственною заботою и цѣлью ея будетъ образовать и поднять народъ какъ экономически, такъ и политически до такой степени, что всякое управленіе сдѣлается скоро ненужнымъ, и государство, утративъ весь политическій, т. е. господствующій характеръ, обратится само собою въ совершенно свободную организацію экономическихъ интересовъ и общинъ.

Тутъ явное противорѣчіе. Если ихъ государство будетъ дѣйствительно народное, то зачѣмъ ему упраздняться, если же его управленіе необходимо для дѣйствительнаго освобожденія народа, то какъ же они смѣютъ его называть народнымъ? Своею полемикою противъ нихъ мы довели ихъ до сознанія, что свобода или анархія, т. е. вольная организація рабочихъ массъ снизу вверхъ, есть окончательная цѣль общественнаго развитія, и что всякое государство, не исключая и ихъ народнаго, есть ярмо, значитъ съ одной стороны порождаетъ деспотизмъ, а съ другой рабство.

Они говорятъ, что такое государственное ярмо-диктатура есть необходимое переходное средство для достиженія полнѣйшаго народнаго освобожденія: анархія или свобода—цѣль, государство или диктатура—средство. Итакъ для освобожденія народныхъ массъ надо ихъ сперва поработить.

На этомъ противорѣчіи пока остановилась наша полемика. Они утверждаютъ, что только диктатура, конечно ихъ, можетъ сосдать народную волю, мы отвѣчаемъ: никакая диктатура не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ увѣковѣченія себя, и что она способна породить и воспитать въ народѣ, сносящемъ ее, только рабство; свобода можетъ быть создана только свободою, т. е. всенароднымъ бунтомъ и вольною организаціею рабочихъ массъ снизу вверхъ.

Библиотека "Руниверс"

Позднѣе, мы подробнѣе и ближе разберемъ этотъ вопросъ, на которомъ вертится весь интересъ современной исторіи. Теперь же обратимъ вниманіе читателей на слѣдующій, весьма знаменательный и неизмѣнно повторяющійся фактъ.

Въ то время какъ политико-соціальная теорія противо-государственныхъ соціалистовъ или анархистовъ ведетъ ихъ неуклонно и прямо къ полнѣйшему разрыву со всѣми правительствами, со всѣми видами буржуазной политики, не оставляя другого исхода, кромѣ соціальной революціи, противоположная теорія государственныхъ коммунистовъ и научнаго авторитета также неуклонно втягиваетъ и запутываетъ своихъ приверженцевъ, подъ предлогомъ политической тактики, въ безпрестанныя сдѣлки съ правительствами и разными буржуазными политическими партіями, т. е. толкаетъ прямо ихъ въ реакцію.

Самое лучшее доказательство этому представляетъ Лассаль. Кому не извѣстны его сношенія и переговры съ Бисмаркомъ. Либералы и демократы, противъ которыхъ онъ велъ безпощадную и весьма удачную войну, воспользовались этимъ, чтобы обвинить его въ продажности. Тоже самое, хотя и не такъ явно шептали между собою личные приверженцы г. Маркса въ Германіи. Но, и тѣ и другіе врали. Лассаль былъ богатъ и ему не зачѣмъ было продавать себя; онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ гордъ, чтобы предпочесть роль самостоятельнаго агитатора неблаговидному положенію правительственнаго или чьего бы то ни было агента.

Мы сказали, что Лассаль не былъ человѣкомъ народа, потому что онъ слишкомъ желтоперчаточный щеголь, чтобы встрѣчаться съ пролетаріатомъ, помимо митинговъ, гдѣ онъ обыкновенно магнетизировалъ его умною блестящею рѣчью; слишкомъ избалованъ богатствомъ и сопряженными съ нимъ привычками изящно-прихотливаго существованія, чтобы находить удовольствіе въ народной средѣ; слишкомъ еврей, чтобы онъ чувствовалъ себя ловко среди народа, и наконецъ слишкомъ исполненъ сознаніемъ своего умственнаго превосходства, чтобы не ощущать нѣкотораго презрѣнія къ неученой, чернорабочей толпѣ, къ которой онъ относился болѣе какъ медикъ къ больному, чѣмъ братъ къ

Библиотека "Руниверс"

брату. Въ этихъ предѣлахъ онъ серьезно былъ преданъ народному дѣлу, какъ честный медикъ бываетъ преданъ излѣченію своего больнаго, въ которомъ онъ видитъ впрочемъ не столько человѣка, сколько субъекта. Мы глубоко убѣждены, что онъ былъ на столько честенъ и гордъ, что ни за что въ мірѣ не измѣнилъ бы дѣлу народа.

Совсѣмъ не нужно прибѣгать къ подлымъ предположеніямъ для объясненія сношеній и сдѣлокъ Лассаля съ прусскимъ министромъ. Лассаль, какъ мы сказали, былъ въ открытой войнѣ со всѣми оттѣнками либераловъ и демократовъ и страшно презиралъ этихъ невинныхъ риторовъ, безпомощность и несостоятельность коихъ онъ ясно видѣлъ; Бисмаркъ, хотя и по другимъ причинамъ, тоже враждовалъ съ ними—это и было первымъ поводомъ сближенія. Главное же основаніе заключалось въ политико-соціальной программѣ Лассаля, въ коммунистической теоріи, созданной г. Марксомъ.

Основной пунктъ этой программы: освобожденіе (мнимое) пролетаріата посредствомъ только одного государства. Но для этого надо, чтобы государство согласилось быть освободителемъ пролетаріата изъ подъ ига буржуазнаго капитала. Какъ же внушить государству такую волю? Для этого могутъ быть только два средства. Пролетаріатъ долженъ совершить революцію для овладѣнія государствомъ—средство героическое. По нашему мнѣнію, разъ овладѣвъ имъ, онъ долженъ немедленно его разрушить, какъ вѣчную тюрьму народныхъ массъ; по теоріи же г. Маркса, народъ не только не долженъ его разрушать, напротивъ, долженъ укрѣпить и усилить и въ этомъ видѣ передать въ полное распоряженіе своихъ благодѣтелей, опекуновъ и учителей—начальниковъ коммунистической партіи, словомъ г. Марксу и его друзьямъ, которые начнутъ освобождать по своему. Они сосредоточатъ бразды правленія въ сильной рукѣ, потому что невѣжественный народъ требуетъ весьма сильнаго попеченія; создадутъ единый государственный банкъ, сосредоточивающій въ своихъ рукахъ все торгово-промышленное, земледѣльческое и даже научное производство, а массу народа раздѣлятъ на двѣ арміи: промышленную и землепашес-

Библиотека "Руниверс"

кую, подъ непосредственною командою государственныхъ инженеровъ, которые составятъ новое привиллегированное науко-политическое сословіе.

Видите какая блистательная цѣль поставлена народу школою нѣмецкихъ коммунистовъ! Но для достиженія всѣхъ этихъ благъ необходимо прежде всего сдѣлать маленькій, невинный шагъ—революцію! Ну и ждите, когда нѣмцы сдѣлаютъ революцію! Безконечно разсуждать о революціи это пожалуй, ну а дѣлать ее...

Сами нѣмцы не вѣрятъ въ нѣмецкую революцію. Нужно, чтобы другой народъ ее началъ или какая нибудь внѣшняя сила увлекла или толкнула его; сами же собою они дальше резонерства никогда не пойдутъ. Слѣдовательно надо искать другого средства, чтобы овладѣть государствомъ. Надо овладѣть симпатіею людей, стоящихъ или могущихъ стоять во главѣ государства..

Во время Лассаля, точно также какъ и теперь, во главѣ государства стоялъ Бисмаркъ. Кто же могъ стать на его мѣсто? Либеральная и демократическо-прогрессистская партія были побѣждены; оставалась только чистая демократическая, впослѣдствіи принявшая названіе „Народной партіи". Но на сѣверѣ она была ничтожна, на югѣ нѣсколько многочисленнѣе, за то стремилась прямо къ гегемоніи австрійской имперіи. Послѣднія событія доказали, что въ этой исключительно-буржуазной партіи не было никакой внутренней самостоятельности и силы. Въ 1870 г. она распалась окончательно.

Лассаль главнымъ образомъ былъ одаренъ практическимъ инстинктомъ и смысломъ, которыхъ нѣтъ ни у г. Маркса, ни у его послѣдователей. Какъ всѣ теоретики Марксъ неизмѣнный и непоправимый мечтатель на практикѣ. Онъ доказалъ это своею несчастною кампаніею въ Интернаціональномъ обществѣ, имѣвшую цѣлью установленіе его диктатуры въ Интернаціоналѣ, а посредствомъ Интернаціонала надъ всѣмъ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата Европы и Америки. Надо быть или сумашедшимъ, или весьма отвлеченнымъ ученымъ, чтобы задаться такою цѣлью. Г. Марксъ въ настоящемъ году потерпѣлъ полнѣйшее и заслуженное пораженіе, но врядъ ли оно избавитъ его отъ честолюбивой мечтательности.

Библиотека "Руниверс"

Благодаря той же мечтательности, а также и желанія пріобрѣсти почитателей и приверженцевъ среди буржуазіи, Марксъ постоянно толкалъ и толкаетъ пролетаріатъ на сдѣлки съ буржуазными радикалами. По воспитанію и по натурѣ онъ якобинецъ и его любимая мечта—политическая диктатура. Гамбетта и Кастеляръ—его настоящіе идеалы. Его сердце, всѣ помышленія стремятся къ нимъ и если въ послѣднее время онъ долженъ былъ отъ нихъ отказаться, то только потому, что они не умѣли прикинуться соціалистами.

Въ этомъ стремленіи къ сдѣлкамъ съ радикальной буржуазіей, которое сильнѣе обнаружилось въ послѣдніе годы въ Марксѣ, заключается двойная мечта: вопервыхъ, радикальная буржуазія, если ей удастся овладѣть государственною властью, захочетъ, будетъ имѣть возможность захотѣть, употребить ее въ пользу пролетаріата, а вовторыхъ, радикальная партія, овладѣвъ государствомъ, когда нибудь будетъ въ состояніи устоять противъ реакціи, корень которой скрывается въ ней самой.

Буржуазно-радикальная партія отдѣляется отъ массы чернорабочаго люда тѣмъ, что она экономическими и политическими интересами, также всѣми привычками жизни, своимъ честолюбіемъ, тщеславіемъ, предразсудками глубоко, можно сказать, органически связана съ эксплуатирующимъ сословіемъ. Какимъ же образомъ можетъ она захотѣть употребить власть, завоеванную хотя бы и съ помощью народа, въ пользу этого народа? Вѣдь это было бы самоубійствомъ цѣлаго сословія, а сословное самоубійство не мыслимо. Самые ярые и красные демократы были, есть и будутъ до такой степени буржуа, что всегда достаточно сколько нибудь серьезнаго за фразу переходящаго заявленія соціалистическихъ требованій и инстинктовъ со стороны народа, чтобы ихъ заставить сейчасъ же броситься въ самую ярую и безумную реакцію.

Это логически необходимо, да и помимо логики вся новѣйшая исторія доказываетъ необходимость этого. Достаточно вспомнить положительную измѣну красной республиканской партіи въ іюньскіе дни 1848 г., и какъ будто такого примѣра и послѣдовавшаго за нимъ двадцатилѣтняго жестокаго урока, даннаго Наполеономъ III,

Библиотека "Руниверс"

было недостаточно, чтобы снова во Франціи въ 1870—71 г. повторилось еще разъ то же самое. Гамбетта и его партія оказались самыми ярыми врагами революціоннаго соціализма. Они выдали Францію, связанную по рукамъ и по ногамъ, безчинствующей нынѣ въ ней реакціи. Другой примѣръ Испанія. Самая крайняя радикальная политическая партія (la partie intransigeante) оказалась самымъ ярымъ врагомъ интернаціональнаго соціализма.

Теперь другой вопросъ: въ состояніи-ли радикальная буржуазія безъ всенароднаго бунта совершить торжествующій переворотъ? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы рѣшить его отрицательно; разумѣется нѣтъ. Значитъ не буржуазія нужна народу, а народъ буржуазіи для совершенія революціи. Это стало ясно вездѣ, а въ Россіи яснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Соберите всю нашу революціонно-мечтающую и резонирующую дворянско-буржуазную молодежь; но вопервыхъ, какъ связать ее въ одно живое, единомыслящее и единостремящееся тѣло? Она можетъ соединиться только погрузившись въ народъ; внѣ же народа она всегда будетъ составлять безсмысленную, безвольную, пустоболтающую и совершенно безсильную толпу.

Лучшіе люди буржуазнаго міра, буржуа по происхожденію, а не по убѣжденіямъ и стремленіямъ, могутъ быть полезны только подъ тѣмъ условіемъ, что они потонутъ въ народѣ, въ чисто народномъ дѣлѣ; если же они будутъ продолжать существовать внѣ народа, то они будутъ не только ему безполезны, но положительно вредны.

Радикальная же партія составляетъ особую партію; она живетъ и дѣйствуетъ внѣ народа. Что же показываетъ ея стремленіе къ союзу съ чернорабочимъ людомъ? Ни болѣе, ни менѣе какъ сознаніе безсилія, сознаніе необходимости помощи народа для овладѣнія государственной властью, конечно, не въ пользу народа, а въ свою собственную. И какъ только она овладѣетъ ею, она неизбѣжно станетъ врагомъ народа; сдѣлавшись врагомъ, она потеряетъ точку опоры, прежнюю народную силу, и чтобы удержать власть, хотя на время, она принуждена будетъ искать новыхъ источниковъ силы уже противъ народа, въ союзахъ и сдѣлкахъ съ побѣ-

Библиотека "Руниверс"

жденными реакціонными партіями. Такимъ образомъ, идя отъ уступки къ уступкѣ, отъ измѣны къ измѣнѣ, она и себя, и народъ отдастъ реакціи. Послушайте, что говоритъ теперь Кастеляръ, ярый республиканецъ, сдѣлавшійся диктаторомъ: „политика живетъ уступками и сдѣлками, поэтому я намѣренъ во главѣ республиканской арміи поставить генераловъ изъ умѣренной монархической партіи". Къ какому это результату клонится, разумѣется всякому ясно.

Лассаль, какъ практическій человѣкъ, превосходно все это понималъ; кромѣ того онъ глубоко презиралъ всю нѣмецкую буржуазію и поэтому онъ не могъ совѣтовать работникамъ связываться съ какою либо буржуазною партіею.

Оставалась революція; но Лассаль слишкомъ хорошо зналъ своихъ соотечественниковъ, чтобы ждать отъ нихъ революціонной иниціативы. Что же ему оставалось? Одно—связаться съ Бисмаркомъ,

Пунктъ соединенія давался самою теоріею Маркса, именно: единое, обширное, сильно-централизованное государство. Лассаль его хотѣлъ, а Бисмаркъ уже дѣлалъ. Какъ же имъ было не соединиться?

Съ самаго вступленія въ министерство, больше, со времени прусскаго парламента 1848 г. Бисмаркъ доказалъ, что онъ врагъ, презирающій врагъ буржуазіи; настоящая же дѣятельность показываетъ, что онъ не фанатикъ и не рабъ дворянско-феодальной партіи, къ которой принадлежитъ по происхожденію и по воспитанію и съ которой онъ, при помощи разбитой, покоренной и рабски послушной ему партіи буржуазныхъ либераловъ, демократовъ, республиканцевъ и даже соціалистовъ, сбиваетъ спѣсь и стремится окончательно привести къ одному государственному знаменателю.

Главная цѣль его, также какъ Лассаля и Маркса, государство. И потому Лассаль оказался несравнено логичнѣе и практичнѣе Маркса, признающаго Бисмарка революціонеромъ, конечно по своему, и мечтающаго о сверженіи его, вѣроятно потому, что онъ занимаетъ въ государствѣ первое мѣсто, которое, по мнѣнію г. Маркса, должно принадлежать ему.

Лассаль, повидимому, не имѣлъ такого высокаго самолюбія, и потому не гнушался войти въ сношенія

Библиотека "Руниверс"

съ Бисмаркомъ. Совершенно сообразно съ политическою программою, изложенною Марксомъ и Энгельсомъ въ „манифестѣ коммунистовъ“, Лассаль требовалъ отъ Бисмарка только одного: открытія государственнаго кредита рабочимъ производительнымъ товариществамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—и это доказываетъ степень его довѣрія къ Бисмарку,—онъ сообразно той же программѣ, поднялъ между рабочими мирно-законную агитацію въ пользу завоеванія избирательнаго права,—другая мечта, о которой мы уже высказали свое мнѣніе.

Неожиданная и преждевременная смерть Лассаля не позволила ему не только довести до конца, но даже хоть нѣсколько развить свои планы.

Послѣ смерти Лассаля въ Германіи между вольною федераціею обществъ для образованія рабочихъ и всеобщимъ нѣмецкимъ обществомъ рабочихъ, созданнымъ Лассалемъ, стала образовываться подъ прямымъ вліяніемъ друзей и послѣдователей г. Маркса, третья партія—„соціально-демократическая партія нѣмецкихъ работниковъ“. Во главѣ ея стали два весьма талантливые человѣка, одинъ полу-работникъ, другой литераторъ и прямой ученикъ и агентъ г. Маркса: гг. Бебель и Либкнехтъ.

Мы уже разсказывали печальныя послѣдствія похода г. Либкнехта въ Вѣну, въ 1868 г. Результатомъ этого похода былъ Нюренбергскій конгрессъ (августъ 1868 г.), на которомъ окончательно организовалась соціально-демократическая партія.

По намѣренію ея основателей, дѣйствовавшихъ подъ прямымъ руководствомъ Маркса, она должна была сдѣлаться пангерманскимъ отдѣломъ Интернаціональнаго Общества Рабочихъ. Но нѣмецкіе и особенно прусскіе законы были противны такому соединенію. Поэтому оно было заявлено только косвеннымъ образомъ, а именно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Соціально-демократическая партія нѣмецкихъ работниковъ становится въ связь съ Интернаціональнымъ Обществомъ на сколько это допускается нѣмецкими законами.“

Несомнѣнно, что эта новая партія была основана въ Германіи съ тайною надеждою и замысломъ посредствомъ ея внести въ Интернаціоналъ всю программу

Библиотека "Руниверс"

Маркса, устраненную первымъ Женевскимъ конгрессомъ (1866).

Программа Маркса сдѣлалась программой соціально-демократической партіи. Въ началѣ въ ней повторяются нѣкоторые изъ главныхъ параграфовъ Интернаціональной программы, утвержденной первымъ Женевскимъ конгрессомъ; но потомъ, вдругъ, совершается крутой переходъ къ „завоеванію политической власти,“ рекомендуемой нѣмецкимъ работникамъ, какъ ближайшая и непосредственная цѣль“ новой партіи, съ прибавленіемъ слѣдующей знаменательной фразы: „Завоеваніе политическихъ правъ, (всенародное право избирательства, свобода печати, свобода ассоціацій и публичныхъ собраній и т. д.), какъ необходимое предварительное условіе экономическаго освобожденія работниковъ.“

Эта фраза имѣетъ вотъ какое значеніе: прежде чѣмъ приступить къ соціальной революціи, работники должны совершить политическую революцію, или что болѣе сообразно съ природою нѣмцевъ, завоевать, или еще проще, пріобрѣсть политическое право посредствомъ мирной агитаціи. А такъ какъ всякое политическое движеніе не можетъ быть другимъ, какъ движеніемъ буржуазнымъ, то и выходитъ, что эта программа рекомендуетъ нѣмецкимъ работникамъ усвоить себѣ прежде всего буржуазные интересы и цѣли и совершить политическое движеніе въ пользу радикальной буржуазіи, которая потомъ въ благодарность не освободитъ народъ, а подчинитъ его новой власти, новой эксплуатаціи.

На основаніи этой программы совершилось трогательное примиреніе нѣмецкихъ и австрійскихъ работниковъ съ буржуазными радикалами „народной партіи“. По окончаніи Нюренбергскаго конгресса делегаты, избранные съ этою цѣлью конгрессомъ, отправились въ Штутгартъ, гдѣ и былъ заключенъ между представителями обманутыхъ работниковъ и коноводами буржуазно-радикальной партіи, формальный оборонительный и наступательный союзъ.

Вслѣдствіе такого союза, какъ тѣ такъ и другіе явились вмѣстѣ, какъ братья, на второй конгрессъ Лиги Мира и Свободы, открывшійся въ сентябрѣ въ Бернѣ.

Библиотека "Руниверс"

Тутъ приключился довольно знаменательный фактъ. Если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе изъ нашихъ читателей слышали о расколѣ, впервые обнаружившемся на этомъ конгрессѣ между буржуазными соціалистами и демократами и революціонными соціалистами, принадлежавшими къ партіи такъ-называемаго Союза (Алліансъ) или вступившими въ него послѣ этого.

Вопросъ, который подалъ внѣшній поводъ къ этому разрыву, сдѣлавшемуся уже гораздо прежде неизбѣжнымъ, былъ поставленъ алліансистами чрезвычайно опредѣленно и ясно. Они хотѣли вывести наружу буржуазныхъ демократовъ и соціалистовъ, заставить ихъ громко высказать не только ихъ равнодушіе, но положительно враждебное отношеніе къ вопросу, который единственно можетъ быть названъ народнымъ вопросомъ—къ вопросу соціальному.

Для этого они предложили „Лигѣ Мира и Свободы" признать за главную цѣль всѣхъ своихъ стремленій: „уравненіе лицъ" (не только въ политическомъ или юридическомъ, но главнымъ образомъ въ экономическомъ отношеніи) „и классовъ" (въ смыслѣ совершеннаго уничтоженія послѣднихъ). Словомъ они пригласили Лигу принять програму соціально-революціонную.

Они дали нарочно самую увѣренную форму своему предложенію, дабы противники, большинство Лиги, не имѣли возможности маскировать своего отказа возраженіемъ противъ слишкомъ рѣзкой постановки вопроса. Имъ было сказано ясно: „Мы теперь еще не касаемся вопроса о средствахъ для достиженія цѣли. Мы спрашиваемъ Васъ, хотите-ли Вы осуществленія этой цѣли? Признаете-ли Вы ее за законную и въ настоящее время за главную, чтобы не сказать единую цѣль? Хотите-ли, желаете-ли Вы осуществленія полнѣйшаго равенства не физіологическаго и не этнографическаго, а соціально-экономическаго между всѣми людьми, къ какой бы части свѣта, къ какому бы народу и полу они не принадлежали. Мы убѣждены и вся новѣйшая исторія служитъ подтвержденіемъ, пока человѣчество будетъ раздѣлено на меньшинство эксплуататоровъ и большинство эксплуатируемыхъ, свобода не мыслима и становится ложью. Если Вы хотите свободы для всѣхъ, то Вы должны

Библиотека "Руниверс"

хотѣть вмѣстѣ съ нами всеобщаго равенства. Хотите-ли Вы его, да или нѣтъ?"

Если бы господа буржуазные демократы и соціалисты были умнѣе, они, для спасенія своей чести, отвѣтили бы да, но какъ люди практическіе отложили бы осуществленіе этой цѣли на очень далекія времена. Алліансисты, опасаясь такого отвѣта, напередъ условились между собою поставить въ такомъ случаѣ вопросъ о путяхъ и средствахъ, необходимыхъ для достиженія цѣли. Тогда выступилъ бы впередъ вопросъ о коллективной и индивидуальной собственности, объ уничтоженіи юридическаго права и о государствѣ.

Но на этомъ полѣ для большинства конгресса было бы гораздо удобнѣе принять сраженіе чѣмъ на первомъ. Ясность перваго вопроса была такова, что не допускала никакихъ увертокъ. Второй же вопросъ гораздо сложнѣе и даетъ поводъ къ безчисленному множеству толковъ, такъ, что при нѣкоторой ловкости, можно говорить и вотировать противъ народнаго соціализма и всетаки казаться соціалистомъ и другомъ народа. Въ этомъ отношеніи школа Маркса дала намъ много примѣровъ, и нѣмецкій диктаторъ такъ гостепріименъ (подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ему кланялись), что онъ въ настоящее время прикрываетъ своимъ знаменемъ огромное количество съ ногъ до головы буржуазныхъ соціалистовъ и демократовъ, и Лига Мира и Свободы могла бы пріютиться подъ нимъ, если бы только согласилась признать его за перваго человѣка.

Если бы буржуазный конгрессъ поступилъ такимъ образомъ, то положеніе алліансистовъ стало бы несравненно труднѣе; между Лигою и ими произошла бы таже самая борьба, которая существуетъ нынѣ между ими и Марксомъ. Но Лига оказалась глупѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ честнѣе марксистовъ; она приняла сраженіе на первомъ ей предложенномъ полѣ, и на вопросъ: „хочетъ-ли она экономическаго равенства, да или нѣтъ?"— огромнымъ большинствомъ отвѣтила „нѣтъ". Этимъ окончательно отрѣзала себя отъ пролетаріата и обрекла на близкую смерть. Она умерла, и оставила только двѣ блуждающія и горько жалующіяся тѣни: Армандъ Гегъ и сенъ-симонистъ-милліонеръ, Лемонье.

Теперь возвратимся къ странному факту, случивше-

Библиотека "Руниверс"

муся на этомъ конгрессѣ, а именно: делегаты, пріѣхавшіе изъ Нюренберга и Штутгардта, т. е. работники, отряженные Нюренбергскимъ конгрессомъ новой соціально-демократической партіей нѣмецкихъ рабочихъ и буржуазные швабы „народной партіи", вмѣстѣ съ большинствомъ Лиги, вотировали единодушно противъ равенства. Что такъ вотировали буржуа, удивляться нечего, на то они и буржуа. Никакой буржуа, будь онъ самый красный революціонеръ, экономическаго равенства хотѣть не можетъ, потому что это равенство его смерть.

Но какимъ образомъ работники, члены соціально-демократической партіи, могли вотировать противъ равенства? Не доказываетъ-ли это, что программа, которой они нынѣ подчинены, прямо ведетъ ихъ къ цѣли совершенно противоположной той, которая поставлена имъ ихъ соціальнымъ положеніемъ и инстинктомъ; и что ихъ союзъ съ буржуазными радикалами, заключенный ради политическихъ видовъ, основанъ не на поглощеніи буржуазіи пролетаріатомъ, а напротивъ, на подчиненіи послѣдняго первой.

Замѣчателенъ еще другой фактъ. Брюссельскій конгрессъ Интернаціонала, закрывшій свои засѣданія за нѣсколько дней передъ Бернскимъ, отвергъ всякую солидарность съ послѣднимъ, и всѣ марксисты, участвовавшіе въ Брюссельскомъ конгрессѣ, говорили и вотировали въ этомъ смыслѣ. Какимъ же образомъ другіе марксисты, дѣйствовавшіе, какъ и первые, подъ прямымъ вліяніемъ Маркса, могли прійти къ такому трогательному единодушію съ большинствомъ Бернскаго конгресса?

Все это осталось загадкою, до сихъ поръ не разгаданною. Тоже противорѣчіе въ продолженіи цѣлаго 1868 даже послѣ 1869 г. оказалось въ Volksstaat'ѣ главномъ, можно сказать, оффиціальномъ органѣ соціально-демократической партіи нѣмецкихъ работниковъ, издаваемомъ гг. Бебелемъ и Либкнехтомъ. Иногда печатались въ немъ довольно сильныя статьи противъ буржуазной Лиги; но за ними слѣдовали несомнѣнныя заявленія нѣжности, иногда дружескіе упреки. Органъ, долженствовавшій предс авлять чисто народные интересы, какъ бы умолялъ Лигу укротить свои слишкомъ

Библиотека "Руниверс"

ярыя заявленія буржуазныхъ инстинктовъ, компрометировавшія защитниковъ Лиги передъ работниками.

Такое колебаніе въ партіи г. Маркса продолжалось до сентября 1869 г., т. е. до Базельскаго конгресса. Этотъ конгрессъ составляетъ эпоху въ развитіи Интернаціонала.

Прежде этого, нѣмцы принимали самое слабое участіе въ конгрессахъ Интернаціонала. Главную роль играли въ немъ работники Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и отчасти Англіи. Теперь же нѣмцы, организовавшіе партію, на основаніи вышесказанной, болѣе буржуазно-политической чѣмъ народно-соціальной программы, явились на Базельскій конгрессъ, какъ хорошо вымуштрованная рота, и вотировали, какъ одинъ человѣкъ, подъ строгимъ надзоромъ одного изъ своихъ коноводовъ, г. Либкнехта.

Первымъ ихъ дѣломъ было, разумѣется, внесеніе своей программы, съ предложеніемъ поставить политическій вопросъ во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ. Произошло горячее сраженіе, въ которомъ нѣмцы потерпѣли рѣшительное пораженіе. Базельскій конгрессъ сохранилъ чистоту Интернаціональной программы, не позволилъ нѣмцамъ ее исказить, внесеніемъ въ нее буржуазной политики.

Такимъ образомъ начался расколъ въ Интернаціоналѣ, причиною коего были и остаются нѣмцы. Обществу, по преимуществу интернаціональному, они дерзнули предложить, хотѣли навязать почти насильно, свою программу тѣсно-буржуазную и національно-политическую, исключительно нѣмецкую, пангерманскую.

Они были на голову разбиты, и такому пораженію не мало способствовали люди, принадлежавшіе къ „Союзу Соціальныхъ Революціонеровъ“— алліансисты. Отсюда жестокая ненависть нѣмцевъ противъ „Союза“. Конецъ 1869 и первая половина 1870 г. были исполнены злостною бранью и еще болѣе злостными и не рѣдко подлыми кознями марксистовъ противъ людей „Алліанса“.

Но все это скоро замолкло передъ военно-политическою грозою, собравшеюся въ Германіи и разлившеюся во Франціи. Исходъ войны извѣстенъ: Франція

Библиотека "Руниверс"

упала, и Германія, превратившаяся въ имперію, стала на ея мѣсто.

Мы сказали, сейчасъ, что Германія заняла мѣсто Франціи. Нѣтъ, она заняла мѣсто, котораго никакое государство не занимало прежде и въ новѣйшей исторіи, не занимало его даже Испанія Карла V, развѣ только имперія Наполеона I можетъ сравниться съ нею по могуществу и вліянію.

Мы не знаемъ что было бы, если бы, побѣдилъ Наполеонъ III. Безъ сомнѣнія, было бы худо, даже очень худо; но не случилось бы худшаго несчастія для цѣлаго міра, для свободы народовъ, чѣмъ теперь. Побѣда Наполеона III имѣла бы послѣдствія для другихъ странъ, какъ острый недугъ, мучительный, но не продолжительный, потому что ни въ одномъ слоѣ французской націи нѣтъ въ достаточной мѣрѣ того огранически-государственнаго элемента, который необходимъ для упроченія и увѣковѣченія побѣды. Французы сами разрушили бы свое временное преобладаніе, которое, положимъ, могло бы польстить ихъ тщеславію, но котораго не сноситъ ихъ темпераментъ.

Нѣмецъ другое дѣло. Онъ созданъ въ одно и тоже время для рабства и для господства; французъ-солдатъ по темпераменту, по хвастовству, но онъ не терпитъ дисциплины. Нѣмецъ подчинится охотно самой несносной, обидной и тяжелой дисциплинѣ; онъ даже готовъ ее полюбить, лишь бы она поставила его, вѣрнѣе, его нѣмецкое государство надъ всѣми другими государствами и народами.

Какъ иначе объяснить этотъ сумашедшій восторгъ, который овладѣлъ цѣлою нѣмецкою націею, всѣми, рѣшительно всѣми слоями нѣмецкаго общества, при полученіи извѣстія о рядѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ нѣмецкими войсками и наконецъ, о взятіи Парижа? Всѣ очень хорошо знали въ Германіи, что прямымъ результатомъ побѣдъ будетъ рѣшительное преобладаніе военнаго элемента, уже и прежде отличавшагося чрезмѣрною дерзостью; что слѣдовательно для внутренней жизни наступитъ торжество самой грубой реакціи: и чтоже? ни одинъ, или почти ни одинъ нѣмецъ не испугался, напротивъ, всѣ соединились въ единодушномъ восторгѣ. Вся швабская оппозиція рас-

Библиотека "Руниверс"

таяла, какъ снѣгъ, передъ блескомъ новоимператорскаго солнца. Исчезла народная партія, и бюргеры, и дворяне, и мужики, и профессора, и художники, и литераторы, и студенты запѣли хоромъ о пангерманскомъ торжествѣ. Всѣ нѣмецкія общества и кружки на чужбинѣ стали задавать празднества и восклицали „да здраствуетъ императоръ“! тотъ самый, который вѣшалъ демократовъ въ 1848 г. Всѣ либералы, демократы, республиканцы подѣлались бисмаркіанцами; даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ кажется можно было научиться и привыкнуть къ свободѣ, восторженые милліоны нѣмецкихъ переселенцевъ праздновали торжество пангерманскаго деспотизма.

Такой повсемѣстный и всеобщій фактъ не можетъ быть преходящимъ явленіемъ. Онъ обнаруживаетъ глубокую страсть, живущую въ душѣ каждаго нѣмца, страсть, заключающую въ себѣ какъ бы неразлучные элементы, приказаніе и послушаніе, господство и рабство.

А нѣмецкіе работники? Ну нѣмецкіе работники не сдѣлали ничего, ни одного энергическаго заявленія симпатіи, сочувствія къ работникамъ Франціи. Было очень немного митинговъ, гдѣ было сказано нѣсколько фразъ, въ которыхъ торжествовавшая, національная гордость какъ бы умолкала передъ заявленіемъ интернаціональной солидарности. Но далѣе фразъ ни одинъ не пошелъ, а въ Германіи, вполнѣ очищеной отъ войскъ, можно было бы тогда кое-что начать и сдѣлать. Правда, что множество работниковъ было завербовано въ войска, гдѣ они отлично исполняли обязанности солдата, т. е. били, душили, рѣзали и разстрѣливали всѣхъ по приказанію начальства, а также и грабили. Нѣкоторые изъ нихъ, исполняя такимъ образомъ свои воинскія обязанности, писали въ тоже самое время жалостныя письма въ Volksstaat, и живыми красками описывали варварскіе поступки, совершенные нѣмецкими войсками во Франціи.

Было однако нѣсколько примѣровъ болѣе твердой оппозиціи; такъ протесты доблестнаго старца Якоби, за что онъ былъ посаженъ въ крѣпость; протесты гг. Либкнехта и Бебеля, и до сихъ поръ еще находящихся въ крѣпостяхъ. Но это одинокіе и весьма рѣдкіе примѣры. Мы не пожемъ позабыть статьи, появившейся въ сен-

Библиотека "Руниверс"

тябрѣ 1870 г. въ Volksstaat'ѣ, въ которой явно обнаруживалось пангерманское торжество. Она начиналась слѣдующими словами: „Благодаря побѣдамъ, одержаннымъ нѣмецкими войсками, историческая иниціатива окончательно перешла отъ Франціи къ Германіи; мы, нѣмцы и т. д.

Словомъ, можно сказать, безъ всякаго исключенія, что у нѣмцевъ преобладало и преобладаетъ понынѣ восторженное чувство военнаго и политическаго національнаго торжества. Вотъ на чемъ опирается, главнымъ образомъ, могущество пангерманской имперіи и ея великаго канцлера, князя Бисмарка.

Завоеванныя богатыя области, безчисленныя массы завоеваннаго оружія и, наконецъ, пять милліардовъ, позволяющихъ Германіи содержать огромное, отлично вооруженное и усовершенствованное войско; созданіе имперіи и ограническое подчиненіе ея прусскому самодержавію, вооруженіе новыхъ крѣпостей и, наконецъ, созданіе флота—все это разумѣется значительно способствуетъ усиленію пангерманскаго могущества. Но его главная опора все таки заключется въ глубокой и несомнѣнной народной симпатіи.

Какъ выразился одинъ нашъ швейцарскій пріятель: „Теперь всякій нѣмецкій портной, проживающій въ Японіи, въ Китаѣ, въ Москвѣ чувствуетъ за собою нѣмецкій флотъ и всю нѣмецкую силу; это гордое сознаніе приводитъ его въ сумашедшій восторгъ: наконецъ то нѣмецъ дожилъ до того, что онъ можетъ, какъ англичанинъ или американецъ, опираясь на свое государство, сказать съ гордостью: я нѣмецъ". Правда, что англичанинъ или американецъ, говоря: „я англичанинъ", „я американецъ", говорятъ этимъ словомъ: „я человѣкъ свободный"; нѣмецъ же говоритъ: „я рабъ, но за то мой императоръ сильнѣе всѣхъ государей, и нѣмецкій солдатъ, который меня душитъ, васъ всѣхъ задушитъ".

Долго-ли нѣмецкій народъ будетъ удовлетворяться этимъ сознаніемъ? Кто можетъ это сказать? Онъ такъ долго жаждалъ нынѣ, только нисшедшей едино-государственной, едино-палочной благодати, что должно думать онъ долго еще, очень долго будетъ ею наслаждаться. У всякаго народа свой вкусъ, а въ нѣмецкомъ

Библиотека "Руниверс"

народѣ преобладаетъ вкусъ къ сильной государственной палкѣ.

Что съ государственною централизаціею начнутъ и уже начали развиваться въ Германіи всѣ злыя начала, весь развратъ, всѣ причины внутренняго распаденія, неизбѣжно сопряженныя съ обширными политическими централизаціями, въ этомъ никто сомнѣваться не можетъ. Сомнѣніе тѣмъ менѣе возможно, что предъ глазами всѣхъ уже совершается процессъ нравственнаго и умственнаго разложенія; стоитъ только читать нѣмецкіе журналы, самые консервативные или умѣренные, чтобы встрѣтить вездѣ ужасающія описанія разврата, овладѣвшаго нѣмецкою публикою, какъ извѣстно, честнѣйшею въ мірѣ.

Это неизбѣжный результатъ капиталистическій монополіи, всегда и вездѣ сопровождающей усиленіе и расширеніе государственной централизаціи. Привиллегированный и въ немногихъ рукахъ сосредоточенный капиталъ въ настоящее время, можно сказать, сталъ душею всякаго политическаго государства, которое кредируется имъ, только имъ, и въ замѣнъ обезпечиваетъ ему безграничное право эксплуатировать народный трудъ. Съ денежною монополіею неразлучна биржевая игра и высасываніе изъ народной массы, а также изъ среды малой и средней, постепенно бѣднѣющей буржуазіи, послѣдней копѣйки, посредствомъ акціонерныхъ производительныхъ и торговыхъ компаній.

Съ биржевою и акціонерною спекуляціею пропадаетъ въ средѣ буржуазіи древняя буржуазная добродѣтель, основанная на бережливости, умѣренности и трудѣ; порождается общее стремленіе къ быстрому обогащенію; а такъ какъ это возможно не иначе, какъ посредствомъ обмана и такъ называемаго законнаго, а также и незаконнаго, но только ловкаго воровства, то необходимымъ образомъ должны исчезнуть старая филистерская честность и добросовѣстность.

Замѣчательно съ какою быстротою пропадаетъ, на нашихъ глазахъ, пресловутая нѣмецкая честность. Нѣмецкій честный филистеръ былъ неописанно тѣсенъ и глупъ; но развращенный нѣмецъ, это такое отвратительное созданіе, для описанія котораго нѣтъ словъ. Во французѣ развратъ прикрывается граціею, легкимъ

Библиотека "Руниверс"

и привлекательнымъ умомъ; нѣмецкій же развратъ, не знающій мѣры, ничѣмъ не прикрытъ. Онъ зіяетъ во всей своей отвратительной, грубой и глупой наготѣ.

Съ этимъ новымъ экономическимъ направленіемъ, овладѣвшимъ всѣмъ нѣмецкимъ обществомъ, исчезаетъ, видимо, и все достоинство нѣмецкой мысли, нѣмецкаго искусства, нѣмецкой науки. Профессора, болѣе чѣмъ когда нибудь, стали лакеями, а студенты пуще прежняго упиваются пивомъ за здоровье и въ честь своего императора.

А крестьяне? Они остаются въ недоумѣніи. Отодвигаемые и загоняемые систематически въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ самою либеральною буржуазіею въ лагерь реакціи, они въ огромнѣйшемъ большинствѣ, особливо въ Австріи, въ средней Германіи и въ Баваріи, составляютъ теперь самую твердую опору реакціи. Много еще времени должно пройти, пока не увидятъ и не поймутъ они, что единое пангерманское государство и императоръ съ своимъ безчисленнымъ военнымъ, гражданскимъ и полицейскимъ штатомъ душитъ и грабитъ ихъ.

Наконецъ, работники. Они сбиты съ толку своими политическими, литературствующими и еврействующими коноводами. Положеніе ихъ, правда, становится годъ отъ году несноснѣе, и это доказывается серьезными смутами, происходящими въ ихъ средѣ во всѣхъ главныхъ индустріальныхъ пунктахъ Германіи. Почти не проходитъ мѣсяца, недѣли, чтобы не произошло уличное волненіе, а иногда даже и столкновеніе съ полиціею въ какомъ нибудь нѣмецкомъ городѣ. Но изъ этого отнюдь не должно заключать, что близка народная революція, во первыхъ потому, что сами коноводы не хуже любого буржуа ненавидятъ революцію и боятся ея, хотя и говорятъ о ней безпрестанно.

Вслѣдствіе этой ненависти и боязни они направили все рабочее народонаселеніе на путь такъ называемой законной и мирной агитаціи, результатомъ которой обыкновенно бываетъ выборъ одного или двухъ работниковъ или даже литературствующихъ буржуа изъ партіи соціальныхъ демократовъ въ обще-германскій парламентъ. Но это не только не опасно, напротивъ чрез-

Библиотека "Руниверс"

вычайно полезно для нѣмецкаго государства, какъ громовой отводъ, какъ отдушина.

Наконецъ, уже потому нельзя ожидать нѣмецкой революціи, что въ дѣйствительности въ умѣ, характерѣ, темпаментѣ нѣмца чрезвычайно мало революціонныхъ элементовъ. Нѣмецъ будетъ разсуждать противъ всякаго начальства и даже противъ императора сколько вамъ будетъ угодно. Резонерству его не будетъ конца; но это самое резонерство, испаряя такъ сказать его умственныя и нравственныя силы, и не давая имъ возможности сосредоточиваться, избавляютъ его отъ опасности революціоннаго взрыва.

Да и какимъ образомъ революціонное направленіе могло бы сочетаться въ нѣмецкомъ народѣ съ наслѣдственнымъ послушаніемъ и стремленіемъ къ преобладанію, составляющимъ, какъ мы уже нѣсколько разъ повторили, основныя черты его существа? И знаете-ли какое стремленіе преобладаетъ нынѣ въ сознаніи или инстинктѣ каждаго нѣмца? Стремленіе распространить широко, далеко предѣлы нѣмецкой имперіи.

Возьмите вы нѣмца изъ какого общественнаго слоя вамъ будетъ угодно, и много будетъ, если вы найдете одного изъ тысячи, что говорю я, изъ десяти тысячъ нѣмцевъ, который на извѣстную пѣсню Арнта не отвѣтитъ вамъ:

„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣмецкое отечество должно быть шире“.

Всякій нѣмецъ думаетъ, что дѣло образованія великой германской имперіи только что началось, и чтобы довести его до конца необходимо присоединить къ ней всю Австрію кромѣ Венгріи, Швецію, Данію, Голландію, часть Бельгіи, еще часть Франціи и всю Швейцарію по самыя Альпы. Вотъ его страсть, которая въ настоящее время заглушаетъ въ немъ все остальное. Она также заправляетъ нынѣ и всѣми дѣйствіями соціально-демократической партіи.

И не думайте, что Бисмаркъ былъ такимъ ярымъ врагомъ этой партіи, какимъ онъ прикидывается. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы не видѣть, что она служитъ ему какъ піонеръ, распространяя германскую государственную мысль въ Австріи, Швеціи, Даніи, Бельгіи,

Библиотека "Руниверс"

Голландіи и Швейцаріи. Въ распространеніи этой германской идеи состоитъ нынѣ главное стремленіе г. Маркса, который, какъ мы уже замѣтили, попытался возобновить, въ свою пользу, въ Интернаціоналѣ, подвиги и побѣды князя Бисмарка.

Бисмаркъ держитъ, въ рукахъ всѣ партіи и врядъ ли отдастъ ихъ въ руки г. Маркса; онъ теперь гораздо болѣе, чѣмъ папа и чѣмъ клерикальная Франція, глава европейской, можно даже сказать, всемірной реакціи.

Французская реакція уродлива, смѣшна и плачевна до крайности, но она отнюдь не опасна. Она слишкомъ безумна, слишкомъ нелѣпо противорѣчитъ всѣмъ стремленіямъ новѣйшаго общества, не говоря о пролетаріатѣ, но самой буржуазіи, всѣмъ условіямъ государственнаго существованія, чтобы она могла стать дѣйствительною силою. Вся она ни что иное, какъ болѣзненная, отчаянная конвульсія умирающаго французскаго государства.

Совсѣмъ другое дѣло пангерманская реакція. Она не хвастаетъ грубымъ и глупымъ противорѣчіемъ съ современными требованіями буржуазной цивилизаціи, напротивъ употребляетъ всевозможное тщаніе, чтобы во всѣхъ вопросахъ дѣйствовать въ полнѣйшемъ согласіи съ нею. Въ искусствѣ прикрывать самыми либеральными и даже демократическими формами свои деспотическія дѣйствія и дѣла, они превзошли своего учителя Наполеона III.

Посмотрите, напримѣръ, въ религіозномъ вопросѣ. Кто взялъ смѣлую иниціативу рѣшительно противодѣйствовать средневѣковымъ притязаніямъ папскаго престола? Германія, князь Бисмаркъ, который не побоялся интригъ іезуитовъ, подкапывающихся противъ него вездѣ: и въ народѣ, который они волнуютъ, а главное при императорскомъ дворѣ, чрезвычайно склонномъ еще къ ханжеству всякаго рода; не побоялся даже ихъ кинжала, яда, которымъ, какъ извѣстно, они издавна имѣютъ обыкновеніе отдѣлываться отъ опасныхъ противниковъ. Князь Бисмаркъ до такой степени сильно выступилъ противъ римско-католической церкви, что самъ старый и добродушный Гарибальди, герой на полѣ битвы, но весьма плохой философъ и политикъ, ненавидящій поповъ больше всего, такъ что достаточно

Библиотека "Руниверс"

объявить себя ихъ врагомъ, чтобы быть провозглашеннымъ за самаго передового и либеральнаго человѣка, самъ Гарибальди, повторяемъ, недавно напечаталъ восторженный дифирамбъ въ пользу нѣмецкаго, великаго канцлера и провозгласилъ его освободителемъ Европы и міра. Не понялъ бѣдный генералъ того, что въ настоящее время эта реакція несравненно хуже и опаснѣе, чѣмъ реакція церковная, злая но безсильная, потому что нынѣ она рѣшительно невозможна; что реакція государственная нынѣ болѣе опасна, что она еще возможна, что она составляетъ нынѣ послѣднюю и единственную возможную форму реакціи. Множество такъ называемыхъ либераловъ и демократовъ не понимаютъ этого до сихъ поръ, и потому множество, на подобіе Гарибальди, смотрятъ на Бисмарка, какъ на поборника народной свободы.

Точно также поступаетъ князь Бисмаркъ и съ соціальнымъ вопросомъ. Развѣ не собралъ онъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, настоящій соціальный конгрессъ ученыхъ юристовъ и политико-экономовъ Германіи, чтобы подвергнуть строгому и глубокомысленному обсужденію всѣ вопросы, занимающіе нынѣ рабочихъ. Правда, эти господа ничего не рѣшили, да и рѣшить не могли, потому что имъ былъ заданъ одинъ вопросъ: какъ облегчить положеніе рабочихъ, не измѣняя нисколько нынѣ существующія отношенія капитала къ труду, или что все равно, какъ сдѣлать невозможное возможнымъ. Ясно, что они должны были разойтись, ничего не рѣшивъ, но все таки осталась слава, что Бисмаркъ не въ примѣръ другимъ государственнымъ людямъ Европы, понимаетъ всю важность соціальнаго вопроса и тщательно занимается имъ.

Наконецъ онъ далъ полнѣйшее удовлетвореніе политическому тщеславію нѣмецкой патріотической буржуазіи. Онъ не только создалъ могучую единую пангерманскую имперію, надѣлилъ ее даже самыми либеральными и демократическими формами управленія; далъ ей парламентъ, основанный на всенародномъ правѣ избирательства, съ неограниченнымъ правомъ толковать о всевозможныхъ вопросахъ, предоставляя себѣ лишь одно право дѣлать и проводить на практикѣ только то, что ему и его государю угодно. Такимъ об-

Библиотека "Руниверс"

разомъ онъ открылъ нѣмцамъ поле для болтовни безграничной, себѣ же оставилъ только три вещи: финансы, полицію и армію, т. е. всю суть настоящаго государства, всю силу реакціи.

Благодаря этимъ тремъ маленькимъ вещицамъ онъ властвуетъ теперь неограниченно въ цѣлой Германіи, а посредствомъ Германіи на цѣломъ континентѣ Европы. Мы показали и, какъ намъ кажется доказали, что всѣ другіе континентальные государства или такъ слабы, что о нихъ нечего и говорить, или еще не сложились, да никогда и не сложатся въ серьезные государства, напр. Италія, или наконецъ, находятся въ процессѣ разложенія, какъ Австрія, Турція, Россія, Испанія и Франція. Среди недоростковъ съ одной стороны и развалинъ съ другой возвышается полное красоты и силы величавое зданіе пангерманскаго государства—послѣднее убѣжище всѣхъ привиллегій и монополій, словомъ буржуазной цивилизаціи, послѣдній и могучій оплотъ государственности, т. е. реакціи. Да, на континетѣ Европы существуетъ только одно настоящее государство—пангерманское; всѣ же остальные только вицекоролевства великой нѣмецкой имперіи.

Эта имперія устами своего великаго канцлера объявила войну на жизнь или на смерть соціальной революціи. Князь Бисмаркъ произнесъ ея смертный приговоръ во имя сорока милліоновъ нѣмцевъ, стоящихъ за нимъ и служащихъ ему опорою. Марксъ же, соперникъ и завистникъ его, а за нимъ и всѣ коноводы соціально-демократической партіи Германіи, какъ бы въ подтвержденіе Бисмарка, съ своей стороны объявили такую же отчаянную войну соціальной революціи. Все это мы подробно изложимъ въ слѣдующей части.

Мы увидимъ, что въ настоящій моментъ съ одной стороны стоитъ полнѣйшая реакція, осуществившаяся въ германской имперіи, въ германскомъ народѣ, обуреваемомъ единою страстью завоеванія и преобладанія, т. е. государствованія; съ другой, какъ единая поборница освобожденія народовъ, милліоновъ чернорабочихъ всѣхъ странъ, подымаетъ свою голову соціальная революція. Покамѣсть она сосредоточила свои силы только на югѣ Европы: въ Италіи, Испаніи, Франціи; но вскорѣ надѣемся подъ ея знамя встанутъ и сѣверо-западные

Библиотека "Руниверс"

народы: Бельгія, Голландія и главнымъ образомъ Англія, а тамъ, наконецъ, и всѣ славянскія племена.

На пангерманскомъ знамени написано: удержаніе и усиленіе государства во что бы ни стало; на соціально-революціонномъ же, на нашемъ знамени, напротивъ, огненными, кровавыми буквами начертано разрушеніе всѣхъ государствъ, уничтоженіе буржуазной цивилизаціи, вольная организація снизу вверхъ посредствомъ вольныхъ союзовъ,—организація разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденнаго человѣчества, созданіе новаго общечеловѣческаго міра.

Въ слѣдующей части будетъ показано, какъ эти два противоположныя начала выступили и развились въ сознаніи самого пролетаріата Европы.

Библиотека "Руниверс"

ПРИБАВЛЕНІЕ А.

Для предупрежденія недоразумѣній считаемъ однако необходимымъ замѣтить, что то, что мы называемъ идеаломъ народа, ничего не имѣетъ подобнаго съ тѣми политически-соціальными схемами, формулами и теоріями, выработанными, помимо народной жизни, досугомъ буржуазныхъ ученыхъ или полуученыхъ и предлагаемыя милостиво невѣжественной народной толпѣ, какъ необходимое условіе ихъ будущаго устройства. Мы не имѣемъ ни малѣйшей вѣры въ эти теоріи, и самыя лучшія изъ нихъ кажутся намъ Прокустовыми кроватями, слишкомъ узкими для того, чтобы охватить могучее и широкое раздолье народной жизни.

Наука, самая раціональная и глубокая, не можетъ угадать формы будущей общественной жизни. Она можетъ опредѣлить только отрицательныя условія, логически вытекающія изъ строгой критики существующаго общества. Такимъ образомъ соціально-экономическая наука при такой критикѣ дошла до отрицанія лично-наслѣдственной собственности и, слѣдовательно, до отвлеченнаго и, какъ бы сказать, отрицательнаго положенія собственности коллективной, какъ необходимаго условія будущаго соціальнаго строя. Такимъ же путемъ дошла она до отрицанія самой идеи государства и государствованія, т. е. управленія обществомъ сверху внизъ, во имя какого бы то ни было мнимаго права, богословскаго или метафизическаго, божественнаго или интеллигентно-ученаго и вслѣдствіе того пришла къ противуположному, а потому и отрицательному положенію—къ анархіи, т. е. къ самостоятельной свободной организаціи всѣхъ единицъ или частей со-

Библиотека "Руниверс"

ставляющихъ общины и ихъ вольной федераціи между собою, снизу вверхъ, не по приказанія какого бы то ни было начальства, даже избраннаго и не по указаніямъ какой либо ученой теоріи, а вслѣдствіи совсѣмъ естественнаго развитія всякаго рода потребностей, проявляемыхъ самою жизнью.

Поэтому никакой ученый не въ состояніи научить народъ, не въ состояніи опредѣлить даже для себя, какъ народъ будетъ и долженъ жить на другой день соціальной революціи. Это опредѣлится, во первыхъ, положеніемъ каждаго народа и, во вторыхъ, тѣми стремленіями, которые въ нихъ проявятся и будутъ сильнѣе дѣйствовать, отнюдь же не руководствами и уясненіями сверху и вообще никакими теоріями, выдуманными наканунѣ революціи.

Намъ извѣстно, что въ Россіи теперь развилось цѣлое направленіе къ образованію такъ называемыхъ народныхъ учителей. Утверждаютъ, что должно прежде всего научить народъ, а когда онъ научится и пойметъ свои права и обязанности, тогда только можно его бунтовать. Тутъ сейчасъ же является вопросъ, чему вы станете учить народъ? Не тому ли, чего сами не знаете, не можете знать и чему сами должны прежде всего выучиться у народа?

Въ этомъ направленіи или въ этой, далеко, впрочемъ, не новой партіи необходимо различать двѣ категоріи.

Самая многочисленная—это категорія доктринеровъ, шарлатановъ большею частью и себя-надувателей, которые не отказываясь ни отъ какихъ удовольствій и выгодъ, доставляемыхъ существующимъ обществомъ привиллегированному и богатому меньшинству, вмѣстѣ съ тѣмъ хотятъ пріобрѣсти или сохранить репутацію людей, преданныхъ въ дѣйствительности дѣлу народнаго освобожденія, а пожалуй даже революціонеровъ, —когда это не бываетъ сопряжено съ слишкомъ большими неудобствами. Такихъ господъ въ Россіи появилось слишкомъ много. Они учреждаютъ народные банки, артели, потребительныя и производительныя общества, занимаются, конечно, женскимъ вопросомъ, и именуютъ себя громко поборниками науки, позитивистами, а теперь марксистами. Общая черта отличающая ихъ—это ни чѣмъ не жертвовать, беречь и холить свои дорогія

Библиотека "Руниверс"

личности пуще всего, и вмѣстѣ съ тѣмъ желать слыть передовыми людьми во всѣхъ отношенія хъ.

Съ этою категоріею, какъ бы многочисленна она ни была, разговоры напрасны. До революціи ее можно только разоблачать и срамить; а въ революцію.... ну тогда будемъ надѣяться, что они сами пропадутъ.

Но есть другая категорія, состоящая изъ молодыхъ людей честныхъ, дѣйствительно преданныхъ и которые бросались въ это направленіе, въ послѣднее время, какъ бы съ отчаянія, только потому, что имъ кажется, что при настоящихъ обстоятельствахъ другого дѣла и выхода нѣтъ. Мы не опредѣлимъ ихъ ближе, боясь обратить на нихъ вниманіе полиціи; но тѣ изъ нихъ, которые прочтутъ эти строки, поймутъ, что слова наши обращены прямо къ нимъ.

Именно ихъ хотѣлось бы намъ спросить: чему они намѣреваются учить народъ? Хотятъ ли они преподать народу раціональную науку? Сколько намъ извѣстно, ихъ цѣль не такова. Они знаютъ, что правительство остановило бы на первомъ шагу всякаго, кто захотѣлъ бы ввести науку въ народныя школы, и знаютъ кромѣ того, что самому народу нашему, въ его настоящемъ слишкомъ бѣдственномъ положеніи, совсѣмъ не до науки. Для того, чтобы сдѣлать доступною для него теорію, надо перемѣнить его практику, и прежде всего преобразовать радикально экономическія условія его быта, вырвать его изъ повсемѣстной и почти поголовной голодной бѣды.

Какимъ же образомъ честные люди могутъ измѣнить экономическій бытъ народа? Никакой власти у нихъ нѣтъ, да и сама государственная власть, какъ мы это постараемся доказать ниже, безсильна исправить экономическое положеніе народа; единственно, что она можетъ сдѣлать для него, это—упразднится, исчезнуть, такъ какъ ея существованіе несогласно съ благомъ народнымъ, могущимъ быть созданнымъ только самимъ народомъ.

Что же могутъ сдѣлать друзья народа? Возбудить его къ самостоятельному движенію и дѣйствію, и прежде всего—утверждаютъ именно добросовѣстные поборники того направленія, о которомъ мы теперь говорили—указать ему пути и средства къ его освобожденію.

Библиотека "Руниверс"

Пути и средства могутъ быть двоякаго рода чисто революціонные, стремящіеся прямо къ организаціи всенароднаго бунта; и другіе, болѣе мирные, начинающіе освобожденіе народа систематически медленнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ радикальнымъ преобразованіемъ его экономическаго быта. Этотъ второй методъ, если ему хотятъ слѣдовать искренно, исключаетъ, разумѣется, проповѣдь о сбереженіи, столь любимую буржуазными экономистами по той простой причинѣ, что чернорабочему народу вообще, и особенно нашему, сберегать рѣшительно нечего.

Но чтоже могутъ сдѣлать честные люди для того, чтобы толкнуть нашъ народъ на этотъ путь медленныхъ, но радикальныхъ экономическихъ преобразованій? Не откроютъ ли они въ деревняхъ каѳедры соціологіи? Во первыхъ все тоже отечески бдительное правительство не позволитъ; ну—а во вторыхъ, крестьяне ничего не поймутъ и насмѣются надъ самимъ профессоромъ; да наконецъ и сама соціологія, наука будущая; въ настоящее же время она несравненно богаче неразрѣшимыми вопросами, чѣмъ положительными отвѣтами, не говоримъ уже о томъ, что нашимъ бѣднымъ мужикамъ заниматься ею право некогда, на нихъ можно дѣйствовать только путемъ практики, отнюдь же не посредствомъ теорій.

Въ чемъ же можетъ состоять эта практика? Именно практика, ставящая себѣ главною, если не единственною цѣлью—толкнуть всю огромную массу нашего крестьянства на путь самостоятельныхъ экономическихъ преобразованій, въ духѣ новѣйшей соціологіи? Она не можетъ состоять ни въ чемъ другомъ, какъ въ образованіи рабочихъ артелей и кооперативныхъ обществъ, ссудныхъ, потребительныхъ и производительныхъ и по преимуществу послѣднихъ, какъ идущихъ прямѣе другихъ къ цѣли, т. е. къ освобожденію труда отъ господства буржуазнаго капитала.

Но возможно ли это освобожденіе при экономическихъ условіяхъ, преобладающихъ въ настоящемъ обществѣ? Наука, опираясь на факты, а именно на цѣлый рядъ опытовъ, сдѣланныхъ въ продолженіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, въ разныхъ странахъ, рѣшительно говоритъ намъ—невозможно. Лассаль, котораго

Библиотека "Руниверс"

мы, впрочемъ, далеко не послѣдователи, доказалъ эту невозможность самымъ блестящимъ и популярнѣйшимъ образомъ въ своихъ брошюрахъ, и въ этомъ сходятся съ нимъ всѣ новѣйшіе экономисты, хотя и буржуазные, но серьезные, какъ бы нехотя раскрываютъ немощь кооперативной системы, на которую довольно справедливо смотрятъ, какъ на спасательный громоотводъ противъ соціально-революціонной грозы.

Интернаціоналъ, съ своей стороны, много и, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, часто возбуждалъ вопросъ о кооперативныхъ товариществахъ, и, на основаніи многочисленныхъ доводовъ, пришелъ къ слѣдующему результату, высказанному на Лозанскомъ Конгрессѣ (въ 1867 г.) и подтвержденному на Брюсельсколъ Конгрессѣ (въ 1868 г.):

Кооперація, во всѣхъ ея видахъ, есть несомнѣнно раціональная и справедливая форма будущаго производства. Но для того, чтобы она могла достигнуть своей цѣли--освобожденія всѣхъ работающихъ массъ и полнаго вознагражденія и удовлетворенія ихъ, необходимо чтобы земля и капиталъ, во всѣхъ видахъ, сдѣлались коллективной собственностью. До тѣхъ поръ пока этого не будетъ, кооперація въ большемъ числѣ случаевъ, будетъ раздавлена всемогущею конкуренціею большихъ капиталовъ и большой поземельной собственности; въ рѣдкихъ же случаяхъ, когда, напримѣръ, тому или другому, непремѣнно болѣе или менѣе замкнутому, производительному товариществу удастся выдержать и пережить эту борьбу, результатомъ этой удачи будетъ лишь зарожденіе новаго привиллегированнаго класса коллективныхъ счастливцевъ въ массѣ нищенствующаго пролетаріата. Итакъ, при существующихъ условіяхъ общественной экономіи, кооперація рабочихъ массъ освободить не можетъ, тѣмъ не менѣе однако, она представляетъ ту выгоду, что даже въ настоящее время пріучаетъ работниковъ соединяться, организоваться и самостоятельно управлять своими собственными дѣлами.

Несмотря на признаніе этой несомнѣнной пользы-кооперативное движеніе, сначала двинувшее насъ быстро, въ послѣднее время значительно ослабѣло въ Европѣ, по той весьма простой причинѣ, что массы рабочихъ, разъ убѣдившись, что въ настоящее время, они посред-

Библиотека "Руниверс"

ствомъ ея не могутъ достигнуть своего освобожденія, не нашли нужнымъ прибѣгать къ ней для довершенія своего практическаго воспитанія, лишь только они потеряли вѣру въ достиженіе цѣли, они пренебрегли и путемъ къ ней ведущимъ или, вѣрнѣе, путемъ къ ней не ведущимъ, а гимнастикою, даже и полезною, имъ некогда заниматься.

Что истинно на западѣ, не можетъ быть ложью на востокѣ, и мы не думаемъ, чтобы кооперативное движеніе могло принять сколько-нибудь серьезные размѣры въ Россіи. Въ настоящее время въ Россіи кооперація еще невозможнѣе, чѣмъ на западѣ. Однимъ изъ главныхъ условій ея успѣха, тамъ, гдѣ она дѣйствительно удалась, была личная инициатива, выдержанность и доблесть, но личность гораздо болѣе развита на западѣ, чѣмъ у насъ въ Россіи, гдѣ до сихъ поръ преобладаетъ гуртовое движеніе. Кромѣ того, сами внѣшнія условія, какъ политическія, такъ и общественныя, а также и уровень образованія, на западѣ несравненно благопріятнѣе для образованія и развитія кооперативныхъ обществъ, чѣмъ въ Россіи, и несмотря на все это, на западѣ кооперативное движеніе зачахло. Какимъ же образомъ можетъ оно ужиться въ Россіи?

Скажутъ, что самая стадообразность русскихъ народныхъ движеній можетъ благопріятствовать ему. Элементы прогресса, это безпрестанное усовершенствованіе организаціи работы, производства и продукта его, безъ которыхъ борьба противъ конкурирующаго капитала и безъ того уже столь неравная, сдѣлается совершенно невозможною, несовмѣстимы съ гуртовою дѣятельностью, неизмѣнно клонящеюся къ рутинѣ. Кооперація поэтому можетъ процвѣтать въ Россіи только въ самыхъ незначительныхъ, чтобы не сказать крошечныхъ, размѣрахъ, и до тѣхъ поръ только, пока она останется незамѣтною и нечувствительною для всеподавляющаго капитала и для еще болѣе подавляющаго правительства.

Для насъ впрочемъ понятно, какъ молодые люди, слишкомъ серьезные и честные для того, чтобы тѣшить себя либеральными фразами и для того, чтобы маскировать свой эгоизмъ доктринерною, бездушною, безсмысленною, однимъ словомъ, миртовскою или кедровскою ученой болтовней, слишкомъ живые и страстные,

Библиотека "Руниверс"

съ другой стороны, чтобы оставаться, сложа руки, въ постыдномъ бездѣйствія, не видя предъ собой другого исхода бросаются въ такъ называемое кооперативное движеніе. Это имъ даетъ, по крайней мѣрѣ, средства и случай встрѣтиться съ работниками, стать, какъ работникъ въ ихъ ряды, ихъ узнавать и, по возможности, ихъ соединять для достиженія хоть какой нибудь цѣли. Все же это несравненно утѣшительнѣе и полезнѣе, чѣмъ не дѣлать рѣшительно ничего.

Съ этой точки зрѣнія, мы не имѣмъ ничего противъ кооперативныхъ попытокъ; но думаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что молодые люди, предпринимающіе ихъ, отнюдь не должны обманывать себя насчетъ результатовъ, которыхъ могутъ они достигнуть. Эти результаты въ большихъ городахъ и фабричныхъ селахъ, посреди фабричныхъ работниковъ могутъ быть довольно значительны. Они будутъ чрезвычайно ничтожны посреди сельскаго населенія, гдѣ они потеряются, какъ песчинки въ степи, какъ капли въ морѣ...

Но справедливо ли, что нѣтъ теперь въ Россіи ни другого выхода, ни дѣла другого, кромѣ кооперативныхъ предпріятій? Мы думаемъ рѣшительно, что это несправедливо.

Въ русскомъ народѣ существуютъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ тѣ два первыхъ элемента, на которые мы можемъ указать, какъ на необходимыя условія соціальной революціи. Онъ можетъ похвастаться чрезмѣрною нищетою, а также и рабствомъ примѣрнымъ. Страданіямъ его нѣтъ числа, и переноситъ онъ ихъ не терпѣливо, а съ глубокимъ и страстнымъ отчаяніемъ, выразившемся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтомъ Стеньки Разина и Пугачевскимъ бунтомъ, и не перестающимъ понынѣ проявляться въ безпрерывномъ рядѣ частныхъ крестьянскихъ бунтовъ.

Чтоже служитъ ему препятствіемъ къ совершенію побѣдоносной революціи? Недостатокъ ли въ общемъ народномъ идеалѣ, который былъ бы способенъ осмыслить народную революцію, дать ей опредѣленную цѣль, и безъ котораго, какъ мы выше сказали, невозможно одновременное и всеобщее возстаніе цѣлаго народа, а слѣдовательно, невозможенъ и самый успѣхъ революцiи-

Библиотека "Руниверс"

ціи? Но врядъ ли было бы справедливо сказать, что въ русскомъ народѣ уже не выработался такой идеалъ.

Еслибы его не было, еслибы онъ не выработался въ сознаніи народномъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ главныхъ чертахъ, то надо бы было отказаться отъ всякой надежды на русскую революцію, потому что такой идеалъ выдвигается изъ самой глубины народной жизни, есть непремѣннымъ образомъ результатъ народныхъ историческихъ испытаній, его стремленій, страданій, протестовъ, борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ есть какъ бы образное и общепонятное, всегда простое выраженіе его настоящихъ требованій и надеждъ.

Понятно, что если народъ не выработаетъ самъ изъ себя этого идеала, то никто не будетъ въ состояніи ему его дать. Вообще нужно замѣтить, что никому, ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего въ немъ уже не существуетъ не только въ зародышѣ, но даже въ нѣкоторой степени развитія. Возьмемъ лицо: если мысль уже не существуетъ въ немъ, какъ живой инстинктъ и какъ болѣе или менѣе ясное представленіе, служащее какъ бы первымъ обнаруженіемъ этого инстинкта, то вы ему ее ни за что въ мірѣ не растолкуете и, главное, не втолкуете. Посмотрите на буржуа, довольнаго своей судьбой, надѣетесь ли вы ему когда нибудь объяснить право пролетарія на полное человѣческое развитіе и на участіе ровное во всѣхъ наслажденіяхъ, удовлетвореніяхъ и благахъ общественной жизни или ему доказать законность и спасительную необходимость соціальной революціи? Нѣтъ, если вы съ ума не сошли, вы этого даже и пробовать не станете; а почему не станете? Потому, что будете увѣрены, что будь даже этотъ буржуа отъ природы и добръ, и уменъ, и благороденъ, и великодушенъ, и склоненъ къ справедливости—видите какія я дѣлаю уступки, а вѣдь такихъ буржуа немного на свѣтѣ—будь онъ чрезвычайно образованъ и даже ученъ, онъ все таки васъ не пойметъ и соціальнымъ революціонеромъ не сдѣлается. А почему не сдѣлается? По той простой причинѣ, что жизнь его не выработала въ немъ тѣхъ инстинктивныхъ стремленій, которыя бы соотвѣтствовали вашей соціально-революціонной мысли. Если же бы, напротивъ, эти стремленія въ немъ существовали, хоть въ зародышѣ, или

Библиотека "Руниверс"

даже въ самыхъ нелѣпыхъ видахъ представленія, то какъ бы ни было пріятно для его чувственности и ни удовлетворительно для его самолюбія его общественное положеніе, онъ не могъ бы быть доволенъ собою.

Напротивъ, возьмите человѣка наименѣе образованнаго и самаго нелѣпаго, если вы въ немъ только дѣйствительно откроете инстинты и честныя, хотя и темныя, стремленія, соотвѣтствующія соціально-революціонной идеѣ, какъ бы дики ни были его настоящія представленія, вы не пугайтесь, а только займитесь имъ серьезно, съ любовью, и вы увидите, какъ широко и какъ страстно онъ обниметъ, усвоитъ вашу идею или, вѣрнѣе, свою собственную идею, потому что она ничто иное, какъ ясное, полное и логическое выраженіе его собственнаго инстинкта, такъ что вы въ сущности не дали ему ничего, не принесли ему ничего новаго, а только уяснили ему то, что въ немъ жило гораздо прежде, чѣмъ онъ встрѣтился съ вами. Вотъ почему я говорю, что никто ничего никому дать не можетъ.

Но если это справедливо въ отношеніи къ лицу, тѣмъ болѣе это справедливо въ отношеніи къ цѣлому народу. Нужно быть олухомъ царя небеснаго или неизлечимымъ доктринеромъ для того, чтобы вообразить себѣ, что можно что нибудь дать народу, подарить ему какое бы то ни было матеріальное благо или новое умственное или нравственное содержаніе, новую истину и произвольно дать его жизни новое направленіе или, какъ утверждалъ тридцать шесть лѣтъ тому назадъ покойный Чаадаевъ, говоря именно о русскомъ народѣ, писать на немъ, какъ на бѣломъ листѣ, что угодно.

Въ числѣ самыхъ великихъ геніевъ до сихъ поръ было мало такихъ, которые бы дѣйствительно сдѣлали что нибудь для народа; геніи народа чрезвычайно аристократическіе и все, что они сдѣлали до сихъ поръ послужило только къ образованію, къ усиленію и къ обогащенію эксплуатирующаго меньшинства; бѣдные массы народа, покинутые и задавленные всѣми, должны были пробивать свою гигантски-мученическую тропу къ свободѣ и къ свѣту безконечнымъ рядомъ темныхъ и безплодныхъ усилій. Самые великіе геніи не приносили и не могли приносить новаго содержанія обще-

Библиотека "Руниверс"

ству, а созданные сами обществомъ, они, продолжая и развивая многовѣковую работу, принесли и приносятъ только новыя формы для того же содержанія, безпрестанно вновь возраждающагося и расширяющагося самымъ движеніемъ общественной жизни.

Но, повторяю еще разъ, самые прославленные геніи ничего или очень мало сдѣлали до сихъ поръ собственно для народа, т. е. для многомилліоннаго чернорабочаго пролетаріата. Народная жизнь, народное развитіе, народный прогрессъ принадлежатъ исключительно самому народу. Этотъ прогрессъ совершается конечно не путемъ книжнаго образованія, а путемъ естественнаго наростанія опыта и мысли, передаваемаго изъ рода въ родъ, и необходимымъ образомъ расширяющагося, углубляющагося по содержанію, усовершенствующагося и облекающагося въ свои формы, разумѣется, чрезвычайно медленно; путемъ безконечнаго ряда тяжкихъ и горькихъ историческихъ испытаній, доведшихъ наконецъ въ наше время народныя массы, можно сказать всѣхъ странъ, по крайней мѣрѣ, всѣхъ европейскихъ странъ, до сознанія, что имъ отъ привиллегированныхъ классовъ и отъ нынѣшнихъ государствъ, вообще отъ политическихъ переворотовъ, ждать нечего, и что они могутъ освободиться только собственнымъ усиліемъ своимъ, посредствомъ соціальной революціи. Это самое опредѣляетъ всеобщій идеалъ, нынѣ въ нихъ живущій и дѣйствующій.

Существуетъ ли такой идеалъ въ представленіи народа русскаго? Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ, и нѣтъ даже необходимости слишкомъ далеко углубляться въ историческое сознаніе нашего народа, чтобы опредѣлить его главныя черты.

Первая и главная черта, это всенародное убѣжденіе, что земля, вся земля, принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворяющему ее собственноручнымъ трудомъ. Вторая столь же крупная черта, что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ, міру, раздѣляющему ее временно между лицами; третья черта, одинаковой важности съ двумя предыдущими, это квази-абсолютная автономія, общинное самоуправленіе, и, вслѣдствіе того

Библиотека "Руниверс"

рѣшительно враждебное отношеніе общины къ государству.

Вотъ три главныя черты, которыя лежатъ въ основаніи русскаго народнаго идеала. По существу своему, онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ идеалу, вырабатывающемуся за послѣднее время въ сознаніи пролетаріата латинскихъ странъ несравненно ближе нынѣ стоящихъ къ соціальной революціи, чѣмъ страны германскія. Однако русскій народный идеалъ омраченъ тремя другими чертами, которыя искажаютъ его характеръ и чрезвычайно затрудняютъ и замедляютъ осуществленіе его; чертами, противъ которыхъ поэтому мы всѣми силами должны бороться, и противъ которыхъ борьба тѣмъ возможнѣе, что она уже существуетъ въ самомъ народѣ.

Эти три затемняющія черты: 1, патріархальность; 2, поглощеніе лица міромъ; 3, вѣра въ царя.

Можно было бы прибавить въ видѣ четвертой черты, христіанскую вѣру, оффиціально-православную или сектантскую; но по нашему мнѣнію, у насъ въ Россіи, этотъ вопросъ далеко не представляетъ той важности, какую онъ представляетъ въ западной Европѣ, не только въ католическихъ, но даже и въ протестантскихъ странахъ. Соціальные революціонеры разумѣется не пренебрегаютъ имъ, и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы, въ присутствіи народа, сказать убійственную правду господу саваоѳу и богословскимъ, метафизическимъ, политическимъ, юридическимъ, полицейскимъ и буржуазно-экономическимъ представителямъ его на землѣ. Но они не ставятъ религіозный вопросъ на первое мѣсто, убѣжденные въ томъ, что суевѣріе народа, естественнымъ образомъ сопряженное въ немъ съ невѣжествомъ, не коренится однако столько въ этомъ невѣжествѣ, сколько въ его нищетѣ, въ его матеріальныхъ страданіяхъ и въ неслыханныхъ притѣсненіяхъ всякаго рода, претерпѣваемыхъ имъ всякій день; что религіозныя представленія и басни, эта фантастическая склонность къ нелѣпому, явленіе еще болѣе практическое, чѣмъ теоретическое, а именно не столько заблужденіе ума, сколько протестъ самой жизни, воли и страсти противъ невыносимой жизненной тѣсноты; что церковь представляетъ для народа родъ небеснаго кабака, точно также какъ кабакъ представляетъ нѣчто въ родѣ цер-

Библиотека "Руниверс"

кви небесной на землѣ; какъ въ церкви, такъ и въ кабакѣ онъ забываетъ хоть на одну минуту свой голодъ, свой гнетъ, свое униженіе, старается успокоить память о своей ежедневной бѣдѣ одинъ разъ въ безумной вѣрѣ, а другой разъ въ винѣ. Одно опьяненіе стоитъ другого.

Соціальные революціонеры знаютъ это и потому убѣждены, что религіозность въ народѣ можно будетъ убить только соціальною революціей, отнюдь же не отвлеченною и доктринерною пропагандою такъ называемыхъ свободныхъ мыслителей. Эти господа, свободные мыслители, съ ногъ до головы буржуа, неисправимые метафизики по пріемамъ, привычкамъ и жизни даже и тогда когда называютъ себя позитивистами и воображаютъ себя матеріалистами. Имъ все кажется, что жизнь вытекаетъ изъ мысли, есть какъ бы осуществленіе предпосланной мысли, вслѣдствіе чего и утверждаютъ что мысль, и разумѣется ихъ бѣдная мысль, должна заправлять и жизнью; и не понимаютъ они того, что мысль, напротивъ, вытекаетъ изъ жизни и что для того, чтобы измѣнить мысль, надо прежде всего перемѣнить жизнь. Дайте широкую человѣческую жизнь народу и онъ васъ удивитъ глубокою раціональностью своихъ мыслей.

Завзятые доктринеры, называющіе себя свободными мыслителями, имѣютъ еще другую причину предпосылать теоретическую, антирелигіозную пропаганду практическому дѣлу. Они по большей части плохіе революціонеры и просто тщеславные эгоисты и трусы. Къ тому же по положенію своему они принадлежатъ къ образованнымъ классамъ и очень дорожатъ комфортомъ и тонкимъ изяществомъ, умственно-тщеславнымъ наслажденіемъ, которыми переполнена жизнь этихъ классовъ. Они понимаютъ, что народная революція, по существу и по самой цѣли грубая и безцеремонная, не остановится передъ разрушеніемъ буржуазнаго міра, въ которомъ имъ живется такъ хорошо, и потому кромѣ того, что они отнюдь не намѣрены навлекать на себя значительныя неудобства сопряженныя съ честнымъ служеніемъ революціонному дѣлу, и что имъ не хотѣлось бы также возбудить противъ себя негодованіе менѣе либеральныхъ и смѣлыхъ, но все таки драго-

Библиотека "Руниверс"

цѣнныхъ покровителей, друзей и товарищей по образованію, по житейскимъ связямъ, по изяществу и матеріальному комфорту, они просто на просто, сами для себя не хотятъ и боятся такой революціи, которая ихъ самихъ свела бы съ пьедстала и лишила бы вдругъ всѣхъ выгодъ настоящаго положенія.

А между тѣмъ признаться имъ въ этомъ не хочется, имъ непремѣнно надобно удивить буржуазный міръ своимъ радикализмомъ и увлечь революціонную молодежь, а если можно и самый народъ за собою. Какъ же тутъ быть? Надо буржуазный міръ удивить и не надо его сердить, надо увлечь революціонную молодежь и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгнуть революціонной пропасти Для этого средство одно: устремить всю мнимо-революціонную ярость свою противъ господа бога. Такъ они увѣрены въ несуществованіи его, что гнѣва его не боятся. Дѣло другое начальство, всякое начальство! отъ царя до послѣдняго полицейскаго! Дѣло другое, люди богатые и могучіе по своему общественному положенію, отъ банкира и жида откупщика до послѣдняго купца-кулака и помѣщика! Ихъ гнѣвъ можетъ выразиться слишкомъ чувствительно.

Въ силу такого разсужденія, они объявляютъ безпощадную войну господу богу, отвергаютъ наирадикальнѣйшимъ образомъ религію, во всѣхъ ея проявленіяхъ и видахъ, громятъ богословіе и метафизическія бредни, всѣ суевѣрія народныя, во имя науки, которую разумѣется носятъ въ карманахъ своихъ и которою непещряютъ всѣ многоглаголивыя писанія свои—но въ тоже самое время обращаются съ чрезвычайною нѣжностью ко всѣмъ политическимъ и общественнымъ силамъ міра сего, и если, вынужденные логикой и общественнымъ мнѣніемъ, позволяютъ себѣ даже ихъ отрицать, то дѣлаютъ это такъ учтиво, такъ кротко, что надо имѣть нравъ чрезвычайно крутой, чтобы на нихъ разсердиться, они непремѣнно оставляютъ выходы и выражаютъ надежду на ихъ исправленіе. Эта способность надѣяться и вѣрить въ нихъ такъ велика, что они даже полагаютъ возможнымъ, что нашъ правительствующій сенатъ сдѣлается рано или поздно органомъ народнаго освобожденія.

Библиотека "Руниверс"

Но оставимъ этихъ шарлатановъ и обратимся къ своему вопросу.

Народа никогда и ни подъ какимъ предлогомъ и для какой бы то ни было цѣли обманывать не слѣдуетъ. Это было бы не только преступно, но и въ видахъ достиженія революціоннаго дѣла вредно; вредно уже потому что всякій обманъ по существу своему близорукъ, мелокъ, тѣсенъ, всегда шитъ бѣлыми и гнилыми нитками, вслѣдствіе чего непремѣнно обрывается и раскрывается, и для самой революціонной молодежи самое ложное, самопроизвольное, самодурное и народу противное направленіе. Человѣкъ силенъ только тогда, когда онъ весь стоитъ на своей правдѣ, когда онъ говоритъ и дѣйствуетъ сообразно своимъ глубочайшимъ убѣжденіямъ. Тогда въ какомъ бы положеніи онъ не былъ, онъ всегда знаетъ, что ему надо говорить и дѣлать. Онъ можетъ пасть, но осрамиться и осрамить своего дѣла не можетъ. Если мы будемъ стремиться къ освобожденію народа путемъ лжи, мы непремѣнно запутаемся, собьемся съ пути, потеряемъ изъ виду самую цѣль, и если будемъ имѣть хотя какое нибудь вліяніе на народъ, собьемъ съ пути и самый народъ, т. е. будемъ дѣйствовать въ смыслѣ и на пользу реакціи.

Поэтому, такъ какъ мы сами глубоко убѣжденные безбожники, враги всякаго религіознаго вѣрованія и матеріалисты, всякій разъ, когда намъ придется говорить о вѣрѣ съ народомъ, мы обязаны высказать ему во всей полнотѣ наше безвѣріе, скажу болѣе, наше враждебное отношеніе къ религіи. На всѣ вопросы его по этому предмету мы должны отвѣчать честно, и даже когда становится нужно, т. е. когда предвидится успѣхъ должны стараться ему объяснить и доказать справедливость своихъ воззрѣній. Но мы не должны сами искать случаевъ къ подобнымъ разговорамъ. Мы не должны ставить религіозный вопросъ на первомъ планѣ нашей пропаганды въ народѣ. Дѣлать это, по нашему глубокому убѣжденію, однозначительно съ измѣною народному дѣлу.

Народъ не доктринеръ и не философъ. У него нѣтъ ни досуга, ни привычки заниматься одновременно многими вопросами. Увлекаясь однимъ, онъ забываетъ всѣ другіе. Поэтому, наша прямая обязанность поставить

Библиотека "Руниверс"

передъ нимъ главный вопросъ, отъ разрѣшенія котораго болѣе чѣмъ отъ всѣхъ другихъ зависитъ его освобожденіе. Но этотъ вопросъ указанъ самимъ положеніемъ его, всей его жизнью—этотъ вопросъ экономически-политическій, экономическій въ смыслѣ соціальной революціи и политическій въ смыслѣ разрушенія государства. Запимать его религіознымъ вопросомъ значитъ отвлекать его отъ настоящаго дѣла, значитъ измѣнять его дѣлу.

Народное дѣло состоитъ единственно въ осуществленіи народнаго идеала, съ возможнымъ, въ народѣ же самомъ коренящемся исправленіемъ и лучшимъ, прямѣе и скорѣе къ цѣли идущимъ направленіемъ его. Мы указали на три несчастныя черты, омрачающія главнымъ образомъ идеалъ русскаго народа. Теперь замѣтимъ, что двѣ послѣднія: поглощеніе лица міромъ и богопочитаніе царя, собственно вытекаютъ, какъ естественные результаты изъ первой, т. е. изъ патріархальности, и что поэтому патріархальность есть то главное историческое, но къ несчастію совершенно народное зло, противъ котораго мы обязаны бороться всѣми силами.

Оно исказило всю русскую жизнь, наложивъ на нее тотъ характеръ тупоумной неподвижности, той непроходимой грязи родной, той коренной лжи, алчнаго лицемѣрія, и наконецъ того холопскаго рабства, которые дѣлаютъ ее нестерпимой. Деспотизмъ мужа, отца, а потомъ старшаго брата, обратилъ семью, уже безнравственную по своему юридически-экономическому началу, въ школу торжествующаго насилія и самодурства, домашней ежедневной подлости и разврата. Гробъ убѣленный, отличное выраженіе для опредѣленія русской семьи. Добрый русскій семьянинъ, если онъ человѣкъ дѣйствительно добрый, но безхарактерный, значитъ просто добродушная свинья, невинная и безотвѣтная, существо ничего ясно не сознающее, ничего опредѣленно не хотящее и дѣлающее безразлично, и тѣмъ будто бы ненарочно, почти въ одно и тоже время, добро и зло. Его дѣйствія гораздо менѣе опредѣляются цѣлью, чѣмъ обстоятельствами, минутнымъ расположеніемъ и главное средою; привыкши повиноваться въ семьѣ, онъ продолжаетъ повиноваться и гнуться по направленію вѣтра и въ обществѣ, онъ созданъ быть и оставаться рабомъ, но деспотомъ не будетъ. На это у него не хва-

Библиотека "Руниверс"

титъ силы. Онъ самъ сѣчь поэтому не будетъ, но непремѣнно подержитъ того несчастного, виновнаго или невиноватаго, котораго начальство высѣчь захочетъ, начальство же является ему въ трехъ главныхъ и священныхъ видахъ: какъ отецъ, какъ міръ и какъ царь.

Если же онъ человѣкъ съ норовомъ и съ огнемъ, онъ будетъ въ одно и тоже время и рабомъ и деспотомъ; деспотомъ самодурствующимъ надъ всякимъ, кто будетъ стоять ниже его и будетъ зависѣть отъ его произвола. Господа же его міръ и царь. Если онъ самъ глава семьи, онъ будетъ деспотомъ безграничнымъ у себя дома, но слугою міра, и рабомъ царя.

Община его міръ. Она ничто иное, какъ естественное расширеніе его семьи, его рода. Поэтому въ ней преобладаетъ тоже патріархальное начало, тотъ же гнусный деспотизмъ и тоже подлое послушаніе, а потому и та же коренная несправедливость и тоже радикальное отрицаніе всякаго личнаго права, какъ и въ самой семьѣ. Рѣшенія міра, каковы бы онѣ не были, законъ. „Кто смѣетъ идти противъ міра!“ восклицаетъ съ удивленіемъ русскій мужикъ. Мы увидимъ, что кромѣ царя, его чиновниковъ и дворянъ, стоящихъ собственно внѣ міра или вѣрнѣе надъ нимъ, есть въ самомъ русскомъ народѣ лицо, смѣющее идти противъ міра: это разбойникъ. Вотъ почему разбой составляетъ важное историческое явленіе въ Россіи—первые бунтовщики, первые революціонеры въ Россіи, Пугачевъ и Стенька Разинъ, были разбойники.

Въ мірѣ имѣютъ право голоса только старики, главы семейства. Неженатая или даже женатая, но не отдѣленная молодежь должна исполнять и повиноваться. Но надъ общиною, надъ всѣми общинами стоитъ царь, всеобщій патріархъ и родоначальникъ, отецъ всей Россіи. Поэтому власть его безгранична.

Каждая община составляетъ въ себѣ замкнутое цѣлое, вслѣдствіе чего—и это составляетъ одно изъ главныхъ несчастій въ Россіи—ни одна община не имѣетъ, да и не чувствуетъ надобности имѣть съ другими общинами никакой самостоятельной органической связи. Соединяются же онѣ между собою только посредствомъ царя-батюшки, только въ его верховной, отеческой власти.

Библиотека "Руниверс"

Мы говоримъ, что это большое несчастье. Понятно, что такое разъединеніе безсилитъ народъ и обрекаетъ всѣ его бунты, почти всегда мѣстные и безсвязные, на неизбѣжное пораженіе и тѣмъ самымъ упрочиваетъ торжество деспотической власти. Значитъ одною изъ главныхъ обязанностей революціонной молодежи должно быть установленіе всѣми возможными средствами и во что бы то ни стало живой бунтовской связи между разъединенными общинами. Задача трудная, но не невозможная, такъ какъ исторія указываетъ намъ, что въ смутныя времена, напр. въ Лже-Дмитріевской междуусобицѣ, въ Стеньки-Разинской и Пугачевской революціи, а также и въ новгородскомъ бунтѣ, въ началѣ царствованія императора Николая, сами общины, собственнымъ движеніемъ, стремились къ установленію этой спасительной связи.

Число общинъ несмѣтно, а общій ихъ царь-батюшка стоитъ надъ ними слишкомъ высоко, только немножко ниже господа бога, для того, чтобы ему управиться лично со всѣми. Вѣдь самъ господь богъ, для управленія міромъ нуждается въ службѣ безчисленныхъ чиновъ и силъ небесныхъ, серафимовъ, херувимовъ, архангеловъ, ангеловъ шестикрылыхъ и простокрылыхъ, тѣмъ болѣе царь не можетъ обойтись безъ чиновниковъ. Ему нужна цѣлая военная, гражданская, судебная и полицейская администрація. Такимъ образомъ между царемъ и народомъ, между царемъ и общиною становится государство военное, полицейское, бюрократическое и неизбѣжнымъ образомъ строго централизированное.

Народъ нашъ глубоко и страстно ненавидитъ государство, ненавидитъ всѣхъ представителей его въ какомъ бы видѣ они передъ нимъ не являлись. Недавно еще ненависть его была раздѣлена между дворянами и чиновниками, и иногда даже казалось, что онъ ненавидитъ первыхъ еще болѣе, чѣмъ послѣднихъ, хотя въ сущности онъ ихъ ненавидитъ равно. Но съ тѣхъ поръ какъ, вслѣдствіе упраздненія крѣпостного права, дворянство стало видимо раззоряться, пропадать и обращаться къ своему первоначальному виду исключительно служебнаго сословія, народъ обнялъ его въ своей общей

Библиотека "Руниверс"

ненависти ко всему чиновному сословію. Нужно ли доказывать до какой степени ненависть его законна!

Государство окончательно раздавило, развратило русскую общину уже и безъ того развращенную своимъ патріархальнымъ началомъ. Подъ его гнетомъ само общинное избирательство стало обманомъ, а лица временно избираемыя самимъ народомъ, головы, старосты, десятскіе, старшины, превратились, съ одной стороны, въ орудія власти, а съ другой, въ подкупленныхъ слугъ богатыхъ мужиковъ-кулаковъ. При такихъ условіяхъ послѣдніе остатки справедливости, правды, простого человѣколюбія должны были исчезнуть изъ общинъ; къ тому же раззоренныхъ государственными податями и повинностями, и до конца придавленныя начальственнымъ произволомъ. Болѣе чѣмъ когда нибудь, разбой остался единственнымъ выходомъ для лица, а для цѣлаго народа—всеобщій бунтъ, революція.

Въ такомъ положеніи, что можетъ дѣлать нашъ умственный пролетаріатъ, русская, честная, искренняя, до конца преданная соціально-революціонная молодежь? Она должна идти въ народъ несомнѣнно, потому что нынѣ вездѣ, по преимуществу же въ Россіи, внѣ народа, внѣ многомилліонныхъ чернорабочихъ массъ, нѣтъ болѣе ни жизни, ни дѣла, ни будущности. Но какъ и зачѣмъ идти въ народъ?

Въ настоящее время у насъ, послѣ несчастнаго исхода Нечаевскаго предпріятія, мнѣнія на этотъ счетъ, кажется чрезвычайно раздѣлились; но изъ общей неурядицы мыслей, выдѣляются уже теперь два главныя и противоположныя направленія. Одно болѣе миролюбиваго и подготовительнаго свойства; другое, бунтовское и стремящееся прямо къ организаціи народной обороны.

Поборники перваго направленія, въ настоящую возможность этой революціи не вѣрятъ. Но такъ какъ они не хотятъ и не могутъ оставаться покойными зрителями народныхъ бѣдъ, то они рѣшаются идти въ народъ для того, чтобы братски раздѣлить съ нимъ эти бѣды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы его научить, подготовить, не теоретически, а на практикѣ, своимъ живымъ примѣромъ. Одни пойдутъ въ фабричные работники, и работая наравнѣ вмѣстѣ съ ними,

Библиотека "Руниверс"

будутъ стараться распространять между ними духъ общенiй...

Другiе постараются основать сельскiе колонiи, въ которыхъ кромѣ общаго пользованiя землею, столь извѣстнаго нашимъ крестьянамъ, проведутъ и примѣнятъ начало имъ еще совсѣмъ незнакомое, но экономически необходимое, начало коллективнаго обработыванiя общей земли и равнаго раздѣленiя продуктовъ или цѣны продуктовъ между собою на основанiи самой строгой справедливости, не юридической, а человѣческой, т. е. требуя больше работы отъ способныхъ и сильныхъ, меньше отъ неспособныхъ и слабыхъ, и распредѣляя заработки не въ мѣру работы, а въ мѣру потребностей каждаго.

Они надѣются, что имъ удастся увлечь крестьянъ своимъ примѣромъ, а главное тѣми выгодами, которыя они надѣются получить отъ организацiи труда коллективнаго; такую же надежду питалъ Кабе, когда послѣ неудавшейся революцiи 1848 г. онъ отправился со своими икарiйцами въ Америку, гдѣ и основалъ свою Новую Икарiю, которая просуществовала очень не долго; а должно замѣтить, что для успѣха такого опыта, американская почва все таки была благопрiятнѣе русской. Въ Америкѣ царитъ полнѣйшая свобода, а въ нашей благословенной Россiи царитъ—царь.

Но этимъ не ограничиваются надежды нашихъ подготовителей и мирныхъ вразумителей народа. Устройствомъ своей домашней жизни, на основанiи полной свободы лица, они хотятъ противодѣйствовать той гнусной патрiархальности, которая лежитъ въ основѣ всего нашего русскаго рабства. Значитъ они хотятъ поразить наше общественное главное зло въ самомъ корнѣ и слѣдовательно содѣйствовать прямо къ исправленiю народнаго идеала, и къ распространенiю въ народѣ понятiй практическихъ о справедливости, о свободѣ, о средствахъ къ освобожденiю.

Все это прекрасно, чрезвычайно великодушно и благородно, но врядъ ли исполнимо. А если кой гдѣ и удастся, то это будетъ капля въ морѣ, и капля далеко недостаточная. Для того, чтобы подготовить, поднять и освободить нашъ народъ потребуется много средствъ,

Библиотека "Руниверс"

много живой силы, а результаты будутъ слишкомъ ничтожны.

Тѣ, которые рисуютъ себѣ такіе планы и искренно намѣрены осуществить ихъ, дѣлаютъ это безъ сомнѣнія закрывши глаза, для того, чтобы не видѣть во всемъ его безобразіи, нашей русской дѣйствительности. Можно напередъ предсказать имъ всѣ страшныя, тяжкія разочарованія, которыя постигнутъ ихъ при самомъ началѣ исполненія, потому что за исключеніемъ развѣ только немногихъ, весьма немногихъ счастливыхъ случаевъ, большинство между ними дальше начала не пойдетъ, не будетъ въ силахъ идти.

Пусть попробуютъ, если ничего другого не видятъ передъ собою, но пусть же также знаютъ, что этого мало, слишкомъ мало для освобожденія, для спасенія, нашего бѣднаго мученика-народа.

Другой путь боевой, бунтовской. Въ него мы вѣримъ и только отъ него ждемъ спасенія.

Народъ нашъ явнымъ образомъ нуждается въ помощи. Онъ находится въ такомъ отчаянномъ положеніи, что ничего не стоитъ поднять любую деревню. Но хотя и всякій бунтъ, какъ бы неудаченъ онъ не былъ, всегда полезенъ, однако частныхъ вспышекъ недостаточно. Надо поднять вдругъ всѣ деревни. Что это возможно, доказываютъ намъ громадныя движенія народныя подъ предводительствомъ Стеньки Разина и Пугачева. Эти движенія доказываютъ намъ, что въ сознаніи нашего народа живетъ дѣйствительно идеалъ, къ осуществленію котораго онъ стремится, а изъ неудачъ ихъ мы заключаемъ что въ этомъ идеалѣ есть существенные недостатки, которые мѣшали и мѣшаютъ успѣху.

Эти недостатки мы назвали и высказали свое убѣжденіе, что прямая обязанность нашей революціонной молодежи противодѣйствовать имъ и употребить всѣ усилія, чтобы побороть ихъ въ самомъ народномъ сознаніи, а для того чтобы доказать возможность такой борьбы, мы показали, что она уже давно началась въ самомъ народѣ.

Война противъ патріархальности ведется нынѣ чуть ли не въ каждой деревнѣ и въ каждомъ семействѣ, и община, міръ, до такой степени обратились теперь въ

Библиотека "Руниверс"

орудіе ненавистной народу государственной власти и чиновническаго произвола, что бунтъ противъ послѣднихъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ и бунтомъ противъ общиннаго и мірского деспотизма.

Остается богопочитаніе царя. Мы думаемъ, что оно чрезвычайно попріѣлось и ослабло въ самомъ сознаніи народномъ за послѣдніе десять или двѣнадцать лѣтъ, благодаря мудрой и народолюбивой политикѣ императора Александра благодушнаго. Дворянина помѣщика-крѣпостника болѣе нѣтъ, а онъ былъ громоотводомъ, стягивающимъ главнымъ образомъ на себя всю грозу народной ненависти. Остался дворянинъ или купецъ-землевладѣлецъ, крупный кулакъ, а главное остался чиновникъ ангелъ или архангель царскій. Но чиновникъ исполняетъ волю царя. Какъ ни омраченъ нашъ мужикъ безумною историческою вѣрою въ царя, онъ наконецъ это самъ понимать начинаетъ. Да какъ же и не понять! Въ продолженіи десяти лѣтъ, онъ со всѣхъ концовъ Россіи посылаетъ къ царю своихъ просителей-депутатовъ, и всѣ слышатъ изъ самыхъ царскихъ устъ только одинъ отвѣтъ: „Вамъ не будетъ другой свободы“!

Нѣтъ, воля ваша, русскій мужикъ невѣжа, но не дуракъ. А онъ долженъ былъ бы быть круглѣйшимъ дуракомъ, чтобы послѣ столькихъ, глаза колющихъ фактовъ и испытаній, вынесенныхъ имъ на своей собственной шкурѣ, онъ началъ понимать наконецъ, что у него нѣтъ врага пуще царя. Втолковать, дать ему почувствовать это всѣми возможными способами, и пользуясь всѣми плачевными и трагическими случаями, которыми переполнена ежедневная народная жизнь, показать ему какъ всѣ чиновничьи, помѣщичьи, поповскія и кулацкія неистовства, разбои, грабежи, отъ которыхъ ему нѣтъ житья, идутъ прямо отъ царской власти, опираются на нее и возможны только благодаря ей, доказать ему, однимъ словомъ, что столь ненавистное ему государство, это самъ царь и ничто иное какъ царь—вотъ прямая и теперь главная обязанность революціонной пропаганды.

Но этого мало. Главный недостатокъ парализирующій и дѣлающій до сихъ поръ невозможнымъ всеобщее народное возстаніе въ Россіи, это замкнутость

Библиотека "Руниверс"

общинъ, уединеніе и разъединеніе крестьянскихъ мѣстныхъ міровъ. Надо, во что бы то ни стало, разбить эту замкнутость и провести между этими отдѣльными мірами живой токъ революціонерной мысли, воли и дѣла. Надо связать лучшихъ крестьянъ всѣхъ деревень, волостей и по возможности областей, передовыхъ людей, естественныхъ революціонеровъ изъ русскаго крестьянскаго міра между собою, и тамъ, гдѣ оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянствомъ. Эта связь не можетъ быть другою какъ личною. Нужно, соблюдая разумѣется притомъ самую педантическую осторожность, чтобы лучшіе или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости и каждой области знали такихъ же крестьянъ всѣхъ другихъ деревень, волостей, областей.

Надо убѣдить прежде всего этихъ передовыхъ людей изъ кресьтянства, а черезъ нихъ, если не весь народъ, то по крайней мѣрѣ значительную и наиболѣе энергичную часть его, что для цѣлаго народа, для всѣхъ деревень, волостей и областей въ цѣлой Россіи, да также и внѣ Россіи, существуетъ одна общая бѣда, а потому и одно общее дѣло. Надо ихъ убѣдить въ томъ, что въ народѣ живетъ несокрушимая сила, противъ которой ничто и никто устоять не можетъ; и что если она до сихъ поръ не освободила народа, такъ это только потому, что она могуча только тогда, когда она собрана и дѣйствуетъ одновременно вездѣ, сообща, за одно и что до сихъ поръ она не была собрана.. Для того же чтобы собрать ее, необходимо, чтобы села, волости, области связались и организовались по одному общему плану и съ единою цѣлью всенароднаго освобожденія. Для того же, чтобы создалось въ нашемъ народѣ чувство и сознаніе дѣйствительнаго единства, надо устроить родъ народной печатной, литографированной, писаной или даже изустной газеты, которая бы немедленно извѣщала повсюду, во всѣхъ концахъ, областяхъ, волостяхъ и селахъ Россіи, о всякомъ частномъ народномъ, крестьянскомъ или фабричномъ бунтѣ, вспыхивающемъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, а также и о крупныхъ революціонныхъ движеніяхъ производимыхъ пролетаріатомъ западной Европы; для

Библиотека "Руниверс"

того чтобы нашъ крестьянинъ и нашъ фабричный работникъ не чувствовалъ себя одинокимъ, а зналъ бы напротивъ, что за нимъ, подъ тѣмъ же гнетомъ, но за то и съ тою же страстью и волею освободиться, стоитъ огромный, безчисленный міръ къ всеобщему взрыву готовящихся чернорабочихъ массъ.

Такова задача, и скажемъ прямо таково единственное дѣло революціонной пропаганды. Какимъ образомъ это дѣло должно быть совершено нашею молодежью печатнымъ образомъ разсказывать неудобно.

Скажемъ только одно: русскій народъ только тогда признаетъ нашу образованную молодежь своею молодежью, когда онъ встрѣтится съ нею въ своей жизни, въ своей бѣдѣ, въ своемъ дѣлѣ, въ своемъ отчаянномъ бунтѣ. Надо, чтобы она присутствовала отнынѣ не какъ свидѣтельница, но какъ дѣятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница, повсюду и всегда, во всѣхъ народныхъ волненіяхъ и бунтахъ, какъ крупныхъ такъ и самыхъ мелкихъ. Надо, чтобы дѣйствуя сами по строго обдуманному и положенному плану, и подвергая въ этомъ отношеніи всѣ свои дѣйствія самой строгой дисциплинѣ, для того чтобы создать то единодушіе, безъ котораго не можетъ быть побѣды, она сама воспиталась и воспитала народъ не только къ отчаянному сопротивленію, но сакже и къ смѣлому нападенію.

Въ заключеніе прибавимъ еще одно слово. Классъ, который мы называемъ нашимъ умственнымъ пролетаріатомъ, и который у насъ уже въ положеніи соціально-революціонномъ, т. е. просто на просто отчаянномъ и невозможномъ, долженъ теперь проникнуться сознательною страстью соціально-революціоннаго дѣла, если онъ не хочетъ погибнуть постыдно и въ тунѣ, этотъ классъ призванъ нынѣ быть пріуготовителемъ, т. е. организаторомъ народной революціи. Для него нѣтъ другого выхода. Онъ могъ бы правда, благодаря полученному имъ образованію, стремиться достать какое нибудь болѣе или менѣе выгодное мѣстечко, въ рядахъ уже черезъ чуръ переполненныхъ и чрезвычайно не гостепріимныхъ грабителей, эксплоататоровъ и притѣснителей народа. Но во-первыхъ, такихъ мѣстъ все остается меньше и меньше, такъ что они достижимы только для самаго малаго количества. Большинство

Библиотека "Руниверс"

останется только со срамомъ измѣны и погибнетъ въ пошлости и подлости. Мы же обращаемся только къ тѣмъ, для которыхъ измѣна немыслима, невозможна.

Порвавши безвозвратно всѣ связи съ міромъ эксплоататоровъ, губителей и враговъ русскаго народа, они должны смотрѣть на себя, какъ на капиталъ драгоцѣнный, принадлежащій исключительно дѣлу народнаго освобожденія, какъ на такой капиталъ, который долженъ тратить себя лишь на пропаганду народную, на постепенное возбужденіе и на организацію всенароднаго бунта.

ПРИБАВЛЕНІЕ Б.

Программа славянской секціи въ Цюрихѣ.

1. Славянская секція, вполнѣ признавая основные статуты Международнаго Общества Рабочихъ, принятые на первомъ Конгресѣ (сент. 1866, Женева), задается спеціальной цѣлью пропаганды принциповъ революіцоннаго соціализма и организаціи народныхъ силъ въ славянскихъ земляхъ.

2. Она будетъ бороться съ одинаковой энергіей противъ стремленій и проявленій, какъ панславизма, т. е. освобожденія славянскихъ народовъ при помощи русской имперіи, такъ и пангерманизма, т. е. при помощи буржуазной цивилизаціи нѣмцевъ, стремящихся теперь организироваться въ огромное мнимо-народное государство.

3. Принимая анархическую революціонную программу, которая одна, по нашему мнѣнію, представляетъ всѣ условія дѣйствительнаго и полнаго освобожденія народныхъ массъ и убѣжденные, что существованіе государства въ какой бы то ни было формѣ несовмѣстимо съ свободой пролетаріата, что оно не допускаетъ братскаго международнаго союза народовъ, мы хотимъ уничтоженія всѣхъ государствъ. Для славянскихъ народовъ въ особенности это уничтоженіе есть вопросъ жизни или смерти, и въ то же время единственный

Библиотека "Руниверс"

способъ примиренія съ народами чуждыхъ расъ, напр. турецкой, мадьярской или нѣмецкой.

4. Съ государствомъ должно неминуемо погибнуть все, что называется юридическимъ правомъ, всякое устройство сверху внизъ путемъ законодательства и правительства, устройства никогда не имѣвшаго другой цѣли, кромѣ установленія и систематизированія народнаго труда въ пользу управляющихъ классовъ.

5. Уничтоженіе государства и юридическаго права необходимо будетъ имѣть слѣдствіемъ уничтоженіе личной наслѣдственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности, такъ какъ та и другая совершенно не допускаютъ человѣческой справедливости.

6. Уничтоженіе государства, права собственности и юридической семьи, одно сдѣлаетъ возможнымъ организацію народной жизни снизу вверхъ, на основаніи коллективнаго труда и собственности, сдѣлавшихся въ силу самихъ вещей возможными и обязательными для всѣхъ путемъ совершенной, свободной федераціи отдѣльныхъ лицъ въ ассоціаціи или въ независимости общины или помимо общинъ и всякихъ областныхъ и національныхъ разграниченій, въ великія однородныя ассоціаціи, связанныя тождественностью ихъ интересовъ и соціальныхъ стремленій и общинъ въ націи, націй въ человѣчество.

7. Славянская секція, исповѣдуя матеріализмъ и атеизмъ, будетъ бороться противъ всѣхъ родовъ богослуженія, противъ всѣхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ вѣроисповѣданій, и оказывая, какъ на словахъ такъ и на дѣлѣ, самое полное уваженіе къ свободѣ совѣсти всѣхъ и къ священному праву каждаго проповѣдовать свои идеи, она будетъ стараться уничтожить идею божества во всѣхъ ея проявленіяхъ религіозныхъ, метафизическихъ, доктринерно-политическихъ и юридическихъ, убѣжденная что эта вредная идея была и есть еще освященіемъ всякаго рода рабства.

8. Она имѣетъ полнѣйшее уваженіе къ положительнымъ наукамъ; она требуетъ для пролетаріата научнаго образованія равнаго для всѣхъ, безъ различія половъ, но врагъ всякаго правительства, она съ негодо-

Библиотека "Руниверс"

ваніемъ отвергаетъ правительство ученыхъ, какъ самое надменное и вредное.

9. Славянская секція требуетъ вмѣстѣ съ свободой равенство правъ и обязанностей для мужчинъ и женщинъ.

10. Славянская секція, стремясь къ освобожденію славянскихъ народовъ, вовсе не предполагаетъ организовывать особый славянскій міръ, враждебный, изъ чувства національнаго народамъ другихъ расъ. Напротивъ, она будетъ стремиться, чтобы славянскіе народы вышли въ общую семью человѣчества, которую Международное Общество Рабочихъ призвано осуществить на началахъ свободы равенства и всеобщаго братства.

11. Въ виду великой задачи—освобожденія народныхъ массъ отъ всякой опеки и всякаго правительства—которую приняло на себя Международное Общество, славянская секція не допускаетъ возможности существованія среди его какой либо верховной власти или правительства, слѣдовательно не допускаетъ иной организаціи, кромѣ свободной федераціи самостоятельныхъ секцій.

12. Славянская секція не признаетъ ни оффиціальной истины, ни однообразной политической программы, предписанной главнымъ совѣтомъ или общимъ Конгрессомъ. Она признаетъ только полную солидарность личностей, секцій и федераціи въ экономической борьбѣ рабочихъ всѣхъ странъ противъ эксплоататоровъ. Она въ особенности будетъ стремиться привлечь славянскихъ работниковъ ко всѣмъ практическимъ послѣдствіямъ этой борьбы.

13. Славянская секція за секціями всѣхъ странъ признаетъ: а) свободу философской соціальной пропаганды б); свободу политики лишь бы она не нарушала свободы и права другихъ секцій и федарацій; в) свободу организацій для народной революціи; г) свободу связи съ секціями и федераціями другихъ странъ.

14. Такъ какъ Юрская Федерація громко провозгласила эти принципы и такъ какъ она искренно проводитъ ихъ на практикѣ, то славянская секція вступила въ ея среду.

Библиотека "Руниверс"